Annotation

Это — книга, по которой был снят культовейший фильм девяностых — фильм, заложивший основу целого модного течения — т.н. «героинового шика», правившего несколько лет назад и подиумами, и экранами, и студиями звукозаписи.

Это — Евангелие от героина.

Это — летопись бытия тех, кто не пожелал ни «выбирать пепси», ни «выбирать жизнь».

Это — книга, которая поистине произвела эффект разорвавшейся бомбы и — самим фактом своего существования — доказала, что «литература шока» существует итеперь.

Это — роман «На игле». Самая яркая, самая яростная, самая спорная и самая откровенная книга «безнадежных девяностых».

Это — роман «На игле». Исповедь поколения, на собственной шкуре познавшего страшную справедливость девиза «Нетбудущего»…

ИРВИН УЭЛШ

НА ИГЛЕ

Перевел с шотландского Валерий Нугатов

Необычная книга про обычных людей

(от переводчика)

Следуя традиции, мы решили сохранить название, которое получил фильм в отечественном прокате. В оригинале роман назван более поэтично: «Глазея на поезда». Это книга об обычных людях, живущих в обычной западноевропейской стране и решающих обычные человеческие проблемы — физиология, секс, наркотики, СПИД, любовь, дружба, насилие, расизм… В то же время это не совсем обычный роман. Наш читатель ещё не привык к таким книгам. Ирвин Уэлш несомненно груб, и мы попытались передать эту его особенность, максимально приблизив перевод к современному русскому уличному языку. Если вас коробит от резких, брутальных выражений, советуем вам отложить эту книгу. Она ими пестрит. Но её пафос, как нам кажется, в другом. *«Trainspotting»* выгодно отличается от других современных романов традиционным построением сюжета. О таких книгах говорят: «легко читается». Автор прежде всего развлекает, но и… морализирует. Ирвин Уэлш — не великий писатель и «копает» не глубоко, но таланта, юмора и наблюдательности у него не отнять. Уэлшевский юмор весьма своеобразен и не всем придётся по вкусу. Но, право, в нём не больше «грязи» и «черноты», чем в обычной человеческой повседневности, а именно она интересует писателя. Его раскованный слог обладает большой притягательной силой, о чём свидетельствует широкая популярность произведений Уэлша. Нам хотелось бы верить, что этот непредвзятый и нелицеприятный взгляд на вещи сумеет стать для многих молодых читателей более или менее надёжным ориентиром в ежечасном кошмаре современной жизни.

В. Нугатов

Главные действующие лица:

Марк Рентон, он же Рентс

Саймон Уильямсон, он же Дохлый

Денни Мёрфи, он же Картошка

Фрэнк Бегби, он же Франко, он же Попрошайка

Джонни Свон, он же Свонни, он же Белый Лебедь, он же Мать-Настоятельница

Реб Маклафлин, он же Второй Призёр, он же Сэкс

Томми

Метью Корнелл, он же Метти

Гевин Темперли, он же Темпс

Билли Рентон, брат Марка

Нина, кузина Марка

Келли, подружка Марка

Диана, вторая подружка Марка

Шерон, подружка Билли

Элисон

Стиви

Стелла

Дэви Митчелл, он же Митч

Алан Вентерс

Посвящается Энн

Слезая

Торчки, Жан-Клод ван Дамм и Мать-Настоятельница

С Дохлого градом лил пот, он весь дрожал. Я сидел, уставившись в телек и стараясь не обращать на него внимания. Он отвлекал меня. Я пытался сосредоточиться на фильме с Жан-Клодом ван Даммом.

Такое кино обычно начинается с обязательного драматического вступления. На следующем этапе фильма нарастает напряжение — появляется трусливый злодей и выстраивается хиленький сюжет. И вот с минуты на минуту на сцену должен выйти старина Жан-Клод, чтобы навалять кой-кому тырлей.

— Рентс, мне надо к Матери-Настоятельнице, — задыхаясь, сказал Дохлый и покачал головой.

— Угу, — ответил я. Мне хотелось, чтобы этот козёл исчез на хуй с моих глаз, ушёл по своим делам и оставил меня в покое вместе с Жан-Клодом. Но в то же время у меня скоро могли начаться ломки, и если бы этот чувак сейчас ушёл, то он бы меня надинамил. Его звали Дохлым, но не потому, что он постоянно корчился в ломках, а просто потому, что он настоящий дохлый мудак.

— Пошли, блядь! — крикнул он в отчаянии.

— Подожди секундочку. Я хочу посмареть, как Жан-Клод отдубасит того зажравшегося пидора. Если мы щас уйдём, то я этого не увижу. А вернусь я уторчанный. Короче, пройдёт ещё пару дней. И значит, мне придётся заплатить ёбаному видеомагазину за кассету, которую я даже не успел позырить.

— Мне нужно идти, сука! — заорал он, поднимаясь. Он подошёл к окну и прислонился к нему, тяжело дыша, как затравленный зверь. Его взгляд выражал голую нужду.

Я выключил ящик дистанционкой:

— Одни расходы, одни ёбаные расходы, — заворчал я на этого мудака, этого долбаного доставучего ублюдка.

Он задрал голову и поднял глаза в потолок:

— Я дам тебе бабок, чтобы возместить убытки, если тебя это так, блядь, харит. Пятьдесят вонючих пенсов из отеля «Ритц»!

Этот поц умеет сделать так, что сразу чувствуешь себя мелочным жлобом.

— Дело не в этом, — пробормотал я довольно неубедительно.

— Именно в этом. Дело в том, что я на кумарах, а мой типа корифан спецом тянет резину, минуту за минутой, блядь! — Его глаза увеличились до размера футбольных мячей и смотрели на меня враждебно, но в то же время с мольбой — горькие свидетели моего мнимого предательства. Если у меня когда-нибудь будет бэбик, то я бы не хотел, чтобы он смотрел на меня так же, как Дохлый. В этой роли он неотразим.

— Да я не тя… — возразил я.

— Быстро надевай куртку, блядь!

На остановке на Лейт-уок (1) не было ни одного такси. А когда не надо — сколько угодно. Вроде бы только август, а у меня аж яйца задубели. Ломки ещё не начались, но они уже, бля, в пути, будь уверен.

— Наверно, час пик. Ёбаный час пик такси. Летом не поймаешь ни одного. Жирные круизёры, богатые фестивальные мудозвоны, которым в падло пройти сто ёбаных ярдов от одной геморройной церкви до другой, чтобы посмареть ихнее ебучее шоу. Таксисты, бля. Суки загребущие… — бессвязно, задыхающимся

голосом ворчал Дохлый. Когда он вытягивал шею, чтобы лучше разглядеть Лейт-уок, его глаза выпучивались, а сухожилия напрягались.

В конце концов, подъехало такси. Несколько чуваков в «болониях» и куртках на молнии стояли здесь ещё до нас. Не думаю, что Дохлый их заметил. Он кинулся на середину улицы, вопя: — ТАКСИ!

— Слы, ты! Я не понял, чего за хуйня? — спросил один чувак в чёрно-фиолетово-голубой болонии, стриженый «ёжиком».

— Отъебись! Мы стояли тут первыми, — сказал Дохлый, открывая дверцу такси. — Вон ещё одна едет. — Он махнул рукой в сторону приближающейся чёрной тачки.

— Ваше счастье, суки хитрожопые!

— Пошёл на хуй, выёбистый заморыш! Хуёвой дороги! — пробурчал Дохлый, пока мы залезали в такси.

— Толлкросс, братка, — сказал я водиле. В боковое стекло шлёпнулась харкотина.

— Давай, хитрожопый! Пиздуйте, сраные ублюдки! — кричала болония. Таксисту было не смешно. Он был похож на настоящего водилу-мудилу. Большинство из них такие. Платящие налоги частники — в натуре самая гнусная порода паразитов на божьей земле.

Такси развернулось и быстро поехало вверх по улице.

— Ты врубаешься, чё ты наделал, пиздабол? В следующий раз, когда кто-нибудь из нас будет возвращаться домой под кайфом, эти мелкие гандоны навешают ему пиздюлей, — набросился я на Дохлого.

— Ты чё, боишься этих ебучих дебилов?

Этот козёл задел меня за живое:

— Да, я боюсь, что буду под герой, и на меня вдруг накинется целый взвод ёбаных болоний. Ты чё, думаешь, я — Жан-Клод Ван Хуямм? Какая ж ты сука, Саймон, — я назвал его «Саймоном» вместо «Сай» или «Дохлый», чтобы подчеркнуть значение своих слов.

— Я хочу к Матери-Настоятельнице, и мне глубоко насрать на всех и каждого. Усёк? — Он ткнул себе в губы указательным пальцем и вытаращил на меня глаза. — Саймон хочет к Матери-Настоятельнице. Следи за губами. — Потом он развернулся и уставился в затылок таксисту, подгоняя его и нервно постукивая по ляжкам.

— Среди них был Маклин. Младший брат Денди и Ченси, — сказал я.

— Ну и хер с ним, — ответил он, но в его голосе прозвучала тревога. — Я знаю Маклинов. Ченси — классный чувак.

— Так хули ты отрываешься на его брате? — спросил я.

Но он больше не обращал на меня внимания. Я перестал наезжать на него, зная, что это пустая трата сил. Видимо, его безмолвные страдания были настолько мучительными, что даже я не мог их усилить.

«Мать— Настоятельница» -это погоняло Джона Свона, также известного под кличкой Белый Лебедь (2), — барыги, обосновавшегося в Толлкроссе и обслуживавшего Сайтхилл и Уэстер-Хейлз. Будь на то моя воля, я бы имел дело со Свонни или с его коллегой Рэйми, но только не с Сикером из мурхаусско-лейтской тусовки. У него обычно хорошая дрянь. Когда-то давно Джонни Свон был моим закадычным другом. Мы вместе играли в футбол за «Порти Тисл». Теперь он стал барыгой. Помню, однажды он сказал мне: «В этой игре друзей не бывает. Только сообщники».

Я считал его грубым, оторванным и хвастливым, пока не познакомился с ним поближе. Сейчас я знаю его от и до.

Джонни был не только барыгой, но и торчком. Чтобы найти барыгу, который не ширяется, нужно подняться выше по лестнице. Мы называли Джонни «Матерью-Настоятельницей» из-за длинного срока, который он уже сидел на наркоте.

Вскоре я почувствовал первые ебучие приступы. Когда мы поднимались по ступенькам к каморке Джонни, начались судороги. Я обливался потом, как пропитанная водой губка, и с каждым шагом из моих пор выплёскивалась новая порция жидкости. Дохлому, видимо, было ещё хуже, но для меня он уже почти не существовал. Я замечал, что он ковыляет передо мной, держась за перила, только потому, что он преграждал мне путь к Джонни и дряни. Он с трудом переводил дыхание, хватаясь за перила с таким жутким видом, словно собирался блевануть в лестничный колодец.

— Всё нормально, Сай? — спросил я в раздражении, залупившись на этого мудака за то, что он меня задерживает.

Он отмахнулся, покачав головой и сощурившись. Я не говорил больше ничего. Когда ты на кумарах, то не хочется ни говорить, ни слушать. Вообще не хочется никакой ёбаной суеты. Мне тоже не хотелось. Иногда мне кажется, что люди становятся торчками только из-за того, что им подсознательно хочется немножко помолчать.

Джонни вылетел из своей комнаты, когда мы, наконец, одолели ступеньки. Вот он, торчковый «тир».

— Ба! Один Дохлый малыш, да ещё малыш Рентс, которому тоже хуевато! — заржал он фальцетом, как ёбаный коршун. Джонни часто вместе с заширом нюхал коку или готовил «спидболл» из геры и кокаина. Он считал, что это продлевает кайф, и не нужно целый день сидеть, втыкая в стенку. Когда ты на кумарах, то чуваки под кайфом наводят на тебя тоску смертную, потому что они целиком поглощены своим кайфом и все твои мучения им глубоко поебать. Какой-нибудь «синяк» в кабаке хочет, чтобы всем вокруг было так же весело, как и ему, но настоящему торчку (в отличие от того, кто ширяется от случая к случаю и кому нужен «соучастник преступления») насрать на всех остальных.

У Джонни были Рэйми и Элисон. Эли варила. Это вселяло надежду.

Джонни пустился в пляс перед Элисон и пропел ей серенаду:

— Эй, красо-отка, что ва-аришь так кро-отко?… — Он развернулся к Рэйми, который стоял на стрёме у окна. Рэйми мог обнаружить сыщика в уличной толпе, как акула способна учуять пару капель крови в океанской воде. — Поставь какой-нибудь музончик, Рэйми. Меня тошнит от этого нового Элвиса Костелло, но он засел у меня в голове. Ёбаный колдун, я гребу.

— Двусторонний легавый штепсель к югу от Ватерлоо, — сказал Рэйми. Этот мудак вечно суётся со своей левой, дурацкой пургой, которая так заёбывает мозги, когда ты на кумарах и пытаешься раскрутить его на дрянь. Меня всегда поражало, что Рэйми так плотно сидит на гере. Он немного напоминал моего другана Картошку; я всегда считал их классическими кислотниками по темпераменту. Дохлый вывел теорию, что Картошка и Рэйми — одно и то же лицо, потому что они охуительно похожи друг на друга, но их никогда не удаётся увидеть вместе, хотя они бывают в одних и тех же местах.

Этот неврубной ублюдок нарушил золотое правило торчка, поставив «Героин», ремикс на *«Rock 'n' Roll Animal»* Лу Рида, который ещё напряжнее слушать в таком состоянии, чем оригинальную версию из *«The Velvet Underground and Nico»* . В той версии, по крайней мере, нет джон-кейловского скрипучего пассажа на альте. Это было выше моих сил.

— Не заёбывай, Рэйми! — заорала Эли.

— Палка в шузе, вниз по реке, стряхни, беби, стряхни, детка… варёная улица, палёная улица, мы все мертвецы, белое мясцо… хавай бит… — Рэйми разразился импровизированным рэпом, тряся задницей и вращая белками.

Затем он наклонился над Дохлым, занявшим стратегическую позицию рядом с Эли и не отрывавшего глаз от содержимого ложки, которую она нагревала над свечой. Рэйми подтянул к себе фейс Дохлого и смачно чмокнул его в губы. Дохлый оттолкнул его, весь дрожа:

— Пошёл на хуй, пидорас!

Джонни и Эли громко заржали. Я бы тоже, наверно, рассмеялся, если бы не ощущение, будто все косточки моего тела одновремено сжимают в тисках и пилят тупой ножовкой.

Дохлый схватил Эли за предплечье, очевидно, чтобы забить себе место в очереди, и нащупал вену на её тонкой бледной руке.

— Хочешь, чтобы это сделал я? — спросил он.

Она кивнула.

Он опустил ватный шарик в ложку и подул на него, а затем втянул через иглу примерно пять кубов в цилиндр шприца. Он нащупал большущую пиздатую голубую вену, которая проходила почти через всю руку Эли. Он проткнул кожу и медленно впрыснул ширку, а затем втянул кровь обратно в баян. Её губы дрожали, пока она смотрела на него пару секунд молящим взглядом. С мерзким, ехидным, гадостным выражением лица Дохлый отправил весь этот коктейль в её мозг.

Она откинула голову, закрыла глаза и открыла рот, испустив сладострастный стон. Теперь взгляд Дохлого стал невинным и полным удивления, как у ребёнка, который рождественским утром нашёл под ёлкой целую груду подарков в пёстрых обёртках. Они оба были необычайно прекрасны и чисты в мерцающем свете свечи.

— Это лучше любой палки… лучше любого самого классного хуя… — сказала Эли очень серьёзно. Это расстроило меня до такой степени, что я нащупал свои гениталии под штанами, чтобы убедиться в том, что они на месте. Противно, конечно, самого себя ощупывать.

Джонни протянул Дохлому свою машину.

— Ты получишь дозняк, но при условии, что ширнёшься этим баяном. Сегодня мы играем в «веришь-не веришь», — он улыбался, но не шутил.

Дохлый покачал головой:

— Я не ширяюсь чужими иглами и шприцами. У меня есть свой.

— Но это же не по-компанейски! Рентс, Рэйми, Эли, что вы об этом думаете? Или вы хотите сказать, что кровь Белого Лебедя, кровь Матери-Настоятельницы, заражена вирусом иммунодефицита человека? Я оскорблён в своих лучших чувствах. Значит так, или ты ширяешься моим баяном, или не ширяешься вовсе, — он расплылся в карикатурной улыбке, выставив ряд гнилых зубов.

Я никогда не слышал, чтобы Джонни Свон так говорил. Только не Свонни. Никогда в жизни, блядь! В его тело вселился какой-то злобный демон, отравивший его разум. Этого персонажа отделяли миллионы миль от того добряка, каким я когда-то знал Джонни Свона. Все называли его славным парнишкой, даже моя матушка. Джонни Свон, помешанный на футболе и настолько добродушный, что его всегда оставляли стирать одежду после игры в «файвс» в Медоубэнке, и он никогда, слышите, никогда не жаловался.

Я пересрал от того, что мне не дадут ширнуться:

— Ёб твою мать, Джонни! Хули ты гонишь? Ты чё, ни хера не врубаешься? У нас при себе баблы, бля.

Я вытащил из кармана пару бумажек.

То ли старина Джонни Свон почувствовал себя виноватым, то ли на него так подействовал вид налички, но он мигом преобразился.

— Не принимайте близко к сердцу. Я просто пошутил, бля. Вы чё, думаете, Белый Лебедь будет подставлять своих клиентов? Это вас-то, братки? Вы же у меня умники. Гигиена превыше всего, — изрёк он задумчиво. — Знаете малого Гогси? У него СПИД.

— Чё, правда? — спросил я. Всегда бродят слухи о ВИЧ-инфицированных. Обычно я просто не обращаю на них внимания. Но о малом Гогси я уже слышал от нескольких человек.

— Угу. Правда, он пока ещё не заболел СПИДом, но анализы положительные. Я ему так и сказал: это не конец света, Гогси. Ты можешь научиться жить с вирусом. Тысячи чуваков живут себе с ним и не парятся. Я ему говорю, ты можешь заболеть аж через хуеву гору лет. А чувака без вируса завтра утром может переехать машина. Так и нужно к этому относиться. Нельзя просто так вычеркивать человека. Шоу должно продолжаться.

Легко быть философом, когда не у тебя говно вместо крови, а у какого-то другого гавайца.

Так или иначе, Джонни даже помог Дохлому сварить дрянь и ширнуться.

Когда Дохлый готов был уже завизжать, он проколол вену, втянул немного крови обратно в шприц и впрыснул животворный и жизнелишающий эликсир.

Дохлый крепко обнял Свонни, а затем ослабил хватку, не убирая рук. Они были расслабленными, словно любовники после ебли. Теперь настала очередь Дохлого петь серенаду Джонни:

— Свонни-старина, как я люблю тебя, как я люблю тебя, мой милый Свонни…

Ещё несколько минут назад они были врагами, а теперь стали задушевными корешами.

Я подошёл за своей дозой. Я ужасно долго не мог найти хороший веняк. Мои чувачки тусуются не так близко к поверхности, как у большинства людей. Наконец, я нашёл одного и поймал приход. Эли была права. Возьми свой самый классный оргазм, умножь это ощущение на двадцать, и всё равно оно будет ебучим жалким подобием. Мои высохшие, трещащие косточки обмякли и разжижились от нежных ласок моей прекрасной «героини». Я опять пришёл в норму.

Элисон сказала, что я должен сходить к Келли, которая, наверно, была в глубокой депрессии после аборта. И хотя её тон не был осуждающим, она говорила так, будто я имел какое-то отношение к Келлиной беременности и её последующему прерыванию.

— Чё это я должен идти к ней? Я не имею к этому никакого отношения, — попытался я отмазаться.

— Ведь ты ж её друг!

Меня так и подмывало процитировать Джонни и сказать, что все мы теперь знакомые, а не друзья. У меня в голове крутилась эта фраза: «Мы все теперь знакомые». Похоже, она выходит за рамки наших личных торчковых раскладов: блестящая метафора нашего времени. Но я устоял против такого соблазна.

Вместо этого я сказал только, что все мы друзья Келли, и поинтересовался, почему это именно меня выбрали для нанесения визита.

— Ёб твою мать, Марк. Ты же знаешь, она в тебя по уши втрескалась.

— Кто, Келли? Хули ты пиздишь! — сказал я удивленно, заинтригованно и довольно смущённо. Если это правда, то я слепой и тупой дебил.

— Да она говорила мне об этом тыщу раз. Все уши прожужжала. Марк это, Марк то.

Почти никто не называет меня Марком. В лучшем случае, Рентс или, на крайняк, малыш Рентс. Я просто охуеваю, когда меня так называют. Я стараюсь не подавать виду, что меня это харит, чтобы не давать лишнего повода.

Дохлый прислушался к нашему разговору. Я повернулся к нему:

— Ты думаешь, это правда? Келли ко мне неравнодушна?

— Да каждому чуваку известно, что она по тебе сохнет. Это ни для кого не секрет. Хотя лично я её не понимаю. У неё явно нелады с чердаком.

— Тогда спасибо, что сказал, чувак.

— Если тебе по кайфу сидеть в тёмной комнате и смареть целый день видак, не замечая, что происходит вокруг, то какого хуя я должен тебе об этом рассказывать?

— Но она же никогда ничего не говорила мне, — проскулил я, окончательно растаяв.

— А ты чё, хотел, чтобы она написала об этом у себя на футболке? Плохо ты знаешь женщин, Марк, — сказала Элисон. Дохлый ухмыльнулся.

Последнее замечание меня оскорбило, но я решил не принимать его всерьёз на тот случай, если это был обычный прикол, наверняка подстроенный Дохлым. Этот западлист тащится по жизни, расставляя за собой мины-ловушки для своих же братков. Не могу врубиться, какое такое удовольствие он получает от этой хуеты.

Я купил у Джонни немного дряни.

— Чиста, как утренний снег, — сказал он мне.

Это означало, что он подмешал туда не *слишком* много не *слишком* токсичных добавок.

Теперь можно было и скипать. Джонни сел мне на уши и принялся меня грузить. У меня не было никакого желания всё это слушать. Рассказы о том, кто кого кинул, басни о бдительных стукачах, превращающих нашу жизнь в кромешный ад из-за своей антинаркотической истерии. Он растроганно тележил о своей личной жизни и предавался фантазиям о том, как он завяжет с наркотой и уедет в Таиланд, где женщины знают, как обращаться с елдаком, и где можно жить, как король, если у тебя белая кожа и парочка хрустящих десяток в кармане. Он нёс всякую пургу и высказывал кучу циничных и эксплуататорских замечаний. Я сказал себе, что это опять заговорил злой дух, а не Белый Лебедь. А может, и нет. Кто знает. А кого ебёт?

Элисон и Дохлый обменялись короткими фразами, будто бы снова договариваясь насчёт ширева. Потом встали и вместе вышли из комнаты. Они казались вялыми и апатичными, но судя по тому, что они не вернулись, я догадался, что они ебутся в спальне. Почему-то тётки считают, что с другими чуваками можно разговаривать или пить чай, а с Дохлым можно только трахаться.

Рэйми рисовал карандашами на стене. Он жил в своём собственном мире, и это вполне устраивало как его самого, так и всех остальных.

Я задумался о том, что сказала Элисон. Келли сделала аборт на прошлой неделе. Если я пойду к ней, то обломлюсь её трахать, если даже она этого захочет. И потом, всякие там раздражения на коже, ссадины и прочая поебень. Нет, наверно, я всё-таки ебанутый придурок. Элисон была права. Я плохо разбираюсь в женщинах. Я во всём плохо разбираюсь.

Келли живёт в Инче, на автобусе туда не доберёшься, а на тачку у меня нет бабла. Может, отсюда и

можно доехать до Инча на автобусе, но я не знаю, на каком. Беда в том, что я слишком уторчанный для того, чтобы ебаться, и слишком затраханный, чтобы просто разговаривать. Подошёл 10-й номер, я залез в него и поехал обратно в Лейт, к Жан-Клоду ван Дамму. Всю дорогу я радостно предвкушал, как он отпиздит того хитрожопого.

Торчковая дилемма № 63

Я просто позволяю ему омыть меня всего или вымыть меня насквозь… очистить меня изнутри.

Это внутреннее море. Проблема в том, что этот прекрасный океан приносит с собой груду всякой ядовитой хероты… яд разбавляется водой, но когда прилив спадает, то внутри моего тела остаётся всё это дерьмо. Он забирает ровно столько же, сколько даёт, вымывая мои эндорфины, мои центры болевой сопротивляемости; на их восстановление уходит уйма времени.

В этой комнате, этой помойной яме, ужасные обои. Они меня терроризируют. Наверно, их наклеил много лет назад какой-то гробовщик… вот именно, я и есть гробовщик, и мои рефлексы оставляют желать лучшего… но всё зажато в моей потной ладони. Шприц, игла, ложка, свеча, зажигалка, пакаван с порошком. Всё классно, просто превосходно; но я боюсь, что это внутреннее море скоро начнёт отступать, оставляя за собой ядовитое дерьмо, выброшенное на берег моего тела.

Я принимаюсь варить новый дозняк. Поддерживая ложку над свечой трясущимися руками и дожидаясь, пока растворится дрянь, я думаю: всё меньше моря и всё больше дерьма. Но эта мысль не способна удержать меня от того, что я обязан сделать.

Первый день Эдинбургского фестиваля

Лиха беда начало. Как говорил Дохлый: «Прежде чем начинать, научись сперва спрыгивать». Учатся только на ошибках, и самое главное — это подготовка. Возможно, он прав. Короче, на сей раз я подготовился. На месяц вперёд снял большой, пустой флэт с видом на Линкс. Мой адрес на Монтгомери-стрит знает слишком много ублюдков. Баблы на бочку! А расставаться с капустой так тяжко. Легче было ширнуться в последний раз — в левую руку, сегодня утром. Мне же нужно было какое-то топливо на период интенсивной подготовки. Потом я вылетел, как ракета, на Киркгейт, со свистом пробегая список покупок.

Десять банок томатного супа «Хайнц», восемь банок грибного супа (всё готово к употреблению), один большой бочонок ванильного мороженого (которое я выпью, когда оно растает), два батла молока с магнезией, один флакон парацетамола, одна упаковка леденцов «Ринстед», один флакон мультивитаминов, пять литров минералки, дюжина изотонических растворов «Лакозейд» и несколько журналов: мягкое порно, *«Viz»* , *«Scottish Football Today»* , *«The Punter»* и т. д. Самый важный предмет я уже раздобыл во время визита в отчий дом — матушкин флакон валиума, который я стырил из ванной. У меня не было никаких угрызений совести. Мать их больше не принимает, а если они ей понадобятся, то, учитывая её возраст и пол, её лечащий мудак пропишет их на раз. Я любовно проставлял галочки напротив пунктов своего списка. Тяжёлая будет неделька.

Моя комната пустая и голая. На полу посередине лежит матрас со спальным мешком сверху, рядом электрообогреватель и чёрно-белый телек на деревянной табуретке. У меня есть три коричневых пластиковых ведра с дезинфицирующим раствором для моего говна, блевотины и мочи. Я выстроил банки с супом, напитками и лекарства таким образом, чтобы до них можно было легко дотянуться с моей импровизированной кровати.

Я вмазался в последний раз, чтобы хоть как-то скрасить ужасы похода за покупками. Остатки дряни помогут мне расслабиться и уснуть. Я попробую принимать её в небольших, умеренных дозах. Вскоре она мне понадобится. Я чувствую большой упадок сил. Начинается, как всегда, с лёгкой тошноты внизу живота и необъяснимой паники. Как только я понимаю, что болезнь завладела мной, неприятное состояние без усилий становится непереносимым. Зубная боль постепенно распространяется с зубов на челюсти и глазницы, а затем начинает жутко, безжалостно, изнурительно пульсировать в костях. На очереди хорошо знакомый пот (ну и, само собой, колотун), покрывающий спину, подобно тонкому слою осенней изморози на крыше автомобиля. Пора действовать. Я ни за что не вынесу всей этой чёртовой музыки. Мне нужен старый добрый «косячок», мягкий, тормозящий приход. Но единственное, что может меня поднять на ноги, это гера. Крохотный дознячок, чтобы распутать скрученные члены и отрубиться. А потом я распрощаюсь с ней. Свонни исчез, Сикер в тюряге. Остался Рэйми. Я должен звякнуть этому чувачку по телефону в холле.

Набирая номер, я чувствую, как кто-то задевает меня. Я вздрагиваю от этого беглого прикосновения, но у меня нет ни малейшего желания посмотреть, кто это. Надеюсь, я не задержусь здесь надолго, и мне не придётся отчитываться перед «соседями». Эти пидорасы для меня не существуют. Никого, кроме Рэйми. Монетка опустилась в щель. Женский голос:

— Алло? — Чихает. Она чё, простудилась в разгар лета или это из-за ширки?

— Рэйми дома? Это Марк.

Рэйми, наверно, упоминал обо мне: хоть я её и не знаю, она обо мне, сука, точно слышала. Её голос становится ледяным:

— Рэйми уехал, — говорит она. — В Лондон.

— В Лондон? Блядь… а когда вернётся?

— Не знаю.

— А он мне ничё не оставлял? — Чем чёрт не шутит.

— Не-а…

Я трясущимися руками вешаю трубку. Остаётся два варианта: вернуться в номер и принять весь удар на себя или позвонить этому мудаку Форрестеру, поехать в Мурхаус и обторчаться там какой-нибудь говённой дрянью. Другого выбора нет. Минут через двадцать:

— В Мурхаус идёт? — водиле 32-го автобуса и дрожащей рукой засовываю свои сорок пять пенсов в ящик. В бурю пристанешь к любой гавани, а шторм надвигается.

Старая калоша злобно покосилась на меня, когда я проходил мимо неё в конец салона. Наверно, видок у меня, бля, стремноватый. Но мне насрать. Для меня больше ничего не существует, кроме меня самого, Майкла Форрестера и тошнотворного расстояния между нами, которое неуклонно сокращает этот автобус.

Я сел на заднем сиденье, на первом этаже. Автобус почти пустой. Напротив меня сидит цыпка и слушает свой «сони-уокмэн». Красивая? Меня не ебёт. Хотя это и «персональное» стерео, я всё хорошо слышу. Играет Боуи… «Золотые годы».

Не говори мне, что жизнь уносит тебя вникуда — Ангел…
Взгляни же на небо, жизнь началась, ночи теплы и молоды дни-и-и…

У меня есть все альбомы Боуи. Целая хуева гора. Груда ёбаной контрабанды. Но сейчас мне глубоко поебать он сам и его музыка. Меня волнует только Майк Форрестер, гнусный бездарный мудак, который не записал ни одного альбома. Ни одного вонючего сингла. Но Майки — человек текущего момента. Как сказал однажды Дохлый, наверняка повторяя какого-то другого ублюдка: ничего не существует вне текущего момента. (Я думаю, первым это сказал какой-то пидор из рекламы шоколада.) Но я не могу подписаться даже под этими словами, потому что, в лучшем случае, они находятся на самом краю текущего момента. А текущий момент — это я, больной, и Майки, целитель.

Какая— то старая пизда, которые всегда ездят в автобусах в такое время дня, принялась заёбывать водилу, обрушивая на него целый поток левых вопросов об автобусных маршрутах, номерах и расписании. Чтоб тебя выебли во все дыры и чтоб ты сдохла, старая вонючая манда! Я прямо-таки задыхался от немой злости, видя её мелочный эгоизм и трогательную снисходительность водителя. Часто можно услышать о юношеском вандализме, но почему никто не говорит о психологическом вандализме, который чинят эти старые стервы? Когда она, наконец, угомонилась, у старого мудозвона всё же хватило мужества харкнуть ей вдогонку.

Она села прямо передо мной. Я сверлил взглядом её затылок. Я желал ей кровоизлияния в мозг или обширного инфаркта… Нет, стоп. Если это произойдёт, то мне грозит дополнительная задержка. Она должна умереть медленной, мучительной смертью, чтобы расплатиться за мои ёбаные мучения. Если она сдохнет быстро, то у людей появится возможность посуетиться. Они никогда не упускают такой возможности. Лучше всего раковые клетки. Я желал, чтобы у неё внутри образовалась и начала разрастаться злокачественная опухоль. Я уже чувствовал, как это происходит… но это происходило внутри меня самого. Я слишком устал и перестал ненавидеть эту старую крысу. Я впал в полную апатию. Теперь она была вне текущего момента.

Я опустил голову. Она подпрыгивала так резко и так неожиданно, что мне казалось, будто она вот-вот слетит с плеч и упадёт на колени старой склочной калоше, сидевшей передо мной. Я крепко сжал её обеими руками, уперевшись локтями в колени. Чуть было не пропустил свою остановку. Новый прилив энергии, и я слезаю на Пенниуэлл-роуд, напротив торгового центра. Пересекаю двустороннюю проезжую часть и иду через центр. Прохожу мимо закрытых стальными ставнями секций, которые никогда не сдавались в аренду, и пересекаю автомобильную стоянку, где никогда не парковались машины. Ни разу с тех пор, как она была построена. Больше двадцати лет назад.

Форрестер живёт в самом высоком квартале Мурхауса. Там большая часть домов в два этажа, а у него — пятиэтажный и поэтому с лифтом, который, правда, не работает. Поднимаясь по лестнице, я опираюсь о стену, чтобы сберечь силы.

В придачу к судорогам, болям, испарине и почти полному разладу центральной нервной системы, зашевелились мои кишки. Я почувствовал тошнотворные перемещения — зловещее расслабление после длительного периода запоров. Перед дверью Форрестера я пытаюсь внутренне собраться. Но он, конечно, увидит, что я на кумарах. Бывший торговец наркотой всегда видит, если ты болен. Но я не хочу, чтобы этот ублюдок понял, в каком я жутком состоянии. Хоть я и готов стерпеть любые наезды и любые оскорбления со стороны Форрестера, только бы получить то, что мне нужно, но я не вижу никакого смысла в том, чтобы выставлять на показ то, что я ещё могу скрыть.

Наверно, Форрестер увидел отражение моих огненно-рыжих волос сквозь скреплённую проволокой, волнистую стеклянную дверь. Он не отвечал целую вечность. Этот мудак начал меня заёбывать ещё до того, как я переступил порог его дома. В его голосе не осталось ни капельки тепла.

— Как дела, Рентс? — спросил он.

— Нормально, Майк. — Он назвал меня «Рентс» вместо «Марк», а я его «Майк» вместо «Форри». Под «делами» он подразумевал ширялово. Может, попробовать подмазаться к этому гаду? Вероятно, это самая разумная тактика на настоящий момент.

— Ну, заходи, — он слабо пожал плечами, и я покорно последовал за ним.

Я сел на кушетку в сторонке от толстой стервы с переломанной ногой. Её гипсовая конечность упиралась в кофейный столик, а между грязным гипсом и персиковыми шортами выступала омерзительная белая опухоль. Её дойки лежали на кружке «гиннесс» гигантских размеров, а важная коричневая голова пыталась обуздать белую обвисшую кожу. Её жирные, высветленные перекисью локоны у самых корней имели блёклый серо-коричневый оттенок. Она старалась не замечать моего присутствия, но зашлась жутчайшим, высаживающим ослиным хохотом в ответ на какую-то дурацкую фразу Форрестера, которой я не просёк, наверно, по поводу моего прикида. Форрестер сел напротив меня в вытертое кресло: мясистое лицо, но тощее тело, почти лысый в свои двадцать пять. Он облысел буквально за два последних года, и я подозреваю, что у него вирус. Хотя вряд ли. Молодыми умирают только хорошие люди. Если бы всё было нормально, я бы отвесил какую-нибудь злую шутку, но в данный момент я с большим удовольствием стал бы расспрашивать свою бабулю про её искусственную сраку. В конце концов, Майки — свой чувак.

На стуле рядом с Майки сидел злобный ублюдок, косившийся на эту жирную свиноматку, а точнее — на неумело скрученный косяк, который она курила. Она сделала нелепую театральную затяжку и передала косой этому злобному уроду. Я просто хуею от этих пижонов с мёртвыми глазами насекомых, глубоко посаженными на острых мордочках грызунов. Не все из них конченые. Но этого парня выдавал его прикид, который превращал его в «большого оригинала». Наверно, он вписывался в одном из отелей виндзорской группы: Сафтон, Бар Эль, Перт, Питерхед и т. д. и, видимо, завис здесь недавно. Синие клеша, чёрные туфли, горчичного цвета джемпер с голубыми полосками на воротнике и обшлагах, и зелёная «парка» (в

такую-то, бля, погоду!), висевшая на спинке стула.

Никого ни с кем не знакомить — это привилегия моего тупорылого идола, Майка Форрестера. Он здесь главный, и он прекрасно этот сознаёт. Этот ублюдок начинает тележить без умолку, как ребёнок, который не хочет идти спать. Мистер Мода, или Джонни Сафтон, как я его мысленно окрестил, не говорит ничего, а только загадочно ухмыляется и время от времени вращает глазами в притворном экстазе. Если вы хотите увидеть лицо хищника, посмотрите на Сафтона. Жирная Свиноматка (боже ж мой, до чего припезденная!) хихикает, и я тоже выдавливаю из себя противный подхалимский смешок, когда стараюсь соблюдать видимость приличий.

Я слушаю всю эту байду какое-то время, но боль и тошнота вынуждают меня подать голос. Мои бессловесные сигналы презрительно игнорируются, и тогда я не выдерживаю:

— Извини, что перебиваю, брат, но мне надо вмазаться. У тебя случайно нет дряни?

Его реакция меня убивает, даже если принять правила той мутной игры, которую ведёт Форрестер.

— Заткни свою ебучую пасть, ёбаный поц! Твоей сраной жопе слова не давали. Я скажу тебе, сука, когда можно говорить. А если тебе не нравится наше общество, то вали отсюда на хуй! И пиздец!

— Не в обиду, брат… — Это полная капитуляция с моей стороны. В конце концов, этот человек — мой бог. Я мог бы проползти на четвереньках тыщу миль по битому стеклу, чтобы почистить себе зубы его говном, и мы оба об этом знаем. Я всего лишь пешка в игре под названием «Маркетинг Майкла Форрестера, Сурового Барыги». Для всех, кто его знает, эта игра основана на смехотворно искажённых представлениях. Более того, он играет только ради Джонни Сафтона, но мне по хую, это же Майково шоу, и я сам попросил, чтобы со мной обращались, как с последним дерьмом, когда позвонил к нему в дверь.

Я схавал ещё несколько грубых оскорблений, длившихся целую вечность. Но я особо не переживал. Я не люблю ничего (кроме «чёрного»), не ненавижу ничего (кроме сил, которые мешают мне его достать) и не боюсь ничего (кроме того, что я его не достану). И ещё я знаю, что такой сраный козёл, как Форрестер, никогда бы не стал затевать всю эту хуйню, если бы хотел меня надинамить.

Мне было приятно вспомнить, почему он меня так ненавидит. Однажды Майк запал на одну тётку, которая его обламывала. Эту тётку я потом трахнул. Для меня и для неё это не имело особого значения, но Майка задело в невъебенной степени. В наше время большинство людей знает это на собственной шкуре: всегда хочешь именно того, чего не можешь получить, а вещи, на которые тебе начхать, сами попадают тебе в руки на тарелочке с голубой каёмочкой. Такова жизнь, так почему же секс должен быть чем-то особенным? В прошлом у меня были такие же непрухи, но я с ними справился. Да и у кого их не было? Проблема в том, что этот подонок помнит все свои мелкие обиды, как злобный толстомордый дебил. Но я всё равно люблю его. У меня нет выбора. Я завишу от этого парня.

Майку надоело играть в оскорбления. Для садиста это всё равно что втыкать булавки в пластмассовую куклу. Я бы с удовольствием его поразвлёк, но слишком задрочен, чтобы реагировать на его плоские приколы. Наконец, он говорит:

— Капуста есть?

Я вытаскиваю из кармана несколько скомканных бумажек и с трогательным раболепством разглаживаю их на кофейном столике. С глубоким почтением и со всем должным уважением к статусу Барыги Майки я протягиваю ему эти деньги. И тут я замечаю, что у Жирной Свиноматки на гипсе, на внутренней стороне бедра, толстым черным маркером нарисована больщущая стрелка, указывающая на промежность. Рядом со стрелкой большими буквами написано: ХУЙ ВСТАВЛЯТЬ СЮДА. В животе у меня всё переворачивается, и я чувствую непреодолимое желание как можно быстрее купить дряни у Майки и

свалить отсюда к ёбаной матери. Майки прячет башки и, к моему удивлению, достаёт из кармана две белых капсулы. Я никогда ничего подобного не видел. Маленькие твёрдые штуковины в форме бомбочек с восковым покрытием. Меня охватывает страшная злость, неизвестно чем вызванная. Нет, я знаю, чем. Сильные эмоции такого рода может вызвать только ширка или опасность остаться без неё:

— Чё это, блядь, за хуйня?

— Опиум. Опиумные свечи, — тон Майки меняется. Он становится уклончивым, почти извиняющимся. Моё возмущение разрушило наш нездоровый симбиоз.

— Чё мне делать с этой херотой? — Спрашиваю я, не подумав, а потом расплываюсь в улыбке, когда до меня доходит. У Майки развязываются руки.

— Ты чё, и правда хочешь, чтобы я тебе рассказал? — Он ухмыляется, снова претендуя на власть, от которой перед этим отрёкся, Сафтон хихикает, а Жирная Свиноматка ржёт. Однако он видит, что мне не смешно, и продолжает: — Ведь ты же не хочешь ширяться. Тебе нужно что-нибудь медленное, только чтобы снять боль, чтобы слезть с наркоты. Эти свечи идеально для тебя подходят. Как на ёбаный заказ сделаны. Они растворяются в организме, приход наступает постепенно, а потом медленно отпускает. Такую хрень в больнице дают.

— Ты серьёзно?

— Прислушайся к голосу опыта, — улыбается он, но не мне, а скорее Сафтону. Свиноматка откидывает назад свою жирную голову и выставляет здоровенные желтые клыки.

И я делаю так, как мне сказали. Прислушиваюсь к голосу опыта. Извиняюсь, выхожу в туалет и очень аккуратно вставляю их себе в жопу. Я в первый раз запихиваю себе палец в сраку, и это вызывает у меня лёгкую тошноту. Я смотрю на себя в зеркало ванной. Рыжие волосы, спутанные и потные, и белое лицо, всё в мерзких прыщах. Два самых красивых можно назвать настоящими чирьями. Один на щеке, другой — на подбородке. Жирная Свиноматка и я могли бы составить великолепную парочку, и я с извращённой радостью представляю нас плывущими в гондоле по каналам Венеции. Я спускаюсь вниз. Мне всё ещё плохо, но весело от того, что я достал дрянь.

— Это займёт какое-то время, — сердито замечает Майки, когда я заруливаю обратно в гостиную.

— Расскажи кому-то другому, — я бы с превеликим удовольствием засунул их всех тоже себе в задницу. Джонни Сафтон впервые сочувственно улыбается мне. Я почти вижу, как порозовел его скривлённый рот. Жирная Свиноматка смотрит на меня так, будто я только что принёс в жертву её первенца. Увидев это нелепое страдальческое выражение лица, я чуть не уссался со смеху. Обиженный взгляд Майка словно бы говорит: «Шутить здесь разрешается только мне», но он уже окрашен смирением и сознанием того, что власть надо мной потеряна. Сделка состоялась. Для меня он значит теперь не больше, чем груда собачьего говна в торговом центре. В сущности, даже меньше. Конец — делу венец.

— Ну ладно, увидимся, чуваки, — я киваю Сафтону и Жирной Свиноматке. Улыбающийся Сафтон дружески подмигивает мне, окидывая взглядом всю комнату. Даже Жирная Свиноматка пытается выдавить улыбку. Их мимика служит новым доказательством того, что политическое равновесие между мной и Майком нарушилось. Словно бы в подтверждение этого, он проводит меня до дверей:

— Заходи в гости, чувак… прости, что так тебя загрузил. Эта сука Донелли… как он мне действует на нервы! Долбоёб, каких поискать. Я потом тебе всё расскажу. Ты ведь не обижаешься, Марк?

— Покедова, Форри, — отвечаю я, надеясь, что в моём голосе звучит достаточно угрозы для того, чтобы этот мудак почувствовал себя неловко и, может даже, не на шутку забеспокоился. Однако какая-то часть моего существа не хочет растаптывать этого гада. Здравая мысль, ведь он может мне ещё

пригодиться. Но так нельзя думать. Если б я так думал, то вся эта ёбаная канитель не имела бы никакого смысла.

Когда я спустился по лестнице вниз, то напрочь забыл о кумарах; то есть практически забыл. Я чувствовал боль в теле, но она меня больше не беспокоила. Смешно, конечно, обманывать самого себя и думать, что дрянь уже подействовала, просто я стал жертвой эффекта плацебо. Единственное, что я осознавал, это страшное разжижение в кишках. Мне казалось, что внутри всё плавится. Я не срал уже пять или шесть дней и сейчас ощутил первый позыв. Я пердел и, ощупывая штаны, натыкался на влажную слизь, от чего мой пульс учащался. Я жал на тормоза, изо всех сил сжимая мышцы сфинктера. Но было уже слишком поздно, и нужно было принимать решительные меры. Я подумал, не вернуться ли к Форрестеру, но мне больше не хотелось иметь никаких отношений с этим уёбком. Я вспомнил, что у букмекеров в торговом центре есть туалет.

Я вошёл в задымлённый зал и направился прямиком к параше. И увидел такую, бля, картину: два чувака стоят в дверях туалета и ссут на пол, по щиколотку залитый застоявшейся вонючей мочой. Это мне чем-то напомнило мойку для ног в плавательном бассейне, куда я когда-то ходил. Оба гавайца походя стряхнули свои хуи и засунули их в ширинки с такой же осторожностью, с какой обычно запихивают в карман грязный носовой платок. Один из них посмотрел на меня с подозрением и преградил мне путь в туалет.

— Параша забилась, чувак. Ты ж не сядешь тут срать, — он показал на очко без сиденья, наполненное бурой водой, забитое туалетной бумагой и плавающими кусками говна.

Я посмотрел на него решительно:

— Мне надо, чувак.

— Ты там, случаем, не колоться надумал?

Именно это мне и нужно, пидор. Чарльз Бронсон из Мурхауса. Только Чарльз Бронсон в исполнении этого мудака больше походил на Майкла Джей Фокса. На самом деле, он был немного похож на Элвиса — Элвиса, каким он выглядел сейчас; опухший, разлагающийся бывший Тед.

— Вали на хуй! — Моё возмущение, наверно, было достаточно убедительным, потому что этот ублюдок начал даже извиняться.

— Не обижайся, братка. Просто эти малолетние наркоманы хотели устроить здесь ёбаный притон. А мы по наркоте не выступаем.

— Ебучие суки, — добавил его корифан.

— У меня уже несколько дней ёбаный понос, чувак. И мне опять приспичило. Мне надо просраться. Это, конечно, не параша, а полный пиздец, но мне придётся срать либо сюда, либо себе в штаны. У меня нет никакого дерьма. Просто у меня охуенно болит живот, а на остальное мне плевать.

Этот мудак сочувственно кивнул мне и посторонился. Я почувствовал, как говно потекло по штанам, и перешагнул порог. Я подумал, как смешно выглядело, когда я сказал, что у меня нет никакого дерьма, тогда как у самого уже были полные штаны. Мне повезло, что замок на дверях был исправный. Довольно странно, учитывая жуткое состояние параши.

Я сбросил штаны и сел на холодный мокрый фарфоровый унитаз. Я опорожнил живот с таким чувством, будто всё на свете: кишки, желудок, селезёнка, печень, почки, сердце, лёгкие и мои заёбанные мозги посыпались через жопу в очко. Пока я срал, в лицо мне лезли мухи, и от их прикосновений по всему моему телу пробегала дрожь. Я попытался поймать одну из них и, к своему удивлению и несказанной радости, почувствовал, как она жужжит в кулаке. Я крепко сдавил её в руке. Когда я разжал кулак, то

увидел громадную отвратную трупную муху — большую мохнатую ублюдочную ягоду смородины.

Я размазал её по противоположной стенке и вывел указательным пальцем буквы «Х», «И», «Б» и «С», используя её кишки, мясо и кровь вместо чернил. Когда я начал писать букву «Ы», запас «чернил» иссяк. Ничего страшного. Я взял немного у «Х», которая была слишком жирная, и дописал «Ы». Отодвинулся как можно дальше, стараясь не провалиться в очко, и полюбовался своей работой. Мерзкая трупная муха, причинившая мне столько страданий, превратилась в произведение искусства, которое доставляло мне огромное наслаждение. Но не успел я подумать о том, что это должно послужить для меня хорошим знаком, как вдруг понял, что я только что совершил, и моё тело сковал приступ панического ужаса. На мгновение я остолбенел. Но только на одно мгновение.

Я спрыгнул с толчка и шлёпнулся коленями на зассанный пол. Мои спущенные до щиколоток джинсы начали жадно впитывать в себя мочу, но я этого практически не замечал. Я закатал рукава рубашки, немного помедлил, разглядывая свою неровную и кое-где потёкшую надпись, и по локоть запустил руки в бурую воду. Тщательно порывшись, я почти сразу же обнаружил одну из своих бомбочек. Я вытер прилипший к ней кусочек говна. Немного расплавилась, но в принципе ещё целая. Я приклеил её сверху на сливной бачок. Прежде чем я нашёл вторую, пришлось пару раз основательно поплескаться в этой жиже и перещупать дерьмо очень многих мурхаусских и пилтонских парней. Один раз я даже срыгнул, но всё-таки достал свой белый золотой слиток, который, к моему удивлению, сохранился ещё лучше, чем первый. Вода вызывала на ощупь даже большее отвращение, чем говно. Моя покрытая бурыми пятнами рука словно бы загорела под футболкой. Её «загар» заканчивался выше локтя, так как мне приходилось глубоко перегибаться через бортик унитаза.

Несмотря на неприятные ощущения от воды, я прополоскал руку в раковине под струёй холодной воды. Это, конечно, не назовёшь тщательным мытьём, но большего я бы просто не вынес. Потом я вытер жопу чистым краем своих обосранных трусов и швырнул их тоже в толчок.

Когда я натягивал мокрые «левисы», послышался стук в дверь. У меня опять немного закружилась голова, но не от вони, а из-за влажной ткани, облепившей ноги. Стук в дверь усилился.

— Эй, поц, а ну выходи на хуй оттуда!

— Обломайтесь, суки!

Я подумал, не проглотить ли мне свечи, но отказался от этой идеи сразу же, как только она у меня родилась. Они были предназначены для анального всасывания и на них было ещё довольно много той восковой фигни, так что я вряд ли смог бы их проглотить. А поскольку я полностью очистил свои кишки, то мои мальчики были бы там в целости и сохранности. И они вошли туда, как по маслу.

Когда я выходил из букмекерской конторы, меня провожали подозрительными взглядами. Я говорю не о выстроившихся в очередь ссыкунах, которые насмешливо бросали мне вдогонку «сколько можно срать» и т. п., а о парочке чмошников, обративших внимание на мой подгулявший видок. Один поц даже пробурчал что-то угрожающее, но большинство из них были целиком поглощены своими карточками или скачками на экране. Выходя, я заметил, как Элвис/Бронсон оживлённо жестикулировал, показывая на телек.

На автобусной остановке я впервые заметил, что на дворе знойный летний день. Я вспомнил: кто-то говорил мне, что сегодня открытие Фестиваля. Да, с погодой им повезло. Я влез на стену рядом с остановкой и подставил солнечным лучам свои мокрые джинсы. Я видел, как подошёл 32-й, но мне лень было спускаться. Когда подъехал следующий, я взял себя в руки, сел на этого засранца и отправился обратно в Солнечный Лейт. Поднимаясь по лестнице на свой новый флэт, я думал о том, что теперь самое время помыться.

В ударе

Когда же, наконец, мой спермо-прямокишечный корифан Рентс слезет с моих ушей! Прямо напротив меня сидит тёлка в прикиде «тыры-пыры» («трусы просвечивают»), и мне нужно полностью сосредоточиться, чтобы внимательно всё изучить. Класс! То, что надо. Я в ударе, в охуенном, бля, ударе. Сегодня один из тех дней, когда гормоны выстреливают из меня, как шарики в пинболле, и у меня в голове вспыхивают все эти воображаемые огни и звуки.

И что же собирается делать Рентс в этот прекрасный солнечный день, словно бы созданный для оттяга? У этого мудака хватает наглости предложить мне вернуться к себе на флэт, провонявший бухлом, тухлой спермой и мусором, который пора было выбросить несколько недель назад, и втыкать в видак! Зашторить окна, закрыть солнечный свет, закупорить свои ёбаные мозги и смареть, как этот идиот с косяком в руке уссыкается, тупо уставясь во вшивый ящик. Но, но, но, месье Рентон, Саймон не намерен сидеть в тёмной комнате с лейтским плебсом и торчками, пердящими от возбуждения. *Я создан, чтоб любить тебя, бе-еби, я ты — чтоб любить меня-я…*

…перед цыпкой в «тыры-пыры» встала жирная собака, своей толстой жопой закрывающая от меня её небесную попку. У неё хватило наглости надеть облегающие лосины. Как она могла забыть о деликатной природе Саймоновых яиц!!!

— Классная тёлка! — говорю я ехидно.

— Ну тебя в жопу, припезденный сексист, — отвечает малыш Рентс.

Я пытаюсь не обращать внимания на этого ублюдка. Кореша — это пустая трата времени. Они вечно норовят опустить тебя до уровня своей социальной, сексуальной и интеллектуальной заурядности. Но если этот конь думает, что обскакал меня на одно очко, то пора его обломать.

— Тот факт, что ты употребляешь слова «припезденный» и «сексист» в одном предложении, говорит о том, что у тебя такое же смутное и хуёвое представление об этой проблеме, как и обо всех остальных.

Чувак сразу сникает. Мямлит что-то в ответ в жалкой попытке спасти положение. Саймон — малыш Рентс: 1 — 0. И мы оба об этом знаем. *Рентон, Рентон, счёт какой?…*

«Бриджес» битком набит. *О-ля-ля, станцуем, о-ля-ля, танцует Саймон…* Здесь представлены пизды всех рас, всех цветов, всех вероисповеданий и всех национальностей. Ох, ты ж бля! Пошевеливайся! Две азиатки изучают карту. Саймон-экспресс, самый зайчик. Ёбаный Рентс, тупой ублюдок, полнейший КРЕТИН.

— Чем могу служить? Куда путь держите? — спрашиваю. *Шлавное штаринное шетландское гоштеприимштво, о, это бешподобно, говорит молодой Шон Коннери, новый Бонд, потому как, девочки, это новое заебондство…*

— Мы ищем «Королевскую милю», — шикарный английский колониальный голосок отвечает мне прямо в лицо. Славная махонькая писюшка. *Ноги в руки, сказал простачок Саймон…*

Малыш Рентс похож на обмякший член, затиснутый между кучей пизд. Иногда мне кажется, что этот придурок всё ещё думает, будто эрекция нужна для того, чтобы ссать через высокие стены.

— Идите за мной. Хотите посмотреть представление? — Да уж, только на Фестивале можно подцепить таких кралечек.

— О да, — одна из (китайских) цыпочек протягивает мне клочок бумаги с надписью: *Брехт, «Кавказский меловой круг»* (3) . *Постановка театральной труппы Ноттингемского университета* .

Наверняка, сборище прыщавых, пискливых онанистов с жалкой претензией на высокое искусство, которые по окончании учёбы будут работать на атомных электростанциях, награждающих местных детишек лейкемией, или в консалтинговых компаниях, закрывающих заводы и доводящих людей до нищеты и отчаяния. Для начала нужно закрыть все эти министерства. Разогнать всех этих злоебучих мастурбантов, ты согласен со мной, Шон, мой старый приятель и бывший молоковоз? *Да, Шаймон, тут ты прав.* У меня со стариной Шоном много общего. Оба эдинские ребята, оба работали в кооперативе молоковозами. Только я развозил молоко в одном Лейте, а Шон — по всему городу, это вам подтвердит любой старожил. Видать, в те времена законы о детском труде были не такими строгими. Мы отличаемся друг от друга только внешне. В этом отношении Саймон даст Шону большую фору.

Рентс тележит что-то про *«Галилея»* , *«Мамашу Кураж»* , *«Ваала»* и прочую хероту. На баб это производит впечатление. Какой же я дурак! У этого распиздяя, видно, свои методы. Удивительный мир. *Да, Шаймон, глажам швоим не верю.* Я тозэ, Шон.

Индийские манды отправляются на шоу, но соглашаются раздавить со мной по стаканчику в «Диконсе» после представления. Рентс даже на это не способен. Гы-гы-гы, и всё. Усраться, и не жить. Он забил стрелу с мисс Могадон, милашкой Хейзел… придётся развлекать обеих цыпок… если хочу выпендриться. Я ведь занятой человек. Долг превыше вшего, правда, Шон? *Шовершенно верно, Шаймон.*

Рентс откалывается, пусть идёт и доканывает себя наркотой. До чего всё-таки ебанутые у меня друзья! Картошка, Второй Призёр, Бегби, Метти, Томми: эти полудурки олицетворяют собой О-Г-Р-А-Н-И-Ч-Е-Н-Н-О-С-Т-Ь. Крайне «ограниченная компания». Я сыт по горло всеми этими неудачниками, безнадёгами, подонками, шизоидами, торчками и прочей нечистью. Я энергичный молодой человек, движущийся только вверх и всегда идущий напролом, напролом, напролом…

…социалисты долдонят о товарищах, классе, профсоюзах и обществе. Ебал я их всех в рот. Тори — о работодателях, стране, семье. Этих тоже во все дыры. Это я, я, Я, ёб вашу мать, Саймон Дэвид Уильямсон, НУМЕРО УНО, БЛЯДЬ, один против всего мира, и это игра в одни ворота. *Всё так охуительно просто…* Ебать их всех. *Я вошхищаюш твоим бежудержным индивидуалижмом, Шаймон. В молодошти я тоже был таким, как ты.* Шпашибо на добром шлове, Шон. Мне уже об этом говорили.

Фу… прыщавый поц в шарфе с червами… да, сегодня эти суки разгуливают, как у себя дома. Вы только посмотрите на него: полное отрицание стиля. Я бы скорее отправил свою сестрёнку в бордель, чем разрешил своему брату нацепить шарф с червами… *вау, по курсу сногсшибательная тёлка… рюкзачок, бронзовый загар… ам-ням-ням… соси, еби, соси, еби…* все мы терпим провал…

…куда податься… согнать три пота в тренажёрном зале, у них там сейчас сауна и солярий… накачать мышцы… героиновые отходняки — не более чем неприятное воспоминание. Клёвые чувихи, Марианна, Андреа, Эли… с кем я оттянусь сегодня вечером? Кто из них лучше ебётся? Хотя, какая, в принципе, разница! Я вполне могу найти кого-нибудь и в клубе. Движение — это магия. Три команды: женщины, натуралы и голубые. Голубые охотятся за натуралами — этакими клубными вышибалами с громадными бицепсами и храбростью во хмелю. Натуралы охотятся за женщинами, которые балдеют от грациозных, изнеженных гомосеков. Никто не полушает того, шего хошет. Кроме наш ш тобой, правда, Шон? *Шовершенно верно, Шаймон.*

Надеюсь, там не будет того гомика, который клеился ко мне в прошлый раз. В кафе он сказал мне, что у него ВИЧ, но это же не смертный приговор, и он превосходно себя чувствует. Какой идиот станет рассказывать об этом первому встречному? Пиздит, наверное.

Ебливый педрила… кстати, вспомнил, надо купить презиков… впрочем, в Эдинбурге от девиц СПИДом не заразишься. Правда, говорят, малой Гогси заразился от одной, но мне всё-таки кажется, что он с этой

кралей немножечко занимался дряневарением и веноширянием. Если же ты не двигаешься одним шприцом со всякими там Рентонами, Картошками, Свонни и Сикерами, то можешь ни о чём не беспокоиться… хотя… зачем искушать судьбу… а почему бы и не поискушать… во всяком случае, я жив и здоров, и до тех пор, пока я ещё буду способен подцепить тёлку с её мандой и всё такое прочее, всё остальное для меня — ёбаный НОЛЬ, заполняющий эту большую ЧЁРНУЮ ДЫРУ, похожую на сжатый кулак в центре моей чёртовой груди…

Публичное взросление

Несмотря на несомненное чувство обиды, исходившее от матери, Нина никак не могла взять в толк, в чём же она провинилась. Эти сигналы приводили её в смятение. Вначале: «Уйди с дороги»; а потом: «Чего стоишь, как столб?» Родственники выстроили невидимую стену вокруг её тётушки Алисы. С того места, где она сидела, Нина не могла видеть Алисы, но нервный шёпот, доносившийся через всю комнату, известил её о том, что тётя где-то рядом.

Мать поймала её взгляд. Она уставилась на Нину, словно голова гидры. Сквозь «ну-ну-успокойся» и «он-был-хорошим-человеком» Нина расслышала, как мать изрекла: «Чаю».

Она сделала вид, что не услышала этого сигнала, но мать настойчиво прошипела через всю комнату, направляя свои слова в Нину, подобно тонкой струе:

— Ещё чаю.

Нина уронила свой номер «НМЭ» на пол. Она встала с кресла, подошла к большому обеденному столу и взяла поднос, на котором стоял чайник и почти пустой кувшин молока.

Через открытую дверь на кухню она посмотрела в зеркало на своё лицо и остановила взгляд на прыщике над верхней губой. Её чёрные волосы, подстриженные косым клином, казались жирными, хотя она их помыла накануне вечером. Она почесала живот, раздувшийся от жидкости. Значит, скоро месячные. Вот невезение.

Нина не могла участвовать в этом странном торжестве скорби. Всё это её напрягало. Нечаянное безразличие, с каким она отнеслась к смерти дядюшки Энди, было только отчасти напускным. Когда Нина была маленькой, она любила его больше всех, и дядя её всегда смешил, по крайней мере, все так говорили. И, с одной стороны, она об этом помнила. Всё это, конечно, было: шутки, щекотка, игры, сколько угодно мороженого и конфет. Однако она не могла найти никакой эмоциональной связи между собой теперешней и собой тогдашней и поэтому не ощущала никакой эмоциональной связи с Энди. Когда её родственники рассказывали о её детстве и младенчестве, она смущённо поёживалась. Это казалось ей полным отречением от самой себя, какой она была сейчас. Более того, это её напрягало.

В конце концов, она надела траурный костюм, о чём ей все постоянно напоминали. Родственники были такими надоедливыми. Они держались за земное ради своей угрюмой жизни; это был мрачный клей, связывавший их воедино.

— Девочка всё время носит чёрное. А вот в дни моей молодости девушки носили платья приятных ярких расцветок и не пытались походить на вампиров. — Так говорил дядя Боб, толстый, бестолковый дядя Боб. Родственники смеялись. Все до одного. Дурацкий самодовольный смешок. Нервный смех испуганных детей, старающихся отойти в сторонку от забияки, а не смех взрослых людей, услышавших шутку. Нина впервые осознала, что смех — это не просто юмор. Он снимает напряжение и сплачивает перед лицом смерти. Кончина Энди выдвинула эту тему на первое место в повестке дня каждого из них.

Чайник выключился. Нина заварила ещё чаю и разлила его по чашкам.

— Не беспокойся, Алиса. Не беспокойся, милочка. А вот и Нина с чаем, — сказала её тётушка Эврил. Нина подумала, что на фильмы категории «пи-джей» (4) возлагаются неоправданно высокие надежды. Способны ли они компенсировать двадцатичетырёхлетний разрыв отношений?

— Плохи дела, коли сердчишко пошаливает, — заявил её дядюшка Кенни. — Но он хоть не мучился. Всё равно это лучше, чем рак, когда всё внутри гниёт. У нашего отца тоже было больное сердце. Проклятие

рода Фитцпатриков. Это был твой дедушка. — Он посмотрел на Нининого кузена Малькольма и улыбнулся. Хотя Малькольм приходился Кенни племянником, он был всего на четыре года младше дяди, а выглядел даже старше.

— Когда-нибудь все эти сердечные болезни, рак и всё прочее, обо всём этом забудут, — позволил себе заметить Малькольм.

— Ну, конечно. Медицинская наука… Кстати, как твоя Эльза? — Кенни понизил голос.

— Готовится к новой операции. На фаллопиевых трубах. Мне кажется, они…

Нина развернулась и вышла из комнаты. У неё сложилось такое впечатление, будто Малькольм ни о чём так не любит рассказывать, как об операциях, которые перенесла его жена, для того чтобы забеременеть. От всех этих подробностей у неё мурашки пробегали по коже. Почему люди думают, что тебе хочется всё это слушать? Какая женщина готова пройти через всё это только ради того, чтобы произвести на свет орущего сосунка? И каким нужно быть мужчиной, чтобы поощрять это? Когда она вышла в холл, позвонили в дверь. Это были тётя Кэти и дядя Дэви. Они проделали неблизкий путь из Лейта в Боннirигг.

Кэти обняла Нину:

— О, дорогуша! Где же она? Где Алиса?

Нина любила свою тётю Кэти. Она была самой общительной из её тётушек и обращалась с ней как с личностью, а не как с ребёнком.

Кэти подошла и обняла по порядку Алису, свою невестку, затем свою сестру Айрин, Нинину маму, и её братьев Кенни и Боба. Эта очерёдность понравилась Нине. Дэви сурово всем поклонился.

— Бог ты мой, долго ж вы сюда добирались на этой старой колымаге, Дэви, — сказал Боб.

— Ага. Пришлось ехать в объезд. Свернули сразу за Портобелло, а выехали уже перед самым Боннириггом, — покорно объяснил Дэви.

Снова позвонили. На сей раз пришёл доктор Сим, семейный психоаналитик. Его жесты были живыми и деловыми, но манера выражаться мрачной. Он пытался выразить некоторое сострадание, в то же время сохраняя прагматическую силу, чтобы придать семье уверенности. Сим полагал, что у него это неплохо выходит.

Нина тоже так считала. Запыхавшиеся тётки засуетились вокруг него, словно поклонницы вокруг рок-звезды. Вскоре Боб, Кенни, Кэти, Дэви и Айрин последовали за доктором Симом наверх.

Как только они вышли из комнаты, Нина поняла, что у неё начались месячные. Она пошла за ними вверх по лестнице.

— Оставайся внизу! — зашипела Айрин на свою дочь, обернувшись.

— В туалет сходить нельзя? — возмущённо спросила Нина.

В уборной она сняла с себя одежду, начав с чёрных кружевных перчаток. Оценивая величину ущерба, она обнаружила, что выделения испачкали панталоны, но, к счастью, не попали на её чёрные гамаши.

— Блин, — вырвалось у неё, когда капли густой тёмной крови упали на коврик. Она оторвала длинную полосу туалетной бумаги и прижала её к себе, чтобы остановить кровотечение. Затем порылась в шкафчике, но не нашла ни тампонов, ни гигиенических прокладок. Может, у Алисы больше нет месячных? Скорее всего.

Оторвав ещё бумаги и намочив её водой, она вытерла, насколько это было возможно, пятна на

коврике.

Не теряя ни минуты, Нина стала под душ. Поплескавшись, она сделала подушечку из рулонной бумаги и быстро оделась. Трусики она постирала в раковине, выжала и засунула в карман куртки. Когда Нина выдавила угорь над верхней губой, ей заметно полегчало.

Она услышала, как вся бригада вышла из комнаты и направилась вниз. «Блядская дыра», — подумала она, и ей захотелось поскорее выбраться отсюда. Она ждала только подходящего момента, чтобы раскрутить мамашу на бабло. Нина собиралась поехать в Эдинбург вместе с Шоной и Трейси на концерт той группы в «Кэлтон Студиос». Но теперь, когда у неё начались месячные, она не могла даже мечтать об этом, потому что Шона говорила, что пацаны это сразу видят, просто носом чуют. Шона разбирается в парнях. Она была на год младше Нины, но у неё уже было два раза: один раз с Грэмом Редпатом, а второй — с одним французом, с которым она познакомилась в Эвиморе.

Нина ещё ни с кем не была, ни разу. Почти все её знакомые говорили, что это дерьмо. Пацаны оказывались либо неопытными, либо отмороженными, либо перевозбуждёнными. Ей нравилось производить на них впечатление, нравилось видеть застывшие, дурацкие выражения на их лицах, когда они смотрели на неё. Но если уж делать это, то с тем, кто в этом разбирается. С кем-нибудь постарше, но не таким, как дядя Кенни, который смотрит на неё, как пёс — с налитыми кровью глазами и высунутым языком. У неё было странное ощущение, будто дядя Кенни, несмотря на свои годы, немного напоминал бы неопытных юнцов, с которыми была Шона и остальные девчонки.

Хоть она и собиралась на сейшн, теперь Нине придётся сидеть дома и смотреть телевизор. Точнее, *«Игру поколения Брюса Форсайта»* , вместе со своей мамой и своим тупым, доставучим младшим братцем, который всегда оживляется, когда эта фиговина катится вниз, и быстро читает вслух номера своим скрипучим, ехидным голоском. Мама даже не разрешит ей курить в гостиной. Зато Дуги, своему дебильному дружку, она курить в гостиной разрешает. Вот это нормально, это предмет добродушных шуток, а никак не причина рака и сердечных заболеваний. Нина же должна подниматься наверх, в этот ледяной ад. У неё там дубарь, и пока она включит нагреватель и комната как следует прогреется, можно будет выкурить целую пачку «Мальборо», все двадцать штук. Да пошли они все в жопу. Сегодня вечером она обязательно постарается попасть на сейшн.

Выйдя из ванной, Нина зашла посмотреть на дядю Энди. Труп лежал в кровати, всё ещё накрытый одеялом. «Наверно, они закрыли ему рот,» — подумала она. Казалось, будто смерть настигла дядю, когда он был пьян и агрессивно спорил о футболе или политике. Тело было тощее и сморщенное, впрочем, Энди всегда был таким. Она вспомнила, как её щекотали эти настойчивые, вездесущие костлявые пальцы. Наверное, Энди умирал всегда.

Нина решила порыться в ящичках, чтобы посмотреть, нет ли у Алисы каких-нибудь кальсон, которые можно было бы одолжить. В самом верхнем отделении комода лежали носки и манишки Энди. Алисино нижнее бельё находилось в следующем. Нина поразилась разнообразию белья, которое носила Алиса. Начиная с безразмерных рейтуз, которые Нина прикладывала к себе и которые доходили ей почти до колен, и кончая узенькими кружевными подштанниками; Нине и в голову не могло прийти, что тётя носила такие. Одни из них были сделаны из того же материала, что и Нинины чёрные кружевные перчатки. Она сняла перчатки, чтобы потрогать трусики. И хотя они ей понравились больше, она всё же взяла розовые в цветочек, вернулась в ванную и надела их.

Спустившись вниз, Нина обнаружила, что одна социальная «смазка» собрания — чай — была заменена другой — алкоголем. Доктор Сим стоял с бокалом виски в руке и разговаривал с дядей Кенни, дядей Бобом и Малькольмом. Интересно, спросит ли его Малькольм о фаллопиевых трубах? Все мужчины пили со стоическим фатализмом, словно бы выполняя тяжёлый долг. Несмотря на скорбь, нельзя было

скрыть чувства облегчения, витавшего в воздухе. Это был третий сердечный приступ Энди, и теперь, когда он, наконец, отбросил коньки, можно было спокойно жить дальше и не подскакивать всякий раз, когда на другом конце провода слышался Алисин голос.

Приехал ещё один кузен, Джефф, брат Малки. Он посмотрел на Нину взглядом, близким к ненависти. Это было странно и действовало на нервы. Но он был дебилом. Как и все остальные Нинины кузены, по крайней мере, те, кого она знала. У тёти Кэти и дяди Дэви (он был протестантом из Глазго) было два сына: Билли, только что вернувшийся из армии, и Марк, вроде бы подсевший на наркотики. Их здесь не было, потому что они практически не были знакомы с Энди и всей бонниригтской братией. Наверное, они приедут на похоронах. А может, и нет. У Кэти и Дэви был ещё один сын, тоже Дэви, умерший почти год назад. Он был умственно и физически отсталым и большую часть жизни провёл в больнице. Нина видела его всего один раз: он сидел скорчившись в инвалидной коляске, с открытым ртом и отсутствующим взглядом. Интересно, какие чувства вызвала его смерть у Кэти и Дэви? Наверно, тоже скорбь, но в то же время облегчение.

Чёрт! Джефф идёт к ней поболтать. Она однажды показала его Шоне, и та сказала, что он похож на Марти из «Wet Wet Wet». Нина терпеть не могла «Уэтов» вообще и Марти в частности, к тому же Джефф был совершенно на него не похож.

— Как дела, Нина?

— Нормально. Жалко дядю Энди.

— М-да, но что поделаешь? — Джефф пожал плечами. Ему был двадцать один, и Нина считала его глубоким стариком.

— Когда заканчиваешь школу? — спросил он её.

— В будущем году. Я хотела уйти в этом, но мама наехала, и пришлось остаться.

— Выпускные экзамены?

— Угу.

— Какие предметы?

— Английский, матёма, арифметика, искусство, бухучёт, физика, современные исследования.

— Сдашь?

— Угу. Это не сложно. Кроме матёмы.

— А потом что?

— Пойду работать. Или буду оттягиваться.

— А не хочешь пойти в старшие классы?

— Не-а.

— А зря. Ты бы могла поступить в университет.

— На фига?

Этот вопрос заставил Джеффа задуматься. Он недавно получил учёную степень по английской литературе и теперь жил на пособие по безработице. Как и большинство его однокурсников.

— Чтобы занять положение в обществе, — сказал он.

Нина поняла, что взгляд Джеффа выражал не ненависть, а скорее вожделение. Очевидно, он выпил перед этим, и тормоза у него ослабли.

— А ты повзрослела, Нина, — сказал он.

— Угу, — покраснела она, зная, что покраснела и ненавидя себя за это.

— Не хочешь пойти прогуляться? В смысле, зайти в какой-нибудь бар? Можно перейти через дорогу и пропустить по одной.

Нина взвесила все «за» и «против». Если даже Джефф будет нести какую-то студенческую пургу, всё равно это лучше, чем оставаться здесь. Кто-нибудь увидит их в баре, это же Бонниригг, и кому-нибудь расскажет. Это дойдёт до Шоны и Трейси, и они захотят узнать, кто этот темноволосый молодой человек. Такую возможность ни в коем случае нельзя упускать.

И тут Нина вспомнила про перчатки. По рассеянности она забыла их сверху на комоде в комнате Энди. Она извинилась перед Джеффом:

— Ага, хорошо. Только мне надо сходить в туалет.

Перчатки по-прежнему лежали на комоде. Она взяла их и сунула в карман куртки, но наткнулась на мокрые трусики и быстро переложила перчатки в другой карман. Нина оглянулась на Энди. Что-то в нём изменилось. Он весь вспотел. Ей показалось, как он дёрнулся. О Боже, он и вправду дёрнулся. Она дотронулась до его руки. Та была тёплой.

Нина побежала вниз:

— Дядя Энди! По-моему… мне показалось… вы должны посмотреть… кажется, он живой…

Все посмотрели на неё с недоверием. Первым очнулся Кенни и помчался на второй этаж, перепрыгивая через две ступеньки, за ним — Дэви и доктор Сим. Алиса нервно вздрогнула и застыла с раскрытым ртом, но так ничего и не поняла.

— Он был хорошим человеком… никогда меня пальцем не тронул… — лепетала она бессвязно. Но что-то заставило её подняться наверх вслед за остальными.

Кенни потрогал вспотевший лоб брата и его руку.

— У него жар! Энди не умер! ЭНДИ НЕ УМЕР!

Сим собрался уж было приступить к осмотру, но его оттолкнула Алиса, которая, забыв о всяких приличиях, бросилась на тёплое, одетое в пижаму тело.

— ЭНДИ! ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ, ЭНДИ?

Голова Энди упала набок, на лице было всё то же дурацкое, застывшее выражение, а тело оставалось таким же безжизненным.

Нина истерически захихикала. Алису схватили и держали, как опасную психопатку. Мужчины и женщины тихо успокаивали её, пока доктор Сим осматривал Энди.

— Нет, к сожалению, мистер Фитцпатрик мёртв. Его сердце остановилось, — важно произнёс Сим. Он отступил на шаг и засунул руку под одеяло. Потом нагнулся и вытащил вилку из розетки. Он подобрал с пола белый шнур и вытащил из-под кровати присоединённый к нему выключатель.

— Кто-то оставил включённым электроодеяло. Поэтому тело нагрелось и вспотело, — пояснил он.

— Вот те на! Господь всемогущий, — засмеялся Кенни. Он заметил, как Джефф сверкнул на него глазами, и проговорил в свое оправдание: — Энди обоссался бы со смеху. Вы же знаете, какое у Энди было чувство юмора. — Он развёл руками.

— Конченый идиот… при Алисе… — в бешенстве пробормотал Джефф, развернулся и выбежал из

комнаты.

— Джефф! Джефф! Да погоди ты, чудак… — взмолился Кенни. Слышно было, как хлопнула входная дверь.

Нине показалось, что она сейчас описается. Она из последних сил сдерживала душившие её приступы смеха, и от этого у неё разболелось в боку. Кэти обняла её.

— Ну, ну, всё хорошо. Успокойся, милая. Не переживай так, — сказала она, и тогда Нина поняла, что плачет, как дитя. Никого не стесняясь, ревёт во всё горло. Обстановка разрядилась, и её тело обмякло на руках у Кэти. Нахлынули воспоминания, сладостные воспоминания детства. Она вспомнила Энди и Алису, и то счастье и любовь, которые некогда обитали здесь — в доме её тёти и дяди.

Новогодняя победа

— С Новым годом, чувачок! — Франко обнял Стиви за голову. Стиви упорно, трезво и немного застенчиво пытался плыть по течению, но чувствовал, как растягивались шейные мышцы.

Он ответил на поздравление со всей теплотой, на какую был способен. Отовсюду послышалось «с Новым годом!»; они мяли его неуверенную ладонь, хлопали по его негнущейся спине и целовали его в тугие, инертные губы. Он мог думать только о телефоне, Лондоне и Стелле.

Она не позвонила. Мало того, её не было дома, когда он ей звонил. Её не было даже у матери. Стиви вернулся в Эдинбург и предоставил Кейту Милларду полную свободу действий. Этот ублюдок сполна воспользуется своим преимуществом. Сейчас они, наверняка, вместе, как, впрочем, и прошлой ночью. Миллард — жеребец. Стиви тоже. Стелла тоже шлюха. Херовая комбинация. Но в глазах Стиви Стелла была самым чудесным человеком на свете. Поэтому она была не совсем шлюха, точнее, вовсе не шлюха.

— Оторвёмся на всю голову! Это же Новый год, бля! — Франко не столько предлагал, сколько приказывал. Такая у него была манера. Он заставлял людей веселиться, если это было необходимо.

Но необходимости в этом не было. Все и так уже разошлись до предела. Стиви трудно было примирить этот мир с тем, который он недавно покинул. Он почувствовал, что они смотрят на него. Кто эти люди? Что им нужно? Это были его друзья, и им нужен был он.

В мозгах у него засела песенка с пластинки, резавшая по живому:

Я любил девчонку, красивую девчонку,
Сладкую, как луговой цветок,
Сладкий мой цветочек,
Синенький цветочек,
Мэри, Мэри, колокольчик мой.

Все бурно подхватили.

— Гарри Лодер — гений! Урра, это Новый год! — прокричал Доузи.

Видя радость на их лицах, Стиви смог лучше осознать масштабы собственного горя. Он стремительно опускался в бездну тоски, а счастливые времена оставались где-то позади. Так часто бывает: до минувшего счастья вроде бы рукой подать, а дотянуться всё равно нельзя. Его разум превратился в жестокого тюремщика, который позволял своему узнику — душе — смотреть на свободу, но запрещал приближаться к ней.

Стиви сосал свою банку «экспорта» и надеялся, что этой ночью он никому не испортит настроения. Главную опасность представлял Фрэнк Бегби. Это был его флэт, и он считал, что здесь всем должно быть весело.

— У меня есть для тебя билет на сегодняшний матч, Стиви. Джамбо играют, — сказал ему Рентон.

— А что, нельзя посмотреть в баре? Я думал, его передают по спутнику.

К нему повернулся Дохлый, замолаживавший какую-то мелкую темноволосую девицу, которой Стиви не знал.

— Ты чё, охуел, Стиви? Я смарю, ты там в Лондоне нахватался херовых привычек. Я терпеть не могу смареть футбол по телеку. Это всё равно что ебаться с гондоном. Ёбаный безопасный секс, ёбаный безопасный футбол, всё, бля, безопасное. Давайте построим вокруг себя классный безопасный мирок, —

Дохлый скорчил насмешливую гримасу. Стиви уже успел забыть о его невероятно импульсивной натуре.

Рентс согласился с Дохлым. Небывалый случай, подумал Стиви. Они же всегда гнали друг на дружку. Если один говорил: «клёво», второй обязательно возражал: «отстой»:

— Надо запретить показывать футбол по телеку, чтобы эти жирные ленивые поцы оторвали свои задницы от кресел и пошли на стадион.

— Ладно, уломали, — сдался Стиви.

Но идиллия между Рентсом и Дохлым оказалась недолгой.

— Оторвали задницы? Кто бы говорил! Мистер Протри-Диван-До-Дыр. Забудь о «чёрном» хоть на десять минут, и ты сможешь посмареть на одну игру больше, чем в прошлом сезоне, — съязвил Дохлый.

— Чё-то ты, бля, нервный сёгодня… — Рентс повернулся к Стиви, а затем насмешливо ткнул большим пальцем в сторону Дохлого. — У этого чувака погоняло Полные Шузы, потому что он всегда носит с собой кучу наркоты.

Сцепились. Когда-то это забавляло Стиви. Но сейчас напрягало.

— Помнишь, Стиви, ты обещал вписать меня в феврале? — сказал Рентс. Стиви мрачно кивнул. Он надеялся, что Рентс забудет об этом или передумает. Рентс был его приятелем, но у него были проблемы с наркотиками. В Лондоне он снова подсядет на героин и стусуется с Тони и Никси. У них всегда при себе список адресов, где можно достать дряни. Рентс, кажется, никогда не работал, но деньги у него были всегда. То же самое можно было сказать и о Дохлом, с той разницей, что он распоряжался чужой капустой как своей собственной, а своей собственной — точно таким же образом.

— После игры продолжение вечерины у Метти. Он переехал на Лорн-стрит. Чтобы все были как штык, — проорал Бегби у них над головами.

Ещё одна вечерина. Для Стиви это было, как работа. Новый год будет длиться вечно. Он начнёт сбавлять обороты числа после 4-го, когда появятся «окна» между вечеринами. Эти «окна» будут расти, пока не достигнут длины нормальной недели с вечеринами в конце.

Приходили новые гости. Маленький флэт был набит под завязку. Стиви никогда ещё не видел Франко, или Попрошайку, таким довольным. Он даже не наехал на Реба Маклафлина, или Второго Призёра, как его называли, когда тот нассал у него за шторой. Второй Призёр не просыхал уже несколько недель подряд. Для таких людей, как он, Новый год был всего лишь удобным поводом нажраться. Его подружка Кэрол начала его стыдить. Но Второй Призёр даже не узнал её.

Стиви прошмыгнул на кухню, где было поспокойнее и можно было поговорить по телефону. Словно бизнесмен-яппи, он оставил её матери список телефонов, по которым его можно было найти. Мать должна была передать их Стелле, если та позвонит.

Стиви признался ей в своих чувствах в том занюханном баре в Кентиш-Тауне (5), куда они обычно никогда не заходили. Он открыл ей своё сердце. Стелла сказала, что подумает над тем, что он сказал ей, что для неё это большая неожиданность и сейчас она не готова говорить на эту тему. Она сказала, что позвонит ему, когда он вернётся в Шотландию. Вот и всё.

Они вышли из бара и разбрелись в разные стороны. Стиви, со спортивной сумкой через плечо, направился к метро, чтобы добраться до Кингс-Кросс. Он остановился, обернулся и посмотрел, как она переходит мост.

Её длинные каштановые локоны развевались на ветру, и она уходила прочь, одетая в рабочую куртку, миниюбку, плотные чёрные шерстяные колготки и семимильные «доктор-мартенсы». Он ждал, что она

оглянется. Но она так и не обернулась. Стиви купил на вокзале пузырь виски «Беллс» и к тому времени, как поезд прибыл в Уэйверли, выжрал большую его часть.

С тех пор его настроение не улучшилось. Он сидел на пластмассовом табурете и рассматривал кафельную плитку. Вошла Джун, подружка Франко, и улыбнулась ему, лихорадочно схватив несколько бутылок. Джун никогда не разговаривала и в таких ситуациях казалась какой-то отъехавшей. Франко же разговаривал за двоих.

Как только Джун ушла, появилась Никола, преследуемая Картошкой, который выслеживал её, как верный, обливающийся слюной пёс.

— А… Стиви… С Новым годом, брат, э, это самое… — сказал Картошка, растягивая слова.

— Мы уже виделись, Картоха. Вчера вечером, в Троне. Помнишь?

— Ага… точно. Ничейный пузырь, — Картошка прицелился и заграбастал полную бутылку сидра.

— Как дела, Стиви? Как Лондон? — Спросила Никола.

«О господи, нет, — подумал Стиви. — Никола такая общительная. Я изолью ей душу… Нет… Да!»

Стиви приступил. Никола внимательно слушала. Картошка сочувственно кивал, то и дело повторяя: «Тяжко, бля…»

Он чувствовал, что выставляет себя полным идиотом, но остановиться уже не мог. Каким же занудой он предстал перед Николой, даже перед Картошкой! Он говорил без умолку. Картошка, в конце концов, ушёл, его сменила Келли. К ним присоединилась Линда. Из прихожей послышались футбольные песни.

Никола дала практический совет:

— Позвони ей, подожди, пока она сама позвонит, или съезди к ней.

— СТИВИ! КУДА ТЫ ЗАПРОПАСТИЛСЯ, СУКИН ТЫ СЫН? — Заревел Бегби. Стиви буквально выволокли в гостиную. — Замолаживаешь на кухне прынцесс, ёб твою мать? Так ты ещё хуже, блядь, чем вон тот потаскун, этот ёбаный джазовый пурист. — Он показал на Дохлого, сосавшегося с тёлкой, которую он до этого клеил. Кто-то подслушал, как он назвал себя перед ней «джазовым пуристом».

Мы уедем в Дублин — королеву на хуй!
Где блестят на солнце шлемы — фрицев на хуй!
Где звенят штыки, где палят стрелки
И строчат очередями пулемёты.

Стиви впал в уныние. При таком шуме ни за что не услышишь звонка.

— Заткнитесь сейчас же! — закричал Томми. — Это моя любимая песня. — «Вулфстонс» пели «Баннский берег». Томми и ещё несколько человек подпевали.

…на уны— ы-ылом ба-аннском берегу…

Когда «Тонсы» запели «Джеймса Конолли», некоторые даже прослезились.

— Великий бунтарь, бля, великий, бля, социалист и великий Ирландец. Джеймс Конолли, ёбать его мать, — сказал Гев Рентону, и тот угрюмо кивнул.

Одни продолжали петь, другие пытались поддержать разговор о музыке. Но когда заиграли «Парни из Старой Бригады», то подхватили все. Даже Дохлый перестал на время лизаться.

Мой оте— ец, почему-у ты грусти-ишь
В этот я-асный пасха-альный де-ень?

— Пой, сука! — сказал Томми, ткнув Стиви локтем под рёбра. Бегби сунул ему в руку ещё одну банку пива и обнял за шею.

Когда— а ирла-андцы бу-удут жи-ить
на зе— емлях свои-их отцо-ов

Это пение будоражило Стиви. В нём сквозило какое-то отчаяние. Казалось, будто громкое пение сплачивает их в одно могучее братство. Эта песня призывала «взяться за оружие» и не имела никакого отношения к Шотландии и Новому году. Это была боевая музыка. Стиви не хотел ни с кем воевать. Но эта музыка была прекрасна.

Обильные возлияния не только заглушали, но и одновременно обостряли похмелье. Оно грозило стать таким огромным, что вызывало неподдельный ужас. Они не перестанут пить до тех пор, пока не прочувствуют эту музыку всем своим нутром, пока не выжгут дотла весь адреналин.

Когда— а я бы-ыл таки-им, как ты-ы,
Я— а вступи-ил в ИРА-А-А -интендантом!

В коридоре зазвонил телефон. Джун подошла к аппарату. Бегби вырвал трубку у неё из рук и прогнал её. Она заплыла обратно в гостиную, как привидение.

— Кто? КТО-КТО? КОГО? СТИВИ? ХОРОШО, ОДНУ МИНУТУ. КСТАТИ, С НОВЫМ ГОДОМ, ЦЫПКА… — Франко положил трубку. -…кто б это мог быть?… — Он зашёл в гостиную. — Стиви. Тебя там какая-то краля спрашивает. Полный рот шаров, бля. Короче, из Лондона.

— Ах ты ж засранец! — засмеялся Томми, когда Стиви вскочил с дивана. Ему уже полчаса хотелось в туалет, но он боялся, что не дойдёт, потому что нетвёрдо держался на ногах. На сей раз ноги его не подвели.

— Стив? — Она всегда называла его «Стивом», а не «Стиви». Все притихли. — Где ты был?

— Стелла… где я был?… Я звонил тебе вчера. Где ты сейчас? Чем ты занимаешься? — Он чуть было не спросил, с кем она, но вовремя спохватился.

— Я была у Линны, — сказала она. Ну конечно. У сестры. В Чингфорде или в каком-нибудь другом, таком же скучном и отвратном местечке. Стиви почувствовал прилив радости.

— С Новым годом! — сказал он с облегчением, переполняемый счастьем.

Раздался «бип», и ещё одна монетка опустилась в автомат. Стелла звонила не из дома. Где она? В баре с Миллардом?

— С Новым годом, Стив. Я на Кингс-Кросс. Через десять минут сажусь на эдинбургский поезд. Сможешь встретить меня на вокзале в десять сорок пять?

— Чёрт возьми! Ты шутишь?… Бляхомуха! Я буду там ровно в десять сорок пять. Как штык. Вот это Новый год. Стелла… то, что я говорил тебе вчера вечером… знаешь, всё это очень серьёзно…

— Это хорошо, потому что мне кажется, что я тебя люблю… я всё время думала о тебе…

Стиви чуть не захлебнулся. На глаза навернулись слёзы. Одна из них сорвалась и покатилась по щеке.

— Стив… ты в порядке? — спросила она.

— Как никогда, Стелла. Я люблю тебя. Я не вру, без балды.

— Чёрт… деньги кончаются. Не мучай меня, Стив, мне не до шуток, чёрт возьми… Увидимся без

четверти одиннадцать… Я люблю тебя…

— Я люблю тебя! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! — Ещё один «бип», и линия разъединилась.

Стиви держал трубку с такой нежностью, будто она была частью её самой. Потом повесил её и сходил в туалет. Он ещё никогда не был так счастлив. Зловонная моча плескалась на дне унитаза, а Стиви переполняли сладкие мысли. Им овладела жгучая любовь ко всему миру. Наступил Новый год. Как в старые добрые времена. Он любил всех, а особенно Стеллу и своих друзей на вечеринке. Своих товарищей. Простодушных бунтарей: соль земли. Несмотря ни на что, он любил даже джамбо. Они тоже были хорошими людьми и просто болели за свою команду. В этом году он пригласит многих из них к себе в гости, независимо от исхода игры. Стиви будет водить Стеллу на вечерины по всему городу. Это будет великолепно. Футбольные разногласия — глупость, несусветная чушь; они мешают объединению рабочего класса и обеспечивают безраздельную гегемонию буржуазии. Стиви всё это хорошо для себя уяснил.

Он вернулся в комнату и поставил песню «Проклеймерсов» «Солнце над Лейтом». Ему хотелось отметить тот факт, что, куда бы он ни уезжал, этот город навсегда останется его родиной, а эти люди — его друзьями. Кое-кто начал было возмущаться. Но свистки, раздавшиеся после того, как Стиви снял предыдущую пластинку, сразу же утихли, когда все увидели, что он сияет от счастья. Он изо всей силы хлопал по спине Томми, Рентса и Попрошайку, громко пел и танцевал с Келли, не заморачиваясь по поводу того, как окружающие восприняли его внезапное преображение.

— Молодец, что вернулся к нам, — сказал ему Гев.

В течение всего матча он был в приподнятом настроении, тогда как остальные заметно приуныли. Он снова отдалился от своих друзей. Вначале он не мог разделить их счастья, а теперь не мог понять их отчаяния. «Хибсы» проигрывали «Сердцам». Обе команды создали ничтожное количество голевых ситуаций. Это был какой-то детский сад, но «Сердца», по крайней мере, провели несколько успешных атак. Дохлый схватился за голову. Франко злобно поглядывал на болельщиков «Сердец», плясавших на другом конце поля. Рентс кричал: «Тренера на мыло!» Томми и Шон спорили об оборонительных просчётах, пытаясь найти виноватого в том, что забили гол. Гев обвинял судью в масонских симпатиях, а Доузи оплакивал прошлые неудачи «Хибсов». Картошка (торчок) удолбался, а Второй Призёр («синяк») ужрался до потери пульса. Они остались на флэту, их билеты годились разве что на корм тараканам. Но для Стиви всё это не имело сейчас никакого значения. Он был влюблён.

После матча он попрощался со всеми и отправился на вокзал встречать Стеллу. Основная масса болельщиков «Сердец» двинулась в ту же сторону. Стиви успел забыть об этой тяжёлой энергетике. Один парень крикнул ему что-то в лицо. «Эти суки выиграли четыре-ноль, — подумал он. — Чего они, падлы, хотят? Крови?»

По пути на вокзал он проглотил несколько плоских насмешек. «Могли б придумать чего-нибудь поумней, чем „ирландский ублюдок“ или „конченый фений“, — подумал он. Один „герой“, подстрекаемый лающими друзьями, попытался поставить ему сзади подножку. Ему пришлось снять шарф. Какой дурак об этом узнает? Он теперь лондонский парень, и какое отношение имеет всё это дерьмо к его теперешней жизни? Ему даже не хотелось отвечать на собственный вопрос.

В вестибюле вокзала к нему подошла группа парней.

— Ирландский ублюдок! — крикнул один пацан.

— Вы ошиблись, ребята. Я болею за «Боруссию-Мюнхенгладбах».

Он почувствовал удар в челюсть и вкус крови на губах. Они пнули его пару раз ногами и пошли прочь.

— С Новым годом, ребята! Любви и мира вам, братья джамбо! — посмеялся он над ними, закусив

свою солёную разбитую губу.

— Он ещё выёбывается, — сказал один из них. Стиви показалось, что они сейчас вернутся, но они переключились на какую-то азиатку с двумя маленькими детьми:

— Ебучая пакистанская шлюха!

— Вали на хуй в свою страну!

Вскоре это стадо обезьян покинуло здание вокзала.

— Какие обаятельные и чуткие молодые люди! — сказал Стиви женщине, которая смотрела на него, как кролик на ласку. Она видела перед собой ещё одного белого парня с плохой дикцией, кровоточащей губой и перегаром изо рта. И прежде всего, она видела ещё один футбольный шарф, наподобие тех, какие носили её обидчики. Разница в цвете не имела для неё значения, и она была права, осознал Стиви с беспощадной грустью. Вполне возможно, парни в зелёных шарфах тоже наезжали на неё. Говнюков хватает везде.

Поезд опоздал всего лишь на двадцать минут, то есть, по меркам британской железной дороги, прибыл практически вовремя. Стиви гадал о том, приехала ли она. Его мучила паранойя. Страх накатывал волнами. Ставка была слишком высока. Высока, как никогда. Он не видел её, не мог даже мысленно представить её. И вдруг она появилась словно бы из ниоткуда, совсем не такая, как он думал, более реальная и даже ещё красивее. Они обменялись улыбками, взволнованными взглядами. Он пробежал разделявшее их короткое расстояние и обнял её. Они слились в долгом поцелуе. А когда разомкнули губы, то увидели, что перрон опустел, а поезд давным-давно уехал в Данди.

Базара нет

Из соседней комнаты донёсся леденящий душу вопль. Дохлый, развалившийся рядом со мной на подоконнике, навострил уши, как собака, услышавшая свист. Я вздрогнул. Этот крик пронимал меня насквозь.

Лесли с криком вбежала в комнату. Это было ужасно. Я хотел, чтобы она замолчала. Нет. Я не мог с ней справиться. Никто не мог. Уже не мог. Больше всего на свете я хотел, чтобы она перестала вопить.

— Девочка умерла… умерла… Доун…о господи… боже ж ты мой, — всё, что я мог разобрать в этом бессвязном лепете. Она рухнула на потёртый диванчик. Мой взгляд приковало коричневое пятно на стене прямо над ней. Что это, блядь, такое? Откуда оно взялось?

Дохлый вскочил на ноги. Глаза у него были выпучены, как у лягушки. Он всегда напоминал мне лягушку. Сидит-сидит, а потом — гоп, вскочил и попрыгал. Он посмотрел сначала на Лесли, а потом прошмыгнул в спальню. Метти с Картошкой озирались кругом, ни во что не врубаясь, но даже сквозь наркотический туман они понимали, что произошло что-то очень скверное. Я тоже понимал. Сука, я так и знал. Я сказал то, что говорю всегда, когда происходит что-то скверное.

— Я щас сварю, — сказал я им. Метти впился в меня взглядом. Он кивнул мне. Картошка встал, залез на диван и сел в нескольких футах от Лесли. Она обхватила руками голову. Примерно минуту я ждал, что Картошка дотронется до неё. Я надеялся. Я хотел, чтобы он это сделал, но он только тупо смотрел на неё. Даже издали мне было видно, что он уставился на большую родинку у неё на шее.

— Это я виновата… я во всём виновата, — причитала она, закрывая лицо руками.

— Слышь, Лес… это самое, Марк ща сварит, слы… ты поняла, это самое… — сказал ей Картошка. Это были первые слова, которые я услышал от него за несколько дней. Наверняка, он что-то говорил всё это время. Должен был говорить, в натуре, блядь.

Вернулся Дохлый. Весь напряжённый, особенно шея, как будто пытался сорваться с невидимого поводка. У него был гробовой голос. Как у сатаны в фильме «Изгоняющий дьявола». Мы все заткнулись.

— Блядь… ёбаная жизнь! И чё теперь делать, а?

Я никогда его таким не видел, а я знаю этого ублюдка почти всю свою жизнь:

— Чё случилось, Сай? Что за хуйня, бля?

Он подошёл ко мне. Мне показалось, он собирается меня отпиздить. Мы отличные кореша, но иногда тузим друг друга, по пьянке или со злости, если один задрачивает другого. Но это же несерьёзно, просто чтоб спустить пар. Между корешами это бывает. Но только не сейчас, когда у меня начинались ломки. Если бы этот мудак меня ударил, мои косточки рассыпались бы на миллионы мелких осколков. Он просто стоял надо мной. Спасибочки, бля. Ой спасибо, Дохлый Саймон!

— Всё накрылось пиздой. Это полный пиздец! — завыл он громким, отчаянным голосом. Он похож был на раздавленную собаку, которая ждёт, чтобы кто-нибудь её пожалел.

Метти и Картошка встали и побежали в спальню. Я, мимо Дохлого, за ними. Я почувствовал запах смерти в комнате ещё до того, как увидел ребёнка. Он лежал ничком в своей кроватке. Он, вернее, она была холодной и мёртвой, с синяками под глазами. Мне даже не нужно было её трогать. Она лежала, как выброшенная кукла на дне детского гардероба. Такая махонькая. Крохотная, бля. Малютка Доун. Какая жалость!

— Малютка Доун… не могу поверить. Какой грех на душу… — сказал Метти, покачивая головой.

— Ну и духан, бля… это самое, сука… — Картошка прижал подбородок к груди и медленно выдохнул.

Метти всё так же качал головой. Он готов был взорваться:

— Всё, я сваливаю отсюда на хуй. Я не знаю, что делать, бля.

— Ёбаный в рот, Метти! Ни один поц отсюда не уйдёт! — заорал Дохлый.

— Спокуха, чувак, спокуха, — сказал Картошка, но его голос был очень неспокойным.

— У нас тут заныкана гера. Эту улицу уже несколько недель пасут суки-легавые. Мы щас на ёбаных кумарах, и у всех нас скоро начнутся ебучие ломки. Полицейские ублюдки на каждом хуевом углу, — сказал Дохлый, стараясь держать себя в руках. Мысли о столкновении с полицией всегда помогают сосредоточиться. В вопросе о наркотиках мы классические либералы и горячо выступаем против вмешательства государства в любой форме.

— Угу… а может, всё-тки лучше свалить на хуй? Мы тут всё приберём и съебёмся, а Лесли вызовет скорую или полицию. Лично я согласен с Метти.

— Слышьте… может, надо остаться с Лес, это самое. Мы же типа друзья, и всё такое. А? — отважился спросить Картошка. Такая солидарность в нынешних обстоятельствах была чем-то из разряда фантастики. Метти снова покачал головой. Он недавно отмотал шесть месяцев в Сафтоне. Если его опять заметут, то навесят охуенный срок. Тут же везде рыщут мусора. По крайней мере, такое ощущение. Лично на меня картина, нарисованная Дохлым, произвела большее впечатление, чем предложение Картошки держаться вместе. Только пусть не вздумают спускать всю дрянь в унитаз. Лучше пускай меня посадят.

— Я так понимаю, — сказал Метти, — это Леслин бэбик, правильно? Если б она за ним лучше смотрела, он бы, может, и не умер. Ну а мы тут при чём?

Дохлый задышал часто и глубоко.

— Мне неприятно об этом говорить, но Метти прав, — сказал я. Мне становилось всё хуже. Я просто хотел поскорее вмазаться и съебаться.

Дохлый отмалчивался. Это было странно. Обычно этот сукин сын рявкал на всех и каждого, не обращая внимания, слушают его или нет.

Картошка сказал:

— Это самое, мы типа не можем бросить Лес на произвол судьбы. Это будет типа как нехорошо. Врубаетесь?

Я посмотрел на Дохлого и спросил:

— От кого у неё бэбик?

Дохлый ничего не ответил.

— От Джимми Макгилвэри, — сказал Метти.

— Хуя лысого! — Дохлый недоверчиво ухмыльнулся.

— Не разыгрывай из себя ёбаного мистера Невинность, — Метти повернулся ко мне.

— Че-го? Пошёл ты на хуй! Чё ты гонишь? — ответил я, совершенно охуев от такого наезда.

— Ведь ты там был, Рентс. На вечерине у Боба Салливэна, — сказал он.

— Да ты чё, чувак, у меня с Лесли ничё не было. — Я говорил правду, но тут же понял, что дал маху. В

некоторых компаниях люди верят не тому, что ты им говоришь, а как раз противоположному; особенно это касается секса.

— А как вы оказались наутро в одной постели?

— Я был уторчанный, чуваки. В полном отрубе. Меня и домкратом не поднять было. Я даже не помню, когда последний раз тутурился. — Мои объяснения их убедили. Они знали, что я уже давно и очень плотно торчу и что значит трахаться в таком состоянии.

— Это… кто-то мне говорил, что это был… этот… Сикер… — предположил Картошка.

— Какой там Сикер, — Дохлый отрицательно покачал головой. Он положил руку на холодную щёку мёртвого ребёнка. Его глаза наполнились слезами. Я сам чуть было не расплакался. К горлу подступил комок. Одна загадка разрешилась. Мёртвое личико малютки Доун было как две капли воды похоже на лицо моего друга Саймона Уильямсона.

После этого Дохлый закатал рукав куртки и показал сочащиеся ранки на руке:

— Я больше никогда не притронусь к этому дерьму. С этого момента я завязал. — Его лицо приняло выражение раненого жеребёнка, которым он всегда пользовался, когда хотел, чтобы его пожалели или дали ему денег. Я почти поверил ему.

Метти посмотрел на Дохлого:

— Не дури, Сай. Не делай ложных выводов. То, что случилось с ребёнком, не имеет никакого отношения к дряни. И Лесли тоже не виновата. Насчёт неё я прогнал. Она была хорошей матерью. Она любила своего ребёнка. Никто не виноват. Он просто задохнулся во в сне. Случается сплошь и рядом.

— Ага, это самое, задохнулся во сне, чувак… врубаешься? — поддержал его Картошка.

Я ощутил любовь к ним всем. К Метти, Картошке, Дохлому и Лесли. Я хотел сказать им об этом, но получилось только:

— Я сварю.

Они посмотрели на меня охуевшими взглядами.

— Я, — пожал я плечами, словно оправдываясь. И поковылял в гостиную.

Это было убийство. Лесли. Я ничем не могу помочь в такой ситуации. Тем более в таком состоянии. Скорее могу навредить. Лесли сидела в том же положении. Наверно, надо было подойти и успокоить её, обнять, наконец. Но все мои косточки так выкручивало и царапало, что я не мог ни к кому притронуться. Только бормотал:

— Мне очень жаль, Лесли… но никто не виноват… она задохнулась в кроватке… малютка Доун… такая славная крошка… какая жалость… такой грех на душу…

Лесли подняла голову и посмотрела на меня. Её тощее, бледное лицо напоминало череп, обмотанный белой изолентой, а под красными глазами чернели круги.

— Ты сваришь? Мне надо вмазаться, Марк. Мне позарез надо вмазаться, бля. Давай, Марки, свари мне дозняк…

Наконец— то я мог принести хоть какую-то пользу. По всей комнате были разбросаны шприцы и иглы. Я попытался вспомнить, какой из баянов мой. Дохлый говорит, что он никогда в жизни не станет ширяться чужой машиной. Пиздит. Когда ты в таком состоянии, тебе глубоко насрать. Я взял тот, что лежал под рукой, этот, по крайней мере, не Картошкин, потому что он сидел в другом конце комнаты. Если Картошка до сих пор не ВИЧ-инфицированный, то правительство должно послать в Лейт делегацию статистиков,

чтобы выяснить, почему здесь не работает теория вероятностей.

Я достал ложку, зажигалку, ватные шарики и немного той хренотени, которую у Сикера хватает наглости называть «чёрным». В комнату вернулись остальные торчки.

— Вон отсюда, распиздяи, — наехал я на них, замахав руками. Я знал, что разыгрываю из себя Барыгу, и немного ненавидел себя, ведь это ужасно, когда с тобой так обращаются. Но ни один человек, побывавший в моём положении, никогда в жизни не станет отрицать, что абсолютная власть развращает. Чуваки отступили на пару шагов назад и молча наблюдали за тем, как я варю. Этим козлам придётся подождать. Сначала Лесли, потом я. Базара нет.

Торчковая дилемма № 64

— Марк! Марк! Открой дверь! Я знаю, что ты здесь, сынок! Я знаю, что ты здесь!

Это моя мама. Я уже давно её не видел. Я лежу в нескольких футах от двери, ведущей в узкую прихожую, которая заканчивается другой дверью. За этой дверью стоит моя мать.

— Марк! Сыночек, прошу тебя! Открой дверь! Это я, твоя мама, Марк! Открой дверь!

Кажется, мама плачет. Она говорит «ды-вы-герь». Я люблю маму, очень люблю, но как-то по-особенному, мне даже трудно, почти немыслимо признаться ей в этом. Но я всё равно её люблю. Так сильно, что даже сожалею, что у неё такой сын. Мне хотелось бы найти себе замену, потому что мне кажется, что я не изменюсь никогда.

Я не могу подойти к двери. Никаких шансов. Наоборот, я решил сварить ещё один дозняк. Мои болевые центры сообщают, что уже пора.

Уже пора.

Господи, час от часу не легче.

В этом порошке слишком много бодяги. Это видно по тому, как туго он растворяется. Ух, злоебучий Сикер!

Надо будет как-нибудь заскочить к старикам; проведать их. В первую очередь схожу в гости к ним, ну а потом, конечно, к этой суке Сикеру.

Её мужик

Ебическая сила.

Мы просто вышли пропустить по кружечке. Ёбнуться можно.

— Ты видал? Совсем рехнулся, — сказал Томми.

— Обломись, чувак. Лучше не вмешивайся. Ты же не знаешь, в чём там дело, — сказал я ему.

Но я всё видел. Ясно, как божий день. Он её ударил. Не просто шлёпнул, а звезданул кулаком. Жуть.

Хорошо, что рядом с ними сидел Томми, а не я.

— Я тебе сказал, сука! Не понятно, блядь? — парень снова заорал на неё. Никто и ухом не повёл. Высокий чувак с длинными светлыми волосами, что стоял у стойки, посмотрел на них и улыбнулся, а потом повернулся и стал смотреть игру в «дартс». Никто из парней, игравших в «дартс», даже не обернулся.

— Ещё по одной? — я ткнул пальцем в полупустую кружку Томми.

— Угу.

Когда я подошёл к стойке, они завелись опять. Я всё хорошо слышал. Бармен и этот патлатый тоже.

— Ну давай. Вдарь ещё. Давай! — Она его разводила. Голос, как у привидения, бля, визгливый такой, а губы не шевелятся. Хрен разберёшь, кто орёт. Бар полупустой, бля. Могли бы сесть в другом месте. Так нет же, выбрали именно это.

Он заехал ей в морду. Из губы брызнула кровь.

— Бей меня ещё, урел хренов. Давай!

Он ударил. Она завизжала, потом начала реветь и обхватила голову руками. Он сидел рядом и зырил на неё: шары горят, челюсть отвисла.

— Милые бранятся, — улыбнулся патлатый, поймав мой взгляд. Я тоже ему улыбнулся. Не знаю, зачем. Просто мне нужны друзья. Я никогда никому этого не скажу, но у меня проблемы с «синькой». Когда у тебе эти дела, то кореша начинают избегать тебя, чтобы у них тоже не возникло проблем с «синькой».

Я глянул на бармена, седого мужика с усами. Он покачал головой и пробурчал что-то себе под нос.

Я забрал кружки. «Никогда в жизни не поднимай руки на женщину, сынок» — часто говаривал мне отец. «Тот, кто этим занимается, самый распоследний мерзавец,» — говорил он. Гад, который бил девицу, вполне подходил под это описание. Грязные чёрные волосы, худое бледное лицо и чёрные усы. Ух, сволочь блядовитая.

Мне не хотелось тут оставаться. Я просто вышел спокойно выпить. Пару кружек, я поклялся Томми, чтоб только он пошёл со мной. Я могу себя контролировать. Только пиво, никакой «синьки». Но от всей этой гадости мне захотелось виски. Кэрол ушла к матери. Сказала, что переночует у неё. Я пошёл выпить пивка, но мало ли, вдруг я нажрусь.

Когда я сел на место, Томми тяжело дышал и смотрел немигающим взглядом.

— Я хуею, Сэкс… — сказал он мне, скрежеща зубами.

Глаз у девицы весь распух и заплыл. Челюсть тоже распухла, а из губы текла кровь. Девица была худенькая и рассыпалась бы на части, ударь он её ещё хоть раз.

Но она не сдавалась.

— Это твой ответ. Это твой всегдашний ответ, — прокричала она сквозь рыдания, злясь и в то же время жалея себя.

— Заткнись! Я кому сказал? Заткнись, сука! — Он просто задыхался от злости.

— А что ты сделаешь?

— Ах, ты сучара… — Он уже собрался вломить ей ещё раз.

— Ну всё, хватит, чувак. Обломайся. Ты сбрендил, — сказал ему Томми.

— Это не твоё собачье дело, блядь! Не суй свой нос, куда не просят! — парень ткнул пальцем в Томми.

— Хватит. Угомонитесь! — Закричал бармен. Патлатый улыбнулся, и несколько игроков в «дартс» оглянулись.

— Нет, это моё дело, бля. Что ты собрался, на хуй, сделать? А? — Томми наклонился вперёд.

— Ёб твою мать, Томми. Попустись, браток, — я робко схватил его за руку, подумав о бармене. Он резко стряхнул мою руку.

— Хочешь, чтоб я начистил тебе рыло? — заорал парень.

— А ты думаешь, что я не отвечу? Ёбаный пиздабол! Пошли выйдем, сука. Даввва-а-а-ай! — Сказал Томми нараспев, издеваясь над ним.

Парень обосрался со страху. И то. Томми — чувак крутой.

— Не твоё дело, — сказал он, но уже не так нагло.

И тогда на Томми набросилась его тётка.

— Это мой мужик! Ты говоришь с моим мужиком, ёб твою мать! — Томми настолько опешил, что не успел увернуться, когда она наклонилась к нему и запустила ногти ему в лицо.

Ну, а потом пошло-поехало. Томми встал и захуярил парню в морду. Он свалился со стула на пол. Я тоже вскочил и подбежал к патлатому. Сначала заехал ему в челюсть, потом схватил за патлы, блядь, наклонил чердак и несколько раз захерячил с носока по фейсу.

Один раз он поставил блок, а второй удар был несильным, потому что я был в кроссах. Он замахал руками и вырвался. Попятился назад: рожа вся красная, ни фига не догоняет. Он мог бы навалять мне, на раз, а он просто стоял, расставив руки.

— Что за хуйня?

— Шутка! — сказал я.

— Шутка? — чувак совершенно охуел.

— Я звоню в полицию! Все вышли отсюда, или я звоню в полицию! — закричал бармен и для пущего эффекта снял трубку.

— Никаких разборок, пацаны, — грозно приказал жирный урел из команды игроков в «дартс». У него была полная пригоршня стрелок.

— Я тут ни при чём, брат, — сказал мне патлатый.

— Значит, я типа как обознался, — ответил я.

Тётка с мужиком, которые заварили, на хуй, всю эту кашу, — мы ж просто хотели спокойно выпить, —

украдкой прошмыгнули в дверь.

— Суки ёбаные! Это мой мужик, — крикнула она нам напоследок.

Томми опустил руку мне на плечо.

— Пошли отсюда, Сэкс, — сказал он.

Жирный мудак из команды игроков в «дартс», он был в красной майке с названием бара, мишенью и надписью «Стью» внизу, ещё не всё сказал.

— Больше не приходите сюда и не устраивайте бузы. Это не ваш бар. Я вас видел. Вы корешитесь с тем рыжим и с Уильямсоном, который с косичкой. Они конченые наркоманы. Нам тут не надо этой швали.

— Мы не принимаем наркотиков, браток, — сказал Томми.

— Угу. Только не в этом баре, — продолжал жирный.

— Ладно, Стью. Ребята не виноваты. Это всё тот мудак Алан Вентерс со своей чувихой. Уж они-то точно сидят на игле. Ты же знаешь, — сказал другой чувак с редкими светлыми волосами.

— Пускай выясняют отношения у себя дома, а не в баре, — сказал первый.

— Семейная ссора. Только и всего. Не надо напрягать людей, которые просто пришли выпить, и всё такое, — согласился белобрысый.

Худшее осталось позади. Я боялся, что они пойдут за нами, и поэтому шёл быстро, а Томми отставал.

— Куда тебя несёт?

— Отъебись. Пошли скорее.

Мы выползли на улицу. Я оглянулся: из бара никто не вышел. Впереди мы увидели эту чокнутую парочку.

— Надо бы расквитаться с этим козлом, — сказал Томми, уже готовый бежать за ними. Я заметил, что подошёл автобус. 22-й. Нам катит.

— Брось, Томми. Наш автобус. Поехали. — Мы побежали на остановку и сели на автобус. Поднялись на второй этаж и прошли в самый конец салона, хотя нам всего несколько остановок.

— Что у меня с лицом? — спросил Томми, когда мы сели.

— Как обычно. Полный пиздец. Даже лучше стало, — сказал я ему.

Он посмотрел на своё отражение в окне.

— Ёбаная тварь, — выругался он.

— Пара ёбаных тварей, — поправил его я.

Томми был прав, что ударил чувака, а не чувиху, хотя его ударила она, а не он. В своё время я натворил кучу вещей, за которые мне теперь стыдно, но я никогда в жизни не бил чувих. А всё, что говорит Кэрол, это пиздёж. Она говорит, что я применяю к ней насилие, но я никогда её не бил. Я просто держал её, чтобы можно было поговорить. Она говорит, что удерживать — это всё равно, что бить, и что это тоже насилие. Я так не думаю. Я просто хотел придержать её, чтобы поговорить.

Когда я рассказал об этом Рентсу, он сказал, что Кэрол права. Я сказал, что она может приходить и уходить, когда ей угодно. Я, конечно, спиздел. Просто я хотел поговорить с ней. Франко со мной согласился. «Ты просто никогда не жил с тёткой», — сказали мы ему.

В автобусе мне стало тошно и муторно. Наверно, Томми тоже, потому что мы больше не

разговаривали. Но утром мы забуримся вместе с Рентсом, Попрошайкой, Картошкой, Дохлым и всей толпой в какой-нибудь кабак и будем дружно заливать о своих подвигах.

Вербовка под «спидом»

1 — Подготовка

Картошка и Рентон сидели в баре в «Королевской миле». Заведение косило под американский тематический бар, но весьма отдалённо: это было сумасшедшее нагромождение антиквариата.

— Какой ёбнутый придурок, это самое, пошлёт нас с тобой на одну и ту же работу? — спрашивал Картошка, прихлёбывая свой «гиннесс».

— Для меня это полный пиздец, чувак. Не надо мне никакой работы, бля. Это будет кошмар! — Рентон покачал головой.

— Да уж, классно было бы, это самое, ширяться и дальше, угу?

— Только не вздумай сорвать собеседование, Картоха, а то эти суки настучат на биржу, и те ублюдки не будут платить тебе бабла. В Лондоне со мной такое уже было. Тут надо быть на стрёме.

— Ага… А что мне тогда типа делать?

— Надо сделать вид, будто ты хочешь работать, и в то же время сорвать на хуй собеседование. Если не будешь лохом, они не сумеют ни хера с тобой сделать. Надо быть самим собой и честно обо всём рассказать — тогда они никогда не дадут тебе никакой ебучей работы. Но если ты будешь сидеть и молчать, то эти ублюдки сразу пошлют тебя на биржу. Они скажут: этого чувака нельзя трогать.

— Для меня это трудно, чувак… Врубаешься? Трудно всё это провернуть… это самое. Я типа могу перетрухать, врубаешься?

— Томми принесёт «спида». Когда у тебя собеседование?

— Аж в полтретьего.

— Классно, у меня в час. Встретимся тут в два. Я дам тебе свой галстук и «спида». Прикинься получше, покажи товар лицом, понял? Ладно, давай катать заявы.

Они положили на стол перед собой бланки. Рентон заполнил свой почти до половины. Картошка краем глаза пробежал пару пунктов.

— Обана… ты чё, чувак? «Джордж Хериот»?… Ты ж ходил в лейтскую школу…

— Всем хорошо известно, что в нашем городе у тебя очень хуёвые шансы получить приличную работу, если ты не ходил в мажорскую школу. Выпускнику «Джорджа Хериота» они никогда не предложат место швейцара в гостинице. Это только для нас, плебеев; так что пиши чё-нибудь в этом роде. Если эти козлы увидят у тебя в заявлении школу «Оги» или «Крейги», то сразу дадут тебе чёрную работёнку… Блядь, мне пора. Короче, не опаздывай. Скоро увидимся.

2 — Процесс: мистер Рентон (13.00)

Заведующий приёмом на работу, который со мной поздоровался, оказался жутко прыщавым типом в облегающем костюме с перхотью на плечах, похожей на дорожки кокаина. У меня аж руки зачесались при виде этого мудозвона. Его рябое лицо и угри полностью разрушали впечатление, которое эта ебливая вонючка пыталась произвести. Даже во время самых страшных ломок у меня никогда не было такого цвета лица, как у этого несчастного говнючонка. Наверно, он уже приготовился к нападению. Посередине сидел

толстый, выёбистый мудила, а по правую руку от него — оскаленная бабища в костюме деловой женщины с лицом, намазанным толстым слоем крема, — типичная «жаба».

Термоядерный расклад для получения места ёбаного швейцара.

Как и следовало ожидать, всё началось со вступительного гамбита. Жирный посмотрел на меня с теплотой во взгляде и сказал:

— В вашей анкете написано, что вы посещали гимназию Джорджа Хериота.

— Ах да, школьные годы чудесные… Как давно это было!

Я ещё мог соврать в заяве, но только не на собеседовании. Один раз я действительно посетил «Джордж Хериот»: когда я был помощником ученика в «Гиллслэнде», мы занимались там какой-то работой по контракту.

— Старина Фозерингхем всё ещё читает лекции?

Сука. Одно из двух: либо читает, либо ушёл на пенсию. Нет. Слишком рискованно. Что-нибудь левое.

— Боже мой, вы снова напомнили мне о детстве… — я улыбнулся. Жирная скотина, видимо, осталась довольна ответом. Это меня беспокоит. Мне показалось, что собеседование окончено, и они сейчас предложат мне работу. Все остальные вопросы были приятными и безобидными. Мой план накрылся пиздой. Да они скорее дадут выпускнику коммерческого училища с серьёзным психическим расстройством место инженера по ядерной энергетике, чем предложат чуваку с учёной степенью чистить скотобойни. Надо что-то с этим делать. Какой кошмар. Жирный считает меня выпускником «Джорджа Хериота», который сбился с пути, и хочет мне помочь. Грубейший просчёт, Рентон!

Огромное спасибо прыщавому хую. (Я вправе допустить, что хуй у него тоже в прыщах, учитывая, что все остальные части его тела густо покрыты чиряками.) Робея, он задаёт мне вопрос:

— Э…э… мистер Рентон… э… как вы, э, объясните… э, перерывы в своей работе, э…

А как ты объяснишь перерывы между своими словами, пидор?

— Видите ли, я уже давно страдаю от героиновой зависимости. Я пытался бороться с ней, но она мешает моей трудовой деятельности. Я считаю, что должен честно во всём признаться и рассказать об этом вам как моему возможному будущему работодателю.

Сногсшибательный трюк. Они нервно заёрзали на стульях.

— Что ж, э, спасибо за откровенность, мистер Рентон… э, нам нужно кое с кем посоветоваться… ещё раз спасибо, мы с вами свяжемся.

Фантастика! Стена холодности и отчуждённости, стоявшая между нами, в одно мгновение рухнула. Теперь-то они не посмеют сказать, что я не пытался устроиться на работу…

3 — Процесс: мистер Мёрфи (14.30)

Этот «спид» — полный улёт. Я весь типа как пружина, жду не дождусь собеседования. Рентс сказал: «Покажи товар лицом, Картоха, и расскажи всю правду». Ну где эти коты, начинайте быстрей…

— В вашей анкете написано, что вы посещали гимназию Джорджа Хериота. Сегодня просто урожай на бывших «хериотских» выпускников.

Ага, жирный котяра.

— Я щас всё объясню. На самом деле, я ходил в «Оги», школу св. Августина, это самое, а потом в

«Крейги», ну знаете, «Крейгройстон». Я вписал «Хериот», потому что думал, это типа поможет мне получить работу. Вы ж знаете, в нашем городе дискриминация, ну и всё такое. А как тока эти мажоры в пиджаках с галстуками увидят «Хериота» или там, «Дэниела Стюарта» или Эдинбургскую академию, они сразу типа начинают переться. Я врубился, вы хотели сказать, это самое, я, мол, вижу, что ты ходил в «Крейгройстон», да?

— Нет, просто я пытался завязать беседу, поскольку сам закончил «Хериот». Мне хотелось, чтобы вы расслабились. Но я могу успокоить вас насчёт дискриминации. Мы с вами пользуемся совершенно равными возможностями.

— Вот это клёво, чувак. Теперь я спокоен. Просто мне позарез нужна работа. Я всю ночь не спал. Всё переживал, что провалю собеседование. Когда эти коты читают в анкете «Крейгройстон», они, это самое, думают, что каждый, кто ходил в Крейги, он типа конченый, правильно? Но вы ж знаете, это самое, Скотта Нисбета, футболиста? Он играет за «Гуннов»… ну, первый состав «Рейнджерсов», и подписывает самые дорогие международные контракты, врубаетесь? Так вот, чувак, этот пацан на год младше меня и учился вместе со мной в «Крейги».

— Могу вас заверить, мистер Мёрфи, нас гораздо больше интересуют полученные вами оценки, нежели то, в какую школу вы, или любой другой кандидат, ходили. Здесь сказано, что вы успешно сдали пять выпускных экзаменов…

— Да бросьте вы! Это самое, хватит об этом, котяра. Все эти выпускные — сплошной пиздёж. Я написал о них чисто для отмазки. Чтобы типа проявить инициативу. Врубаетесь? Мне позарез нужна работа, чувак.

— Послушайте, мистер Мёрфи, вас направило к нам Управление центра занятости. И у вас нет надобности лгать нам, как вы выразились, «для отмазки».

— Слы… всё равно, чувак. Ты ж тут главный, типа как начальник, мажор, который, это самое…

— Так, по-моему, мы топчемся на месте. Скажите же нам, наконец, неужели вы настолько нуждаетесь в работе, что готовы для этого солгать?

— Мне нужны башли, чувак.

— Извините, что вы сказали?

— Капустка, э… ну там, это самое, хавка, флэт. Врубаешься?

— Понимаю. Но что именно вас привлекает в индустрии развлечений?

— Ну, всем нравится веселиться, ну там, всякие удовольствия. Это и есть типа развлечения, чувак. Мне нравится, когда люди веселятся, просекаешь?

— Хорошо. Благодарю вас, — сказала краля со штукатуркой на лице. А мне приглянулась эта крошка… — Что вы считаете своими основными достоинствами? — спрашивает.

— Ну… это самое, чувство юмора. Его нужно иметь, без него никуда, без этого не обойдёшься, врубаетесь? Не надо так часто повторять «врубаетесь», а то эти мажоры подумают, что я типа плебей.

— А какие у вас слабости? — спросил своим скрипучим голоском кошак в костюмчике. Это тот прыщавый; Рентс не наврал насчёт угрей. Вылитый леопардик.

— Наверно, я слишком щепетильный, понимаете? Если что-то, это самое, не по-моему, так меня лучше не трогать, просекаете? После такого собеседования у меня весь день будут классные вибрации, врубаетесь?

— Большое спасибо, мистер Мёрфи. Мы вам сообщим дополнительно.

— Нет, чувак, это тебе спасибо. Это самое классное собеседование в моей жизни, врубаешься? — я подскочил к ним и пожал лапу каждому из этих кошаков.

4 — Обсуждение

Картошка встретился с Рентоном в том же баре.

— Как успехи, Картоха?

— Классно, чувак, классно. Даже чересчур классно. Эти мажоры могут даже предложить мне работу. Херовые вибрации. Но насчёт «спида» ты был прав. Я ещё никогда типа так себя не расхваливал. Вот это оттяг, компадре, оттяг так оттяг.

— Давай выпьем за твой успех. Хочешь ещё децл «спида»?

— Не откажусь, чувак, это самое, не откажусь.

На игле

Шотландия принимает наркотики для психической обороны

Я не мог сказать Лиззи о сейшене в «Бэрроуленде». Никакой, бля, возможности, чувак, я тебе говорю. Я купил билет после того, как достал «чёрного». Я был на голяках. А у неё день рождения. Или билет, или подарок. Выбора не оставалось. Выступал Игги Поп. Я думал, она меня поймёт.

— Ты покупаешь билеты на всяких ёбаных Игги Попов и не можешь купить мне подарок на день рожденья! — Вот что она сказала. — До каких пор я должна нести этот чёртов крест? Дурдом какой-то.

Я не обиделся. Она была права. Я сказал ей типа того, что я сам во всём виноват. Наивный бедняга Томми. Ёбаный ты по голове. Вечно принимаешь удар на себя. Если б я был хоть чуть-чуть более, как бы это сказать? двуличным, я бы ничего не сказал ей про билеты. Но когда я слишком взволнован, у меня вся душа нараспашку. Бесстрашный Томми Ган. Бедный дурачок.

Поначалу я ничего не говорил ей о сейшене. Но за день до концерта Лиззи сказала мне, что мечтает сходить на *«Обвиняемую»* . Там играет та же актриса, что и в *«Таксисте»* . Честно говоря, мне не хотелось идти на этот фильм: слишком много вокруг него шумихи и рекламы. Но дело, как ты понимаешь, было не в этом, а в том, что я сидел жопой на билетах на сейшн Ига. Поэтому я вынужден был рассказать о «Бэрроуленде».

— Завтра я не могу. У меня билеты на сейшн Игги Попа в «Бэрроуленде». Я иду вместе с Митчем.

— Так, значит, тебе приятнее пойти на концерт с этим долбаным Дэви Митчеллом, чем идти вместе со мной в кино? — Бедняжка Лиззи. Это был риторический вопрос, шаблонное оружие женщин и психопатов.

Спор перерос в обычное выяснение отношений. Я инстинктивно шёл на конфликт и готов был ответить «да», но это означало бы, что я посылаю Лиззи на фиг, а я ужасно люблю заниматься с ней сексом. Боже мой, как я это люблю! Особенно раком, когда она тихо постанывает, положив свою красивую головку на жёлтые шёлковые наволочки, у меня дома; Картошка стибрил их в магазине «Всё для семьи» на Принсис-стрит и подарил их мне для уюта. Я знаю, мне не стоит слишком откровенничать о нашей жизни, чувак, но воспоминание о том, какая она в постели, настолько ярко, что его не способны затмить ни её грубость, ни склочный характер. Как бы мне хотелось, чтобы Лиззи всегда была такой, как в постели!

Я бормочу нежные извинения, но она сурова и неумолима: красивая и сладкая только в постели. Из-за этого порочного круга она утратит красоту раньше времени. Она называет меня самым последним долбоёбом на свете и ещё кучей обидных словечек. Бедняга Томми Ган. Ты больше не великий вояка, а великий засранец.

Игги не виноват. Как я могу обвинять этого парня? Откуда ему было знать, когда он включал «Бэрроуленд» в свой гастрольный тур, что это поссорит двух людей, о существовании которых он даже не догадывается? Так думать может только полное чмо. Просто это была капля, переполнившая чашу. Лиззи — «железная» леди. Но я всё равно счастлив. Мне завидует даже Дохлый. Быть парнем Лиззи — это привилегия, но положение, как говорится, обязывает. Выходя из бара, я чувствовал, что уронил своё человеческое достоинство.

Дома я закинулся платформой «спида» и выжрал полбатла «Мерридауна». Мне не спалось, я

позвонил Рентсу и пригласил его позырить фильмец с Чаком Норрисом. Завтра Рентс уезжает в Лондон. Он там бывает чаще, чем дома. Тусуется с «чернушниками». Он вступил в такой себе синдикат с этими чуваками, с которыми познакомился несколько лет назад, когда работал на пароме «Хaридж-Гаага». Когда он приедет в Дымный Городишко, то пойдёт на Ига в «Таун-энд-Кантри». Мы пыхнули, и нас пробило на ха-ха, когда Чак начал пиздить кучи коммуняк-антихристов со своим неизменным запорно-стоическим выражением лица. По трезвяни смотреть это невозможно. А под кайфом — глаз не оторвёшь.

На следующий день у меня весь рот обсыпало мерзкими язвочками. Пришёл Темпс (Гев Темперли) и сказал, что так мне и надо. По его словам, я угроблю себя «спидом». Ещё Темпс сказал, что с моими оценками мне нужно искать работу. Я брякнул ему, что он говорит, как моя мамаша, а не как друг. Хотя Гев в чём-то прав. Он работает на бирже труда, и мы всегда выуживаем у него полезную информацию. Бедняга Темпс. Наверно, он не спал из-за нас с Рентсом всю ночь. Темпс терпеть не может биржевых кротов, которые оттягиваются, как обычные работяги. Но его тошнит от того, что Рентс каждый божий день расспрашивает его о правовых процедурах.

Я пошёл к мамаше, чтобы стрельнуть немного бабла на сейшн. Мне нужны бабки на поезд, на бухло и на наркоту. Я выступаю по «спиду», он классно идёт под «синьку», а бухнуть я любил всегда. Томми — чисто «спидовый» торчок.

Мамаша читает мне морали о вреде наркотиков и говорит, что я разочаровал её и батяню, который очень переживает обо мне, хотя и мало об этом говорит. А потом, когда батя возвращается с работы, а мамаша уходит наверх, он говорит мне, что она очень переживает обо мне, хотя и мало об этом говорит. Если честно, говорит он мне, он очень разочарован моим отношением. Он надеется, что я не принимаю наркотиков, и пристально изучает моё лицо, как будто там что-то написано. Странно, я знаю «чернушников», плановых и «спидовых» торчков, но самые конченые нарики — это «синяки» типа Сэкса. Это погремуха Реба Маклафлина, Второго Призёра. Он буквально не просыхает, чувак.

Я стреляю денег и встречаюсь с Митчем в «Хэбсе». Митч до сих пор ходит с этой девицей по имени Гэйл. Хотя тут и дураку ясно, что она ему ещё не дала. Поговорив с ним минут десять, я сразу просекаю ситуацию. Ему хочется набухаться, и я стреляю у него капусты. Мы выдуваем четыре пинты крепкого и садимся на поезд. По дороге в Глазго я выпиваю ещё четыре банки «экспорта» и закидываюсь двумя платформами «спида». Раздавив пару кружек в «Сэмми Доу», мы едем на такси в «Линч». После очередных двух пинт (а может, трёх?) и ещё одной платформы «спида» в параше мы начинаем петь попурри из песен Игги и забредаем в «Сарацинскую голову» в «Гэллоугейте», напротив «Бэрроуленда». Мы выпиваем сидра и полируем всё вайном, бешено глотая солёные «колёса» в серебряной фольге.

Когда мы выползаем из бара, я вижу только расплывчатую неоновую вывеску. Ох, и колотун здесь, блядь, я гребу, чувак. Мы идём на свет и заваливаем в танцзал. Рулим прямиком в бар. Здесь мы продолжаем синячить, хоть и слышим, что Игги уже начал сейшн. Я скидываю свою разорванную футболку. Митч насыпает на пластмассовый столик дорожку «морнингсайдовского спида» — кокаина.

Потом меня зарубает. Он что-то говорит мне о башках, я ни фига не догоняю, и меня это напрягает. Начинается вялая пьяная разборка, обмен тычками, не помню, кто первым ударил. Покалечить мы друг друга не можем, потому что сил у нас уже нет. Бухие в драбадан. Когда я поднимаюсь, то вижу, как у меня из носа прямо на голую грудь и на стол льётся кровь. Я хватаю Митча за волосы и хочу звездануть его головой об стену, но руки меня не слушаются. Кто-то хватает меня за шкирку и выталкивает из бара в коридор. Я встаю и, напевая, иду в ту сторону, откуда доносится музыка. Попав в зал, набитый потными телами, я, пихаясь локтями, проталкиваюсь к сцене.

Какой— то чувак бодает меня головой, но я пробираюсь вперёд, не обращая внимания на нападающего. Я скачу перед самой сценой, в нескольких футах от Него Самого. Играют «Неоновый лес».

Кто-то стукнул меня по спине и сказал:

— Ты чё, псих?

А я продолжаю петь — извивающийся резиновый человечек, танцующий пого.

Когда Игги Поп поёт строку: «Америка принимает наркотики для психической обороны», он смотрит прямо на меня; только вместо «Америка» он поёт «Шотландия». Он сумел охарактеризовать нас одной фразой, и притом так метко, как ещё никому не удавалось…

Прервав пляску святого Витта, я стою, уставившись на него в священном ужасе. Теперь он смотрит на кого-то другого.

Кружка

Проблема с Бегби в том… хотя с Бегби целая куча проблем. Но меня больше всего беспокоит то, что в его компании, особенно, если он кирной, невозможно по-настоящему расслабиться. Я всегда замечал, что достаточно малейшего сдвига в его представлении о тебе, и ты моментально переходишь из разряда закадычного кореша в разряд преследуемой жертвы. Весь фокус в том, чтобы потакать этому чуваку, но в то же время не превратиться в бессловесного кретина.

Любое открытое неуважение должно придерживаться чётко определённых рамок. Эти границы невидимы для посторонних, но их интуитивно чувствуешь. Кроме того, правила постоянно меняются в зависимости от его настроения. Дружба с Бегби — идеальная подготовка перед завязыванием отношений с женщиной. Он учит тебя чуткости и пониманию изменчивых потребностей другого человека. Общаясь с девицами, я обычно веду себя так же осторожно и снисходительно. По крайней мере, первое время.

Гиббо пригласил нас с Бегби на свой день рождения, 21 год. Отказаться было нельзя. Я взял с собой Хэйзел, а Бегби — свою чувиху, Джун. Джун была на взводе, но вида не подавала. Мы забили стрелу в баре на Роуз-стрит; это была идея Бегби. На Роуз-стрит тусуются только конченые, туристы и чмошники.

У меня с Хэйзел странные отношения. Мы встречаемся от случая к случаю уже на протяжении четырёх лет. Между нами даже есть какое-то взаимопонимание: когда я начинаю торчать, она тут же куда-то пропадает. Возможно, Хэйзел держится за меня потому, что она такая же задроченная жизнью, как и я, но вместо того, чтобы признать этот факт, она его отрицает. Для неё главное не наркота, а секс. Мы с Хейзел редко трахаемся. Дело в том, что я обычно настолько уторчанный, что уже не ведусь, а она всё равно фригидная. Говорят, что фригидных тёток не бывает, а есть только неопытные мужики. Может, тут есть доля истины, и я был бы самым последним пиздаболом, если бы строил из себя крупного спеца в этой области — нескончаемые «дорожки» у меня на веняках говорят сами за себя.

Просто в детстве Хэйзел изнасиловал родной отец. Она однажды проговорилась мне под кайфом. От меня толку было мало, потому что я тоже был вмазанный. Но когда я потом попытался вызвать её на разговор, она меня обломала. С тех пор наша сексуальная жизнь превратилась в кошмар. Она динамила меня неизвестно сколько времени, а потом всё-таки дала. Пока я её ебал, она была вся напряжена, хваталась за матрас и скрипела зубами. В конце концов, мы перестали этим заниматься. Это было всё равно, что спать на доске для сёрфинга. Никакая любовная прелюдия не могла растормозить Хэйзел. Она ещё больше напрягалась, ей даже становилось дурно. Я надеюсь, что когда-нибудь она найдёт того, кто её расшевелит. Ну а пока мы с Хэйзел заключили странный договор. Мы использовали друг друга в социальном смысле (по-другому не скажешь), чтобы создать видимость нормальности. Прекрасное прикрытие для её фригидности и моей торчковой импотенции. Мои папики носились с Хэйзел, видя в ней будущую невестку. Если б они только знали! Короче, я позвонил Хэйзел и предложил ей пойти вместе со мной на вечерину: такие себе две калеки.

Попрошайка начал нажираться ещё до того, как мы пришли. Одетый в костюм, он имел жалкий и угрожающий вид: синие чернила просачивались на шею и руки из-за воротника и из-под манжет. Казалось, будто Попрошайкиным татуировкам надоело сидеть в темноте, и они выползают на свет.

— Рентс, ёб твою мать! — заорал он во всю глотку. Тактом он никогда не отличался. — Как делы, цыпка? — спросил он Хэйз. — Пиздато выглядишь! Ты только глянь на него! — он показал на меня. — Стиляга, — проговорил он загадочно. А потом уточнил: — Конченый ублюдок, но стиляга. Мозговитый мужик. Высший класс. Почти как я.

Бегби всегда награждал своих друзей воображаемыми достоинствами, а затем бесстыдно присваивал

их себе.

Хэйзел и Джун, которые, на самом деле, почти не знали друг друга, благоразумно завели между собой разговор, оставив меня на растерзание Попрошайке — этому генералу Франко. Я вспомнил, что уже давно не пил с Бегби один на один, без других корешей, которые могли бы на время его отвлечь. Бухать с ним в одиночку было напряжно.

Чтобы привлечь моё внимание, Бегби засадил мне локтем под рёбра с такой силой, что, если бы мы не были приятелями, то можно было подумать, что он лезет драться. Потом он начал пересказывать какой-то фильм со сценами бессмысленного насилия, который смотрел по видаку. Попрошайка решил изобразить всю эту поеботину от начала до конца, демонстрируя на мне приёмы карате, удушения, ножевые удары и так далее. Его пересказ оказался в два раза длиннее самой картины. Наутро у меня точно будут фингалы, а я ещё ни в одном глазу.

Мы киряли на галерее и обратили внимание на толпу придурков, вломившихся внизу в переполненный бар. Они были на понтах, громко шумели и выделывались.

Я ненавижу таких чуваков. Таких, как Бегби. Чуваков, которые готовы накинуться с бейбольной битой на любого мудака, который от них чем-то отличается: пакистанца, «голубого», кого угодно. Ёбаные неудачники в стране неудачников. Не надо сваливать всю вину на англичан, которые нас завоевали. Лично я ничего против них не имею. Они просто дебилы. Нас завоевали дебилы. Мы даже не смогли найти себе приличной, живой, здоровой культуры, чтобы она нас завоевала. Так нет же! Нами правят изнеженные долбоёбы. Во что они превращают нас? В шваль, мерзавцев, подонков общества. Самые жалкие, раболепные, презренные, несчастные отбросы, какие когда-либо были высраны на свет божий. Я ничего не имею против англичан. Они просто роются в своём же дерьме. Я ненавижу шотландцев.

Бегби заговорил о Джули Мэйтисон, за которой он когда-то упадал. Джули терпеть его не могла. Возможно, именно поэтому она мне очень нравилась. Она была классной чувихой. Когда она родила ребёнка, у неё обнаружили ВИЧ, но бэбик, слава Богу, оказался здоровый. Джули с ребёнком привезли из роддома домой в машине скорой помощи, с двумя чуваками в комбинезонах, типа как от радиации, — шлемы и всё такое. Это было ещё в 1985 году. Как и следовало ожидать, соседи, увидев это, оборзели и подожгли её дом. Если ты подцепил ВИЧ, то тебе пиздец. Особенно если ты девица, да ещё и красивая. Наезд следовал за наездом. В конце концов, у неё произошёл нервный срыв, и её повреждённая иммунная система стала лёгкой добычей СПИДа.

Джули умерла в прошлом году на Рождество. Я даже не был у неё на похоронах. Я лежал на матрасе на флэту у Картошки, по уши в собственной блевотине, и не мог сдвинуться с места. Досадно, ведь мы с Джули были хорошими друзьями. Мы никогда с ней не трахались, ничего подобного. Мы оба думали, что после этого наши отношения — дружба между мужчиной и женщиной — в корне изменятся. После секса они обычно перерастают в настоящую любовь или совсем обрываются. Тут либо идёшь вперёд, либо отступаешь назад, остаться на том же месте трудно. Когда Джули начала ширяться, она очень похорошела. Как и большинство девиц. Гера как бы раскрывает то лучшее, что в них есть. Сначала она даёт, а потом отбирает, причём с процентами.

Эпитафия Бегби, посвящённая Джули:

— Одной классной пиздой меньше, блядь.

Я решил его обломать и сказал, что, когда он сдохнет, одной серебряной пулей станет меньше. Я пытался не показывать своей злости; это привело бы к очередному наезду. Я спустился вниз, чтобы взять ещё по одной.

Те гопники толклись у стойки, пихая локтями друг друга и всех остальных. Обслуживание было

кошмарным. Мозаичный чехол, изрисованный шрамами и синими чернилами, внутри которого, наверно, находился какой-то чувак, верещал на перепуганного бармена:

— ДВОЙНУЮ ВОДОВКУ И КОЛУ! ТЫ ЧЁ, ГЛУХОЙ? ДВОЙНУЮ ВОДОВКУ И КОЛУ, ЁБ ТВОЮ МАТЬ!

Я рассматривал бутылки виски на полке, изо всех сил стараясь не встретиться взглядом с этим поцем. Но мои глаза меня не слушались и так и норовили посмотреть вбок. Лицо у меня покраснело и загорелось, будто перед ударом кулаком или батлом. Эти чуваки — шизанутые на всю голову, с ними лучше не связываться.

Я взял бухло — вино тёткам и пиво нам.

Тут— то всё и произошло.

Я просто поставил пинту «экспорта» перед Бегби. Он выпил её залпом и небрежно швырнул пустую кружку через перила. Это была обычная низенькая кружка с рисунком и ручкой, и краем глаза я видел, как она описал кривую в воздухе. Я посмотрел на Бегби, он лыбился. Но Хэйзел и Джун не могли врубиться, и на их лицах отразилась моя беспомощная тревога.

Кружка обрушилась на голову тому гопнику и раскроила ему череп, а сам чувак упал на колени. Его кореша приняли боевую стойку, и один из них подскочил к соседнему столику и начал лупцевать какого-то ни в чём не повинного чувака. Другой накинулся на лоха, нёсшего поднос с пивом.

Бегби встрепенулся и помчался вниз по лестнице. Он выбежал на середину зала.

— ПАРНЮ РАЗБИЛИ НА ХУЙ ГОЛОВУ! НИКТО НЕ ВЫЙДЕТ ОТСЮДА, ПОКА Я НЕ УЗНАЮ, КТО БРОСИЛ ЭТУ ЁБАНУЮ КРУЖКУ!

Он рявкал на испуганные парочки и отдавал распоряжения официантам. Самое странное, что эти гопники на него велись.

— Правильно, братан. Мы щас разберёмся! — заорал Двойная Водовка и Кола.

Я не услышал, что ответил Бегби, но это произвело впечатление на Двойную Водовку. Потом Попрошайка подошёл к бармену:

— ЭЙ, ТЫ! ЗВОНИ В ПОЛИЦИЮ!

— НЕ! НИКАКОЙ ПОЛИЦИИ! — крикнул один из этих психов. Наверно, судимостей у них было хоть отбавляй. Лох за стойкой обосрался со страху и не знал, что ему делать.

Бегби выпрямился, мышцы у него на шее напряглись. Он обвёл свирепым взглядом весь бар и галерею.

— КТО-НИБУДЬ ВИДЕЛ? ВЫ ЧТО-НИБУДЬ ВИДЕЛИ? — закричал он на группу парней пэтэушного вида, которые тут же наложили в штаны.

— Нет… — пропищал один из них.

Я пошёл вниз, велев Хэйзел и Джун оставаться на галерее. Бегби допрашивал всех подряд, как психованный детектив из романов Агаты Кристи. Он блефовал, это было и дураку ясно. Я приложил к разбитой голове гопника салфетку со стола, пытаясь остановить кровотечение. Чувак зарычал на меня, и я не мог понять, благодарит он меня или собирается засандалить ногой по яйцам, но не уходил.

Один жирный чувак из группы этих психов подошёл к парням у стойки и стукнул одного из них головой. Всё пошло кувырком. Девицы завизжали, а чуваки начали с криками драться под звон бьющегося стекла.

Белая рубашка того парня уже вся была в крови. Я стал проталкиваться наверх, к Хейзел и Джун. Один

поц заехал мне в висок. Я заметил его краем глаза и вовремя увернулся. Когда я обернулся, он крикнул:

— Ну давай, сука, давай!

— Вали на хуй, пидор, — сказал я, покачав головой. Чувак хотел было ударить меня, но его друган схватил его за руку: молодец, а то бы мне несдобровать. Он немного великоват для меня, пускай лучше поищет свою весовую категорию.

— Обломайся, Малки. Хуй с ним, — сказал его кореш. А я скипнул под шумок. Хэйз и Джун спустились вместе со мной вниз. Малки уже бутузил другого чувака. Я увидел просвет в середине зала и повёл Хэйз и Джун к выходу.

— Тут чувихи, братки, — сказал я двум чувакам, которые собирались вломить друг другу, и они отошли в сторону, уступив нам дорогу. На улице Бегби и этот второй, Двойная Водовка, пиздили ногами того конченого ублюдка, валявшегося на земле.

— ФРЭЭЭНК! — Джун издала пронзительный вопль. Хэйзел потянула меня за руку.

— ФРАНКО! ПААШЛИ! — заорал я, хватая его за руку. Он замер, чтобы полюбоваться своей работой, но сбросил мою руку. Когда он оглянулся, мне на секунду показалось, что сейчас он начнёт молотить меня. Он меня не видел или не узнавал. Потом он сказал:

— Рентс, ни один мудак не тронет моего брата. Надо их как следует проучить, Рентс. Надо их, на хуй, проучить.

— Молоток! — сказал Двойная Водовка, устроивший вместе с ним эту бойню.

Франко улыбнулся и захуярил чуваку ногой по яйцам. Я почувствовал этот удар.

— Я тебе покажу «молоток», сука! — оскалился он и с такой силой звезданул Двойную Водовку по морде, что сбил его с ног. Изо рта у чувака пулей вылетел белый зуб и приземлился рядом на тротуар.

— Фрэнк! Что ты делаешь! — завопила Джун. Завыли полицейские сирены, и мы поволокли его по улице.

— Тот чувак, там остался тот чувак и его кореша, те чуваки, что пырнули моего брательника, бля! — возмущённо орал он. Джун была в шоке.

Это была брехня. Несколько лет назад Попрошайкина брата Джо пырнули ножом во время одной драки в баре в Ниддри. Он сам затеял эту разборку, и рана была плёвой. И вообще, Франко и Джо терпеть друг друга не могли. Но после этого случая у Бегби появилось ложное моральное оправдание своим регулярным запоям и непримиримой войне с местным населением. Когда-нибудь он схлопочет. Как пить дать. Не хотелось бы мне оказаться в ту минуту вместе с ним.

Мы с Хэйзел отстали от Франко и Джун. Хэйз хотела уйти домой:

— У него не все дома. Ты видел голову этого парня? Давай уйдём.

Я поймал себя на том, что вру ей, чтобы оправдать поведение Бегби. Какой пиздец! Мне просто хотелось её успокоить и избежать ссоры. Врать было легко. В нашем кругу принято врать насчёт Бегби. Из нашей лжи друг другу и самим себе выстроилась целая мифология. Бегби вместе с нами верит во всю эту чепуху. Мы сами во многом виноваты в том, что он стал таким, какой он есть.

Миф: У Бегби прекрасное чувство юмора.

Реальность: Чувство юмора пробуждают у Бегби только несчастья, неудачи и слабости других, как правило, его друзей.

Миф: Бегби — «крутой чувак».

Реальность: Лично я не очень высокого мнения о Бегби как борце. В смысле, если отобрать у него все эти финки, бесбольные биты, кастеты, пивные кружки, заточенные вязальные спицы и так далее. Я и большинство других чуваков просто ссут проверить эту теорию на практике и принимают её на веру. Один раз Томми раскрыл некоторые слабые места Бегби. Тогда ему пришлось туго. Томми — чувак здоровый, но Бегби, надо отдать должное, всё равно его переборол.

Миф: Кореша Бегби любят его.

Реальность: Они его боятся.

Миф: Бегби никогда не трогает своих корешей.

Реальность: Кореша Бегби обычно очень хитрые и не пытаются проверить это предположение, а в тех редких случаях, когда они это делают, они сами же убеждаются в обратном.

Миф: Бегби подписывается за своих корешей.

Реальность: Бегби может навешать пиздюлей любому придурку, который случайно разлил твоё пиво или нечаянно тебя подтолкнул. Но психопаты, терроризирующие друзей Бегби, как правило, остаются безнаказанными, потому что они оказываются ещё более близкими корешами Бегби, чем чуваки, с которыми он тусуется. Он знает их всех по исправительной школе, тюрьме и прочим случайным «масонским» связям.

Как бы то ни было, эти мифы помогли мне спасти положение.

— Послушай, Хэйзел. Я знаю, почему Франко такой злой. Эти чуваки сделали его брата Джо калекой на всю жизнь. У них свои счёты.

Бегби — это как наркотик. Когда я пришёл в первый класс, училка сказала мне:

— Ты будешь сидеть с Фрэнсисом Бегби.

Та же история повторилась в средней школе. Я старался хорошо учиться только для того, чтобы перейти в старший класс и избавиться от Бегби. Когда его исключили и перевели в другую школу, чтобы потом засадить в Полмонт, я стал хуже успевать, и аттестата мне не выдали. Но зато со мной не было Бегби.

Потом, стажируясь у подрядчика из «Горджи», я поступил в Телфордский колледж, чтобы получить свидетельство столяра. Я сидел вместе с пацанами в кафешке, как вдруг откуда ни возьмись появился Бегби с парочкой других психов. Они проходили спецкурс по металлообработке для трудных подростков. На этих курсах они научились изготавливать своё собственное остро отточенное металлическое оружие, вместо того чтобы покупать его в магазинах для армии и флота.

Когда я закончил ремесленное и поступил в колледж, а потом в Абердинский университет, то даже не удивился, увидев Попрошайку на балу для первокурсников, где он колошматил какого-то очкастого дебила из среднего класса, который как-то не так на него посмотрел.

Нет, Бегби, конечно, чувак уматный. Тут никаких сомнений. Но проблема в том, что он мой корифан, ну и всё такое. Что тут поделаешь?

Мы ускорили шаг и пошли вслед за ними по улице: четверо заёбанных людей.

Облом

Я вспомнил этого чувака. Как два пальца обоссать. Я считал его крутым чуваком, блядь, ещё в «Крейги». Он тусовался с Кевом Стронахом и всей этой толпой. Сукины дети. Они меня не трогали; он был здоровый, гад. Но я помню, один раз какой-то парень спросил его, откуда он такой, на хуй, взялся? Он сказал:

— Джейки, (так его звали) ты из Грэнтина или из Ройстина, бля?

Этот чувак ответил:

— Грэнтин — это Ройстин. А Ройстин — это Грэнтин.

После того случая он сразу упал в моих глазах, блядь. Но всё это было ещё в ёбаной школе. Хер знает сколько лет назад.

Но на прошлой неделе, бля, мы сидели в «Волли» вместе с Томми и Сэксом, Ребом Вторым Призёром, знаешь его? И тут заходит этот чувак, этот Джейки, хуев громила из «Крейги». Он никогда ко мне не лез, бля. В смысле, мы никогда не пиздились с ним до крови. Знаешь, там, в порту, бля. Он никогда не узнавал меня. В упор, бля, не видел…

Но его корифан, этот ёбаный прыщавый долбоёб, подходит и тычет своё бабло, бля, типа покатать шары. На бильярде, в смысле. А я ему и говорю:

— Чувак, ты после меня, бля, — и показываю на этого рябого. А тот кент записал на доске своё имя, сел и сказал: хуй с ним, как будто я ему ни хера не сказал.

Я приготовился к пизделке, бля. Если чувак лезет, бля, на рожон, за мной не заржавеет. В смысле, я хочу сказать, я не из тех чуваков, которые ищут себе на жопу неприятностей; но у меня в руке был бильярдный кий, бля, и я мог бы засунуть его тостым концом в сраку этому прыщавому, на раз, блядь. Конечно, у меня было с собой перо, бля, и всё остальное. А как же, сука! Я сказал, я не ищу себе на жопу неприятностей, но если какая-то выёбистая сволочь ко мне полезет, то я могу ответить, бля. Короче, тот рябой кент забашлял свою капусту, бля, расставляет шары, ну и всё такое. Этот прыщавый просто садится и говорит: хуй с ним. Я зырю на крутого, типа в школе он был крутым, бля, рубишь фишку? Этот чувак не говорит ни слова, бля. Даже рот не раскрывает, сука.

Томми говорит мне:

— Слы, Франко, этот парень нарывается.

Ты же знаешь Тэма, он не ссыкун, бля. Эти чуваки услышали, что он сказал, бля, но опять ни хуя не ответили. Прыщавый и этот типа «крутой». А мы были два на два, знаешь Второго Призёра: так он спокойный, но когда доходит до драки, становится ебанутым на всю бошку, бля. Он нажрался, сука, в уматень, кий в руках не удержит, бля. Это было в полдвенадцатого, в среду утром, бля. Так что мы могли бы один на один, бля. Но эти чуваки сказали: хуй с ним. Прыщавого я никогда не уважал, но меня обломал, бля, этот крутой, типа «крутой», сука. Никакой он, на хуй, не крутой. По правде сказать, он ёбаный ссыкун, бля. Это был большой облом для меня, я тебе говорю.

Проблемы с концом

Найти вену — задачка не из простых. Вчера мне пришлось ширнуться в хуй, там у меня самый крупный веняк. Но я не хочу, чтоб это вошло в привычку. Это, конечно, трудно сейчас представить, но этим органом можно было б не только ссать, а найти для него и другое применение.

Звонок в дверь. Ёбаный в рот. Это тот сраный конченый долбоёб, Бэкстеров сынок. Старый Бэкстер, царство ему небесное, никогда не напрягал меня с квартплатой. Старый маразматик. Когда он приходил ко мне, я становился очень предупредительным. Снимал с него пиджак, усаживал, угощал банкой «экспорта». Мы говорили о лошадках и «Хибсах» пятидесятых годов со «знаменитой пятёркой» форвардов — Смитом, Джонстоном, Рейлли, Тёрнбуллом и Ормондом. Я ничего не знал ни о лошадках, ни о «Хибсах» пятидесятых, но поскольку старина Бэкстер ни о чём другом говорить не мог, я здорово поднаторел в этих вопросах. Потом я рылся в карманах его пиджака и отстёгивал себе немного капусты. Он всегда носил с собой пухлый бумажник. После этого я либо платил ему его же бабками, либо говорил этому старому ублюдку, что мы с ним уже рассчитались.

Мы даже звонили ему по телефону, когда сами были на голяках. Например, когда у меня вписывались Картошка с Дохлым, мы говорили ему, что у нас протекает кран или разбито окно. Иногда мы даже сами били стёкла (например, когда Дохлый вышвырнул в окно старый чёрно-белый телек) и вызывали этого кретина, чтоб обчистить у него карманы. В его пиджаке было целое состояние, блядь. Я даже боялся, как бы его кто-нибудь не грабанул вместо меня.

Сейчас старина Бэкстер отправился на большой сейшн на небесах; его сменил сынок, которому впору заведовать общагой. Ублюдок требует платы за эту чёртову конуру.

— ОТКРОЙ! — крикнул кто-то в щель для писем.

— Рентс!

Это не хозяин. Это Томми. Какого хуя ему приспичило?

— Подожди, Томми. Щас открою.

Я ширяюсь в свою шишку уже второй день подряд. Когда я ввожу иглу, член похож на морскую змею, над которой проводится какой-то жуткий эксперимент. На секунду мне становится дурно. Кайф моментально ударяет мне в голову. Наступает чумовой приход, и мне хочется блевануть. Эта дрянь оказалась чище, чем я думал, и я немного переборщил с дозняком. Я делаю глубокий вдох и прихожу в себя. Мне кажется, будто через отверстие от пулевого ранения в спине в моё тело врывается струя чистого воздуха. При передозе такого не бывает. Успокойся. Дыхалка работает. Как часы. Клёво.

Я встаю, ковыляю к двери и впускаю Томми. Это не так-то просто.

Томми выглядит до обидного свежо. Ещё не сошедший средиземноморский загар; выцветшие на солнце волосы коротко острижены и уложены гелем. В одном ухе золотой гвоздик с колечком; ярко-голубые глаза. Надо сказать, Томми очень симпатичный, загорелый чувак. Он в наилучшей форме. Смазливый, беспечный, умный и спортивный. Томми мог бы вызывать зависть, но почему-то не вызывает. Возможно, дело в том, что Томми не настолько самоуверен, чтобы признавать свои собственные достоинства, и не настолько самолюбив, чтобы трезвонить о них направо и налево.

— Посрался с Лиззи, — доложил он мне.

Я не знал, что мне делать — поздравлять или соболезновать. Лиззи очень классно трахается, но ругается как сапожник и может кастрировать одним взглядом. Мне кажется, Томми никак не разберётся в

своих чувствах. Наверно, он весь погружён в себя, потому что даже не наехал на меня за то, что я ширяюсь, и ничего не сказал о моём состоянии.

Несмотря на свою эгоистичную героиновую апатию, я пытался изобразить хоть какую-то заинтересованность. Но на окружающий мир мне было глубоко насрать.

— Страдаешь? — спросил я.

— Даже не знаю. Если честно, я буду очень скучать по сексу. Может, найти кого-нибудь, а?

Томми нуждался в людях горадо больше, чем остальные.

Я помню Лиззи ещё со школы. Когда я учился в «Линксе», мы с Бегби и Гэри Макви валялись в конце беговой дорожки, прячась от пронырливых глазок этого ублюдка Вэлланса — старшего воспитателя, отъявленного фашиста. Мы заняли эту позицию, чтобы, подсматривая за девчонками, пробегавшими мимо в шортах и блузках, набраться побольше впечатлений и вдоволь надрочиться.

Лиззи предложила устроить забег, но пришла второй — её обошла длинноногая Мораг Хендерсон по кличке «Западлистка». Мы лежали на животе, подперев головы локтями, и наблюдали за тем, как Лиззи напрягалась из последних сил с тем выражением злобной решимости на лице, с которым она делала всё на свете. Всё-всё? Если Томми от неё ушёл, то можно расспросить его, как она трахается. Нет, не надо… нет, я всё-таки расспрошу. Короче, я услышал чьё-то тяжёлое дыхание и, обернувшись, увидел, как Бегби медленно вращает бёдрами. Не отрывая глаз от девчонок, он говорил:

— Ох, эта Лиззи Макинтош… ох и писька… я б ебал её в жопу семь раз в неделю… вот это жопа… вот это дойки…

Потом он упал лицом в дёрн. Тогда я ещё плохо знал Бегби. В те времена он не был ещё основным, а только одним из соперников, да к тому же побаивался моего братца Билли. На самом деле, я был ссыкливым пацаном и выезжал в основном на Биллиной репутации. Короче, я перевернул Бегби на спину и обнажил его истекающий спермой, вымазанный в земле елдак. Чувак тайком вырыл своим раскладным ножом ямку в мягком дёрне и втихаря вздрючил поле. Я заржал. Бегби тоже. В те времена он был проще, пока не поверил в себя, и надо сказать, мы все считали его отпетым психом.

— Так ты онанист, Франко! — сказал Гэри.

Бегби спрятал свою шишку и застегнул ширинку, а потом набрал в пригоршню спермы, перемешанной с землёй, и размазал её Гэри по лицу.

Я чуть не сдох со смеху, когда Гэри, взбеленившись, вскочил на ноги и начал лупить Бегби по подошвам кроссовок. Выместив злобу, он угомонился. На самом деле, это история не о Лиззи, а о Бегби, хотя поводом к ней послужила бесстрашная схватка Лиззи с Западлисткой.

Короче, когда пару лет назад Томми сошёлся с Лиззи, почти все подумали: «Везёт же дураку!». Даже Дохлый ни разу не трахал Лиззи.

Странно, что Томми до сих пор ничего не сказал про «чёрный», хотя по всей комнате были разбросаны баяны, да и так было видно, какой я уторчанный. Обычно в таких ситуациях он превращается в плохую копию моей старушки, и начинается: ты гробишь себя/одумайся/ты сможешь прожить без этого мусора и прочая херота.

Но на сей раз он сказал:

— Зачем ты колешься, Марк?

В его голосе звучал неподдельный интерес.

Я пожал плечами. Мне не хотелось говорить об этом. Чувакам с докторскими степенями и университетскими дипломами платят большие деньги только за то, чтобы они подробно меня расспрашивали. Я сыт этим по горло. Но Томми настаивал.

— Расскажи мне, Марк. Мне надо знать.

И я подумал: если адвокаты и полицейские получают у меня разъяснения, то неужели мои самые близкие друзья, с которыми я постоянно общаюсь, не заслужили, чтобы я хотя бы попытался им это объяснить? У меня развязался язык. Когда я заговорил об этом, мне стало на удивление хорошо, спокойно и легко.

— Не знаю, Тэм, просто не знаю. «Чёрный» делает вещи как бы более реальными. Жизнь — скучная и бессмысленная штука. Всё начинается с возвышенных надежд, которые потом рушатся. Мы понимаем, что все мы умрём, так и не найдя ответа на самые главные вопросы. Мы развиваем все эти тягомотные идеи, которые просто по-разному объясняют нашу реальную жизнь, но не дают нам никаких ценных знаний о великом, настоящем. По сути, мы проживаем короткую жизнь, полную разочарований, а потом умираем. Мы заполняем её всяким дерьмом — карьерой и браком, чтобы создать для себя иллюзию, будто в этом есть какой-то смысл. Героин — честный наркотик, потому что он избавляет от иллюзий. Если тебе хорошо под героином, то ты кажешься себе бессмертным. А если тебе плохо, то ты с головой окунаешься в то дерьмо, которое и так тебя окружает. Это единственный по-настоящему честный наркотик. Он не изменяет твоё сознание. Он просто доставляет тебе кайф и чувство благополучия. После этого ты видишь всю нищету мира без прикрас, и тебе больше не помогают никакие обезболивающие.

— Чушь, — сказал Томми. И добавил: — Полнейшая чушь.

Возможно, он прав. Если б он спросил меня на прошлой неделе, я бы, наверно, сказал ему что-то прямо противоположное. И если б даже он спросил меня сегодня утром, я б тоже ответил по-другому. Но в данный момент я носился с теорией о том, что «чёрный» делает своё дело, когда всё остальное кажется скучным и ненужным.

Моя беда в том, что, как только я чувствую возможность или вижу реальность получения того, чего я добивался, будь это девица, квартира, работа, образование, деньги и так далее, оно сразу становится для меня скучным и неинтересным и обесценивается в моих глазах. Но с «чёрным» всё по-другому. С ним нельзя так просто расстаться. Он не отпустит тебя. Попытка разрешить проблему с «чёрным» — самая трудная задача. И это приносит невъебенное наслаждение.

— Это приносит невъебенное наслаждение.

Томми посмотрел на меня:

— Это доставляет кайф.

— Не еби мне мозги, Томми.

— Но ты же сказал, что это приносит наслаждение. Я просто хочу попробовать.

— Не надо. Послушайся моего совета, Томми, — но это ещё больше его раззадоривало.

— У меня есть бабло. Давай. Свари мне дозняк.

— Томми… не гони беса, чувак…

— Ну давай же! А ещё друг, бля. Свари мне дозняк. От одного укола мне ни хера не будет. Давай.

Я пожал плечами и сделал, как он просил. Хорошо почистил свою машину, сварил слабенький дозняк и помог ему ширнуться.

— Это охуительно, Марк… как на русских горках, бля… меня прёт, бля… прёт на всю катушку…

Я охуел от его реакции. Немногие чуваки так сильно предрасположены к «чёрному»…

Потом, когда приход кончился и Томми собрался уходить, я сказал ему:

— Ты это сделал, чувак. Теперь у тебя полный набор. План, кислота, «спид», «экстази», грибки, нембутал, валиум, «чёрный», до хуя, блядь. Но заруби себе на носу. Это был первый и последний раз.

Я сказал так, потому что был уверен, что чувак попросит у меня взять немного с собой. А у меня у самого было мало. У меня *всегда* мало.

— Разумеется, — сказал он, набрасывая куртку.

Как только Томми ушёл, я сразу почувствовал, что у меня жутко зудит хуй. Но чесать его нельзя. Если я начну его чесать, то могу занести инфекцию. И тогда у меня действительно могут возникнуть проблемы.

Традиционный воскресный завтрак

О господи, где я, блин, нахожусь? Где, блядь… я не знаю этой комнаты… думай, Дэви, напряги мозги. У меня не хватает слюны, чтоб оторвать язык от нёба. Что за хуйня. Что за ёбаная… что за… больше никогда…

ОХ, БЛЯ— ЯДЬ… НЕТ… пожалуйста. Нет, сука, НЕТ…

Пожалуйста.

Только не со мной. Пожалуйста. Конечно, нет. Конечно, да.

Да. Я проснулся в чужой кровати, в чужой комнате, по уши в собственном дерьме. Я обоссался. Обблевался. И обосрался. Голова, на хуй, гудит, а в животе рок-концерт. Вся кровать залита дерьмом, сплошное ебучее дерьмо.

Я убираю нижнюю простыню, потом снимаю пододеяльник и сворачиваю всё вместе: в середине плещется едкий ядовитый коктейль. Узел туго затянут, нигде не протекает. Я переворачиваю матрас, чтобы спрятать мокрое пятно, и иду в туалет. Становлюсь под душ и смываю дерьмо с груди, с ляжек и с жопы. Теперь я знаю, где я: у Гэйлиной мамы.

Ебать— копать!

У Гэйлиной мамаши. Как я сюда попал? Кто мне сюда привёл? В комнате я видел, что мои шмотки аккуратно сложены. Бог ты мой.

Кто меня, бля, раздел?

Попробую вспомнить. Сегодня воскресенье. Вчера была суббота. Полуфинал в Хэмпдене. Ещё до матча я уже был никакой. Я решил, что у нас нет никаких шансов: в Хэмпдене ни в жизнь не сделаешь «старую фирму» — зрители и судьи стоят горой за официальные клубы. И вместо того, чтобы напрягаться по этому поводу, я решил просто оторваться и устроить себе классный оттяг. Да уж, оторвался на славу. Даже не помню, попал я на игру или нет. Помню, как на Дюк-стрит сел на марксменский автобус вместе с лейтскими ребятами — Томми, Рентсом и их корешками. Мозгоёбы, бля. Я хорошо помню, как мы выползли из бара в Рутерглене и потащились на матч: «спид», «кислота», план и целая гора бухла — батл водки, который я выжрал перед тем, как мы встретились в баре, потом сели на автобус, потом опять вернулись в бар…

Откуда взялась Гэйл, сказать трудно. Бляха. Я снова лёг в кровать, матрас и одеяло холодили без простыней. Через пару часов в дверь постучала Гэйл. Мы встречаемся с ней уже пять недель, но секса у нас ещё не было. Гэйл сказала, что не хочет строить наши отношения на физической основе, иначе они так и останутся сугубо физическими. Она вычитала это в «Космополитене» и хотела проверить эту теорию на практике. Так что уже недель пять яйца у меня были величиной с дыню. Наверно, во всей этой моче, говне и блевотине было немало спермы.

— Хороши вы были вчера, Дэвид Митчелл, — сказала она с осуждением. Она действительно расстроена или только делает вид? Поди разбери. Потом: — А что с простынями? — Вправду расстроена.

— Гм, небольшая авария, Гэйл.

— Ладно, ничего страшного. Спускайся вниз. Мы как раз собрались завтракать.

Она вышла, а я устало оделся и ощупью сполз по лестнице, стараясь остаться незамеченным. Узел прихватил с собой, чтобы забрать его домой и постирать.

Гэйлины папики сидели за кухонным столом. Когда я услышал запахи традиционного воскресного завтрака, готовившегося на плите, меня затошнило. В животе всё перевернулось.

— Мда, вчера у нас кто-то перебрал, — сказала Гэйлина мама, но, к моему счастью, просто беззлобно поддразнивая.

Я опять покраснел от стеснения. Сидевший за столом мистер Хьюстон попытался замять это дело.

— Ну надо же когда-нибудь расслабиться, — заметил он ободряюще.

— Точнее, надо бы когда-нибудь остепениться, — сказала Гэйл и тут же поняла, что совершила ошибку, когда я незаметно взглянул на неё исподлобья. Небольшая зависимость мне бы не помешала. Риск — благородное дело, бля…

— Э, миссис Хьюстон, — я показал на простыни, связанные узлом и лежавшие у моих ног на кухонном полу. -…Я тут немного испачкал простыню и пододеяльник. Я возьму их домой и постираю, а завтра принесу.

— Не беспокойся, сынок. Я сейчас же брошу их в стиральную машину. Сиди и завтракай.

— Нет, но, э… я их сильно испачкал, — засмущался я. — Я лучше заберу их домой.

— Какая лапушка, — засмеялся мистер Хьюстон.

— Да нет же, сиди и кушай, сынок, а я о них позабочусь, — миссис Хьюстон подкралась ко мне и внезапно ухватилась за узел. Кухня была её территорией, и ей нельзя было перечить. Я притянул узел к груди, но миссис Хьюстон оказалась проворной, как чёрт, и невероятно сильной. Она крепко вцепилась в простыни и потянула их на себя.

Узел развязался, и на пол обрушился зловонный поток жидкого говна, алкогольной блевотины и пенистой мочи. Миссис Хьюстон замерла на несколько секунд, а потом побежала к раковине: её вырвало.

Очки, лицо и белую рубашку мистера Хьюстона усеяли коричневые пятна. Капли забрызгали покрытый линолеумом стол и еду. Казалось, будто мистер Хьюстон испачкался разбавленным соусом для чипсов. На жёлтую блузку Гэйл тоже село несколько пятен.

Еппонский бог.

— Боже милостивый… боже мой… — твердил мистер Хьюстон, пока миссис Хьюстон травила, а я предпринимал трогательные попытки вытереть грязь теми же самыми простынями.

Гэйл пронзила меня взглядом, полным ненависти и отвращения. Я понял, что нашим отношениям — конец. Я уже никогда не затащу её в постель. Но впервые в жизни это меня не волновало. Я только хотел поскорее отсюда смыться.

Торчковая дилемма № 65

Внезапно похолодало; охуенный колотун. Свечка почти догорела. Единственный свет исходит из телека. Что-то чёрно-белое… но телек же чёрно-белый, значит, он может показывать только чёрно-белое… вот если бы он был цветным, тогда было бы по-другому… наверное.

Меня знобит, но если я двигаюсь, становится ещё холоднее, потому что я понимаю, что это, на хуй, всё, что я могу реально сделать, для того чтобы согреться. Если не шевелиться, то можно, по крайней мере, успокоить себя тем, что у тебя есть шанс согреться, когда начнёшь двигаться или включишь обогреватель. Главное — оставаться совершенно неподвижным. Это куда проще, чем ползти по полу, чтобы включить этот ёбаный обогреватель.

В комнате кто-то есть. Наверно, это Картошка. В темноте трудно говорить.

— Картоха… Картошка…

Ни слова.

— Охуенный дубарь, чувак.

Картошка, если это действительно он, молчит. Может, он умер, но скорее всего, нет, потому что я вижу: глаза у него открыты. Но мне поебать.

Печаль и скорбь в Солнечном порту

Ленни посмотрел на свои карты, а затем внимательно изучил лица друзей.

— Кто ходит? Билли, давай, чувак. — Билли показал Ленни свою руку.

— Два туза, блядь!

— Вонючий ублюдок! Ты вонючий мудак, бля, Рентон. — Ленни ударил кулаком по ладони.

— Лучше пододвинь-ка ко мне бабло, — сказал Билли Рентон, сгребая груду банкнот, валявшихся на полу.

— Нац, брось мне банку, — попросил Ленни. Он не сумел поймать её, и банка грохнулась о пол. Когда Ленни открыл её, большая часть пива вылилась на Писбо.

— Ты заебал, пидорас!

— Извини, Писбо. Это он виноват, — Ленни засмеялся и показал на Наца. — Я попросил его бросить банку, а не швырять её мне в голову, блядь.

Ленни встал и подошёл к окну.

— Ничего не слышно от него? — спросил Нац. — Если нет капусты, то игре пиздец.

— Не-а. Мутит воду, сука, — сказал Ленни.

— А ты ему звякни. Разузнай, в чём там дело, — предложил Билли.

— Угу, хорошо.

Ленни вышел в коридор и набрал номер Фила Гранта. Его достало играть на чисто символические ставки. Если бы Гранти подогнал денег, то он бы сейчас классно затарился.

Никто не взял трубку.

— Нет дома или не подходит к телефону, — сказал он им.

— Надеюсь, этот мудак не замылся с нашим баблом, — засмеялся Писбо, но это был нервный смешок — первое открытое признание общего невысказанного страха.

— Пускай только попробует. Я не вожусь с чуваками, кидающими свою братву, — проворчал Ленни.

— Но если как следует подумать, то это же Грантина капуста. Он может потратить её на что угодно, — сказал Джэкки.

Они посмотрели на него с тупой враждебностью. В конце концов, Ленни сказал:

— А не пошёл бы ты на хуй?

— Ведь в каком-то смысле, чувак честно её выиграл. Я помню, как мы договаривались. Устроить складчину и сделать один большой банк, чтобы прибавить игре остроты. А потом всё поровну разделить. Я всё это знаю. Я просто говорю, что с точки зрения закона… — Джэкки попытался объяснить свою позицию.

— Это наша капуста! — оборвал его Ленни. — Гранти знает за хэмпденские расклады.

— Я понимаю. Но я хотел сказать, что с точки зрения закона…

— Заткни свою ёбаную пасть и не возникай, — вмешался Билли, — мы говорим не за точку зрения закона, блядь. Мы говорим за братву. Если б был разговор за точку зрения закона, блядь, у тебя дома не было б никакой мебели, сукин ты сын.

Ленни одобрительно кивнул Билли.

— Мы спешим делать выводы. Может, у него есть серьёзные причины. Может, его ограбили, — предположил Нац; его лицо в оспинах вытянулось и напряглось.

— Может, его кто-то грабанул и увёл всю капусту, — сказал Джэкки.

— Ни один мудак не посмеет ограбить Гранти. Он такой чувак, что сам кого хочешь ограбит, и не потерпит, чтобы ограбили его самого. Если б он пришёл и стал вешать нам на лапшу на уши, я бы послал его куда подальше. — Ленни начинал беспокоиться. Речь шла об общих деньгах.

— Я просто хочу сказать, что глупо таскать с собой такую кучу бабок. Вот и всё, что я хотел сказать, — заявил Джэкки. Он немного побаивался Ленни.

В течение шести лет Гранти никогда не пропускал карточной игры в четверг вечером, за исключением тех случаев, когда был в отпуске. На этого парня всегда можно было положиться. И Ленни, и Джэкки не раз пропускали игру: один занимался разбоем, а другой выставлял квартиры.

Обычай собирать общие, или «отпускные», деньги остался с тех времён, когда все они были подростками и ездили вместе отдыхать на Лорет-Де-Мар. Теперь, позврослев, они ездили небольшими группками, с женой или с подружкой. Странное смешение карточных и общих денег произошло несколько лет назад, во время одной пьянки. Писбо, который тогда был казначеем, в шутку поставил на кон общие деньги. Они сыграли на них для прикола. Их так от этого пропёрло, что они разделили все деньги между собой и понарошку сыграли на них. Теперь всегда, если они были на мели, они играли не на «настоящие», а на «общие» деньги. Это было всё равно что играть на деньги монополии.

Время от времени, когда когда-нибудь «срывал» весь банк, как, например, Гранти на прошлой неделе, они начинали сознавать эксцентричную и опасную природу своего договора. Они были друзьями и считали, что никто из них никогда не подставит другого. Это предположение основывалось на логике и преданности. Они все были повязаны друг с другом и не могли окончательно выйти их игры, даже с двумя тысячами фунтов банка. Выйти из игры значило кинуть остальных. Они постоянно твердили себе об этом. Больше всего они боялись грабежа. Безопаснее было бы хранить деньги в банке. Это было глупое попустительство, коллективная шизня.

Наутро от Гранти не было никаких вестей, и Ленни пошёл на биржу.

— Мистер Листер. Вы живёте недалеко от нашего офиса и вполне можете наведываться к нам по поводу работы каждые две недели. Я не считаю это требование чрезмерным, — напыщенно сказал ему клерк Гевин Темперли.

— Я знаю, где находится ваш долбаный офис, мистер Темперли. Но прошу вас принять во внимание, что я чертовски занятой человек и руковожу несколькими процветающими предприятиями.

— Твою мать, Ленни. Чёртов бездельник. Увидимся в «Короне». Я там завтракаю. В двенадцатом часу.

— Лады. Только не вздумай меня надинамить, Гев. Мне нечем даже заплатить за квартиру.

— Нет проблем.

Ленни спустился в бар и сел за стойкой с «Дейли Рекорд» и пинтой «лагера». Он хотел закурить, но потом передумал. К 11.04 он уже успел выкурить двенадцать сигарет. Так было всегда, если ему нужно было рано вставать. Он слишком много курил. Он курил меньше, если оставался в постели, и поэтому обычно вставал не раньше двух часов дня. Эти правительственные суки, подумал он, решили подорвать его здоровье и полностью разорить его, заставляя так рано вставать.

Последние страницы «Рекорда», как обычно, были заполнены всякой чепухой о «Рейнджерсах» и

«Селтике». Саунесс выведал что-то об одном мудаке из второй английской лиги, а Макнилл писал о том, что доверие к «Селтику» падает. Ни слова о «Сердцах». Нет. Немножко про Джимми Сэндисона, с одной и той же цитатой, повторённой дважды, и коротким отрывком, обрывающимся на полуфразе. Ещё небольшая заметка о том, почему Миллер из «Хибсов» всё ещё считает себя лучшим форвардом, хотя команда забила всего три гола за последние примерно тридцать игр.

Ленни вернулся к третьей странице. Ему больше нравились полуодетые тётки из «Рекорда», чем голые — из «Сана». Это развивало воображение.

Краем глаза он заметил Колина Дэлглиша.

— Привет, Кок, — сказал он, не отрываясь от газеты.

Кок придвинул стул к Ленни. Он заказал себе пинту крепкого:

— Новости слыхал? Какое горе…

— Чего?

— Гранти… Ты чё, не слышал?… — Кок посмотрел на Ленни в упор.

— Нет. А что…

— Умер. Перепил малость.

— Ты чё, шутишь? Да ты гонишь, чувак!…

— Я серьёзно. Вчера ночью.

— Что случилось?…

— Сердечный приступ, — Кок щёлкнул пальцами. — Наверно, было больное сердце. Никто об этом не знал. Бедняга Гранти работал с Питом Гиллеганом, типа на стороне. Было около пяти, и Гранти помогал Питу прибраться и всё такое, как вдруг тот как схватится за грудь и — брык. Гилли вызвал скорую, и беднягу увезли в больницу, но через пару часов он умер. Бедный Гранти. Классный был чувак. Ты с ним в картишки резался, да?

— Э… да… один из самых классных чуваков, которых я знал. Какой удар…

Несколько часов спустя Ленни уже был никакой. Он стрельнул у Гева Темперли двадцать фунтов только для того, чтобы нажраться, как свинья. Когда вечером в бар вошёл Писбо, Ленни ездил по ушам симпатичной официантке и смущённому, трезвому на вид парню в комбинезоне с логотипом «теннентс-лагера».

— …один из самых классных чуваков, бля, которых я знал…

— Привет, Ленни. Я уже слышал. — Писбо горестно обнял Ленни за могучие плечи. Крепко сжал его, чтобы удостовериться, что *один* из его друзей всё ещё с ним, и попутно выяснить, насколько он пьян.

— Писбо. Да. Я до сих не могу в это поверить, бля… один из самых классных чуваков, которых я знал… — Он медленно повернулся к официантке и перевёл взгляд на неё. Выпятив большой палец, он показал через плечо на Писбо. -…спросите у него… а, Писбо? Ты знал Гранти? Один из самых классных чуваков, которых кто-либо когда-либо знал… а, Писбо? Гранти? А?

— Да, страшный удар. Я до сих пор не могу в это поверить, чувак.

— Вот именно! Был человек, и нет человека… молодой, двадцать семь лет. Смотря как карта выпадет, это уж точно, чувак. Как выпадет карта… конечно, как, бля…

— А по-моему, Гранти было двадцать девять, — уточнил Писбо.

— Двадцать семь — двадцать девять… какая, в пизду, разница? Всё равно парень молодой. Вот только жалко его жену и малого… а вон сидят старые пердуны… — Ленни злобно махнул рукой в угол, где старики играли в домино. -…уж они-то пожили! Длинные ебучие жизни! Они только брюзжать умеют. Гранти никогда ни на что не жаловался. Один из самых классных парней, которых я встречал.

Потом он заметил трёх молодых ребят, Картошку, Томми и Второго Призёра, которые сидели в противоположном конце бара.

— А это наркоши, блядь, приятели Биллина брата. Все эти суки подыхают, на хер, от СПИДа. Гробят себя. Так им и надо, сукам. Гранти ценил жизнь, бля. А эти суки её прожигают! — Ленни злобно посмотрел на них, но парни были слишком увлечены беседой и не заметили его.

— Брось, Ленни. Успокойся. Чего ты на них гонишь? Они классные пацаны. Это Денни Мёрфи. Мухи не обидит. Томми Лоренс, ты же знаешь Томми, а вон тот чувак — Реб, Реб Маклафлин, когда-то был классным футболистом. Играл за «Манчестер Юнайтед». Они хорошие ребята. Ёб твою мать, да они же друзья того твоего друга, ну того парня, что работает на бирже труда. Как его зовут… Гев.

— Угу… но эти старые пердуны… — Уступая ему, Ленни переключил внимание обратно на другой конец зала.

— Да брось ты, Ленни, хуй с ними. Они мухи не обидят, сидят себе, никого не трогают. Допивай своё пиво, и пошли к Нацу. Я звякну Билли и Джэкки.

На Нацевом флэту на Бьюкенен-стрит царило уныние. От смерти Гранти они перешли к вопросу о невыплаченной сумме.

— Этот мудак отбросил коньки перед самым днём делёжки. У него была одна тыща восемьсот. Если разделить на шесть, получается по три сотни на рыло, — проскулил Билли.

— Их уже не вернёшь, — отважился сказать Джэкки.

— Чёрта с два! Мы делим эту капусту каждый год, бля, за две недели до отпуска. Я заказал на эти деньги путёвку в Бенидорм. У меня нет ни копья. Если я отменю заказ, Шейла сыграет моими яйцами в бильярд. Так не пойдёт, чуваки, — заявил Нац.

— Вот именно, бля. Мне, конечно, жаль Фиону и её мальца. Всем жалко. Бараза нет. Но это же наша капуста, блядь, а не её, — сказал Билли.

— Мы сами во всём виноваты. Я так и знал, что этим всё кончится, — Джэкки пожал плечами.

Позвонили в дверь. Пришли Ленни и Писбо.

— Тебе легко говорить. У тебя денег до хрена, — наехал на него Нац.

Джэкки ничего не ответил. Он взял банку «лагера» из груды, которую Писбо свалил на пол.

— Херовая новость, пацаны, — произнёс Писбо, пока Ленни угрюмо отхлёбывал из своей банки.

— Один из самых классных чуваков, которых я знал, — сказал Ленни.

Он вовремя вмешался. Нац чуть было не начал оплакивать свои денежки, как вдруг понял, что Писбо имел в виду Гранти.

— Я понимаю, сейчас некрасиво говорить о себе, но давайте разберёмся, что нам делать с капустой. На следующей неделе день делёжки. Мне надо заказать путёвку на отпуск. Мне нужны башки, — сказал Билли.

— Ну и сука ж ты, Билли. Бедняга ещё не успел закоченеть, а мы уже будем обсуждать всё это дерьмо? — презрительно усмехнулся Ленни.

— Фиона может просрать все наши деньги! Нужно сказать ей, что это наша капуста. Иначе она накупит на них всякой херни. Сколько там было? Почти две тонны. До хрена. А потом она укатит на какие-нибудь ёбаные Карибы, а мы останемся в этом ебучем Линксе с парой бутылок сидра вместо отпуска.

— Ты городишь чепуху, Билли, — сказал ему Ленни.

Писбо серьёзно посмотрел на него, и Ленни почувствовал, что зреет предательство.

— Мне неприятно говорить об этом, Ленни, но Билли по-своему прав. Гранти не очень-то баловал Фиону, он был ещё тот жук. Пойми меня правильно, я ничего не имею против этого чувака, но если ты найдёшь у себя дома две тонны, то сначала потратишь их, а уж потом станешь задавать вопросы. Ты б именно так и поступил. И я б тоже так поступил. По правде сказать, любой бы на её месте так поступил.

— Ну хорошо. А кто спросит у неё про деньги? Чур, не я, — прошипел Ленни.

— Мы все спросим. Это же наши общие бабки, — сказал Билли.

— Правильно. После похорон. Во вторник, — предложил Нац.

— Отлично, — согласился Писбо.

— Ладно, — пожал плечами Джэкки.

Ленни устало кивнул. В конце концов, это были их башки…

Наступил вторник. Ни у кого не хватило духу заговорить об этом на похоронах. Они все надрались и хором оплакивали смерть Гранти. О деньгах никто и не вспоминал. Они встретились на следующий день с тяжёлого похмелья и пошли к Фионе домой.

Никто не открывал.

— Наверно, она у матери, — сказал Ленни.

К ним вышла соседка по лестничной клетке — седоволосая леди в платье с голубым рисунком.

— Фиона уехала сегодня утром, мальчики. На Канарские острова. Ребёнка оставила у матери, — ей не терпелось сообщить им эту новость.

— Здурово, — пробормотал Билли.

— Вот как? — сказал Джэкки и самодовольно пожал плечами; это не пришлось по вкусу кое-кому из его друзей. — Что ж, ничего не поделаешь.

Неожиданно Билли оглушил его ударом в челюсть. Он упал и покатился по лестнице. В конце концов, ему удалось ухватиться за перила, и он в ужасе посмотрел снизу на Билли.

Все остальные были шокированы поступком Билли не меньше, чем Джэкки.

— Успокойся, Билли, — Ленни схватил его за руку, но не сводил глаз с его лица. Ему страшно хотелось узнать мотивы его поведения. — Ты не в себе. Джэкки ни в чём не виноват.

— Так-таки не виноват? Я долго молчал, блядь, но этот хитрожопый меня уже достал, — он показал на распростёртую фигуру Джэкки, который пытался спрятать своё стремительно распухающее лицо.

— Что тут, бля, происходит? — спросил Нац.

Билли не обращал на него внимания и смотрел на Джэкки в упор:

— И давно это продолжается, Джэкки?

— О чём это он? — спросил Джэкки, но его хнычущему голосу недоставало уверенности.

— Канары, ебена мать! Где вы встречаетесь с Фионой?

— Ты ебанулся, Билли. Ты же слышал, что сказала эта тётка, — покачал головой Джэкки.

— Фиона — сестра моей Шерон, бля. Ты думал, я закрою на всё глаза, сука? Сколько ты с ней трахаешься, Джэкки?

— Это было только один раз…

Биллино возмущение заполнило собой всю лестницу и проникло в сердца его товарищей. Он высился над Джэкки, как карающий ветхозаветный бог, выносящий свой приговор.

— Один раз, блядь! И кто мне теперь скажет, что Гранти об этом ничего не знал? Кто мне скажет, что его сгубило не это? Его «лучший друг», блядь, ебёт его же тёлку!

Ленни посмотрел на Джэкки, трясясь от злости. Потом он перевёл взгляд на остальных: глаза у них горели. За какую-то долю секунды они заключили между собой негласный договор.

Вопли Джэкки разносились эхом по всей лестнице, пока они пинали его ногами и волочили с одного марша на другой. Он тщетно пытался защищаться, надеясь, несмотря на страх и боль, что всё-таки останется в живых и сможет уехать из Лейта, когда этот самосуд кончится.

Слезая по новой

Общий вагон

Ох, ё— моё! Голова, как чайник, бля, я говорю, бля. Иду прямиком к ебучему холодильнику. Йес! Два батла «бэка». В самый раз. Выпиваю их одним залпом. Сразу полегчало. Но надо следить за временем, бля.

Когда я возвращаюсь в спальню, она ещё дрыхнет, сука. Гляньте на неё: толстая, ленивая стерва. Она думает, если у неё бэбик, так значит, можно валяться целый божий день, бля… но об этом в другой раз, бля. Короче, я собираюсь… лучше бы джинсы постирала мне, сучка… 501-е… где мои 501-е, бля?… вот они. Её счастье.

Она проснулась.

— Фрэнк… что ты делаешь? Куда ты собрался? — спрашивает у меня.

— Я ухожу. У меня дела, — говорю ей. — Куда, на хуй, делись мои носки?… — С бодуна на всё уходит в два раза больше времени, а тут ещё эта сука капает мне на мозги.

— Ты куда? Куда?

— Я же сказал, мне надо заныкаться, блядь. Мы с Лексо натворили делов. Больше ничё сказать не могу. Мне лучше исчезнуть на пару недель, бля. Если придут менты, ты меня сто лет не видела. Ты думала, я вожу ёбаные грузовики. Запомни, ты меня не видела.

— Но куда ты собрался, Фрэнк? Куда ты идёшь, чёрт возьми?

— Много будешь знать, скоро состаришься. То, о чём ты не будешь, бля, знать, они не смогут из тебя, на хер, выбить, — сказал я ей.

Тогда эта сукина кляча встаёт и начинает, бля, орать на меня, типа, я не могу просто так уйти. Я заехал ей по еблу, а потом выписал подсрачник. Сука падает на пол и стонет. Сама виновата, блядь, я ж объяснял ей, со мной нельзя говорить в таком тоне. Таковы правила игры, принимай их или вали на хуй.

— РЕБЁНОК! РЕБЁНОК!… — вопит она.

Я типа передразниваю её:

— ЛИБЁНОК! ЛИБЁНОК!… Заткни свою ёбаную пасть и не говори мне про этого ёбаного ребёнка! — А она валяется на полу и вопит, как хуева труба.

Может, это даже не мой ребёнок, бля. И вобще, у меня уже были дети от других девок. Я врубаюсь, что по чём. Они думают, если появится ребёнок, то всё, на хер, изменится, но их ждёт охуенный облом. Я насмотрелся на этих ёбаных детей. Они как чиряк на жопе.

Станок для бритья. Вот это мне пригодится. Что-то ещё было.

Она продолжает орать, как ей плохо и чтобы я вызвал ей ебучего доктора, и всё такое. У меня нет, на хер, времени на это, и если я, бля, опоздаю, то только благодаря этой сучке. Пора съёбываться.

— ФРРРЭЭЭЭНННК! — орёт она, когда я выхожу из квартиры. Похоже на ёбаную рекламу «харп-лагера»: «Самое время улизнуть»; это про меня.

Бар кишмя кишел: короткий день, и всё такое. Рентон, этот рыжий, ставит, бля, чёрный шар, чтоб сыграть с Метти.

— Реб! Запиши меня на пул, бля! Ты чё будешь? — я подхожу к стойке.

У Реба, или Второго Призёра, как мы его называем, нехуёвый фингал под глазом. У кого хватило наглости его разукрасить?

— Реб. Какой мудак это сделал?

— А, пара чуваков в «Лохенде». Я бухой был, — он робко смотрит на меня, как ёбаная овца.

— Имена знаешь?

— Не-а, но ты не беспокойся, я всё разузнаю, брат.

— Обязательно разузнай. Ты с ними знаком?

— Не-а, тока в лицо.

— Когда мы с Рентсом вернёмся из Лондона, бля, мы наведаемся, бля, в «Лохенд». Доузи там недавно кинули. Надо выяснить пару вопросов, бля, это уж точно.

Я поворачиваюсь к Рентсу:

— Ты готов, браток?

— Просто не терпится, Франко.

Я ставлю шары и по очереди их закатываю, оставляя этому мудаку всего две штуки.

— Можешь дрючить всяких там Метти и Сэксов, но когда за столом Ураганный Франко, можешь об этом забыть, рыжий, — говорю я ему.

— Пул — это для чмырей, — говорит он. Коротышка, бля. Если у этого рыжего чего-то не получается, он всегда говорит, что это для чмырей.

Нам пора двигаться, и нет смысла начинать игру. Я поворачиваюсь к Метти и вытаскиваю капусту:

— Эй, Метти! Знаешь, чё это такое? — Я машу банкнотами у него перед носом.

— Э… да… — говорит он.

Я показываю на стойку:

— А знаешь, что *это* такое?

— Э… да… стойка, — он малехо тупой. Как валенок, бля. Но я знаю, как с ним говорить.

— Знаешь, чё это такое? — я показываю на своё пиво.

— Э… да…

— Может, тебе сказать по буквам, блядь? Пинта ёбаного «специального», «джэк-дэниэлс» и кола, сука!

Он подходит ко мне и говорит:

— Э, Фрэнк, я на мели, понимаешь…

Понимаю, блядь.

— Может, выберешься на глубину, бля, — говорю я. Чувак понимает намёк и отходит к стойке. Он опять колется, если он вообще когда-нибудь слезал с иглы, блядь. Когда я вернусь из Лондона, надо будет сказать ему на ушко пару тёплых слов. Ёбаные торчки. Никчёмные уроды. Но Рентс ещё не ширялся. Можно судить по тому, как он хлещет пивко.

Жду не дождусь, когда мы приедем в Лондон. Мы с Рентсом впишемся на пару недель у его друга —

этого Тони и его чувихи-лярвы. Они уехали куда-то в отпуск. Я знаю там пару парней из тюряги; загляну к ним, помянем прошлое.

Эта Лоррен обслуживает Метти. Ёбаная писька. Я подхожу к стойке.

— Привет, Лоррен! Подойди-ка сюда! — я отбрасываю ей волосы с лица и щупаю её за ушами. Такие чувихи. Эрогенные зоны и всё такое, блядь. — Можно проверить, занималась ты вчера сексом или нет, если пощупать за ушами. Тепло, врубаешься? — объяснил я.

Она только улыбнулась, Метти тоже.

— Не, бля, это научно доказано. Вы ни хуя не врубаетесь!

— Ну что, занималась Лоррен вчера сексом? — спрашивает Метти. Этого мудилу будто с креста сняли.

— Это наш секрет. Правда, цыпка? — говорю я ей. Мне кажется, она в меня втрескалась, потому что она всегда затихает и робеет, когда я с ней, блин, разговариваю. Как только вернусь из Лондона, сразу же загляну сюда, бля, и мы с ней, сука, ещё побеседуем.

Ебать меня во все дыры, если я останусь с Джун из-за бэбика. А если эта сучка его хоть пальцем тронет, я её убью, на хуй. Когда у неё родился ребёнок, она решила, что может хамить мне, бля. Ни одна сука не смеет мне хамить, есть у неё ребёнок или нет никакого, на хуй, ребёнка. Она это знает и всё равно наглеет, блядь. Пусть только что-нибудь случится с ребёнком…

— Слышь, Франко, — говорит Рентс, — пора выдвигаться. Не забывай, что нам ещё надо собраться.

— Ага, конечно. А чё ты взял?

— Пузырь водовки и несколько банок пива.

Можно было и так догадаться. Этот рыжий говорил, что терпеть не может ёбаной водки.

— Я взял батл «джей-ди» и восемь банок «экспорта». Я могу сказать Лоррен, чтоб она налила нам ещё по кружке.

— Мы возьмём ещё по кружке, и опоздаем на поезд, — говорит он. Иногда я не догоняю его юмора. Мы с Рентсом знаем друг друга давным-давно, но с тех пор он сильно изменился, а я никогда не увлекался наркотиками и всей этой хуйнёй. У него своё кино, а у меня своё. Но всё равно он уматный чувак, этот рыжий ублюдок.

Короче, я заказываю две кружки, одну со «специальным» для меня и одну с «лагером» — для рыжего. Мы собираем шмотки, ловим тачку и пиздуем на север. В привокзальном баре по-быстряку опрокидываем ещё по пинте. Я болтаю с тем чуваком за стойкой, его брательник в Сафтоне учится. Неплохой пацан, насколько я помню. Мухи не обидит.

Лондонский поезд набит под завязку, блядь. Я просто хуею от этого. Ты платишь капусту за ёбаный билет, а потом оказывается, что мест, на хуй, нет! Ёбаные железнодорожники.

Мы проталкиваемся с банками и пузырями. Мои шмотки вываливаются из ёбаной сумки. Ох, уж эти суки с рюкзаками и ручной кладью… да ещё в придачу дети в колясках. Нужно запретить садиться с детьми на поезд, блядь!

— Ну и народу, сука, — говорит Рентс.

— Всё из-за этих гадов, что бронируют места. Ещё б ничего, если б они бронировали от Эдинбурга до Лондона, это столичные города и всё такое, но они же, суки, бронируют со всяких там ёбаных Беруиков. Просто не надо останавливаться на всех этих станциях. Надо ехать прямиком из Эдинбурга в Лондон, и пиздец. Если бы это от меня зависело, я бы так и сделал, — кое-кто вытаращился на меня. Но я высказываю

своё, блядь, мнение, и пошли они все в жопу.

Ох, уж эта броня! Ёбаная свобода, блядь. Кто не успел, тот опоздал. Бронирование мест, сука… я им покажу бронирование мест…

Рентс садится рядом с двумя чувихами. Ничё так. У этого рыжего губа не дура!

— Эти места свободны до Дарлингтона, — говорит он.

Я срываю таблички «Место забронировано» и засовываю их себе в задний карман:

— Теперь они свободны до самого Лондона, бля. Я покажу этим сукам броню, — говорю я, улыбаясь одной из чувих. — Всё правильно. Билет стоит сорок фунтов. Эти железнодорожники в конец охренели, — Рентс только пожимает плечами. Этот пижон нацепил на себя зелёную бейсбольную кепку. Как только он закемарит, бля, она полетит в окно, ручаюсь, сука.

Рентс вовсю хлещет водяру: не успели мы доехать до Портобелло, а он уже выдул полпузыря. Этот рыжий говорил, что терпеть не может водясика. Ладно, раз такие дела, бля… я достаю «джей-ди» и пью с горла.

— А вот и мы, а вот и мы… — говорю я. Он только посмеивается. Не отрывает глаз от чувих, они типа как американки. Беда рыжего в том, что он не умеет замолаживать чувих. А ведь у него есть какой-никакой стиль. Типа как у нас с Дохлым. Может, это из-за того, что у него были только братья и не было сестёр, и он просто не знает, как обращаться с тёлками. Если ждать, пока этот чувак сделает первый шаг, блядь, то можно прождать очень долго. Я щас покажу рыжему, как это, на фиг, делается.

— Охренели эти железнодорожники, да? — говорю я, подталкивая локтем чувиху, сидящую рядом.

— Что вы сказали? — говорит она мне, звучит типа как «шьто вуы сыказали».

— Ты откедова?

— Извините, я не совсем понимаю вас… — Эти иностранки не врубаются, блядь, в литературный английский. С ними надо говорить громко, медленно и типа как по телевизору, иначе они тебя не поймут.

— ОТКУДА… ВЫ… ПРИЕХАЛИ?

В самое яблочко, бля. Любопытные суки, сидящие впереди, обернулись. Я тоже пялюсь на них. Ох, чувствую, набью я ебало какому-нибудь мудаку ещё до конца этой ебучей поездки, ручаюсь.

— Мм… мы из Торонто, Канада.

— Тиронто? Кореш Одиного Рейнджера, да? — говорю я. Чувихи тупо смотрят на меня. Некоторые чмошники не понимают, бля, шотландского юмора.

— А вы откуда? — спрашивает вторая. Пара писек. Молодец рыжий, что сел здесь, ей-богу.

— Из Эдинбурга, — отвечает Рентс, стараясь говорить, бля, как по телевизору. Ух, ебливый рыжий сучонок. Теперь, когда Франко прорубил лёд, этот Джо Халявщик тут как тут, сука.

Чувихи начинают тележить нам о том, какой невъебенный город Эдинбург, какой красивый этот ёбаный Замок на холме, что высится над садами, ну и про всю эту херотень. Об этом знают все туристы: замок, Принсис-стрит, Хай-стрит. Это как приехала Моннина тётка со всем своим выводком из какой-то селухи на том острове у западного берега Ирландии.

Тётка пришла в мэрию по поводу квартиры. В мэрии её спросили: «Где бы вы хотели поселиться?» Тётка сказала: «Я хочу квартиру на Принсис-стрит с видом на Замок.» Эта баба была малехо ебанутая, её родной язык был гаэльский, бля, а по-английски она ни бум-бум. Бедняжке сразу понравилась эта улица, и она решила, что Эдинбург весь такой, бля. Чуваки из мэрии рассмеялись и отправили её на кулички в Уэст-

Грэнтон, куда больше никто не хотел ехать. Вместо вида на Замок она получила вид на газоперерабатывающий завод. Во как бывает в жизни, если ты не затаренный чувак с квартирой и кучей бабок.

Короче, чувихи с нами выпили. Рентс уже успел нажраться. Этот рыжий не чувствует, когда надирается, и я мог бы перепить его, так чтоб он валялся под столом, блядь, в любой день недели. Просто вчера мы бухали с Лексо, после того как выставили ювелирный в Корсторфайне. Поэтому я сегодня такой кирной. Но чего мне сейчас больше всего хочется, так это срезаться в картишки.

— Доставай карты, Рентс.

— А я не взял, — говорит он. Чего он несёт? Я ж ему сто раз вчера повторял: «Не забудь карты».

— Я ж тебе говорил про карты, чмо! Сколько раз я тебе вчера повторял, блядь? Не забудь, на хер, карты!

— Я забыл, — отвечает он. Уверен, что рыжий спецом забыл про карты. А без карт тоска смертная, бля.

Этот ёбаный зануда начинает читать свою ёбаную книжку. Шо это за мансы, блядь? Потом они вместе с этой канадкой, типа как два студента, начинают пиздеть про книжки, которые они прочитали. Это действует мне на нервы. Мы ж пришли сюда веселиться, а не пиздеть за книжки и всякую поебень. Будь моя воля, я бы взял все, на хер, книжки, свалил их в огромную ебучую кучу и полностью сжёг, блядь. Книги нужны тем хитрожопым, которые любят хвастать, сколько всякой хуйни они прочитали. Всё, что тебе надо, можно узнать из газет или по телеку. Кривляки. Я покажу вам книжки, блядь…

Мы останавливаемся в Дарлингтоне, и тут заходят эти поцы и начинают сверять свои билеты с номерами наших мест. Поезд набит битком, и этим сукам негде сесть, блядь.

— Извините, это наши места. Мы их забронировали, — говорит этот чувак и трясёт билетом у меня перед носом.

— Боюсь, здесь произошла какая-то ошибка, — говорит Рентс. Рыжий умеет быть стильным, бля, этого у него не отнимешь; у чувака есть стиль. — Когда мы садились на поезд в Эдинбурге, здесь не было таблички «Места забронированы».

— Но у нас есть плацкарты, — говорит чудак в джонленнонских очках.

— Ну что ж, советую вам подать жалобу служащему Британской железной дороги. Я с моим другом законно занимаем эти места. Простите, но мы не несём ответственности за ошибки, допускаемые Британской железной дорогой. Благодарю вас, и доброй вам ночи, — говорит он, еле сдерживая смех, стервец рыжий. Я был слишком поглощён этим спектаклем, а не то б давно послал их к ёбаной матери. Ненавижу всякие разборки, но этот «джон-леннон» сам нарывался.

— У нас есть билеты. Значит, это наши места, — говорит он. — Вот и всё.

— Эй, ты! — говорю я. — Да, ты, хамло! — Он обернулся. Я встал. — Ты слышал, что сказал этот пацан, бля? А теперь ноги в руки и катись отсюда, прыщавый! Давай… пошёл! — я показал рукой на ёбаный проход.

— Пошли, Клайв, — сказал его дружок. Эти суки съебались. Так-то лучше. Для них же самих. Но только я подумал, что всё, на хер, кончилось, как вдруг они возвращаются вместе с проводником.

Сразу видно, что проводнику всё глубоко по барабану, он просто выполняет свои, бля, обязанности. Чувак начинает грузить о том, что это, мол, их места, но я его сразу обрываю.

— Меня не ебёт, что у них там написано в ихних билетах, командир. Когда мы садились на эти ёбаные

места, на них не было никаких, на хуй, табличек. Мы никуда отсюда не уйдём. И весь разговор. Вы слишком доверяете этим своим ёбаным билетам, в следующий раз смотрите, чтоб там была, на хер, подпись.

— Может быть, их кто-то убрал? — говорит он. Чисто для отмазки.

— Может, да, а может, и нет. Мне до этого нет никакого, блядь, дела. Я сказал: места были свободны, и я имел право на них сесть. Вот и весь сказ.

Проводник начинает спорить с этими мудаками, а потом говорит им, что он ничего не может, бля, сделать. Я не вмешиваюсь. Они кричат, что будут жаловаться, и парень тогда сам на них наезжает.

Чудак, сидящий передо мной, снова оглядывается.

— Какие-то проблемы, чувак? — ору я на него. Он, ссыкун, сразу отворачивается.

Рентс закемарил. Рыжий нажрался в драбадан. Вылакал половину пузыря и почти всё пиво. Я беру его пузырь вместе с собой в парашу, отпиваю и доливаю в него своей мочи. Это ему за то, что забыл картишки, блядь. Две трети пива, и одна треть мочи.

Возвращаюсь и ставлю пузырь на место. Чувак крепко спит, одна из тёлок тоже. Вторая уткнулась головой в книжку, блядь. Две письки. Даже не знаю, кого бы мне больше хотелось трахнуть — беленькую или тёмненькую, сука.

Я бужу рыжего в Питерборо:

— Подъём, Рентс. Ты, я вижу, слабак, бля! Не смог осилить пузырь. Ёбучий спринтер, вот ты кто. Спринтеру не хуй тягаться с бегуном на дальние дистанции.

— Не гони… — говорит он и делает большой глоток из бутылки, бля. Весь аж скривился. Я чуть не обоссался со смеху.

— Выдохлось, наверно. На вкус, как моча, блядь.

Я еле сдерживаю себя:

— Не отмазывайся, говнюк.

— Щас допью, — говорит он. Пока этот козёл пытается прикончить ёбаную бутылку, я отворачиваюсь к окну.

Когда мы прибываем в Кингс-Кросс, я конкретно нажираюсь. Чувихи съебали первыми; я хотел с ними договориться, бля, и не заметил, как Рентс сошёл с поезда. Я даже перепутал сумки и взял не свою, а рыжего. Не дай бог, он не возьмёт мою. Я даже не знаю адреса, блядь… но потом вижу, он базлает с каким-то шкетом с пластиковой чашкой у входа в метро. У Рентса моя сумка. Его счастье, сука.

— Есть мелочь, Франко? — спрашивает Рентс, а эта чмошная шмакодявка протягивает ёбаную чашку и зырит на меня своими дурацкими шарами.

— Вали на хуй, бомжара! — я выбиваю чашку у него из рук и уссыкаюсь, наблюдая, как этот дебил подбирает с асфальта свои ёбаные монетки.

— Где эта вписка, на хуй? — спрашиваю я у Рентса.

— Недалеко, — отвечает Рентс и смотрит на меня так, будто я, бля… иногда он как посмотрит… когда-нибудь он у меня схлопочет по ебалу, даром что друг. Потом он разворачивается, и я иду за ним на ветку Виктории.

На-На и другие нацики

На Лейт— уок сегодня не протолкнёшься, это самое. В такую жару с бритой головой. Некоторые кошаки типа любят жару, но для таких, как я, для нас это наказание. Тяжкая пытка, чувак.

Это самое, ещё один неудачник остался без гроша. Бедняга Джо Страммер. Остаётся только шляться и искать людей. Пока всё нормально, эти коты типа рядом ошиваются, но стоит кому-то пронюхать, что ты на голяках, и все сразу как бы прячутся в норы…

Я заметил Франко возле статуи королевы Вики-Чики. Он разговаривал с этим здоровенным пижоном, урелом Лексо; случайный знакомый, усекаешь? Забавная сцена, это самое, кажется, все психи знают друг друга, врубаешься, о чём я? Такие союзы не священны, брат, вовсе не священны…

— Картоха! Привет, чувак! Как оно? — Попрошайка — прикольный кошак.

— Э, ничего, помаленьку, Франко… а ты?

— Классно, — он поворачивается к квадратной горе, стоящей рядом с ним. — Ты знаешь Лексо, — это типа как утверждение, а не вопрос. Я как бы киваю, а этот верзила смотрит на меня одну секунду, а потом поворачивается и продолжает болтать с Франко.

Перед такими парнями, это самое, открыты все двери, и денег у них куры не клюют. Поэтому я говорю, типа:

— Э… ну, я пошёл, заскочу как-нибудь.

— Постой, брат. Как у тебя с баблом? — спрашивает меня Франко.

— Э, в принципе, ни копья. Тридцать два пенса в кармане и один фунт на счету в «Эбби Нэшнл». — Такие капиталовложения не гарантируют бессонных ночей пижонам с Шарлотт-сквэр, это самое.

Франко сунул мне две десятки. Он классный, Попрошайка.

— Только чур не колоться! — мягко журит меня, типа. — Позвони мне на выходных или приходи в гости.

Я когда— нибудь гнал на моего друга Франко? Ну, это самое… он неплохой чувак. Настоящий тигр, но даже тигры иногда садятся и урчат, обычно, когда они, это самое, кого-нибудь захавают. Ума не приложу, кого они захавали на сей раз, Франко с Лексо. Крошка Фрэнки был в Лондоне вместе с Рентсом, ныкался от мусоров. Чего он натворил? Иногда лучше этого не знать. На самом деле, всегда лучше об этом не знать, это самое.

Я пробираюсь через Вулис, там полно народу, тьмища, это самое. На контроле охранник типа клеит сексапильную кошку, а я тем временем тырю несколько чистых кассет… пульс резко учащается, потом медленно идёт на спад… классное ощущение, это, наиклассснейшее… ну, может, второе по счёту после прихода от «чёрного» или когда, это самое, кончаешь вместе с тёлкой. Этот адреналиновый приход такой классный, что хочется бежать по городу и типа как плясать от счастья.

Жара, это… жарко. По-другому не скажешь, да? Я иду на берег и сажусь на скамейку рядом с биржей труда. Две десятки в кармане согревают мне душу, это самое, передо мной типа отрываются новые двери, да? Я сижу и смотрю на реку. По реке плывёт большой лебедь, да? Я вспоминаю о Джонни Своне-Лебеде и о ширке. А этот лебедь — красавец, бля, это самое. Жалко, у меня, это, нет хлеба, а то б я покормил чувака.

Гев работает на бирже. Может, я перехвачу его на обеденном перерыве, поставлю ему пару кружек, это самое. Он меня недавно угощал. Я вижу, как Рикки Монахан выходит из центра.

— Рикки…

— Привет, Картошка. Как дела?

— Э, еле-еле свожу концы с концами. Полный джентльменский набор напрягов, это самое.

— Что, так плохо?

— Хуже, брат, хуже.

— Нигде не учишься?

— Четыре недели и два дня, с тех пор как выперли из Солсбери-Крэг, врубаешься? Считаю каждую секунду, брат, каждую секунду. Тик-так, тик-так, это самое.

— А здоровье как?

Только теперь я понимаю, это самое, что задрочен морально, да, но физически, это… угу. Первые две недели были затяжным смертельным «трипом», брат… но щас, это, я мог бы порезвиться с еврейской прицесской или католичкой, в белых носках, в чистых белых носках. Врубаешься?

— …Угу… чуть-чуть лучше, это самое.

— Едешь на Истер-роуд в субботу?

— Э, не-а… Просто, это самое, я тут собрался на футбол, типа. — А может, и поеду. С Рентсом… но Рентс щас в Лондоне… или с Дохлым, там. Поеду с Гевом, и куплю ему пару кружек… «Кэбсов» я ещё увижу. -…ладно, может быть. Посмареть, как там дела, это самое, да. Ты пойдёшь?

— Не. В прошлом сезоне я сказал, что не буду ходить, пока они не выгонят Миллера. Нам нужен новый тренер.

— Да… Миллер… нам нужен новый кошак-тренер… — Я даже не знаю, кто щас тренер, это самое, не могу даже назвать имена игроков. Может, Кано… но по-моему, Кано ушёл. Дьюри! Гордон Дьюри!

— Дьюри ещё в команде?

Монни посмарел на меня и типа как покачал головой.

— Не-а, Дьюри перевели сто лет назад, Картоха. В восемьдесят шестом. В «Челси».

— Точно, брат. Дьюри. Помню, как этот чувак забил гол «Селтику». Или это были «Рейнджерсы»? Хотя это одно и то же, брат, если подумать, это самое… типа как две стороны одной медали, да?

Он пожимает плечами. Видно, я его не убедил.

Рикки со мной корешится или, типа, я с ним корешусь… в смысле, э, кто в натуре знает, кто с кем корешится в наше время в этой ненормальной стране, брат? Но кто бы с кем ни корешился, пункт назначения один — Лейт-уок. Без дряни жить скучно. Рентс уехал в Лондон; Дохлый всё время где-то бухает, знаменитый старый порт его больше не прикалывает; Реб, это, Второй Призёр, куда-то пропал, а Томми упал на дно, после того как разошёлся с Лиззи. Остались типа мы с Франко… всё-таки жизнь, брат, можно сказать.

Рикки, Монни, Ричард Монахан, фений, борец за свободу, ну конечно, ну конечно, типа съёбывает на свидание со своей кралей. А ты остаёшься на своих кумарах, это самое. Придётся навестить На-На, она живёт в меблирашках в конце Истер-роуд. На-на терпеть их не может, хоть у неё, это самое, жирная квартирка. Вот бы мне такую, да. Убойный шик, только, это, для олдовых. Дёргаешь за верёвочку, звенит звонок, выходит консьержка и впускает тебя, да. Вот если б такое было на моей улице, брат, а консьержкой была б, это самое, дочка Фрэнка Заппы, эта шизовая девица, Девушка из Долины, Луноходная Заппа. Вот

это был бы номер, и я понимаю, чувак!

У На— На проблемы с копытами, это самое, врач сказал, что ей очень вредно подниматься на верхний этаж в её старую квартиру на Лорн-штрассе. Соображает, этот знахарь, эта рама. Если убрать варикозные вены у На-На на ногах, это самое, то не останется никаких ног, ей даже не на чем будет ходить, да? У меня на руках лучше вены, чем у неё в этом месиве. Она, конечно, уже типа достала своего докторишку, но старые кошки как бы помечают свою территорию и, это самое, привязываются к ней. И без боя её не оставляют. Выпускают коготки, шёрстка дыбом, брат. Это На-На… Миссис Мурр-Мурр, как я её называю, сечёшь?

У неё есть типа общая комната, но На-На пользуется ею, только когда пытается завалить в койку этого мистера Брайса. Семья старика жаловалась консьержке, что она его сексуально домагается. Эта консьержка пыталась свести, это самое, мою матушку с дочкой мистера Брайса, но На-На довела эту дочку до истерики, простебавшись насчёт родимого пятна у неё на лице. Типа как пятна от вина, да? На-На, это самое, находит у других, особенно, у женщин, слабые места, а потом бьёт по ним, понял?

Щёлкнула куча разных замков, и На-На улыбается мне и приглашает войти. Она всегда рада меня видеть, а вот моя матушка и сестра для неё, это самое, типа как пустое место. Как только они не пытались ей угодить! Но На-На любит парней и ненавидит баб. У неё типа восемь детей от пяти разных мужиков, да. И то, это только те, о которых я знаю.

— Халло… Кэйлем… Уилли… Патрик… Кевин… Десмонд… — она перечисляет имена других своих внуков, но, это самое, не может вспомнить моё. Но это меня мало волнует. Меня так часто называют «Картошкой», даже моя матушка меня так называет, что я сам иногда забываю своё имя.

— Денни.

— Денни, Денни, Денни. А я называю Денни Кевина. Как же я могла забыть, малыш Денни!

Да уж, это самое, как она могла… *«Малыш Денни»* и *«Розы Пикардии»* , это, типа, две песенки, которые она знает. Врубаешься? Она поёт фальцетом; ни слуха, ни голоса, расставив руки для пущего эффекта, да.

— У меня Джордж.

Я заглядываю за угол Г-образной комнаты и натыкаюсь на дядю Дода, который развалился в кресле и потягивает из банки «теннентс-лагер».

— Дод, — говорю.

— Картошка! Здоруво, шеф! Как жизнь?

— Всё путём, чувак, всё путём. Э, а у тебя, это самое?

— Не жалуюсь. Как мама?

— Э, это самое, гонит на меня, как обычно, да?

— Ты чё! Про мать так не говорят! Она твой лучший друг. Я не прав, мама? — спрашивает он у На-На.

— Конечно, блин, прав, сынок!

«Блин» — одно из любимых словечек На-На, а ещё — «ссать». Никто не говорит слово «ссать» так, как На-На. Он так растягивает это «сссссссс», что прямо *видишь* , как поднимается пар над жёлтой струёй, когда она ударяется в белый фарфор, да?

Дядя Дод широко и снисходительно ухмыляется. Дод — типа полукровка, сын моряка из Вест-Индии, сечёшь, вест-индское отродье, это самое! Врубаешься? Додин папик долго тусовался в Лейте, пока не

подцепил На-На на крючок. А потом обратно по семи морям. Классная у них жизнь, у моряков, это, в каждом порту по бабе, и всё такое.

Дод — самый младший сын На-На.

Она сначала вышла замуж за моего деда, это самое, везучего пастушка из графства Уэксфорд. Старый прохвост часто сажал мою матушку к себе на колени и пел ей типа песни ирландских мятежников. У него в носу росли волосы, и она, как вся малышня, считала, что он очень старый, это самое. А чуваку тогда было только тридцать с чем-то. Короче, он типа как плохо кончил, вроде бы выпал из окна верхнего этажа. Он трахался с ещё одной тёткой, не На-На, это самое. Никто толком не мог сказать, что это было — по пьяни, самоубийство или, это самое… и то, и другое. Короче, он оставил ей трёх детей, в том числе мою матушку.

Следующий (законный) мужик На-На был чувак со скрипучим голосом, который одно время работал палачом, да. Парень до сих пор ошивается в Лейте. Однажды в баре он рассказал нам, что на палачей сейчас учатся, это самое. Рентс, который тогда любил выделываться, сказал ему, что всё это брехня и что это неквалифицированный труд, и чувак, это самое, обломался. Я его вижу иногда в «Волли». Он типа неплохой парень. Прожил с На-На только год, но оставил ей ребёнка и ещё одного — типа как в перспективе.

Очередной, э, жертвой На-На стал малыш Алек, недавно овдовевший страховой агент, это самое. Поговаривают, Алек думал, что ребёнок, которого носила На-На, был будто бы от него. Брак длился три года, это самое, она родила от него ещё одного ребёнка, а потом бедняга разбушевался, когда однажды типа застукал, как она трахалась у них дома с другим чуваком.

По слухам, он типа как поджидал того парня на лестнице, это самое, с бутылкой в руке. Чувак начал просить пощады. Тогда Алек опустил бутылку и сказал типа, что он и так уже достаточно наказан. Чувак сразу повеселел и сбросил Алека с лестницы, потом выволок беднягу на улицу, типа как без сознания и всего в крови, и швырнул в кучу мусора возле бакалейной лавки.

Моя матушка говорила, что Алек был, это самое, порядочным человеком. Он был, сечёшь, единственным чуваком во всём Лейте, который не знал, что На-На, это самое, проститутка.

Предпоследний ребёнок На-На был настоящей, это самое, загадкой. Это моя тётя Рита, которая годится мне в сёстры. Она всегда мне нравилась, клёвая чувиха, типа как из шестидесятых, да? Никто так и не узнал, кто был Ритиным отцом, а потом появился Дод, которого На-На родила, когда ей было уже далеко за сорок, врубаешься?

Когда я был ещё мальцом, я боялся Дода, как чёрта. Приходишь в субботу к На-На, это самое, на чай, а там сидит этот мерзкий чёрный кошак, пялится на всех, а потом уползает, это, за угол. Все называли Дода скандалистом, и я тоже так думал, пока не начал врубаться, как его типа чмарят в школе, на улице, ну и везде. Всем на это было плевать, я тебе говорю. Я типа смеюсь, когда некоторые чуваки уверяют, что, мол, расизм — чисто английская штука и что все мы тут — дети Джока Тэмсона (6)… это натуральная брехня, брат, эти чуваки бессовестно брешут.

У меня в семье, это самое, проводятся традиционные чаепития, да? Все мои дядья на этом помешаны. А Дода, это самое, всегда суровее всего наказывали за самые малейшие провинности, да. Законченный неудачник, брат. Рентс однажды сказал, что тёмная кожа вызывает больше всего подозрений у полиции и властей; и он прав.

Короче, мы с Додом решили заскочить в «Перси» и пропустить по кружечке. В баре творилась какая-то шизня; обычно «Перси» — спокойная семейная кафешка, но сегодня её заполонили эти оранжевые чуваки с дикого запада, которые съезжаются сюда на ежегодный марш и сборище в Линксе. Надо сказать, эти чуваки никогда меня не трогали, но я всё равно их недолюбливаю. Ненависть и всё такое, понимаешь?

Классно, наверно, отмечать годовщины былых сражений, братан. Врубаешься?

Я заметил папика Рентса, его братьев и племянников. Рентсов брательник Билли тоже тут как тут. Папик Рентса — настоящий «мыловар», но он больше в этом не участвует. Однако его семья из Глазго увлекается этими делами, а семья для Рентсова папика многое значит. Рентс не водится с этими чуваками; даже, это самое, типа как ненавидит их. Он не любит говорить об этом. А вот Билли наоборот. Ему нравятся все эти оранжевые расклады, он типа из команды джамбо-гуннов. Он кивнул мне, но не думаю, что он меня и вправду уважает, хотя.

— Привет, Денни! — говорит мистер Р.

— Э… здоруво, Дэви, здоруво. Чё слыхать от Марка?

— Ничего. Видать, у него всё в порядке. Он дает о себе знать, только когда ему чего-то надо, — он сказал это и в шутку и всерьёз, а его молодые племяши тааак на нас посмотрели, что мы скромно сели в уголке возле выхода.

Плохи дела…

Рядом с нами сидят какие-то психи. Одни бритоголовые, другие — нет. У одних акцент шотландский, у других — английский, у третьих — белфастский. Один парень в футболке с нарисованной отвёрткой, другой — в кепке с надписью типа «Ольстер — Британии». Они затягивают песню, это самое, про Бобби Сэндса. Я плохо разбираюсь в политике, но мне кажется, Сэндс был смелым чуваком, это самое, и никого никогда не убивал. Чтобы так умереть, надо иметь мужество, правда?

Один парень, тот, что с отвёрткой, изо всех сил пытается поймать мой взгляд, а я так же отчаянно пытаюсь от него увернуться. Это становится не так просто, когда они запевают: «На флаге Британии нет чёрного цвета». Мы стараемся соблюдать хладнокровие, но от этого тигра никуда не скроешься. Он выпустил когти. Он рычит на Дода.

— Эй, черномазий! Куда ти, бляддь, смотришь?

— Пошёл в пизду, — ухмыляется Дод. Он и раньше всегда так поступал. В отличие от меня. Это самое, тяжко.

Я слышал, как какой-то чувак из Глазго говорил, что эти чуваки типа не настоящие оранжевые, что они нацики и всё такое, но большинство этих оранжевых ублюдков в баре, это самое, поддерживали их и натравливали.

Они хором запели:

— Чёрный ублюдок! Чёрный ублюдок!

Дод встаёт и подходит к их столу. Я вижу, как меняется выражение насмешливого, перекошенного лица «Отвёртки», когда он одновременно со мной понимает, что у Дода в руке тяжёлый поднос для пивных кружек… это уже насилие… труба дело…

…он бац этим подносом «Отвёртку» по голове и типа как разбивает ему чердак, и чувак валится со стула на пол. Я типа как задрожал от страха, здорово перетрухал, брат, и какой-то чувак подпрыгивает к Доду, и они его хлоп на землю, так что мне пришлось вмешаться. Я беру кружку и бух по челюсти «Красной Руке Ольстера», он хватается за голову, хотя кружка, это самое, даже не разбилась, но какой-то парень бьёт меня кулаком в живот с такой силой, что мне кажется, будто меня пырнули ножом, брат…

— Мочите этого ирландского ублюдка! — орёт какой-то чувак, и они прижимают меня типа к стенке… я начинаю махать руками и ногами и ничего не чувствую… мне, это самое, типа как это даже нравится, брат, потому что это не настоящее насилие, как если, например, кто-то вроде Бегби начинает шизовать и

всё такое, а это так, какая-то комедия… это самое, я типа как не умею по-настоящему драться, но эти пацаны тоже, по-моему, ни ахти как дерутся… по-моему, они только мешают друг другу…

Я не врублюсь, что произошло. Наверно, их оттащили от меня Дэви Рентон, Рентсов папик, и Билли, его брат, потому что следующее, что я помню, это как я типа тащу на улицу Дода, а вид у него очень помятый. Я слышу, как Билли говорит:

— Выводи его, Картошка. Выводи его, блядь, на улицу.

Теперь я начинаю чувствовать боль во всём теле и типа как реву от злости и страха, но больше всего от обиды…

— Это… это самое… блядство… это, это…

Доду нехило перепало. Я перевожу его через дорогу. Нам что-то кричат вдогонку. Я смотрю на дверь На-На и боюсь обернуться. Мы вошли. Я помогаю Доду подняться по лестнице. У него кровь на боку и на руке.

Я вызываю скорую, а На-На причитает, качая головой:

— Что они с тобой, блин, сделали, сынок… когда ж они оставят тебя в покое, мой мальчик… ещё когда он учился в школе, в этой грёбаной школе…

Я страшно злой, брат, и знаешь на кого? На На-На. Имея такого сына, как Дод, ты думаешь, На-На врубается, каково тем, кто отличается от других, это самое, кто чем-нибудь выделяется? Типа как та тётка с пятном от вина… но некоторые люди просто пышут ненавистью, и к чему всё это приводит, брат? К чему это, блядь, приводит, а?

Я отвожу Дода в больницу. Его раны оказались не такими типа серьёзными, как казались. Я вхожу в палату и вижу его на каталке, после того, как его типа как залатали.

— Всё нормально, Денни. Бывало и похлеще. Это только цветочки. Дальше будет ещё хуже.

— Не говори так, брат. Не говори так, понял?

Он смотрит на меня с таким видом, как будто мне никогда в жизни этого не понять, и возможно, он прав.

Первая палка за сто лет

Почти весь день они курили шмаль. А сейчас сидят и бухают в занюханном хромово-неоновом гадюшнике для съёма. Бар ломится от разнообразных дорогих напитков, но здесь и в помине нет той «коктейльной» утончённости, которую он якобы подразумевает.

Люди приходят сюда по одной-единственной причине. Впрочем, ночь только начинается, и пока ещё не так заметно, что пьянство, разговоры и музыка служат для них всего лишь удобным предлогом.

План с алкоголем разожгли отходняковое либидо Картошки и Рентона до немыслимой степени. Все женщины в баре (и даже некоторые мужчины) казалась им невероятно сексуальными. Они не могли сосредоточить внимание на одной особе, которая могла бы стать их потенциальной мишенью, поскольку их взгляд тотчас приковывала другая. Находясь здесь, каждый из них остро ощущал, как давно уже не трахался.

— Если не сможешь подцепить какую-нибудь Джо Макбрайд даже в этом заведении, то можно сушить сухари, — рассуждает Дохлый, покачивая головой в такт музыке. Дохлый любит пускаться в отвлеченные рассуждения, как обычно в таких случаях, говоря с позиции силы. Тёмные круги у него под глазами свидетельствуют о том, что он почти весь день трахался с теми двумя американками, что остановились в отеле «Минто». Ни у Картошки, ни у Рентона, ни у Бегби нет никаких шансов составить ему компанию. Он каждому из них даст фору. Дохлый просто удостаивает их своим присутствием.

— У них превосходная кока, чуваки. Никогда ничего подобного не пробовал, — улыбается он.

— Морнингсайдовский «спид», брат, — замечает Картошка.

— Кокаин… мусор, бля. Дерьмо для яппи. — Хотя Рентон не кололся уже несколько недель, у него осталось презрение убеждённого героиниста ко всем остальным наркотикам.

— Мои леди возвращаются. Мне придётся покинуть вас, джентльмены. Занимайтесь своими грязными делишками, — Дохлый надменно качает головой, а потом окидывает бар высокомерным, заносчивым взглядом. — В игру вступает рабочий класс, — он насмешливо фыркает. Картошка с Рентоном морщатся.

Сексуальная зависть — неотъемлемый компонент дружбы с Дохлым.

Они пытаются представить себе все те кокаиново-шизовые сексуальные игрища, которые он устраивает с «мандами из „Минто“, как он их называет. Им остаётся только фантазировать. Дохлый никогда не рассказывает подробностей своих любовных похождений. Но его сдержанность вызвана не уважением к женщинам, с которыми он вступает в связь, а желанием помучить своих менее удачливых в сексуальном плане друзей. Картошка и Рентон понимают, что групповуха с богатыми туристками и кокаином — это удел таких сексуальных аристократов, как Дохлый. А их уровень — этот задрипанный бар.

Рентон ёжится, наблюдая издали за Дохлым и думая о той пурге, которую он на постоянке гонит.

Чёрт с ним, с Дохлым, чего от него ещё можно ждать. Но Рентон с Картошкой приходят в ужас, когда обнаруживают, что Бегби тоже от них откололся. Он замолаживает женщину с приятным, по мнению Картошки, личиком. «И с толстой жопой», — брюзгливо отмечает про себя Рентон. Некоторых женщин, размышляет Рентон со злобной завистью, притягивают всякие психопаты. Обычно они дорого платят за этот свой порок, и их жизнь превращается в сущий кошмар. В качестве примера Рентон самодовольно приводит Джун, подружку Бегби, которая сейчас лежит в роддоме. Гордый от того, что за примером не надо было далеко ходить, он делает большой глоток «бэка» и решает: «Нужно оставаться самим собой».

Однако у Рентона наступает очередной этап самоанализа, и его самодовольство мигом испаряется. На самом деле, жопа у неё не такая уж и большая, рассуждает он. Он замечает, что в нём опять сработал механизм самообмана. Дело в том, что он подсознательно считает себя самым привлекательным человеком в этом баре. И поэтому всегда находит что-нибудь отвратительное в самых потрясающих людях. Сосредоточив всё свое внимание на этой отдельной уродливой черте, он может затем мысленно уничтожить всю красоту в целом. В то же время собственные недостатки его не волнуют, поскольку он к ним привык и, во всяком случае, их не замечает.

Как бы то ни было, сейчас он уже завидовал Фрэнку Бегби. Ну конечно, думал он, благодать обходит меня стороной. Бегби и его новоиспечённая любовница разговаривают с Дохлым и американками. Эти тёлки шикарно выглядят в своей упаковке из загара и дорогих шмоток. Рентона тошнит, когда он видит, как Бегби с Дохлым строят из себя закадычных друзей, тогда как, на самом деле, они постоянно норовят наступить другу другу на пятки. Он отмечает угнетающую поспешность, с какой люди, удачливые в сексуальной, да и в любой другой сфере, открещиваются от неудачников.

— Остались мы с тобой, Картоха, — говорит он.

— Это самое, э, да… похоже на то, котик.

Рентону нравится, когда Картошка называет других «котиками», но терпеть не может, когда к нему самому так обращаются. От котиков его выворачивает.

— Знаешь, Картошка, иногда мне хочется снова сесть на иглу, — говорит Рентон, главным образом для того, чтобы шокировать Картошку, чтобы увидеть реакцию на его отупевшем от хэша, обдолбанном фейсе. Но как только он это произносит, он понимает, что сказал правду.

— Эх, это самое, тяжко, бля… да? — Картошка выпускает воздух сквозь плотно сжатые губы.

Рентон просекает, что «спид», которым они закинулись в туалете и который он считал полным дерьмом, начал действовать. Проблема спрыгивающих «чернушников» заключается в том, приходит к выводу Рентон, что эти безмозглые придурки готовы закинуться всем, чем попало. Но когда ты сидишь на игле, то для всего остального дерьма просто не остаётся места.

У него зачесался язык. «Спид» полностью перекрыл план и алкоголь.

— Дело в том, Картошка, что если ты торчишь, то ты торчишь. И тебя больше ничего не волнует. Знаешь Билли, моего брата? Снова записался добровольцем в ёбаную армию. Этот придурок поедет в Белфаст, бля. Я всегда знал, что он припезденный. Прихвостень империализма, блядь. Знаешь, что мне сказал этот дебил? Говорит, что его, мол, на гражданке кумарит. Служить в армии — это всё равно что торчать. Разница только в том, что там не ширяются, а стреляют.

— Ну, это самое, по-моему, ты немного, того, перебарщиваешь, чувак.

— Да ты слушай сюда! Вдумайся. В армии за этих дебилов всё делают другие. Кормят их и поят дешёвым пивом в вонючих солдатских клубах, чтоб они только не ходили в город и не трогали местных. Когда они потом выходят на гражданку, то им приходится всё делать самим.

— Да, но, это самое, разница есть, ведь… — Картошка пытается его перебить, но Рентон уже вошёл в раж. Он может заткнуться, только если треснуть его бутылкой по голове, да и то не надолго.

— Угу, угу… постой, чувак. Выслушай. Послушай, что я тебе щас скажу… да, о чём это я, бля… ах, да! Вспомнил. Когда ты на системе, то думаешь только о том, где бы достать. А когда ты спрыгиваешь, то начинаешь думать о целой куче других вещей. Нет денег — не нажрёшься. Есть деньги — нажрёшься, как свинья. Нет чувихи — не с кем потрахаться. Есть чувиха — постоянные ссоры, шагу без неё не ступи. Можно, конечно, забить на всё, но тогда чувствуешь себя виноватым. Думаешь о бабках, о хавке, о ментах,

об этих долбаных нациках, которые тебя пиздят, и обо всех остальных вещах, на которые тебе глубоко насрать, когда ты плотно сидишь на игле. Тогда ты думаешь только об одном. Всё очень просто. Врубаешься, о чём я? — Рентон замолчал и бросил в рот жвачку.

— Ага, но это же типа жалкое существование, бля. Разве это жизнь, а? Это самое, когда у тебя ломки… это же полный пиздец… все кости переламывает… отрава, чувак, чистая отрава… Даже не говори мне, что ты хочешь всё это повторить, потому что всё это враньё, — в его ответе было много яда, особенно, если учесть, что Картошка обычно спокойный и расслабленный. Рентон заметил, что задел его за живое.

— Ладно. Я прогнал. Это всё Лу Рид.

Картошка улыбнулся Рентону той подкупающей улыбкой, которая вызывает у старушек на улице желание подобрать его, как бездомного кота.

Они видят, что Дохлый собирается отчалить вместе с американками Аннабель и Луизой. Он потратил обязательные полчаса на удовлетворение Попрошайкиного эго. В этом состоит единственная функция всех друзей Бегби, решает Рентон. Он думает над кем, какой идиотизм быть другом человека, который тебя совершенно не прикалывает. Это такой обычай или привычка. К Бегби привыкаешь, как к героину. И он не менее опасен. Согласно статистике, размышляет Рентон, у вас намного больше шансов быть убитым членом вашей же семьи или вашим близким другом, чем каким-нибудь посторонним человеком. Некоторые олухи окружают себя всякими психами, полагая, что они становятся от этого более сильными и менее уязвимыми для нашего жестокого мира, тогда как, на самом деле, верно обратное.

На выходе Дохлый оборачивается и, глядя на Рентона, поднимает одну бровь в стиле Роджера Мура, выходящего из бара. Рентона охватывает паранойя, вызванная «спидом». Ему кажется, что причина успеха Дохлого у женщин кроется в его способности поднимать одну бровь. Рентон знает, как трудно этому научиться. Он тренировался у зеркала несколько долгих вечеров, но обе брови как на зло поднимались вместе.

Количество выпитого и истёкшее время совместными усилиями помогают сконцентрироваться. За час до закрытия человек, которого ты даже не думал снимать, становится вполне подходящим кандидатом. А когда остаётся всего лишь полчаса, ты его определённо жаждешь.

Блуждающий взгляд Рентона останавливается на стройной девушке с прямыми, длинными каштановыми волосами, немножко загнутыми на кончиках. У неё красивый загар и тонкие черты лица, со вкусом подчёркнутые макияжем. На ней коричневый «топ» и белые брюки. Рентон чувствует, как кровь отливает у него от живота, когда она засовывает руки в карманы и у неё просвечивают трусики. Настал его час.

Девушку и её подружку клеит какой-то парень с круглым, отёчным лицом, одетый в рубашку без воротника, натянувшуюся на его пухлом животе. Рентон, питающий нескрываемое предубеждение против полных людей, пользуется удобным случаем, чтобы дать волю своим чувствам.

— Картошка, глянь на этого жирного. Прожорливый ублюдок. Я никогда не поверю во всю эту херню насчёт желёз и обмена веществ. Ты видел в фильме про Эфиопию хоть одного жирного ублюдка? У них там что, желёз нет? Как бы не так, — Картошка отвечает на его возмущение удолбанной улыбкой.

Рентон решает, что у девушки есть вкус, потому что она отшивает этого толстого парня. Ему нравится, *как* она это делает. Самоуверенно и с чувством собственного достоинства, не выставляя его полным идиотом, но недвусмысленно давая ему понять, что он её не интересует. Парень улыбается, разводит руками и склоняет голову набок под взрыв издевательского хохота своих друзей. Эта сцена вселяет в Рентона ещё больше решимости заговорить с девушкой.

Рентон показывает Картошке, чтоб шёл за ним. Он не любит делать первый шаг и чувствует большое облегчение, когда Картошка заговаривает с её подружкой, хотя обычно Картошка никогда не берёт инициативу в свои руки. Наверное, «спид» подпирает. Впрочем, он немного смущается, услышав, как Картошка тележит про Фрэнка Заппу.

Рентон пытается казаться расслабленным, но заинтересованным, искренним, но беззаботным.

— Извините, что встреваю в вашу беседу. Но я просто хотел сказать вам, что восхищаюсь вашим безупречным вкусом и тем, как вы только что отшили этого толстого ублюдка. Я подумал, возможно, с вами интересно будет поговорить. Но если вы прогоните меня, как этого жирного ублюдка, то я не обижусь. Кстати, меня зовут Марк.

Девушка улыбается ему немного смущённо и снисходительно, но Рентон думает, что это, по крайней мере, в сто раз лучше, чем «отвали». По мере разговора Рентон начинает стесняться своей внешности. «Спид» мало-помалу отпускает. Ему кажется, что его волосы, выкрашенные в чёрный цвет, выглядят по-дурацки, а оранжевые веснушки, это проклятие всех рыжих, так и бросаются в глаза. Раньше он считал себя похожим на Боуи периода Зигги Стардаста. Но пару лет назад какая-то тёлка сказала ему, что он точная копия Алека Маклиша, абердинского футболиста, играющего за сборную Шотландии. Это прозвище к нему прилипло. Когда Алек Маклиш решил бросить футбол, Рентон отправился в Абердин, чтобы выразить ему свою признательность. Он вспомнил, как однажды Дохлый печально покачал головой и заявил, что чувак, похожий на Алека Маклиша, вряд ли может претендовать на успех у женщин.

Поэтому Рентон покрасил волосы в чёрный цвет, чтобы только не быть похожим на Маклиша. И теперь он боялся, что первая же тётка, которую он снимет, рассмеётся ему в лицо, когда он разденется, и она увидит его огненно-рыжий лобок. Он покрасил даже брови и подумывал, не покрасить ли ему заодно и волосы на лобке. По глупости он спросил совета у матери.

— Не валяй дурака, Марк, — ответила она ему. Мать стала раздражительной из-за гормонального дисбаланса, вызванного климаксом.

Девушку звали Дианой. Рентону кажется, будто ему кажется, что она красавица. Эта оговорка необходима, поскольку прошлый опыт научил его никогда не доверять своим суждениям в тот момент, когда в его организме и мозге плещутся химикаты. Они заговорили о музыке. Диана сообщила Рентону, что ей нравятся «Симпл Майндс», и между ними завязался первый небольшой спор. Рентон не любил «Симпл Майндс».

Он разразился пламенной речью:

— «Симпл Майндсы» превратились в полное говно, после того как начали играть этот новомодный ангажированный пэшн-рок в стиле «Ю-2». Я перестал доверять им с тех пор, как они отошли от корневого помп-рока и начали гнать всю эту неискреннюю, политическую в самом плохом смысле этого слова попсню. Мне нравились ранние вещи, но, начиная с «Новой золотой мечты», это полный отстой. От всей этой фигни про Манделу просто блевать хочется.

Диана верила в то, что ребята искренне поддерживают Манделу и движение за сосуществование рас в Южной Африке.

Рентон энергично закачал головой, стараясь соблюдать спокойствие, но в то же время выходя из себя из-за амфетамина и её несогласия:

— У меня была их старая пластинка 1979 года, да, я её купил, но несколько лет назад я её выбросил, и я хорошо помню, как в одном интервью Керр осуждал политическую ангажированность других команд и говорил, что «Майндсов» интересует только музыка.

— Люди меняются, — возразила Диана.

Рентона немного ошеломила чистота и простота этого утверждения. Она нравилась ему всё больше. Пожав плечами, он согласился с ней, хотя не мог отделаться от мысли, что Керр всегда оставал на один шаг от его гуру Питера Гэйбриела, и что после «Живой помощи» среди рок-звёзд стало модно строить из себя милашек. Однако он промолчал и решил в дальнейшем быть менее категоричным в своих музыкальных пристрастиях. Если смотреть на вещи более широко, подумал он, то какая, в принципе, разница?

Спустя некоторое время Диана с подружкой пошли в туалет, чтобы обсудить Рентона и Картошку. Диана никак не могла определиться насчёт Рентона. Он, конечно, мудак, но здесь таких полно, а он от них несколько отличается. Хотя и не настолько, чтобы придти в восторг. Однако, уже поздно…

Картошка поворачивается и говорит что-то Рентону, но он его не слышит из-за песни «Ферма», которую, как и все их песни, по мнению Рентона, можно служать только под «экстази», а если ты под «экстази», то нет никакого смысла слушать «Ферму», лучше уж оттянуться под какой-нибудь рейв, переходящий в тяжёлое техно. Но даже если бы он слышал Картошку, то всё равно его мозги были сейчас настолько задрочены, что он не смог бы ничего ответить, а потому заслуженно отдыхал от напряжения во время разговора с Дианой.

Потом Рентон начинает изливать душу парню из Ливерпуля, приехавшему сюда на каникулы, из-за его акцента и манер приняв его за своего друга Дэйво. Потом Рентон понимает, что этот парень — совсем не Дэйво и зря он так перед ним разоткровенничался. Он пытается вернуться обратно к стойке, теряет Картошку, и только тут осознаёт, что ужрался, как скотина. Диана становится для него лишь воспоминанием, смутной целью в тумане его наркотического ступора.

Он выходит на улицу и видит, что Диана садится одна в такси. Изнывая от ревности, он задаёт себе вопрос, означает ли это, что Картошка снял её подружку? Его ужасает перспектива остаться единственным парнем, который так никого и не снял, и полное отчаяние вынуждает его без стеснения подойти к ней.

— Диана, ты не против, если я сяду вместе с тобой?

Диана колеблется:

— Я еду в Форрестер-Парк.

— Класс. Мне тоже в эту сторону, — врёт Рентон и добавляет про себя: «По крайней мере, сегодня.»

В такси они разговорились. Диана поссорилась с Лизой, своей подружкой, и решила уехать домой. Она думает, что Лиза до сих пор пляшет на танцплощадке с Картошкой и ещё одним кретином, натравливая их друг на друга. Капуста Рентона осталась у этого второго кретина.

Лицо Дианы приняло кислое мультяшное выражение, когда она рассказывала Рентону, какой ужасный человек эта Лиза, перечисляя все её проступки, показавшиеся ему довольно незначительными, со злобой, которая его немного встревожила. Он во всём ей поддакивал и согласился, что Лиза — самая страшная эгоистка на свете. У неё испортилось настроение, а поскольку Рентона это не устраивало, то он сменил тему. Он травил ей анекдоты про Картошку и Бегби, умело их приукрашивая. Рентон ни разу не упомянул Дохлого, потому что Дохлый нравился женщинам, и он старался держать женщин, с которыми знакомился, как можно дальше от Дохлого, даже в разговоре.

Когда она немного повеселела, он спросил её, не станет ли она возражать, если он её поцелует. Она пожала плечами, предоставив ему самому решать, означало ли это, что ей всё равно или что она ещё не решила. Он рассудил, однако, что безразличие намного лучше категорического отказа.

Они немного полизались. Его возбудил аромат её духов. Она подумала, что он слишком худой и костлявый, но целуется классно.

Когда они вышли из машины, Рентон признался, что живёт не в Форрестер-Парке и солгал лишь для того, чтобы подольше с ней побыть. Злясь на самоё себя, Диана почувствовала себя польщённой.

— Не хочешь зайти ко мне на чашку кофе? — спросила она.

— Было бы классно, — Рентон пытался сделать вид, что ему просто приятно, и не выдать того, что он в восторге.

— Но предупреждаю, только кофе, — добавила Диана с таким видом, что Рентон долго не мог понять, какой смысл она вкладывала в свои слова. С одной стороны, она лукавила, и значит, вопрос секса с повестки дня не снимался, а с другой стороны, тон у неё был достаточно самоуверенный, и следовательно, говорила она то, что думала. Он только кивнул, как сконфуженный деревенский лох.

— Не шуми. Люди спят, — сказала Диана. «Это уже хуже», — подумал Рентон и представил себе квартиру с ребёнком и нянькой. Он вспомнил, что никогда не делал этого с теми, кто уже рожал. Эта мысль вызвала у него какое-то непривычное чувство.

Хотя он сразу же почуял, что в комнате кто-то есть, он не услышал того характерного запаха мочи, блевотины и талька, который исходит от грудных младенцев.

Он попытался обратиться:

— Диа…

— Тсс! Они спят, — оборвала она его. — Не разбуди их, а не то будут неприятности.

— Кто «они»? — нервно прошептал он.

— Тсс!!!

Рентон смутился. У него в мозгу промелькнули прошлые кошмары, испытанные им самим и слышанные от друзей. Он мысленно перебрал свою жуткую «базу данных», содержавшую в себе всё на свете — от соседей-вегетарианцев до психованных сутенёров.

Диана провела его в спальню и усадила на односпальную кровать. Потом она исчезла и возвратилась через несколько минут с двумя чашками кофе. Он почувствовал, что кофе был с сахаром; обычно он не мог его пить, но сейчас утратил вкус.

— Будем ложиться? — прошептала она с необычным напряжением в голосе и подняла брови.

— Э… неплохо бы… — сказал он, чуть не захлебнувшись кофе. Сердце бешено застучало, и он занервничал, как неуклюжий девственник, переживающий о том, каким образом алкогольно-наркотический коктейль скажется на его эрекции.

— Только не шуметь, — сказала она. Он кивнул.

Он быстро стянул с себя джемпер и футболку, потом кроссовки, носки и джинсы. Стесняясь своего рыжего лобка, он сначал запрыгнул в постель, а уж потом снял трусы.

Наблюдая за тем, как Диана раздевается, Рентон с облегчением обнаружил, что у него встал. В отличие от него, она тянула время и, похоже, совершенно не стеснялась. Он подумал, что у неё классное тело. В голове Рентона несколько раз настойчиво прозвучала футбольная мантра «а вот и мы».

— Я хочу быть сверху, — сказала Диана, отбросив покрывало и обнажив ярко-рыжий лобок Рентона. К счастью, она его вроде бы не заметила. Рентон был доволен своим членом. Он казался намного больше, чем обычно. Возможно, дело в том, догадался Рентон, что он отвык видеть свой член эрегированным. Но Диана была не в восторге. «Видали и похуже», — словно бы говорила она.

Они начали ласкать друг друга. Диана наслаждалась прелюдией. Рентонов пыл выгодно отличал его

от большинства других парней, с которыми она была, но почувствовав, как его пальцы тянутся к её вагине, она остановилась и оттолкнула его руку.

— Я уже хорошо смазана, — сказала она. Рентон на миг оцепенел, это прозвучало так холодно и механично. Ему даже показалось, что его эрекция ослабла, но когда она опустилась на него, то — о, чудо из чудес! — член был по-прежнему твёрдым.

Когда она села на него, Рентон тихо простонал. Они начали медленно двигаться, член проникал всё глубже и глубже. Он ощущал её язык у себя во рту и слегка ощупывал руками её задницу. Казалось, это длится целую вечность; ему показалось, что он сейчас кончит. Диана была возбуждена до предела. «Ещё один никчёмный хуй? Нет, только не это», — думала она.

Рентон перестал её щупать и попытался представить себе, что трахает Маргарет Тэтчер, Пола Дэниелса, Уоллеса Мерсера, Джимми Сэвила и других страшилищ, чтобы только не кончить.

Диана не упустила свой шанс и сама довела себя до оргазма, пока Рентон лежал, словно искусственный член на широком скейтборде. И только после того, как Диана укусила себя за указательный палец, чтобы подавить странный писк, с которым она кончала, а другой рукой упёрлась ему в грудь, Рентон тоже почувствовал приближение оргазма. В этот миг его не могла остановить даже мысль о том, что он дрючит в задницу Уоллеса Мерсера. Ему казалось, что он будет кончать вечно. Его члён брызгался, как водный пистолет в руках неисправимого сорванца. После длительного воздержания струя его спермы долетала до самого потолка.

Они кончили почти одновременно, и если бы Рентон был жеребцом, то, возможно, он так и расписал всё перед приятелями. Но потом он понял, почему никогда этого не сделает: загадочные пожимания плечами и улыбки всегда вызывают больше доверия, чем живописные подробности, рассказываемые для прикола пацанам. Он научился этому у Дохлого. Даже его пресловутый антисексизм объяснялся элементарным сексистским эгоизмом. «Мужчины — такие ранимые существа», — подумал Рентон.

Когда Диана слезла с него, Рентон начал плавно погружаться в блаженный сон. Он решил проснуться ночью и ещё раз заняться сексом. Теперь, когда замкнутый круг был разорван, он расслабится, станет более активным и покажет ей, на что он способен. Он сравнивал себя с нападающим, который наконец-то разрушил чары, закрывавшие перед ним ворота, и ждёт не дождётся следующего матча.

Поэтому Рентона задело за живое, когда Диана сказала:

— А теперь уходи.

Прежде чем он успел ей что-либо возразить, она уже выпрыгнула из постели. Она надела трусы, чтобы задержать густую сперму, которая начала вытекать из неё и струилась по внутренней стороне бёдер. Рентон впервые подумал о проникающем сексе без презерватива и опасности подхватить ВИЧ. Он сдал анализы после того, как последний раз ширнулся чужим шприцом. Он был чистый. Однако Рентона беспокоила Диана: ведь если она переспала с ним, то она может переспать с кем угодно. А её намерение прогнать его сильно поколебало его хрупкое сексуальное эго, в удручающе короткий срок превратив его из хладнокровного жеребца обратно в дрожащего недотёпу. Он подумал, что ему, наверное, на роду было написано заразиться ВИЧем половым путём. А ведь ему приходилось ширяться чужими иглами, хотя в торчковых «тирах» давно уже отказались от больших «коммунальных» баянов.

— А можно мне остаться? — спросил он робким, боязливым голоском, который Дохлый, окажись он здесь, беспощадно бы высмеял. Диана пристально посмотрела на него и покачала головой:

— Нет. Можешь лечь на кушетке. Только тихо. Если тебя кто-нибудь увидит, между нами ничего не было. И оденься.

Он с радостью выполнил её просьбу, снова застеснявшись своих нелепых рыжих лобковых волос.

Диана вывела Рентона в прихожую, где стояла кушетка. Он был в одних трусах и трясся от холода, пока она не вынесла ему спальный мешок и его одежду.

— Извини, конечно, — прошептала она, поцеловав его. Они полизались ещё немного, и у него снова встал. Но когда он попытался залезть ей под ночную рубашку, она его остановила.

— Мне нужно идти, — решительно сказала она.

Диана ушла, оставив Рентона в полном недоумении. Он лёг на кушетку, залез в спальник и застегнул молнию. Он лежал в темноте, не в силах уснуть, и пытался представить себе обстановку комнаты.

Рентон подумал, что Дианины соседи — мрачные ублюдки, которым не нравится, если она приводит кого-то к себе домой. Возможно, решил он, она просто не хотела, чтобы соседи знали, что она может подцепить какого-то странного парня, привести его к себе и трахнуть. Его самолюбию польстило то, что его блестящее остроумие и необычайная, хотя и немного подпорченная красота сумели сломить её сопротивление. Он почти поверил в себя.

В конце концов, он погрузился в прерывистый сон, наполненный странными сновидениями. Несмотря на то, что он уже привык к таким стрёмным снам, на сей раз они были особенно яркими и на удивление легко вспоминались. Он был прикован к стенке в белой комнате, озарённой голубым неоновым светом и смотрел, как Йоко Оно вместе с Гордоном Хантером, защитником «Хибсом», грызли человеческое мясо и кости, а на больших пластмассовых столах лежали расчленённые тела людей. Обе знаменитости изрыгали ужасные проклятия в его адрес, отрывая куски мяса и старательно пережёвывая их окровавленными ртами. Рентон знал, что его стол следующий. Он попробовал подлизаться к «Цыганёнку» Хантеру, сказав, что он его большой фанат, но защитник с Истер-роуд полностью оправдал своё бескомпромиссное прозвище и громко рассмеялся ему в лицо. Рентон испытал огромное облегчение, когда этот сон кончился, и ему приснилось, что он сидит возле лейтского пруда, совершенно голый и весь вымазанный в жидком говне, и ест с тарелки яичницу с помидорами и гренками вместе с полностью одетым Дохлым. Потом ему приснилось, что его соблазнила какая-то красотка, на которой был купальник из «элкановской» фольги. Женщина оказалась на самом деле мужчиной, и они медленно трахали друг друга во все дыры, из которых сочилось какое-то вещество, напоминающее пенку для бритья.

Его разбудил лязг ножей и запах жарящегося бекона. Краем глаза он заметил спину какой-то женщины, явно не Дианы, которая исчезла в маленькой кухоньке, расположенной совсем рядом с гостиной. Потом он услышал мужской голос, и его охватил страх. С похмелья, в незнакомом месте и в одних трусах он бы меньше всего хотел услышать голос какого-нибудь мужчины. Рентон притворился спящим.

Приоткрыв один глаз, он заметил, как на кухню бочком пробрался какой-то мужик примерно его роста, а может и ниже. Хотя они разговаривали тихо, он всё хорошо слышал.

— Диана привела очередного дружка, — сказал мужчина. Рентону не понравился слегка насмешливый тон, с каким он произнёс слово «дружок».

— Да уж. Только цыц! Не заводись и не спеши с выводами.

Он услышал, как они вернулись в прихожую, а потом вышли из неё. Он быстро натянул на себя футболку и джемпер. Затем одним махом расстегнул спальник, сбросил ноги с кушетки и запрыгнул в джинсы. Аккуратно свернув спальный мешок, он расставил диванные подушки по местам. Надевая носки и кроссовки, он услышал, как они воняли. Оставалось только надеяться, что никто, кроме него, не слышал этого смрада.

Рентон очень нервничал и почти не чувствовал бодуна. Однако он знал, что похмелье притаилось в потёмках его души, как невероятно терпеливый головорез, который только и ждёт, когда можно будет выйти из засады и напасть на него.

— Доброе утро, — в прихожую снова вошла женщина, которая не была Дианой.

У неё были большие красивые глаза и тонкий, заострённый подбородок. Ему показалось, что он уже где-то видел её.

— Привет. Меня зовут Марк, — сказал он. Она не представилась, а вместо этого принялась расспрашивать Рентона.

— Значит, ты друг Дианы? — Её тон был немного агрессивным. Рентон решил не рисковать и придумать отмазку, которая не была бы столь явной и звучала бы достаточно убедительно. Дело в том, что у него выработалось умение наркомана убедительно лгать, и в его устах ложь звучала теперь убедительнее, чем правда. Он запнулся, подумав о том, что легче бросить колоться, чем перестать быть наркоманом.

— Точнее, друг подруги. Вы знаете Лизу?

Она кивнула. Рентон продолжал, упиваясь своей ложью и входя в успокоительный ритм обмана.

— Мне, конечно, неловко. Но вчера у меня был день рождения, и, по правде сказать, я сильно напился. Я умудрился посеять ключи от квартиры, а мой сосед уехал на каникулы в Грецию. Короче, я облажался. Я мог бы пойти домой и выломать дверь, но в том состоянии, в котором я находился, я не мог рассуждать здраво. И потом, меня могли бы арестовать за то, что я взломал собственную квартиру! К счастью, я встретил Диану, и она любезно разрешила мне переночевать на кушетке. Вы её соседка, да?

— Э… да, почти, — она странно рассмеялась, а он никак не мог понять причину этого смеха. Что-то здесь было не так.

В прихожую вошёл мужчина. Он бегло кивнул Рентону, который слабо улыбнулся в ответ.

— Это Марк, — сказала ему женщина.

— Привет, — холодно поздоровался с ним этот парень.

Рентону показалось, что они примерно его возраста, ну может, немного старше, впрочем, он не умел определять возраст на глаз. Диана была, скорее всего, немного моложе их всех. Возможно, сделал он предположение, они испытывают к ней какие-то извращённые родительские чувства. Он уже замечал нечто подобное у людей постарше. Часто они пытаются контролировать более молодых и жизнерадостных людей, пользующихся всеобщей любовью; обычно они просто завидуют тем качествам, которые есть у молодёжи и которых недостаёт им самим. Они прикрывают свою неполноценность благожелательным, покровительственным отношением. Он почувствовал растущую неприязнь к этим двум.

И вдруг Рентон испытал шок, от которого чуть было не упал в обморок. В прихожую вошла девочка. Увидев её, он оцепенел. Перед ним была точная копия Дианы, но выглядела она, как обычная школьница.

Он не сразу сообразил, что это и есть Диана. Рентон мгновенно догадался, почему женщины, снимая макияж, часто говорят, что «снимают лицо». Диане можно было дать лет десять. Она увидела по лицу Рентона, что он в шоке.

Он посмотрел на двух остальных. Их отношение к Диане было отеческим, потому что они *на самом деле* были её родителями. Несмотря на страх, Рентон понял, каким он был дураком, что не заметил этого раньше. Диана была как две капли воды похожа на мать.

Они сели завтракать, и родители Дианы устроили перекрёстный допрос озадаченному Рентону.

— Так чем же ты занимаешься, Марк? — спросила его мать.

Он ничем не занимался, в смысле, нигде не работал. Но он был членом синдиката, который занимался торговлей героином, и получал прибыль по пяти различным адресам: по одному в Эдинбурге, Ливингстоне и Глазго и по двум в Лондоне — в Шепердс-Буше и Хэкни. Рентон всегда гордился тем, что надувает правительство, и порой ему трудно было удержаться от того, чтобы похвастать своими достижениями. Но он знал, что этого делать нельзя, потому что вокруг полно лицемерных, самодовольных и любопытных ублюдков, которые мечтают настучать на него властям. Рентон считал, что по праву заслужил эти деньги, поскольку человеку, стремящемуся держать под контролем героиновую зависимость, требуется прилагать массу усилий для того, чтобы сохранять существующее положение вещей. Он должен был разъезжать по всей стране, встречаться с другими членами синдиката на явочных квартирах и по первому же звонку Тони, Кэролайн или Никси мчаться автостопом на встречу в Лондон. Его точка в Шепердс-Буше была сейчас под сомнением, поскольку он отказался от блестящей карьеры в «Бургер-Кинге» в Ноттинг-Хилл-Гейте.

— Я хранитель музейной секции Отдела развлечений Окружного совета. Работаю с собранием по общественной истории, в основном, с экспонатами Музея истории народов на Хай-стрит, — солгал Рентон, порывшись в своей папке шпионских легенд.

Это произвело на них впечатление и даже слегка сбило с толку. Рентон на это и рассчитывал. Ободрённый успехом, он попытался получить ещё несколько очков и, разыгрывая из себя скромнягу, который не принимает себя всерьёз, самоуничижительно прибавил:

— Я ищу в человеческом хламе вещи, которые люди выбросили за ненадобностью, и преподношу их в качестве подлинных исторических артефактов ежедневного быта трудящихся. А когда их выставляют, слежу за тем, чтобы они не развалились на части.

— Да, для этого надо иметь мозги, — сказал отец, обращаясь к Рентону, но смотря на Диану. Рентон не смел взглянуть в глаза дочери. Он сознавал, что такое поведение может вызвать наибольшие подозрения, но у него не хватало смелости посмотреть на неё.

— Я бы так не сказал, — пожал плечами Рентон.

— А образование?

— Ну да, конечно, я закончил исторический факультет Абердинского университета. — Здесь он сказал почти правду. Рентон действительно поступил в Абердинский университет, и учёба давалась ему легко, но он был вынужден бросить её ещё в середине первого курса, после того как просадил всю стипендию на наркотики и проституток. Таким образом, по его же словам, он стал первым студентом в истории Абердинского университета, который трахал нестуденток. С тех пор он решил, что лучше делать историю, чем изучать её.

— Образование имеет большое значение. Мы всегда говорим ей об этом, — сказал отец, снова, пользуясь случаем, поучая Диану. Рентону не нравилось его отношение, а ещё больше он ненавидел самого себя за своё молчаливое согласие. Он чувствовал себя Дианиным дядюшкой-извращенцем.

И как раз в тот момент, когда он подумал: «Только бы она была совершеннолетней!», мать Дианы разрушила эту последнюю надежду на чудо.

— В следующем году Диана будет сдавать выпускной экзамен по истории, — улыбнулась она и с гордостью добавила: — А ещё по французскому, английскому, изобразительному искусству, математике и арифметике.

Рентон весь съёжился от страха.

— Марку это неинтересно, — сказала Диана, пытаясь казаться взрослой и снисходительной по отношению к родителям, как обычно поступают дети, лишённые власти, когда они становятся «предметом» беседы. Рентон с содроганием подумал о том, что сам нередко так делал, когда его папики начинали читать ему морали. К несчастью, Диана была такой по-детски недовольной, что добилась эффекта, прямо противоположного тому, к которому стремилась.

Мозг Рентона напряжённо работал. *Это называется совращением малолетних. За это могут посадить. Как пить дать посадят, а ключи в реку. Окрестят сексуальным маньяком. Вывесят мою физиономию в Сафтоне на всеобщее обозрение. Сексуальный маньяк. Насилует детей. Косые взгляды.* Он уже слышал голоса зэков, таких же психов, как Бегби: «Я слыхал, этой крошке было всего шесть лет». «Мне говорили, он её изнасиловал». «А если бы на её месте оказалась твоя дочь или моя?» «Блядство», — подумал он с содроганием.

Бекон, который он ел, вызывал у него отвращение. Он уже много лет был вегетарианцем. Это не имело никакого отношения к политике или морали; просто он ненавидел вкус мяса. Но он ничего не сказал — так сильно ему хотелось понравиться Дианиным родителям. К сосиске он, правда, не притронулся, поскольку считал, что эти субпродукты начинены отравой. Вспомнив о всей той дряни, которую в своё время ему пришлось переварить, Рентон саркастически подумал: «Следи за тем, что ты вводишь в свой организм». Ему стало интересно, понравится ли это Диане, и он начал нервно хихикать над собственным двуличием.

Чтобы хоть как-то объяснить свой смех, Рентон покачал головой и рассказал или, вернее, пересказал свою историю:

— Боже мой, какой же я идиот. Вчера я, конечно, перебрал. Просто я не привык много пить. Но, с другой стороны, двадцать два года бывает только раз в жизни.

Последнее утверждение прозвучало неубедительно, и Рентон сам это понял. На вид ему можно было дать от двадцати пяти до сорока. Но родители Дианы продолжали вежливо слушать:

— Я уже говорил, что потерял куртку и ключи. Слава богу, я встретил Диану и вас, ребята. Было очень мило с вашей стороны, что вы пустили меня переночевать и накормили таким вкусным завтраком. Мне, право, неловко, но я не могу доесть эту сосиску. Просто я наелся досыта. Я не привык к плотным завтракам.

— Потому вы такой тощий, — сказала мать.

— Вот, что значит жить на квартире. В гостях хорошо, а дома лучше, — сказал отец. После этого идиотского замечания в воздухе повисла нервная пауза. Потом он смущённо добавил: — Есть такая поговорка, — и, пользуясь случаем, сменил тему: — Как же вы теперь домой-то попадёте?

Эти люди панически боялись чем-либо не угодить Рентону. Они смотрели на него так, будто сделали что-то противозаконное в своей жизни. Теперь понятно, почему Диана снимает в барах всяких непонятных парней. Эта пара казалась ему здоровой до неприличия. У отца волосы уже слегка поредели, а у матери были маленькие морщинки возле глаз, но со стороны они казались людьми примерно одного с ним возраста, только здоровее.

— Выломаю дверь. Она на автоматическом. Глупо, конечно. Я давно уже хотел поставить врезной. Зря я этого не сделал. У нас в подъезде домофон, но соседи по площадке меня впустят.

— Я могу помочь вам. Я сам плотник. Где вы живёте? — спросил отец. Рентон немного опешил, но потом вспомнил, что они ведутся на его враньё.

— Не беспокойтесь. Прежде чем поступить в универ, я тоже закончил ремесленное. Но всё равно спасибо за заботу, — он снова сказал правду. Это было непривычно, ведь обманывать так удобно. Правда

делала его реальным, а следовательно, уязвимым.

— Я учился у Гиллсленда в «Горджи», — добавил он, и отец с удивлением поднял брови.

— Я знаю Рэлфи Гиллсленда. Чёртов педрила, — фыркнул он, и его голос стал теперь естественнее. У них появилась общая тема для разговора.

— Поэтому я оттуда и ушёл.

Рентон похолодел, когда Диана коснулась его ногой под столом. Он залпом выпил свой чай.

— Что ж, мне пора идти. Ещё раз спасибо.

— Подожди, я сейчас соберусь и провожу тебя до города.

Диана встала и вышла из комнаты, прежде чем он успел ей возразить.

Рентон предпринял робкую попытку помочь матери убрать со стола, но отец отвёл его в прихожую и усадил на кушетку. Сердце у него ушло в пятки: теперь, когда они остались одни, он наверняка скажет ему: «Я раскусил тебя, чувак». Но ничего подобного не произошло. Он заговорил о Рэлфи Гиллсленде и его брате Колине, который (Рентон поймал себя на том, что ему приятно было это услышать) покончил с собой, и других парнях, которых они оба знали по работе.

Потом они разговорились о футболе, и оказалось, что отец болеет за «Сердца». Рентон же был фанатом «Хибсов», которые в этом сезоне не очень удачно сыграли со своими местными противниками; они вообще неудачно провели этот сезон, и отец не преминул ему об этом напомнить.

— «Хибсы» неважно с нами сыграли, да?

Рентон улыбнулся, впервые обрадовавшись тому, что трахнул его дочь, по причинам, далёким от сексуальных. Как странно, подумалось ему, секс и «Хибсы» — две вещи, ничего не значившие для него, пока он торчал, теперь приобрели первостепенное значение. Он предположил, что его проблемы с наркотиками, возможно, были связаны с плохой игрой «Хибсов» в восьмидесятые.

Диана была готова. Макияжа на ней было меньше, чем вчера, и выглядела она лет на шестнадцать — на два года старше, чем ей было на самом деле. Когда они вышли на улицу, Рентон сразу успокоился, но в то же время он немного побаивался, что его увидят знакомые. В этом районе у него их было несколько: в основном наркоманы или торговцы наркотиками. Если бы они случайно его увидели, то, ещё чего доброго, подумали бы, что он подался в сутенёры.

Они сели на метро в «Саут-Джайл» и поехали в сторону «Хэймаркета». Диана всю дорогу держала Рентона за руку и болтала без умолку. Он была рада, что избавилась от тягостной родительской опеки. Ей хотелось вывести Рентона на чистую воду. И, возможно даже, раскрутить его на шмаль.

А Рентон вспоминал прошедшую ночь и, холодея от ужаса, гадал о том, чем и с кем занималась Диана, чтобы приобрети такой сексуальный опыт и такую уверенность в себе. Он чувствовал себя не двадцатипятилетним, а пятидесятипятилетним и был уверен, что все окружающие пялятся на них.

Во вчерашней одежде он казался помятым, потным и уставшим. А на Диане были чёрные лосины, почти такие же тонкие, как колготки, и белая миниюбка. Ей вполне хватило бы и одной из этих одёжек, подумал Рентон. На станции «Хэймаркет» какой-то парень уставился на неё, пока Рентон покупал «Скотсмен» и «Дэйли Рекорд». Он это заметил и, необычайно разозлившись, вызывающе посмотрел на него и заставил отвести взгляд. Возможно, подумалось ему, он просто перенёс на него отвращение к самому себе.

Они зашли в магазин грампластинок на Дэлри-роуд и начали перебирать конверты альбомов. Рентон был взвинчен до предела, похмелье стремительно нарастало. Диана протягивала ему конверты, заявляя,

что эта платинка «супер», а та «просто блеск». Он считал большую часть из них дерьмовыми, но у него не было сил спорить.

— Здоруво, Рентс! Как дела, чувачок? — Чья-то рука ударила его в плечо. Ему показалось, что его кости и нервы на мгновение проткнули кожу, словно проволока — пластилин, и тут же заскочили обратно. Он обернулся и увидел Дика Свона, брата Джонни Свона.

— Нормально, Дик. А ты как? — ответил он с напускной небрежностью, под которой скрывалось бешеное сердцебиение.

— Помаленьку, босс, помаленьку, — Дик заметил, что Рентон не один, и посмотрел на него с многозначительным видом. — Ну хорошо, я пошёл. Пока. Если увидишь Дохлого, скажи, чтобы перезвонил мне. Этот ублюдок должен мне двадцать фунтов, блядь.

— Мы ж с тобой друзья.

— Просто он гонщик. Ну ладно, пока, Марк, — сказал он и повернулся к Диане: — Пока, цыпка. Твой парень даже не познакомил нас. Наверно, у вас любовь. Смотри за ним в оба. — Когда Дик ушёл, они смущённо улыбнулись над этим первым взглядом на них со стороны.

Рентон понял, что ему нужно остаться одному. Похмелье становилось невыносимым, и он больше не мог с ним справляться.

— Э, слушай, Диана… мне пора идти. Стрелка с друзьями с Лейте. Футбол и всё такое.

Диана посмотрела на него с усталым, всё понимающим видом, сопроводив свой взгляд странными звуками, которые показались Рентону похожими на кудахтанье. Ей стало досадно, что он уже уходит, а она ещё не успела спросить его про травку.

— Дай мне свой адрес, — она вытащила из сумки ручку и клочок бумаги. — Только не пиши Форрестер-Парк, дом 1, — добавила она с улыбкой. Рентон написал свой настоящий адрес на Монтгомери-стрит только потому, что ему было очень погано и он не смог придумать ничего другого.

Когда она ушла, он почувствовал страшное отвращение к самому себе. Он не мог сказать, чем оно было вызвано: тем, что он занимался с ней сексом, или сознанием того, что он больше не сможет этого сделать.

Но в тот же субботний вечер он услышал звонок в дверь. Рентон был на мели, и поэтому остался дома и смотрел по видаку «Брэддока 3». Он открыл дверь и увидел Диану. Она снова была накрашенной и такой же желанной, как накануне.

— Заходи, — сказал он, думая, удастся ли ему приспособиться к тюремному режиму.

Диане показалось, что пахнет травкой. Она на это надеялась.

Прогулка по «Лугам»

Все бары, это самое, забиты местными придурками и фестивальными типами, которые здесь догоняются, а потом идут на следующий спектакль. Некоторые спектакли довольно классные… но цены на билеты, это самое, кусаются.

Бегби обоссал себе джинсы…

— Обоссался, Франко? — спрашивает его Рентс, показывая на мокрое пятно на его вытертых голубых «денимах».

— Хуй тебе в рот! Это вода, блядь. Руки, на хер, мыл. Тебе этого не понять, рыжий! — Чувак терпеть не может воду, особенно, мыльную.

Дохлый высматривает тёлок… он просто помешан на девицах. В компании чуваков он типа как скучает. Может, поэтому тёлки на него ведутся; или может, наоборот. Да, наверно, наоборот. Метти тихо разговаривает с самим собой, головой качает. С Метти, это самое, что-то не так… это не «чёрный». У него что-то с психикой, типа как глубокая депрессия.

Рентон спорит с Бегби. Лучше бы Рентс, это самое, попридержал язык. Этот Бегби, это самое… он как бы тигр, бля. А мы обычные трусливые кошаки. Домашние кошки, типа.

— У этих ёбаных сук есть бабки. Ты постоянно пиздишь за то, что надо мочить богачей, за анархию и за всё это говно. А теперь чё, засрал? — Бегби стебётся над Рентсом, и это очень скверно и всё такое: тёмные брови над ещё более тёмными глазами и густые чёрные волосы, чуть-чуть длиннее, чем у бритоголовых.

— Ни хера я не засрал, Франко. Просто мне не до этого. Мы классно сидим. У нас есть «спид» и «экстази». Давай просто веселиться. Может, лучше пойти в какой-нибудь рейв-клуб, а не шляться всю ночь по этим ёбаным «Лугам»? Они там поставили охуенный шатёр, а наверху ярмарка, бля. Кругом полно мусоров. Слишком много шума, брат.

— Я не хожу в ёбаные рейв-клубы. Ты же сам говорил, что это для детей, бля.

— Правильно, но тогда я ещё не знал, что это такое.

— А я не желаю, на хер, знать, что это такое. Пошли прошвырнёмся по барам и заловим какого-нибудь пидораса в параше.

— Не-а, я в этом не участвую.

— Ёбаный ссыкун! Ты насрал себе в штаны ещё на прошлой неделе, в «Булл-энд-Буше».

— Не насрал я. Просто вся эта хуйня была никому не нужна, и всё.

Бегби смотрит на Рентса и, это самое, весь аж напрягается. Он наклоняется вперёд, и мне кажется, он сейчас типа как звезданёт малыша Рентса, да.

— Что-что? Я никому на хуй не нужен, поц?

— Слы, Франко, угомонись, — говорит Дохлый.

Бегби как бы врубается, что это уже типа слишком, даже для него. Спрячь когти, кошак. Покажи всему миру свои мягкие подушечки. Это злой кот, большая злая пантера.

— Ну, наваляли мы какому-то там Шерману Тэнку, бля. Кто он тебе такой? Этот фраер получил своё по заслугам! И потом, ты ни хера не говорил, когда мы сидели в «Барли», бля, и делили, на хуй, добычу.

— Парень умер в больнице, не приходя в сознание, он потерял до хуя крови. Это было в «Новостях»…

— Кого ты лечишь? Он жив-здоров, сука. Никто, на хер, не пострадал. А если даже пострадал, то не один хуй? Какой-то богатый американашка, блядь, который хер знает зачем сюда приехал. Кого он, на хуй, ебёт? А ты, чувак, ты ж тоже пырнул ножом того пацана, Эка Уилсона, ещё в школе, так что не надо строить из себя ёбаного пай-мальчика.

Тут Рентс типа как затыкается, он не любит об этом говорить, но что было, то типа было, да? Просто он кинулся на кошака, который его типа как царапнул, это самое, но он не собирался ни на кого нападать. Порошайка, это самое, не догоняет разницы. Это было скверно, это самое, очень гадко… этот янки типа как не хотел отдавать бумажник, даже когда Бегби вытащил перо… последнее, что он сказал: «Ты этого не сделаешь».

Бегби просто охренел, это самое, искромсал его всего ножом, да, мы чуть не забыли про бумажник. Я выворачивал его карманы, а Бегби бил его ногами по морде. Кровь текла в унитаз и смешивалась с мочой. Скверно, скверно, скверно, это самое, да? Я до сих вздрагиваю, когда вспоминаю об этом. Лежу типа в кровати и трясусь. И если я вижу чувака, это самое, похожего на нашего кошака, Ричарда Хаузера из Де-Мойна, штат Айова, США, у меня сердце стынет. И если я слышу где-нибудь в городе американский акцент, то я аж подпрыгиваю. Насилие — это скверно, бля. Порошайка, добрый старый Франко, он меня трахнул, это самое, он трахал меня всю ночь, типа как выебал меня в жопу, а потом заплатил, как будто я проститутка, это самое, да? Скверный кот Попрошайка. Бешеный котяра.

— Ну, кто со мной? Ты, Картошка? — Бегби обращается ко мне. Он кусает нижнюю губу.

— Э, это самое… э… насилие, это… это типа как не для меня… я лучше посижу-побухаю… это самое, да?

— Ещё один ссыкун, — он отворачивается от меня… не разочарованно, а как будто он типа как ничего другого от меня и не ждал… может, это хорошо, а может, и не очень, но кто в наше время может хоть в чём-нибудь быть уверенным, а?

Дохлый говорит что-то типа того, что он, мол, любовник, а не боец, и Бегби собирается что-то ответить, но тут Метти заявляет:

— Я иду.

Это отвлекает Бегби от Дохлого. Попрошайка начинает хвалить Метти, это самое, и называет нас всех самыми последними ссыкунами; но по-моему, кто из нас ссыкун, так это Метти, это самое, потому что он соглашается со всем, что скажет Франко… Метти мне никогда не нравился… какой-то припездок. Корешки, это самое, иногда подъёбывают друг друга, но если это делает Метти, то ты типа как обижаешься, ты начинаешь… это самое… ненавидеть его, да? Если тебе просто классно. Это преступление в глазах Метти. Он не выносит, когда кому-нибудь классно.

Я никогда не видел Метти, это самое, одного. Иногда бывает, что я типа как вместе с Рентсом… или вместе с Томми… или я с Ребом… или с Дохлым… или даже я с генералиссимусом Франко… но я ещё никогда не был один на один с Метти. Это типа кое о чём говорит, это самое.

Эти скверные кошаки пошли искать жертву, и обстановка сразу как бы… разрядилась. Дохлый вытащил «экстази». Белые голубки, думаю я. Это психотропные колёса. Большая часть «экстази» не содержит в себе МДМА, по действию это типа как наполовину «спид», а на половину «кислота»… Но колёса, которые я глотал, всегда накрывали, это самое, как хороший «спид», да? А эти колёса какие-то шизовые, чисто запповские… вот именно — запповские… я представляю себе Фрэнка Заппу с жёлтым снежком, еврейскими принцессками и католичками и думаю, как классно было бы иметь тёлку… типа как

любить… не ебаться, в смысле, ну, не только ебаться… а любить, потому что мне типа хочется любить всех, но типа как без секса… просто кого-нибудь любить… но, это самое, у Рентса ведь есть Хэйзел, а у Дохлого… да, у Дохлого мильон чувих… но этим котикам ничуть не лучше, чем мне…

— У других людей трава зеленее, и солнце ярче на другой стороне… — я пою, бля, это самое, я же никогда не пел… закинулся и пою… я думаю про дочку Фрэнка Заппы, это самое, про Мун… она такая клёвая… сидит со своим стариком… в студии звукозаписи… это самое, просто наблюдает за творческим процессом, да, за творческим процессом…

— Охуеть можно… надо выйти, а то я ебанусь… — Дохлый хватается за голову.

Рубашка Рентона расстёгнута, и он типа как щипает себя за соски, это самое…

— Картоха… глянь на мои соски… такое прикольное ощущение, бля… ни у кого нет таких сосков, как у меня…

Я рассказываю ему о любви, а Рентон говорит, что любви не существует, это как религия, и, это самое, государству нужно, чтобы ты верил в это дерьмо, для того чтобы можно было тобой управлять и ебать тебе мозги… некоторые чуваки просто не могут жить без политики, да… но он меня не расстроил… потому что, это самое, он сам в это не верит… потому что… потому что мы ржём надо всем, что видим… шизанутая чувиха за стойкой со вздувшимися венами на шее… английская фестивальная снобша, у которой такой вид, будто кто-то только что пёрнул у неё под носом…

Дохлый говорит:

— Пошли на «Луга», вломим пизды Бегби с Метти… конченые зануды, гопота, чмошники!

— Это рис-кованно, котик… он же, это самое, психованный… — говорю я.

— Сделаем это для наших болельщиков, — говорит Рентс. Они с Дохлым прочитали это в программке «Хибсов», рекламирующей отборочный тур чемпионата по футболу острова Мэн. Там была фотография главного форварда «Хибсов» Алека Миллера, напрочь обкуренного, с подписью типа: «Сделаем это для наших болельщиков». Они всегда это повторяют… когда закинутся.

Мы выплываем из бара и чешем на «Луга». Мы запеваем, подражая типа Синатре, с утрированным американско-ну-йокским акцентом.

Ты и я, какы дыва убылу-удыка,
гулаем па Луга-ам
и сабираем нэзабу-удыки

Это самое, навстречу нам идут две девицы… мы их знаем… типа малютки Розанна и Джилл… сладенькие кошечки, из этой мажорской школы, то ли «Гиллеспи», то ли «Мэри Эрскин»… они отвисают, это самое, в «Сазерне», типа музычка, наркота, приключения…

…Дохлый вытягивает руки и типа как сжимает малютку Джилл в медвежьих объятьях, а Рентс делает то же самое с Розанной… мне остаётся только смотреть, это самое, на тучки, как мистер Лишний Хуй на съезде блядей.

Они зажимаются. Это жестоко, чувак, очень жестоко. Рентс отрывается первым, но продолжает обнимать Розанну… С Рентсом был один типа прикол, это самое… помнишь… та чувиха, ну, которую он снял в «Доноване», оказалась несовершеннолетней. Как её звали, Диана? Ух и котяра, этот Рентс. А Дохлый, ну, Дохлый, это самое, зажимает малютку Джилл под деревом.

— Как дела, цыпка? Чё делаешь? — спрашивает он её.

— Иду в «Сазерн», — говорит она, немного обкуренная… слегка обкуренная принцесска, еврейская? Личико как картинка… вау, эти девицы хотят казаться крутыми, но чуть-чуть нервничают в присутствии Рентса и Дохлого. Они разрешают этим удолбанным торчковым суперзвёздам делать с собой, это самое, всё, что угодно. Если б они и вправду были крутыми, то залепили бы им по фейсу, это самое, и смотрели бы, как эти ублюдки собирают свои косточки. Эти девицы просто играют… проходят этап «Задрочи своих папиков-мажоров»… но Рентон этим не воспользуется, я ручаюсь, он уже раз воспользовался, ну а Дохлый — это другое дело. Он уже засунул руки малютке Джилл в джинсы…

— Знаем мы вас, девчонки, вот вы где наркоту прячете…

— Саймон! У меня ничего нет! Саймон! Саааймон!

Он понимает, что девица сдрейфила, и типа отпускает её. Все нервно смеются, пытаясь сделать вид, что это был просто такой прикол, это самое, потом они уходят.

— Может, ещё увидимся сегодня, цыпки! — кричит Дохлый им вдогонку.

— Ага… в «Сазерне», — отвечает Джилл, пятясь.

Дохлый, это самое, типа как хлопает себя по ляжке:

— Надо было повести этих сосок на флэт и отдрючить до потери пульса. Молодые шлюшки ебутся, как кролики, — он говорит типа как сам с собой.

Вдруг Рентс как закричит и начинает тыкать куда-то пальцем.

— Сай! У тебя под ногами белка, блядь! Убей её!

Дохлый стоит ближе всего и пытается подманить её, но белка отбегает в сторонку, это самое, причудливо выгибаясь всем телом. Волшебный серебряный зверёк… Да?

Рентс хватает камень и швыряет им в белку. Мне становится, это самое, дурно, аж сердце замирает, когда камень со свистом пролетает мимо. Он поднимает другой, хохоча, как маньяк, но я его останавливаю.

— Брось, чувак. Она ж, это самое, никого не трогает! — Я ненавижу Марка за то, что он издевается над животными… это нехорошо. Если тебе нравится обижать этих крох, то как ты полюбишь другого человека… в смысле… на что тогда надеяться? Белка типа такая пиздатая. Она занимается своими делами. Она свободна. Может, поэтому Рентс их терпеть не может. Белка свободна, чувак.

Рентс продолжает смеяться, пока я держу его. Две мажористые бабы косятся на нас, проходя мимо. Им, это самое, противно. У Рентса загораются глаза.

— ЛОВИ ГАДА! — кричит он Дохлому, так чтобы бабы могли слышать. — ЗАВЕРНИ ЕЁ В ЦЕЛЛОФАН, ЧТОБ ОНА НЕ РАЗВАЛИЛАСЬ, КОГДА БУДЕШЬ ЕЁ ЕБАТЬ!

Белка убегает от Дохлого, но бабы оборачиваются и смотрят на нас с отвращением, будто мы кусок говна, да? Теперь я тоже начинаю смеяться, но Рентса не отпускаю.

— Куда эта ёбаная манда пялится? Ебучая карга из кофейни! — громко кричит Рентс, чтобы его услышали бабы.

Они оборачиваются и ускоряют шаг. Дохлый орёт:

— ПОШЛА НА ХУЙ, ПИЗДА ИЗ ПУСТЫНИ ГОБИ! — потом поворачивается к нам и говорит: — Не знаю, кого эти старые клячи собираются снять. На них же никто не позарится, даже здесь и в это время. Да я лучше засуну свой член между двумя кусками наждачки.

— Нье пьіздьи! Ты б даже рассвет выебал, кабы на нём волосня росла, — говорит Рентон.

По— моему, он пожалел о том, что сказал, это самое, потому что Доун, или «Рассвет», звали Леслину девочку, которая задохнулась в кроватке и всё такое, это самое, и все типа знали, что этот бэбик был как бы от Дохлого…

Но Дохлый сказал только:

— Не пизди, хуесос. Ты просто обычная дворняга. Всех чувих, которых я ебал, а их было о-го-го сколько, стоило выебать.

Помню, как Дохлый нажрался и потащил домой ту девицу из Стенхауса… нельзя сказать, это самое, что в ней было что-то особенное… наверно, у каждого чувака есть типа своя ахиллесова пята, да.

— Э, а помнишь ту кралю из Стенхауса, э, как бишь её?

— А *ты* бы вообще помалкивал! *Ты* б не снял шлюху, если б даже зажал свой хуй между карточками «Америкэн Экспресс» и «Эксесс».

Мы начинаем тузить друг друга, а потом идём какое-то время молча, и я задумываюсь о малютке Доун, том ребёнке, и об этой белке, которая свободна и никого не трогает… а они бы её просто убили и всё, врубаешься, а за что? Мне стало очень досадно и грустно от этого, и я рассердился…

Уйду я от них. Я разворачиваюсь и ухожу. Рентс идёт за мной:

— Эй, Картошка… ёб твою мать, что с тобой?

— Вы хотели убить белку.

— Это же просто ёбаная белка, Картошка. Они паразиты… — говорит он и обнимает меня за плечи.

— Может, они такие же паразиты, как ты или я, это самое… кто вправе решать, кто из нас паразит… те мажорки думают, что такие, как мы, паразиты, это самое, так что, значит, они имеют право нас убивать? — спрашиваю я.

— Извини, Денни… это просто белка. Извини, друг. Я знаю, ты любишь зверюшек. Просто я, это… ну ты понимаешь, чё я хочу сказать, Денни, это… блядь, я хочу сказать, что меня всё подзаебало, Денни. Я даже не знаю. Бегби и всё это… колёса. Я не знаю, что мне делать со своей жизнью… Я запутался, Денни. Я не могу врубиться, что к чему. Извини, чувак.

Рентс уже сто лет не называл меня по имени, а теперь без умолку повторял его. Он был очень расстроен, это самое.

— Слы… расслабься, кошак… просто это животные, и всё такое… не переживай, всё это херня… я просто подумал про беззащитных тварей, там, малютку Доун, понимаешь… не надо их обижать, это самое…

Он, это самое, схватил меня за плечи и крепко обнял:

— Ты один из лучших, чувак. Запомни это. Я говорю это не потому, что, там, выпил или наглотался колёс. Просто стоит тебе объясниться в своих чувствах другому чуваку, и тебя сразу же назовут педиком, а то ещё и побьют… — Я похлопал его по спине и, это самое, я хотел ему сказать то же самое, но это выглядело бы так, будто я говорю это только потому, что он сказал это первым. Но я всё равно сказал ему это.

Мы услышали голос Дохлого за спиной:

— Эй вы, голубки, бля! Или идите в кусты и трахайтесь, или помогите мне найти Попрошайку и Метти.

Мы перестали обниматься и рассмеялись. Мы-то знали, это самое, что Дохлый, хоть он и готов оттопырить всех девок в городе, тоже один из лучших.

В завязке

Сами нарвались

Лицо судьи выражало то жалость, то отвращение, когда он смотрел на меня и Картошку, сидевших на скамье подсудимых.

— Вы украли книги из книжного магазина Уотерстоуна с целью их продажи? — сказал он. Продавать, бля, книги. Ебать меня в жопу.

— Нет, — сказал я.

— Да, — одновременно сказал Картошка. Мы повернулись и посмотрели друг на друга. Мы столько времени придумывали себе легенду, а этот дебил похерил её за считанные минуты.

Судья шумно выдохнул воздух. Да, если вдуматься, ему не позавидуешь. Весь день возись со всякими козлами. Но я готов поспорить, ему классно башляют, и потом, его никто не заставляет этим заниматься. Просто надо быть более опытным, более прагматичным, а не раздражаться по пустякам.

— Мистер Рентон, вы не намеревались продавать книги?

— Не-а. Э, нет, ваша честь. Я собирался их читать.

— Значит, вы читаете Кьеркегора? Хорошо, расскажите нам о нём, мистер Рентон, — снисходительно попросил судья.

— Меня интересуют его понятия субъективности и истины, в частности, его идея выбора: утверждение о том, что истинный выбор производится на основе сомнений и неуверенности и без обращения к опыту или советам других людей. Можно по праву утверждать, что это прежде всего буржуазная, экзистенциальная философия и поэтому она стремится подорвать коллективный общественный здравый смысл. Однако это также философия освобождения, поскольку, когда отвергается общественный здравый смысл, то ослабляется основа для социального контроля над индивидом и… Но я немного увлёкся, — оборвал я самого себя. Они терпеть не могут хитрожопых. Так можно договориться до крупного штрафа или, не приведи господь, большого срока. Побольше уважительности, Рентон, побольше уважительности.

Судья насмешливо фыркнул. Как человек образованный, он наверняка был гораздо лучше осведомлён о великих философах, чем такой плебей, как я. Чтоб быть судьёй, блядь, надо шарить, бля, мозгами. Такая ёбаная работа не всем по плечу. Я так и представил себе, как на галерее для публики Бегби говорит об этом Дохлому.

— А вы, мистер Мёрфи, вы намеревались продать книги, как вы продавали всё, что воровали, для того чтобы приобрести деньги на героин?

— Точно… э… всё правильно, это самое, — Картошка кивнул, и его задумчивость постепенно переросла в смущение.

— Вы, мистер Мёрфи, вор-рецидивист, — Картошка пожал плечами, словно бы говоря: «Это не моя вина». — Нам известно, что вы всё ещё страдаете героиновой зависимостью. Вы также страдаете пристрастием к воровству, мистер Мёрфи. Люди вынуждены были усердно трудиться, для того чтобы произвести вещи, которые вы неоднократно воровали. Другие люди вынуждены были усердно трудиться, для того чтобы заработать деньги, на которые можно было купить эти вещи. Повторные попытки заставить вас отказаться от совершения этих мелких, но систематических преступлений, до сих пор оказывались

безрезультатными. Поэтому я приговариваю вас к тюремном заключении сроком десять месяцев…

— Спасибо… э, в смысле… базара нет, это самое…

Мудак повернулся ко мне. Ёбаный по голове.

— У вас, мистер Рентон, случай особый. Нам известно, что вы тоже наркоман-героинист, но вы пытаетесь решить свою проблему. Вы утверждаете, что ваше поведение было обусловлено депрессией, которую вы испытывали в связи с воздержанием от наркотиков. Я готов это принять. Я готов также принять ваше утверждение о том, что вы намеревались просто оттолкнуть мистера Роудса, который якобы набросился на вас, а не сбить его с ног. Поэтому я приговариваю вас к шести месяцам условно, но вы должны продолжить поиски подходящего способа лечения от вашей болезни. Социальные службы вам в этом помогут. Хотя я готов признать, что вы хранили у себя каннабис для личного употребления, но я не могу смириться с употреблением нелегального наркотика, несмотря на то, что вы утверждаете, будто принимали его с целью побороть депрессию, которой вы страдали в результате воздержания от героина. За хранение этого контролируемого наркотика вы обязаны заплатить штраф в размере ста фунтов стерлингов. Советую вам впредь отыскать другие способы борьбы с депрессией. В случае же, если вы, подобно вашему другу Дэниелу Мёрфи, не воспользуетесь предоставленной вам возможностью и снова предстанете перед этим судом, то я не колеблясь приговорю вас к тюремному заключению. Надеюсь, я ясно выражаюсь?

Куда уж яснее, ёбаный ты грамотей. Как же я тебя люблю, мозгоёб чёртов!

— Благодарю вас, ваша честь. Я слишком хорошо понимаю, сколько неприятностей я причинил своим родным и близким и что теперь отнимаю у суда драгоценное время. Однако одним из ключевых моментов реабилитации является способность признать, что проблема существует. Я регулярно посещаю клинику и в настоящий момент прохожу профилактическое лечение на основе метадона и темазепана. Я больше не обманываю самого себя. Надеюсь, что с божьей помощью я справлюсь с этой болезнью. Ещё раз благодарю вас.

Судья пристально смотрит на меня, чтобы уловить малейшие признаки насмешки у меня на лице. Но оно непроницаемо. Я научился этому «каменному» выражению, когда выводил из себя Бегби. «Каменное» лицо — это лучше, чем мёртвая маска. Я убёжден, что так оно и есть: мудак закрывает заседание. Я выхожу на свободу, а беднягу Картошку сажают.

Полицейский показывает ему: «Двигайся!».

— Прости, чувак, — говорю я, а на душе кошки скребут.

— Ничё… Я спрыгну с иглы, а в Сафтоне классная травка. Перебьюсь как-нибудь, это самое… — отвечает он, пока его конвоирует легавый с широким рылом.

В холле за залом суда ко мне подбегает матушка и обнимает меня. У неё измученный вид, под глазами чёрные круги.

— Сыночек ты мой, что мне с тобой делать? — причитает она.

— Придурок. Это дерьмо тебя доконает, — качает головой мой брат Билли.

Я хочу что-то ответить этому мудаку. Никто его сюда, на фиг, не звал, и его тупые замечания здесь тоже неуместны. Но не успеваю я открыть рот, как подходит Фрэнк Бегби.

— Рентс! Всё клёво! Классно выкрутился, бля. А Картошке позор, но всё равно лучше, чем мы ожидали. Десяти месяцев он не просидит, блядь. При хорошем поведении выпустят, на хер, через шесть. Даже раньше.

Дохлый, похожий на рекламного агента, обнимает мою матушку и подхалимски улыбается мне.

— Это надо отметить, сукин ты сын. В «Диконс»? — предлагает Франко. Мы, как настоящие торчки, выходим гуськом вслед за ним. Ни у кого нет желания заниматься чем-то другим, и, за неимением лучшего, нам остаётся только нажраться.

— Если б ты только знал, что мы с отцом пережили… — матушка смотрит на меня с убийственно серьёзным видом.

— Идиот ёбаный, — ухмыляется Билли, — тырить книжки из магазинов, — этот мудак начинает меня доставать, бля.

— Я тырю книжки из ёбаных магазинов последние шесть лет. У меня в комнате книжек на четыре тонны. Ты думаешь, я все их купил? Эти четыре тонны — мой навар, дебил.

— Ой, Марк, неужели все эти книги… — у матушки сердце упало.

— Но теперь с этим покончено, ма. Я всегда говорил себе, что, как только я попадусь, я с этим завяжу. Я облажался. Пора сушить сухари. Финито. Всё кончено, — я говорил всерьёз. Наверно, матушка мне поверила, потому что сразу сменила тему.

— Не распускай язык. И ты тоже, — она повернулась к Билли. — Не знаю, где вы всего этого нахватались, но у нас дома вы никогда ничего подобного не слышали.

Билли недоверчиво посмотрел на меня, и я ответил ему таким же взглядом — редкий случай проявления братских чувств между нами.

Все быстро напились. Матушка ошарашила меня с Билли тем, что начала рассказывать про свои месячные. Поскольку ей уже исполнилось сорок семь, а у неё до сих пор были месячные, она считала, что все должны об этом знать.

— Из меня как хлынет! Даже тампоны не помогают. Это всё равно, что пытаться заткнуть прорвавшую трубу номером «Ивнинг Ньюс», — она громко расхохоталась, откинув голову назад с тем тошнотворным, непристойным видом «слишком-много-„карлсберг-спешл“-в-Лейтском-клубе-докеров», который я так хорошо знал. Я понял, что матушка пила с утра. И наверно, мешала с валиумом.

— Тише, ма, — сказал я.

— Только не говори, что ты стесняешься своей мамулечки, — она ущипнула меня за щёку большим и указательным пальцами. — Просто я радуюсь, что у меня не забрали мою деточку. Он терпеть не может, когда я его так называю. Но вы оба навсегда останетесь для меня моими деточками. Помните, как я пела вам вашу любимую песенку, когда вы ещё лежали в колясочке?

Я изо всей силы сжал зубы, чувствуя, что у меня пересохло в горле, а от лица отлила кровь. Конечно, не помню, блядь.

— Ма-аменькин сыночек любит печь, любит печь, ма-аменькин сыночек любит печь хлеб… — запела она не в лад. Дохлый весело подхватил. Лучше б меня посадили вместо этого счастливчика Картошки.

— Маменькин сыночек хочет ещё пивка? — спросил Бегби.

— И они ещё поют! Они ещё поют, ублюдки проклятые! — в бар вошла Картошкина мама.

— Мне очень жаль Денни, миссис Мёрфи… — начал я.

— Ему жаль! Я покажу тебе «жаль»! Из-за тебя и этого чёртова кодла мой Денни теперь сидит в тюрьме!

— Ну, ну, Коллин, голубушка. Я знаю, что вы расстроены, но так нечестно, — вмешалась матушка.

— Я покажу тебе «нечестно», блядь! Это он! — она злобно показала на меня. — Это он подговорил моего Денни. Стоял себе там и паясничал в суде. Он и вон та чёртова парочка, — к моему счастью, её гнев распространился на Дохлого и Попрошайку.

Дохлый ничего не сказал, а только медленно выпрямился на стуле с выражением лица «меня-ещё-никогда-в-жизни-так-не-оскорбляли» и печально, снисходительно покачал головой.

— Да ты охуела! — свирепо рявкнул Бегби. Для этого чувака не существовало «священных коров», даже если это была старушка из Лейта, сына которой только что посадили. — Я ни имею никакого отношения к этому дерьму, я говорил Рентсу и Кар… Марку и Денни, на хрена вы это делаете? Дох… Саймон не колется уже несколько месяцев, — Бегби встал, заводясь от собственного возмущения. Он лупил себя кулаком в грудь только для того, чтоб не ударить миссис Мёрфи, и орал ей прямо в лицо: — Я ЕГО, НА ХУЙ, ОТГОВАРИВАЛ!

Миссис Мёрфи развернулась и выбежала из бара. Я видел её лицо: на нём было написано полное поражение. У неё не только забрали сына, но ещё и прилюдно очернили его. Мне было жалко эту женщину, и я ненавидел Франко.

— Она в прачечной работает, — прокомментировала матушка и с сожалением добавила, — но я её понимаю. Сына посадили в тюрьму, — она посмотрела на меня, качая головой. — Конечно, с детьми хлопотно, но без них тоже не жизнь. Кстати, как твой малыш, Фрэнк? — повернулась она к Бегби.

Я с содроганием подумал о том, как легко люди вроде моей мамы ведутся на таких психов, как Франко.

— Классно, миссис Рентон. Подрос чуток, бля.

— Зови меня Кейти. Какая я тебе миссис Рентон? Когда меня так называют, я чувствую себя старухой!

— Ты и есть старуха, — огрызнулся я. Она не обратила на это никакого внимания, и никто не засмеялся, даже Билли. А Бегби с Дохлым посмотрели на меня так же неодобрительно, как смотрят дядья на дерзкого племяша, которого они не могут наказать. Я автоматически перешёл в тот же разряд, что и Бегбин бэбик.

— Вот пострелёнок, правда, Фрэнк? — спросила матушка у своего коллеги-родителя.

— Ага, совершенно верно. Я так и сказал Джу, говорю, если родишь девочку, можешь засунуть её обратно.

Я тут же представил себе «Джу»: серое лицо цвета овсяной каши, жирные волосы и тощее тело с обвисшей кожей, взгляд застывший, безучастный, мертвенный: не может ни улыбнуться, ни нахмуриться. Валиум успокаивает ей нервы, когда бэбик разражается очередным потоком душераздирающих воплей. Она будет любить своего малыша так же сильно, насколько Франко к нему безразличен. Это будет удушливая, потакающая, слепая, всепрощающая любовь, из-за которой ребёнок станет точной копией отца. Малютке было забито место в королевской тюрьме Сафтона, когда он ещё лежал у Джун в утробе, точно так же, как зародышу богатого ублюдка заранее приготовлено место в Итоне. А тем временем папаша Франко будет отвисать в кабаке, как он отвисает сейчас.

— Я сама скоро стану бабушкой! Господи, аж не верится, — мама посмотрела на Билли со страхом и гордостью. Он самодовольно ухмыльнулся. Как только он подцепил эту кралю Шерон, так сразу же превратился в любимого сыночка. Они даже забыли о том, что этот мудак приводил к нам в дом мусоров ещё чаще, чем я; по крайней мере, у меня хватало приличия на срать на порог собственного дома. Но теперь пиздец. Только потому, что он опять завербовался в эту ёбаную армию, на сей раз на целых шесть лет, и обрюхатил какую-то шлюху. Папикам следовало бы спросить его, на хера ему жена. Так нет же.

Только самодовольно ухмыляются.

— Если родится девочка, Билли, скажи, чтоб засунула её обратно, — повторил Бегби, на сей раз менее внятно. Ему вставило спиртное. Ещё один мудак, хуй знает когда присевший на «синьку».

— Молоток, Франко, — Дохлый похлопал Бегби по спине, пытаясь приободрить его и выдавить из него ещё парочку классических Попрошайкиных глупостей. Мы собираем все его самые идиотские, самые сексистские и самые резкие выражения, чтобы потом стебаться над Бегби, когда его с нами нет. Мы хохочем до умопомрачения. В этой игре есть особая острота: стоит только представить себе, что он с нами сделает, если узнает об этом. Дохлый начал строить рожи у него за спиной. Когда-нибудь один из нас или мы оба зайдём так далеко, что он огреет нас кулаком или бутылкой или же подвергнет «дисциплине бейсбольной биты» (ещё одно из коронных Бегбиных выражений).

Мы поехали на такси в Лейт. Бегби стал жаловаться на «городские цены» и совершенно по-идиотски защищать Лейт как центр развлечений. Билли согласился с ним, потому что ему хотелось быть поближе к дому: он считал, что ему будет легче уломать свою беременную тёлку, если он позвонит ей из местного бара.

Дохлый любил страстно обличать Лейт, но я его опередил. Поэтому он с огромным удовольствием побежал к телефону вызывать такси. Мы забрели в бар в конце Лейт-уок, который мне никогда не нравился, но куда мы почему-то всегда забуриваемся. Бармен Жирный Малькольм выставил мне двойную водку за счёт заведения.

— Слышал, что ты отмазался. Молодчина.

Я пожал плечами. Пара олдовых парней носилась с Бегби, как с голливудской звездой, терпеливо внимая не самой смешной из его историй, которую они, к тому же, слышали уже несколько раз.

Дохлый вызвался угостить всех выпивкой и хвастливо замахал своими деньжатами.

— БИЛЛИ! «ЛАГЕР»? МИССИС РЕНТОН… Э, КЕЙТИ! ЧТО-ЧТО? ДЖИН С ЛИМОНОМ? — кричал он у стойки, развернувшись к угловому столику.

Я заметил, как Бегби, увлечённый заговорщицкой беседой со страшненьким квадратноголовым типом, от которого я бежал бы, как чёрт от ладана, незаметно сунул Дохлому капусты, чтобы тот купил ему бухла.

Билли по телефону препирался с Шерон.

— Мой ёбаный брательник отмазался от тюряги! Кража книг, нападение на сотрудника магазина, хранение наркотиков. Этот кент на свободе. Даже мама тут! Я имею право это отметить, ёб твою мать…

Наверно, он был в безвыходном положении, если ему пришлось приплетать любовь к брату.

— Вон Планета Обезьян, — прошептал мне Дохлый, кивнув на чувака, который сидел за соседним столиком. Он был похож на актёра массовки из того фильма. Он, как всегда, нажирался и искал себе собутыльника. Как назло, он поймал мой взгляд и тут же подошёл ко мне.

— Любишь лошадок? — спросил он.

— Не.

— А футбол? — промямлил он.

— Не.

— Ну, а рэгби? — в его голосе сквозило отчаяние.

— Нет, — ответил я. Трудно было сказать, хотел ли он меня снять или ему просто нужен был

собутыльник. Наверно, он и сам этого не знал. Короче, он потерял ко мне интерес и повернулся к Дохлому.

— Любишь лошадок?

— Не. Я ненавижу футбол, регби и всё остальное. Но я люблю кино. Особенно «Планету обезьян»? Видел когда-нибудь? Я от неё тащусь.

— А как же! Помню-помню! «Планета обезьян». Чарльтон, бля, Хестон. Родди Мак… как, бишь, его зовут? Чувачок такой. Ну подскажи мне. Он знает, о ком я, — Планета Обезьян повернулся ко мне.

— Макдауэлл.

— Точно! — сказал он с торжествующим видом, а потом снова повернулся к Дохлому. — А где твоя чувиха?

— Э? Чего? — спросил Дохлый, совершенно очумев.

— Ну, та блондиночка, ну, с которой я тебя вчера видел.

— А, эта.

— Классная писька… извини, конечно, это самое. Не в обиду, чувак.

— Какие проблемы, брат! Полтинник — и она твоя. Я не шучу, — Дохлый понизил голос.

— Ты серьёзно?

— Ну, разумеется. Никаких извратов, только перепихнуться. За полтинник.

Я не верил своим ушам. Дохлый не шутил. Он хотел свести Планету Обезьян с крошкой Марией Андерсон — «чернушницей», которую он ебал во все дыры уже несколько месяцев подряд. Дохлый хотел продать её. Я с отвращением подумал о том, до чего он докатился и до чего все мы докатились, и снова начал завидовать Картошке.

Я отвёл его в сторонку:

— В чём дело, блядь?

— Дело в том, что я забочусь о собственной персоне. А у тебя какие проблемы? Ты чё, вступил в ёбаное общество взаимопомощи?

— Я не об этом, блядь. Я просто не знаю, что с тобой, на хуй, творится, чувак, правда, не знаю.

— Выходит, ты стал ёбаным мистером Чистоплюем, да?

— Нет, но я никого не наёбываю.

— Что я слышу! Скажи ещё, что не ты свёл Томми с Сикером и всей тусовкой, — его взгляд был кристально-чистым и предательским, в нём не было ни грана совести или сострадания. Дохлый развернулся и пошёл обратно к Планете Обезьян.

Я хотел сказать, что у Томми был выбор, а у крошки Марии его нет. Но это привело бы к спору о том, где начинается и где кончается выбор. Сколько раз нужно ширнуться, для того чтобы понятие выбора утратило смысл? Если б я только это знал, бля. Если б я хоть что-нибудь, на хер, знал!

Лёгок на помине, в бар вошёл Томми; за ним — Второй Призёр, конкретно «синий». Томми сел на систему. Раньше он не ширялся. Наверно, мы сами в этом виноваты; возможно, я сам в этом виноват. Томми выступал только по «спиду». Это всё из-за Лиззи. Он очень спокойный, даже подавленный. Чего не скажешь о Втором Призёре.

— Малыш Рентс отмазался! Э-ге-гей! Ёбаный ты мудак, бля! — кричит он, сдавливая мне руку.

По всему бару проносится: «Марк Рентон — один на свете». Песню похватывают беззубый старикан Уилли Шэйн и Попрошайкин дед — милый одноногий старичок. Поёт Бегби с двумя своими друзьями-психами, которых я знать не знаю, поют Дохлый и Билли, даже мама поёт.

Томми хлопает меня по спине:

— Классно выкрутился, — говорит он, а потом спрашивает: — «Чёрный» есть?

Я советую ему завязать, пока не поздно. Он отвечает мне, как все начинающие, что он может бросить в любую минуту. Сдаётся мне, я где-то уже это слышал. Я сам так говорил и, наверно, скажу ещё не раз.

Меня окружали самые близкие люди, но я никогда в жизни не чувствовал себя таким одиноким.

Планета Обезьян втёрся в нашу компанию. Мысль о том, как этот мудак трахает малютку Марию Андерсон, я бы не назвал эстетически привлекательной. Я бы не назвал эстетически привлекательной и мысль о том, как он вообще кого-либо трахает. Если он только попробует заговорить с мамой, я стукну кружкой по его обезьяньему рылу.

В бар входит Энди Логан. Это очень энергичный чувак, от которого так и разит мелкими правонарушениями и тюрьмой. Я познакомился с Логсом несколько лет назад, когда мы оба работали на стоянке при муниципальной площадке для гольфа и гребли деньги лопатой. Нас зажопил один контролёр из патрульной машины. Привольные были времена: к зарплате я даже не притрагивался. Логс мне нравится, но дружбы мы не водим. Я могу говорить с ним только о прошлом.

Мы оба любим вспоминать прошлое. Наша беседа всегда начинается с сакраментального «а помнишь…», но сегодня мы заговорили о бедняге Картошке.

В кабак заходит Флокси и подзывает меня к стойке. Он спрашивает о дряни. Я же на программе. Это безумие. Ирония состоит в том, что меня повязали за кражу книг как раз в тот момент, когда я пытался слезть. Всё из-за этого метадона, этого ебучего убийцы. После него жестокие отходняки. Там, в книжном, мне как раз стало плохо, когда этот круглорылый решил разыграть из себя героя.

Я говорю Флокси, что лечусь, и тогда он съёбывает, не говоря ни слова.

Билли замечает, что я говорил с этим чуваком, и выходит вслед за ним, но я вскакиваю и хватаю его за руку.

— Я этой швали все кости переломаю, блядь… — шипит он сквозь зубы.

— Оставь его, он нормальный, — Флокси идёт по улице, уже забыв об этом, забыв обо всём, кроме того, где бы достать дряни.

— Ёбаная шваль. Если ты водишься с такими подонками, блядь, то так тебе и надо.

Он вернулся в бар и сел за стол, но только потому, что увидел Шерон и Джун, шедших по улице.

Как только Бегби засёк Джун, он осуждающе посмотрел на неё:

— Где малой?

— У сестры, — робко сказала Джун.

Бегби отвернул от неё свой воинственный взгляд, открытый рот и застывшее лицо, чтобы переварить эту информацию и решить, как он к ней относится — хорошо, плохо или ему просто наплевать. В конце концов, он поворачивается к Томми и ласково говорит ему, какой он клёвый чувак.

Что я здесь делаю? Ёбанутая выходка излишне любопытного, отсталого ублюдка Билли. Шерон, которая смотрит на меня так, будто у меня две головы. Мамаша, пьяная и развязная, Дохлый… сука. Картошка в тюряге. Метти в больнице, и никто его не проведает, никто о нём даже не вспомнит, будто его

никогда и не было. Бегби… пялится, падло, а Джун похожа на груду раздавленных костей в этом ужасном пуховике, который только подчёркивает её угловатую бесформенность.

Я иду в парашу и, когда кончаю ссать, понимаю, что не смогу вернуться в это дерьмо. Я линяю через «чёрный» ход. До того момента, когда я смогу получить очередной дозняк, осталось четырнадцать часов пятнадцать минут. Наркомания, финансируемая государством: метадон, заменяющий дрянь, тошнотворные колёса, по три в день, вместо укола. Я знаю, что большинство торчков, проходящих программу, глотают все три колеса за раз, а потом идут добывать наркоту. Мне осталось ждать до утра завтрашнего дня. Но я не могу ждать так долго. Я поеду к Джонни Свону за ОДНОЙ дозой, ОДНОЙ-ЕДИНСТВЕННОЙ ЁБАНОЙ ДОЗОЙ, чтоб хоть как-то скрасить этот длинный, тяжёлый день.

Торчковая дилемма № 66

Нужно двигаться: но это необязательно. Я могу двигаться. Я делал это раньше. Согласно определению, мы, люди, — движущаяся материя. Но зачем двигаться, если всё, что тебе нужно, у тебя под рукой? Однако скоро мне всё же придётся двигаться. Я начну двигаться, когда мне станет достаточно плохо; я ведь знаю это по опыту. Но я не могу себе представить, что когда-нибудь мне станет настолько плохо, что я захочу двигаться. Это пугает меня, потому что скоро мне нужно будет двигаться.

И я наверняка сумею сдвинуться с места, это уж точно, блядь.

Дохлые псы

Ах… враг обошралша, как сказал бы старина Бонд, а какой видок у этого ёбаного мудачка! Бритая голова, зелёная кожаная куртка, семимильные «доктор-мартенсы». Архетипический пиздюк; а сзади плетётся верный брехун. Питбуль, пидор-буль, пидор-терьер… ёбаный ряд когтей на каждой из четырёх лап. Ой-ой-ой, ссыт под деревцом. *Сюда, малыш, сюда.*

Классно, когда окна выходят в парк. Беру эту тварь под телескопический прицел; может, мне это только кажется, но, по-моему, он чуточку расфокусировался и сдвинулся вправо. Но Саймон — отличный стрелок и сможет подкорректировать эту неисправность своей надёжной техники — старенького духового ружья 22-го калибра. Я перевожу дуло на бритоголового и целюсь ему в лицо. Потом прогуливаюсь по всему телу, вверх-вниз, вверх-вниз… *успокойся, крошка… попробуй ещё раз…* никто ещё не уделял этому ублюдку столько внимания, столько заботы, столько… не побоюсь этого слова, любви. Какое превосходное ощущение — знать, что можешь причинить такую боль, не выходя из гостиной. *Жовите меня нежримым убийцей, мишш Дешёвка.*

Но я охочусь за питбулем; я хочу, чтобы он набросился на своего хозяина, хочу разрушить трогательные отношения между человеком и животным, отстрелив последнему яички. Надеюсь, что у этого пидорбуля яйца побольше, чем у того тупого ротвейлера, которого я подстрелил намедни. Я попал этому здоровиле прямо в морду, и что же вы думаете, жалкий ублюдок набросился на своего шибанутого хозяина в пуховике? Думаете, он «загрыз» его, как сказали бы Вера и Айви из «Улицы коронации»? Как бы не так, он всего-навсего заскулил.

Меня называют Дохлым, грозой неудачников, бичом тупорылых. Вот тебе, Фидо, или Рокки, или Рэмбо, или Тайсон, или как там ещё тебя, на хуй, окрестил твой проебавший все свои мозги хозяин. Вот тебе за всех детишек, которых ты загрыз, за лица, которые ты изуродовал, и дерьмо, которое ты наложил на наших улицах. Но, в первую очередь, это тебе за то то дерьмо, которым ты засрал все наши парки, дерьмо, в которое всегда вступает Саймон, когда играет полузащитником за «Эббихилл Этлетик» во время Лотианского воскресного чемпионата любительских команд.

И вот они рядом — человек и его четвероногий друг. Я жму на курок и отступаю на шаг от окна.

Великолепно! Пёс заскулил и набросился на бритоголового, вгрызаясь всей пастью ему в руку. *Меткий выштрел, Шаймон.* Пуштяки, Шон.

— ШЕЙН! ШЕЙН! АХ ТЫ Ж, СУКА! Я УБЬЮ ТЕБЯ, НА ХУЙ! ШЕЕЙЙНН! — вопит парень, пиная свою собачонку ногами, но все его доктора не справятся с этим монстром. Эта тварь если уж схватит, то не отпустит; её свирепость и привлекает дебилов. У чувака крыша поехала: сначала он пытался бороться, а потом перестал, потому что бороться очень тяжело; он то угрожает, то умоляет эту ебучую безжалостную машину смерти. Какой-то старикашка подбегает к нему на помощь, но останавливается, как вкопанный, когда пёс поворачивает на него глаза и рычит через нос, словно бы говоря: «Ты следующий».

Я опрометью сбегаю вниз по лестнице, сжимая в руке алюминиевую бейсбольную биту. Вот, чего я так ждал, вот, для чего я всё это подстроил. Мужчина-охотник. У меня аж во рту пересохло от предвкушения: Дохлый отправляется в сафари. *Тебе надо уладить небольшую проблему, Шаймон.* Думаю, я справлюсь с ней, Шон.

— НА ПОМОЩЬ! НА ПОМОЩЬ! — визжит бритоголовый. А он моложе, чем я думал.

— Всё нормально, чувак. Спокуха, — говорю я ему. Не бойся, Саймон пришёл.

Я крадучись подползаю сзади к собаке; не хотелось бы, чтобы этот мудила разжал лапы и набросился

на меня, хотя это весьма маловероятно. Из руки чувака и из пасти пса сочится кровь, пропитавшая куртку парня. Чувак думает, что я собираюсь трахнуть собаку битой по башке, но это всё равно, что попросить Рентона или Картошку сексуально удовлетворить Лору Макэван.

Вместо этого я легонько приподнимаю ошейник и засовываю под него ручку биты. Я кручу, кручу… *Крути и кричи…* Но он всё равно не опускает. Бритоголовый падает на колени, почти вырубаясь от боли. А я всё кручу и кручу, и вот я уже чувствую, как толстые мышцы на шее пса начинают поддаваться, расслабляться. Я продолжаю крутить. *Станцуем твист опять, как прошлым летаам.*

Пёс испускает через нос и сжатую пасть несколько страшных хрипов, а я тем временем додушиваю его. Даже во время предсмертных судорог и после них, когда он превращается в мешок с говном, пёс не ослабляет хватку. Я вынимаю биту из-под ошейника, чтобы воспользоваться ею, как рычагом, открыть пасть и освободить руку пацана. Тут приезжает полиция, и я обматываю руку парня остатками его куртки.

Бритоголовый осыпает меня похвалами перед полицией и врачом скорой помощи. Но он страшно обижен на Шейна. Он до сих пор не может понять, как его любимое домашнее животное, которое «мухи не обидит» (чувак действительно сказал это, произнёс это отвратное клише), могло обратиться в обезумевшего монстра. *Эти жверушки могут обратитша в любой момент.*

Когда они ведут его к «скорой помощи», молодой полицейский качает головой:

— Какой идиотизм, бля! Они же прирождённые убийцы. Эти дебилы заводят их, чтобы удовлетворить своё раздувшееся самомнение, но рано или поздно они всё равно должны взбеситься.

Полицейский постарше вежливо спрашивает у меня, зачем мне нужна бейсбольная бита, и я отвечаю ему, что держу её у себя в целях безопасности, поскольку в этом районе случается много квартирных краж. Только не подумайте, объясняю я, что Саймон собирается вершить самосуд, просто так на спокойнее на душе. Интересно, хоть кто-нибудь по эту сторону Атлантики купил бейсбольную биту для того, чтобы играть ею в бейсбол?

— Я тебя понимаю, — говорит пожилой полицейский. Где уж тут не понять, старый маразматик. *Офишеры полишии — ошень глупые люди, правда, Шон? Н-да, они не вешма умны, Шаймон.*

Эти парни называют меня храбрецом и собираются представить к награде. *Какие пуштяки, офишер!*

Сегодня вечером Дохлый пойдёт к Марианне и приколется по-дохлому. Меню обязательно должно быть выдержано в собачьем стиле, в память о Шейне.

Я прусь, как слон, и хочу ебаться, как целое стадо кроликов. Пиздатый сегодня денёк.

В поисках внутреннего человека

Меня никогда не сажали за наркоту. Но десятки всевозможных сук пытались отправить меня на реабилитацию. Реабилитация — полное дерьмо; иногда мне кажется, что было бы лучше, если б меня упекли за решётку. Реабилитация — это измена самому себе.

Я обращался к специалистам различного профиля: от обычных психиатров до психотерапевтов и социологов. Психиатр доктор Форбс использует непрямые методы лечения, основанные главным образом на фрейдовском психоанализе. Он расспрашивает меня о моей прошлой жизни и подробно останавливается на неразрешённых конфликтах, вероятно, полагая, что обнаружение и разрешение таких конфликтов устранит гнев, который обуславливает моё саморазрушительное поведение, выражающееся в употреблении тяжёлых наркотиков.

Вот пример типичного диалога:

Д— р Форбс: Вы упоминали о своём брате, который был, э, инвалидом. О том, который умер. Давайте поговорим о нём.

(пауза)

Я: Зачем?

(пауза)

Д— р Форбс: Вам не хочется говорить о своём брате?

Я: Нет. Просто я не понимаю, какое это имеет отношение к тому, что я сижу на игле.

Д— р Форбс: Мне кажется, вы стали усиленно употреблять наркотики после того, как ваш брат умер.

Я: Тогда много всего произошло. Нет смысла акцентировать внимание на смерти брата. Я уехал в Абердин, поступил в универ. Возненавидел его. Потом начал работать на паромах, мотался в Голландию. Получил доступ во все престижные колледжи.

(пауза)

Д— р Форбс: Давайте вернёмся в Абердин. Вы сказали, что возненавидели его?

Я: Да.

Д— р Форбс: Что же было таким ненавистным для вас в Абердине?

Я: Университет. Преподы, студенты, всё. Я считал их занудными буржуями.

Д— р Форбс: Понимаю. Вы не могли установить отношения с людьми.

Я: Не то, чтобы не мог, а просто не хотел, хотя, наверно, это означает одно и то же, по-вашему (д-р Форбс уклончиво пожимает плечами)… меня не интересовал там ни один мудак.

(пауза)

Я хочу сказать, что не видел в этом никакого смысла. Я знал, что долго там не задержусь. Если мне хотелось оттянуться, я шёл в кабак. Если хотелось потрахаться — шёл к проститутке.

Д— р Форбс: Вы проводили время с проститутками?

Я: Да.

Д— р Форбс: Связано ли это с тем, что вы не были уверены в своей способности завязать общественные и сексуальные отношения с женщинами из университета?

(пауза)

Я: Не— а, я встречался с несколькими.

Д— р Форбс: И что же произошло?

Я: Меня интересовали не отношения, а секс. И у меня не было причин скрывать это. Я рассматривал этих женщин только как средство удовлетворения своих сексуальных потребностей. И я решил, что честнее ходить к проститутке, чем вести обманную игру. В те времена я ещё был проклятым моралистом. В общем, я просаживал всю стипендию на шлюх, а еду и книги тырил. Так я начал воровать. Наркота тут ни при чём, хотя это, конечно, не оправдание.

Д— р Форбс: Мммм. Что ж, давайте вернёмся к вашему брату, неполноценному. Какие чувства вы к нему испытывали?

Я: Трудно сказать… этот парень был совсем плох. Его с нами не было. Полностью парализованный. Он постоянно сидел в кресле, свесив голову набок. Мог только моргать и глотать. Иногда издавал негромкие звуки… это был предмет, а не человек.

(пауза)

В детстве я злился на него. Мама вывозила его на прогулку в этой коляске. Такой себе переросток в этой ёбаной коляске. Из-за него дети смеялись надо мной и моим старшим братом Билли: «Ваш брат — калич» или «Ваш брат — зомбак» и прочая херня. Теперь-то я понимаю, что они были просто детьми, но тогда мне так не казалось. В детстве я был длинным и неуклюжим, и я начал думать, что у меня тоже что-то не в порядке, что я чем-то похож на Дэви…

(долгая пауза)

Д— р Форбс: Итак, вы испытывали злобу по отношению к своему брату.

Я: Да, но это было в детстве. Потом его забрали в больницу. И проблема вроде как разрешилась. Типа с глаз долой — из сердца вон. Я проведывал его пару раз, но в этом не было никакого смысла. Никакого контакта, понимаете? Я считал его жестокой ошибкой природы. Бедняге Дэви очень крупно не повезло. Грустно, конечно, но не будешь же убиваться из-за этого всю оставшуюся жизнь. Это было самое подходящее для него место, за ним там хорошо ухаживали. Когда он умер, я винил себя в том, что злился на него, в том, что прикладывал недостаточно усилий. Но что уж теперь сожалеть?

(пауза)

Д— р Форбс: Вы говорили об этих своих чувствах раньше?

Я: Не… ну, может, родителям…

Так это обычно и протекало. Мы затрагивали кучу тем: пустяковых и тяжёлых, скучных и интересных. Иногда я говорил правду, иногда врал. Когда я врал, то говорил вещи, которые, как мне казалось, ему хотелось от меня услышать, или что-нибудь такое, что должно было вывести его из себя или сбить с толку.

Но я, хоть убей, не понимал, каким образом всё это было связано с тем, что я сидел на «чёрном».

Тем не менее, я кое-что разузнал благодаря форбсовым открытиям, собственным психоаналитическим штудиям и толкованиям своего поведения. У меня был неразрешённый конфликт с моим покойным братом Дэви, поскольку я не мог выразить свои чувства по поводу его жизни в состоянии кататонии и последующей смерти. Ещё у меня был эдипов комплекс по отношению к матери и сопутствующая неразрешённая ревность к отцу. Моё наркотическое поведение было анальным по своему характеру и объяснялось потребностью во внимании, это да, но вместо того, чтобы отказаться от этих фекалий и восстать против родительской власти, я пичкал свой организм дрянью, претендуя на власть над

ним и противостоя обществу в целом. Вот стервец, а?

Всё это, может быть, верно, а может, и нет. Я долго над этим размышлял и готов всё это изучить; я не занимаю «оборонческих» позиций. Но всё равно мне кажется, что всё это в лучшем случае имеет лишь косвенное отношение к моей зависимости. Разумеется, наши пространные беседы принесли немало пользы. Но, наверное, они подзаебали Форбса не меньше, чем меня.

Психотерапевт Молли Гривз предпочитала изучать моё поведение и способы его изменения, а не выяснять его причины. Она решила, что Форбс своё дело уже сделал, и настало время спрыгивать. Сначала я прошёл программу сокращения дозы, которая ничего не дала, а затем лечение метадоном, после которого мне стало ещё хуже.

Том Кёрзон, консультант из агентства по борьбе с наркотиками, скорее социолог, чем медик, был последователем роджерсовских методов, делающих упор на пациенте. Я ходил в Центральную библиотеку и читал «Становление личности» Карла Роджерса. Эту книжонку я считал говённой, но признавал, что Том ближе всех подобрался к тому, что казалось мне истиной. Я презирал самого себя и весь мир, потому что не мог примириться со собственной ограниченностью и ограниченностью самой жизни.

Таким образом, психическое здоровье и неотклоняющееся поведение заключались в признании своей ограниченности и обречённости.

Успех и неудача просто означают удовлетворение или неудовлетворение желания. Желание может быть либо внутренним, обусловленным нашими индивидуальными влечениями, либо внешним, вызванным рекламой или моделями общественного поведения, которые представлены в средствах массовой информации и поп-культуре. Том считает, что моё представление об успехе и неудаче функционирует скорее на индивидуальном, чем на индивидуально-общественном уровне. Вследствие того, что я не признаю общественного вознаграждения, успех, равно как и неудача, могут быть для меня лишь мимолётными переживаниями, поскольку эти переживания не подкрепляются социально значимыми ценностями богатства, власти, положения и т. д. или, в случае неудачи, клеймом позора или осуждением. Поэтому, по словам Тома, бесполезно говорить мне о том, что я хорошо сдал экзамен, или получил хорошую работу, или снял классную чувиху: такого рода одобрение не значит для меня ровным счётом ничего. Разумеется, все эти вещи доставляют мне удовольствие сами по себе, но их ценность ничем не подкреплена, поскольку я не признаю общества, которое их ценит. Наверное, Том просто хочет сказать, что я забил хуй. Но почему?

Итак, мы возвращаемся к моему отчуждению от общества. Проблема в том, что Том отказывается принять моё убеждение, что общество нельзя так изменить, чтобы оно стало принципиально лучше, а меня нельзя так изменить, чтобы я к нему приспособился. Эта ситуация вызывает у меня депрессию, вся злость обращается вовнутрь. Вот что такое депрессия, по его словам. Но депрессия приводит также к «демотивации». Внутри меня растёт пустота. «Чёрный» заполняет эту пустоту и помогает мне удовлетворить свою потребность в самоуничтожении, злость снова обращается вовнутрь.

Так что в этом мы с Томом сходимся. Но мы расходимся в другом: он отказывается принять эту картину мира во всей её наготе. Он считает, что я страдаю от низкой самооценки и отказываюсь это признать, перекладывая вину на общество. Ему кажется, что обесценивание в моих глазах вознаграждения и похвал (или, наоборот, осуждения), доступных мне в обществе, не является отверганием этих ценностей как таковых, а лишь указанием на то, что я не чувствую себя достаточно хорошим (или достаточно плохим), чтобы их принять. Вместо того, чтобы выйти и сказать: «По-моему, у меня нет этих качеств» или: «По-моему, я лучше», я говорю: «В любом случае, это груда ёбаного говна».

Когда я в энный раз заторчал, Хэйзел заявила, что больше не хочет со мной встречаться, и сказала

мне:

— Ты прикрываешься наркотиками, чтобы все думали, будто у тебя очень глубокая и охуенно сложная натура. Ты жалок и невыносимо скучен.

В некотором смысле мне нравится позиция Хэйзел. В ней есть элемент эгоизма. Хэйзел понимает запросы своего «я». Она работает оформителем витрин в универмаге, но называет себя не иначе, как «художником по демонстрации потребительских товаров». Почему же я отвергаю этот мир и считаю себя лучше него? Да просто потому, что отвергаю. Потому что я действительно, блядь, лучше, вот и всё.

Результатом такого отношения стало то, что меня направили на это говённое лечение-тире-консультации. Я не хотел всего этого. Но мне пришлось выбирать: или это, или тюрьма. Мне уже начинает казаться, что Картошка поступил умнее. Это дерьмо только замутило воду, запутало, а не прояснило ситуацию. По сути дела, я прошу только об одном: чтобы эти суки занимались своими делами, а я занимался своим. Ну почему, если ты принимаешь тяжёлые наркотики, то каждый мудак считает себя вправе анализировать и разбирать тебя по косточкам?

Стоит тебе признать, что они обладают этим правом, и ты мигом отправляешься вместе с ними на поиски святого Грааля — той штуковины, благодаря которой ты дышишь. Потом ты начинаешь им доверять и позволяешь им навязывать себе какую-нибудь сраную теорию поведения, которую им захотелось к тебе применить. Отныне ты в их полной власти: зависимость от наркотиков сменяется зависимостью от них.

Общество выдумало лживую, заковыристую логику, для того чтобы порабощать и изменять людей, поведение которых отличается от общепринятого. Допустим, я знаю все «за» и «против», знаю, что рано умру, что я в здравом рассудке и т. д. и т. п., но всё равно хочу колоться? Они не дадут тебе этого делать. Они не дадут тебе этого делать только потому, что это символ их собственного поражения. Ведь ты же отказываешься от того, что они тебе предлагают. Выбирай нас. Выбирай жизнь. Выбирай закладные, выбирай стиральные машины, выбирай автомобили, садись на кушетку и смотри отупляющие разум и угнетающие дух телеигры, набивая рот ёбаным дерьмом. Выбирай разложение, обоссысь и обосрись в собственном доме и смотри в ужасе на эгоистичных, охуевших выродков, которых ты произвёл на свет. Выбирай жизнь.

Я не хочу выбирать такую жизнь. И если этих мудаков что-то не устраивает, это их личные ёбаные проблемы. Как сказал Гарри Лодер, я просто хочу продержаться до конца пути…

Домашний арест

Эта кровать мне знакома, точнее, стенка напротив. Пэдди Стэнтон смотрит на меня со своими семьюдесятью сервантами. Игги Поп сидя лупит молотком-гвоздодёром по груде пластинок. Моя старая спальня, в доме папиков. Ума не приложу, как я сюда попал. Помню флэт Джонни Свона, потом ощущение, что умираю. Вспомнил: Свонни вместе с Элисон ведут меня вниз по лестнице, сажают в такси и отвозят в больницу.

Странно, но как раз перед этим я хвастал, что у меня никогда в жизни не было передоза. Это был первый раз за все разы. А всё из-за Свонни. Обычно он подмешивает в порошок до хуя мусора, и я всегда бухаю в ложку немного больше, чем надо, для компенсации. И что же сделал этот мудила? Он уколол меня чистейшим дерьмом. У меня аж дух захватило. Этот дебил, наверно, оставил им адрес моей матушки. Я полежал пару деньков в больнице, пока нормализовалось дыхание, и вот я здесь.

И вот я здесь, в торчковой преисподней: мне так плохо, что я не могу уснуть, и я так устал, что не могу не спать. Сумеречное состояние, где нет ничего, кроме всесокрушающего страдания и боли в мозгу и во всём теле, от которых никуда не скроешься. Я с испугом замечаю, что у кровати сидит моя матушка и смотрит на меня.

Как только я это осознаю, я начинаю испытывать такое же гнетущее неудобство, как если бы она сидела у меня на груди.

Она кладёт руку на мой вспотевший лоб. От её насильственного прикосновения становится дурно и бросает в дрожь.

— У тебя жар, сынок, — говорит она тихо, покачивая головой; лицо озабочено.

Я вытаскиваю руку из-под одеяла и отстраняю её. Неверно поняв мой жест, она хватает мою руку обеими ладонями и крепко, до боли сдавливает её. Мне хочется завопить.

— Я помогу тебе, сынок. Я помогу тебе побороть эту болезнь. Ты останешься здесь со мной и с папой, пока тебе не станет лучше. Мы справимся с ней, сынок, мы с ней справимся!

Она смотрит на меня напряжённым, остекленевшим взглядом, а в её голосе звучит энтузиазм крестоносцев.

Уймись, маманя, уймись.

— Ты выдержишь, сынок. Доктор Метьюз сказал, что это как тяжёлый грипп, эти ломки, — говорит она мне.

Интересно, когда это старина Метьюз последний раз спрыгивал? Хотелось бы мне запереть этого опасного старого пердуна на пару недель в обитую войлоком палату и колоть его по нескольку раз в день диаморфином, а потом резко перестать. И когда он начнёт бегать за мной и просить уколоть его, покачать головой и сказать: «Не волнуйся, чувак. Какие проблемы, бля? Это ж как тяжёлый грипп».

— Он оставил мне темазепан? — спрашиваю.

— Нет! Я сказала ему, чтоб больше никакой гадости. Тебе после неё было ещё хуже, чем после героина. Судороги, тошнота, понос… ты был в чудовищном состоянии. Больше никаких лекарств.

— А может, мне вернуться в клинику, ма? — с надеждой предлагаю я.

— Нет! Никаких клиник. Никакого метадона. Тебе от него только хуже, сынок, ты сам мне говорил. Ты лгал мне, сынок. Ты лгал своим родителям! Принимал метадон и всё равно шёл колоться. С этого момента

ты не будешь принимать ничего. Ты останешься здесь, чтобы я могла за тобой следить. Одного мальчика я уже потеряла, я не хочу потерять второго! — её глаза наполнились слезами.

Бедная мама, она до сих пор винит себя за этот ебанутый ген, из-за которого мой брат Дэви родился идиотом. Она столько лет боролась с ним и, в конце концов, сдала его в больницу. После его смерти она почувствовала себя опустошённой. Мама знает, что думают о ней соседи и все остальные. Они считают её бесстыжей и легкомысленной только потому, что она красит волосы в светлый цвет, носит не по возрасту модную одежду и любит побаловаться «карлсберг-спешл». Они думают, что мама с папой воспользовались неполноценностью Дэви, чтобы уехать из Форта и получить в жилищной ассоциации эту прекрасную квартиру в видом на реку, а потом цинично сбагрили беднягу в богадельню.

В таком местечке, как Лейт, кишащем любопытными суками, которые везде суют свой нос, эти ёбаные факты, все эти пустяки и мелочная зависть становятся частью мифологии. Это город нищей белой швали в дрянной стране, кишащей нищей белой швалью. Кое-кто называет швалью Европы ирландцев. Брехня. Европейская шваль — это шотландцы. У ирландцев хотя бы хватило ума отвоевать свою страну, по крайней мере, большую её часть. Помню, как я взвился, когда в Лондоне брат Никси назвал шотландцев «белыми неграми». Но теперь я понимаю, что это утверждение было оскорбительным только в отношении чернокожих. А в остальном он попал в точку. Кто угодно скажет вам, что шотландцы — классные солдаты. Например, мой брат Билли.

К старику они тоже относятся с подозрением. Его глазгоский акцент и тот факт, что, когда его уволили по сокращению из «Парсонса», он стал торговать утварью на рынках Инглистона и Ист-Форчуна, вместо того чтобы сидеть в баре «Стрэйтиз» и жаловаться на свою никчёмную жизнь…

Они хотят добра, они хотят мне добра, но они ни за что на свете не научатся уважать мои чувства и мои потребности.

Защитите меня от тех, кто хочет мне помочь.

— Ма… я очень ценю твою заботу, но, чтобы спрыгнуть, мне нужна всего лишь одна доза. Одна-единственная, понимаешь? — умоляю я.

— И думать забудь, — я не услышал, как мой старик вошёл в комнату. Он даже не дал старушке ответить. — Твой поезд ушёл, сынок. Пора тебе образумиться.

У него непроницаемое лицо, подбородок выпячен, а руки по швам, как будто он приготовился к кулачному бою.

— Угу… ладно, — пробормотал я жалобно из-под пухового одеяла. Мама кладёт мне руку на плечо, словно пытаясь защитить. Мы оба отодвигаемся назад.

— Так всё пересрать, — говорит он, а затем зачитывает пункты обвинения: — Училище. Университет. Каким ты был милым мальчонкой. У тебя были все шансы, Марк, и ты их похерил.

Старику можно было и не говорить, что у него самого никогда не было таких шансов, что он родился в Говане, ушёл из школы в пятнадцать лет и поступил в училище. Это само собой разумеется. Но когда я задумываюсь об этом, то понимаю, что между ним и мной нет такой уж большой разницы: я вырос в Лейте, ушёл из школы в шестнадцать и поступил в училище. К тому же, я родился в эпоху массовой безработицы. У меня нет сил спорить, но, если бы даже они были, с «уиджи» (7) спорить бесполезно. Я ещё не встречал ни одного «уиджи», который не считал бы себя единственным по-настоящему страдающим пролетарием в Шотландии, в Западной Европе, да и во всём мире. Пройденный ими опыт лишений — единственный и неповторимый. У меня появилась новая идея.

— Э, а может, я вернусь в Лондон. Найду себе работу, — я почти брежу. Мне кажется, что в комнате

Метти. — Метти… — по-моему, я позвал его. Начинаются ебучие боли.

— Помечтай. Никуда ты не поедешь. Я буду следить даже за тем, как ты срёшь.

Ну, уж насчёт этого можешь не беспокоиться. Камень, образовавшийся у меня в кишках, можно будет удалить только хирургическим путём. Чтобы сходить в туалет, мне нужно будет проглотить раствор молока с магнезией и ждать несколько дней, пока он подействует.

Когда старик скипает, мне удаётся уговорить матушку дать мне парочку таблеток своего валиума. После смерти Дэви она сидела на нём с полгода. Теперь, когда она с него слезла, она возомнила себя экспертом по реабилитации наркоманов. Но это же ёбаный «чёрный», маманя!

Итак, меня посадили под домашний арест.

Утро было мерзким, но это были ещё цветочки по сравнению с вечером. Старик вернулся из разведывательной экспедиции. Он побывал в библиотеках, учреждениях здравоохранения и социальных службах. Провёл исследования, спросил совета, раздобыл брошюры.

Он потребовал, чтобы я сдал анализ на ВИЧ. Мне ужасно не хочется снова проходить всю эту хуйню.

Я встаю, чтобы поужинать, слабый, согнутый и хрупкий спускаюсь по лестнице. От каждого шага кровь начинает бешено пульсировать в голове. На одной ступеньке мне показалось, что она сейчас лопнет, как воздушный шарик, и забрызгает кровью, осколками черепа и серым веществом кремовый мамин передник.

Старушка сажает меня в удобное кресло у камина перед телеком и ставит мне на колени поднос. Внутри я весь содрогаюсь, а от котлеты меня просто выворачивает.

— Я ж говорил тебе, ма, я не ем мяса, — говорю я.

— Но ты же всегда любил котлетки с картошечкой. Вот, до чего ты докатился, сынок. Не ешь того, что все нормальные люди едят. Ты должен есть мясо.

Так был поставлен знак равенства между героинизмом и вегетарианством.

— Это вкусная котлета. Съешь её, — говорит отец. Смех, да и только.

Я подумываю о том, как бы пробраться к двери, хотя на мне только спортивный костюм и домашние тапки. Словно бы прочитав мои мысли, старик достаёт связку ключей.

— Дверь заперта. На дверь твоей комнаты я тоже поставлю замок.

— Но это же фашизм, блядь, — говорю я с чувством.

— Не мели чепухи. Можешь называть это, как угодно. С тобой по-другому нельзя. И не выражаться в моём доме!

Мама разражается страстной тирадой:

— Мы с папой этого не хотели, сынок. Мы совсем не этого хотели. Просто мы любим тебя, сына, ты — всё, что у нас есть, ты и Билли, — папик положил ладонь сверху на её руку.

Я не могу этого есть. Старик ещё не докатился до того, чтобы насильно запихивать еду мне в рот, и ему остаётся только смириться с тем фактом, что пропала вкусная котлета. Хотя почему же пропала? Он доедает её после меня. Тем временем я отпиваю немножко томатного супа «хайнц» — единственной пищи, которую я могу принимать во время ломок. На некоторое время я отвлекаюсь и смотрю игровое шоу по ящику. Я слышу, как старик беседует со старушкой, но не могу оторвать взгляд от мерзкого телеведущего и повернуться к своим папикам. Мне кажется, что голос отца доносится прямо из телевизора.

— …здесь сказано, что в Шотландии проживает восемь процентов населения Великобритании и шестнадцать процентов всех британских носителей ВИЧ… *Какой счёт, мисс Форд?* … В Эдинбурге проживает восемь процентов населения Шотландии и свыше шестидесяти процентов шотландских носителей инфекции ВИЧ, это бесспорно самый высокий процент в Великобритании… *Дафна и Джон заработали одиннадцать очков, но у Люси и Криса целых пятнадцать!* … говорят, они проверили кровь у этих пареньков из Мурхауса, которые попали к ним то ли с гепатитом, то ли ещё с чем-то, и тогда они осознали масштабы проблемы… *ох-ох-ох… что ж, на сей раз вам не повезло, но не стоит отчаиваться, пожмите друг друг руки…* если я б только знал имена тех подонков, которые сделали это с нашим пацаном, я бы сколотил бригаду и сам бы с ними разобрался, наверно, полиции всё равно, если она разрешает им торговать этим дерьмом прямо на улице… *нет-нет, не уходите с пустыми руками…* если даже у него ВИЧ, это ещё не значит, что ему вынесен смертный приговор. Это всё, что я могу сказать, Кейти, это ещё не смертный приговор… *Том и Сильвия Хит из Лика в Стаффордшире…* он говорит, что никогда не кололся чужой иглой, но в последнее время он нам лгал… *здесь сказано, Сильвия, голубушка, что, когда вы познакомились с Томом, он заглянул вам под шляпку, ох-хо-хо…* пока нам остаётся только гадать, Кейти… *он ремонтировал вашу машину на станции техобслуживания, о, я понимаю…* будем надеяться, что у него есть голова на плечах… *первый тур нашей игры называется «Стреляем на поражение»…* но ведь это ещё не смертный приговор… *и кому же мы предоставим ввести нас в курс дела, как не моему старинному приятелю из Королевского общества лучников Великобритании, единственному и несравненному Лену Холмсу!…* вот всё, что я могу сказать, Кейти…

К горлу подступила тошнота, и всё поплыло перед глазами. Я упал с кресла и выблевал томатный суп на коврик у камина. Не помню, как меня оттащили на кровать. *Первая любовь, юные года…*

Моё тело выкручивало и раздавливало. Было такое ощущение, будто я упал на улице в обморок, и на меня наехал грузовик, а бригада злобных работяг принялась грузить его тяжёлыми строительными материалами и в то же время колоть меня снизу острыми прутами, пытаясь проткнуть моё тело. *С парнем, которого я…*

Который час, блядь? Какого хуя часы показывают 7:25? *Я не могу её забыть…*

Хэйзел

Ты разбила мне сердце, э-ге-гей…

Я отбрасываю тяжёлое пуховое одеяло и смотрю на Пэдди Стэнтона. Пэдди. Что мне делать? Гордон Дьюри. Музыкальный автомат. Что здесь происходит, блядь? На хуя ты оставил мне музыкальный автомат, сука? Игги… ты был здесь. Помоги мне, чувак. ПОМОГИ МНЕ.

Что ты там сказал?

ТЫ НЕ ДОЖДЁШЬСЯ НИКАКОЙ, НА ХУЙ, ПОМОЩИ, СУКА… НИКАКОЙ ЁБАНОЙ ПОМОЩИ…

Кровь стекает на подушку. Я прикусил язык. От этого зрелища меня разрывает на части. Каждая клеточка моего тела хочет вырваться из него, каждая клеточка больна, ей больно плавать в этом чистом ебучем яде

рак

смерть

болен болен болен

смерть смерть смерть

СПИД СПИД ебать вас всех ЁБАНЫЕ СУКИ ЕБАТЬ ВАС ВСЕХ

ЛЮДИ БОЛЬНЫЕ РАКОМ КОНЧАЮТ С СОБОЙ — У НИХ НЕТ ВЫБОРА ПОДЕЛОМ

САМИ ВИНОВАТЫ ВЫНЕСЕН СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

РАССТАЁШЬСЯ С ЖИЗНЬЮ НЕ НУЖНО И СМЕРТНОГО ПРИГОВОРА УНИЧТОЖАЙ

РЕАБИЛИТАЦИЯ

ФАШИЗМ

ХОРОШАЯ ЖЕНА

ХОРОШИЕ ДЕТИ

ХОРОШИЙ ДОМ

ХОРОШАЯ РАБОТА

ХОРОШИЙ

ХОРОШО ВЫГЛЯДИШЬ, ВЫГЛЯДИШЬ…

ХОРОШО ХОРОШО ХОРОШО ПСИХИЧЕСКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

СЛАБОУМИЕ

ГЕРПЕС КАНДИДОЗ ПНЕВМОНИЯ

ВСЯ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ ПОЗНАКОМЬСЯ С ХОРОШЕЙ ДЕВУШКОЙ И ВОЗЬМИСЬ ЗА УМ…

Я до сих пор её лублу

НАТВОРИЛ ДЕЛОВ.

Сон.

Опять страхи. Я сплю или нет? Хуй его знает, да и хуй с ним. Боль не проходит. Я знаю только одно. Если я пошевелюсь, то проглочу язык. Нехилый кусок языка. Мама больше не даёт мне его, как раньше. Салат из языка. Травите своих детей.

Съешь язычок. Он такой вкусный-превкусный.

СЪЕШЬ ЯЗЫЧОК.

Если я не буду шевелиться, то мой язык всё равно соскользнёт в глотку. Я чувствую, как он шевелится. Меня охватывает жуткая паника, я сажусь в кровати и рыгаю, но из меня ничего не выходит. Сердце колотится в груди, а с моего изнурённого тела ручьями льётся пот.

Это сссссоооооооооннннннннн?

Ой, бля— я. В комнате кто-то есть. Выходит из ёбаного потолка. Над кроватью.

Это бэбик. Малютка Доун, ползёт по потолку. И ревёт. Вот она смотрит на меня.

— Я умерла из-за тебя, сука, — говорит. Это не Доун. Какой-то другой ребёнок.

Не, видать, я схожу с ума.

У ребёнка острые зубы, как у вампира, и с них капает кровь. Он вымазан какой-то вонючей жёлто-зелёной слизью. А глаза у него, как у самого сумасшедшего психопата на свете.

— Тысукаубилменя оставилнахуйумирать проторчалнахуйвсесвоимозги смотришьблядьнастены ты ёбаныйудолбанныйторчок яразорвутебянахуйначасти и

съемтвоюёбануюмерзкуювонючуюсеруюторчковуюплоть начнуствоеготорчковогохуяпотомучтояумерладевственницейяникогданебудунахуйебатьсяникогданебудукраситьсяиноситьклё-

выешмоткиникогданикемнестану потомучтовыёбаныеторчкиникогдазамнойнесмотрели выоставилименянахуйумиратьнахуйзадыхаться вызнаетечтоэто такоесукипотомучтоуменятожеестьёбанаядушаятожемогучувствоватьёбануюбольавысукивыёбаныеэгоистичныеторчкиради-

своегоёбаногочёрногоотнялиуменявсёэтоипоэтомуяотгрызутвойёбаныйбольнойхуйЯХОЧУСДЕЛАТЬТЕБЕЁБАНЫЙМИНЕТХО—

ЧУНАХУЙОТСОСАТЬУТЕБЯХОЧУНААААХХХУУУУУЙ

Она спрыгивает с потолка и садится на меня сверху. Я разрываю пальцами мягкую, пластилиновую плоть и грязную пизду, но противный визгливый голос продолжает вопить и издеваться надо мной и я дёргаюсь и подпрыгиваю и мне кажется что кровать становится вертикально и я падаю сквозь пол…

Это ссссоооооооооонннннннннн?

Моя первая лубоф.

Потом я снова в кровати, с ребёнком на руках. Нежно укачиваю его. Малютка Доун. Как обидно, блядь.

Это моя подушка. На подушке кровь. Может, из языка; а может, тут была малютка Доун.

В жизни всякое случается.

Снова боль, потом снова сон с болью.

Когда я прихожу в себя, то понимаю, что прошло много времени. Хоть и не знаю точно, сколько. Часы показывают: 2:21.

На стуле сидит Дохлый и смотрит на меня. Его лицо выражает кроткую заботу, под которой кроется ласковое и снисходительное презрение. Видя, как он попивает чаёк и жуёт шоколадку, я догадываюсь, что папики тоже в комнате.

В чём, на хуй, дело?

А дело, на хуй, в том, что

— Пришёл Саймон, — объявляет мама, подтверждая, что меня не глючит, потому что этот глюк не только видимый, но и слышимый. Как Доун, или Рассвет. Каждый день на рассвете я умираю.

Я улыбаюсь ему. Папику Доун:

— Привет, Сай.

Этот ублюдок — само обаяние. Ведёт шутливую, дружескую беседу о футболе с моим стариком, фанатом «Гуннов», затем, как заботливый психоаналитик и друг семьи, переходит к моей старушке.

— Это рассчитано на дураков, миссис Рентон. Я не хочу сказать, что я сам безупречен, вовсе нет, но наступает момент, когда ты должен отказаться от этих глупостей и сказать «нет».

Просто сказать «нет». Выбирай Жизнь. Адказысь ад ираина.

Мои папики и мысли не допускают, что «юный Саймон» (который всего лишь на четыре месяца младше меня, но при этом меня никогда не называли «юным Марком») может иметь какое-то отношение к наркотикам, если не считать нескольких невинных юношеских экспериментов. В их глазах юный Саймон

служит олицетворением блестящего успеха. У юного Саймона много подружек, у юного Саймона классные шмотки, у юного Саймона бронзовый загар, у юного Саймона квартира в центре города. Даже поездки юного Саймона в Лондон кажутся им самыми яркими страницами залётной и бесшабашной жизни очаровательного лейтского ловеласа с Бэнаннэй-Флэтс, тогда как мои вылазки на юг неизменно вызывают у них нездоровые, неприятные ассоциации. Юный Саймон невинен, как дитя. Они считают его таким себе Малышом Вулли поколения видео.

Снится ли Дохлому Доун? Не-а.

Хотя мама с папой никогда не говорили об этом открыто, но они подозревают, что мои проблемы с наркотиками вызваны моей дружбой с «этим пареньком Мёрфи». Дело в том, что Картошка — обломист, бездельник и тормоз по жизни, и даже когда он чист, как стёклышко, кажется, будто он под кайфом. Но Картошка не способен обидеть отвергнутую подружку тяжёлым похмельем. В то же время Бегби, этого ебанутого на всю голову шиза Попрошайку, они считают образцом настоящего шотландского мужчины. Конечно, когда Франко разойдётся, то некоторым бедным ублюдкам приходится вынимать осколки пивных кружек из глаз, но этот парень много работает, много играет и т. д. и т. п.

Все присутствующие держат меня за дурачка на протяжении примерно часа, потом папики уходят, убедившись в том, что Дохлый никак не связан с наркотиками и не собирается подбрасывать их отпрыску никакого «эйча», даже из ёбаной жалости.

— Как в старые добрые времена, — говорит он, рассматривая постеры на стенах.

— Подожди, я щас достану «Саббатео» и порнуху, — в детстве мы обычно дрочили на порножурналы. Теперь, став кобелем, Дохлый не любит вспоминать о своём сексуальном становлении. Как обычно, он переводит разговор на другую тему.

— А тебя здорово тряхнуло, — говорит он. А чего он, на хуй, хотел, в такой-то ситуации?

— Да уж, тряхнуло, блядь. У меня ёбаные ломки, Сай. Ты должен достать мне «чёрного».

— Никакой возможности. Я спрыгнул, Марк. Если я опять свяжусь с Картошкой, Свонни и прочими кончеными, я снова начну колоться. Не катит, Хосе, — он выпускает воздух сквозь сжатые губы и качает головой.

— Спасибо, друг. Ты само ёбаное великодушие.

— Только не хнычь, бля. Я знаю, что это такое. Сам не раз спрыгивал и всё хорошо помню. Тебе осталось ещё пару дней. Самое херовое уже позади. Я знаю, что тебе щас погано, но если ты опять начнёшь ширяться, то всё накроется пиздой. Принимай валлиум. На выходных я достану тебе шмали.

— Шмали? Шмали! Ебучий ты комедиант. С таким же успехом можно победить голод в странах третьего мира с помощью пакета мороженого гороха.

— Ты лучше слушай сюда. Как только пройдёт боль, вот тогда-то и начнётся настоящая ёбаная битва. Депрессия. Скука. Говорю тебе, чувак, тебе будет так хуёво, что захочется удавиться. Тебе надо будет чем-то себя стимулировать. Я, например, когда спрыгнул, начал ужираться до усирачки. Одно время я выдувал пузырь текилы в день. Даже Второй Призёр стремался со мной бухать! Сейчас я слез с «синьки» и встречаюсь с несколькими чувихами.

Он протянул мне фотку. На ней Дохлый стоял с шикарным бабцом.

— Фабьена. Типа француженка. Это мы в отпуске. У памятника Скотту. В следующем месяце еду с ней в Париж. Потом на Корсику. У её папиков там дачка. Это надо видеть, чувак. Когда ты ебёшь тётку, а она пиздит по-французски, это так прёт.

— А что она говорит? Наверно, что-то типа: «Твуой хуй, как ето гаваррит, ест так маленьк, ти ужье вашьоль?…» Наверно, она говорит по-французски что-то вроде этого.

Он одаряет меня терпеливой, снисходительной улыбкой «ты-уже-всё-сказал?»

— Именно на эту тему я беседовал на прошлой неделе с Лорой Макэван. Она сказала мне, что в этой области у тебя проблемы. Последний раз, когда вы собирались перепихнуться, у тебя не встал.

Я улыбнулся и пожал плечами. А я-то думал, этот кошмар уже позади.

— Говорит, что своим ёбаным напёрстком, который у тебя хватает наглости называть пэнисом, ты не способен удовлетворить даже себя, не то что женщину.

Что касается величины члена, тут я мало что мог возразить Дохлому. У него больше, это факт. Когда мы были малыми, то фотографировали свои елдаки в кабинке «Фото на паспорт» на вокзале Уэйверли. Потом мы засовывали фотки в окна старенького серого автобуса. Мы называли это публичной художественной выставкой. Понимая, что у Дохлого больше, я старался подвести свой член как можно ближе к объективу. К несчастью, этот мудак скоро меня раскусил и начал делать то же самое.

Что же касается того, как я облажался с Лорой Макэван, то здесь и говорить не о чем. Лора — маньячка. Я всегда её боялся. После одной ночи с ней у меня на теле остаётся больше шрамов, чем от уколов. Я же перед ней извинился за тот случай. Но меня убивает то, что люди никак не могут угомониться. Дохлый, видно, решил теперь рассказывать каждому мудаку, какой я херовый ёбарь.

— Согласен, — признаю я, — в тот раз я облажался. Но я был «синий» и уторчанный, и потом, она же сама затащила меня в кровать. Так хули она ожидала?

Он хихикает надо мной. Этот ублюдок всегда пытается сделать вид, что у него есть ещё более отборный компромат, который он прибережёт до следующего раза.

— Ну ладно, проехали. Но ты только подумай, чего ты себя лишаешь. Я тут на днях бродил по садам. Кругом школьницы. Закуриваешь косячок, а они слетаются, как мухи на дерьмо. Кончают на ходу. В городе полно иностраночек, многие ведутся. Да я даже в Лейте видел пару малолеток, ёб их мать. Кстати, о малолетках, в субботу в «Истер-роуд» Микки Уэйр была просто прелесть. Все пацаны за тебя спрашивают. Ты в курсе, скоро сейшена Игги Попа и «Погсов»? Пора тебе, на хуй, взять себя в руки и начать, блядь, нормальную жизнь. Ты же не собираешься ныкаться по тёмным комнатам до конца своих дней.

Меня совершенно не интересовало, что там пиздел этот мудак.

— Мне нужен только один маленький дознячок, Сай, чтобы слезть с иглы. Ну, хотя бы колесо метадона…

— Если будешь хорошим мальчиком, то можешь заработать кружку разбавленного «тартан-спешл». Твоя маман сказала, что в пятницу вечером поведёт тебя в «Клуб докеров». Конечно, если будешь хорошо себя вести.

Когда этот надменный сукин сын ушёл, я начал скучать по нему. Он словно бы унёс с собой частичку меня самого. Всё действительно было, как в старые добрые времена, но от этого становилось ещё очевиднее, насколько всё изменилось. Многое было за плечами. За плечами был «чёрный». Я знал, что независимо от того, буду ли я жить вместе с ним, умру от него или научусь жить без него, моя жизнь никогда не станет такой, как прежде. Мне нужно уехать из Лейта, уехать из Шотландии. Навсегда. Очень далеко, а не просто в Лондон на каких-то там полгода. Мне открылись убожество и уродство этого города, и он больше никогда не станет для меня таким, как прежде.

Ещё через пару дней боль слегка утихла. Я даже начал понемногу готовить. Каждый пацан считает

свою мать лучшим поваром на свете. Я тоже так считал, пока не начал жить самостоятельно. Тогда я понял, что моя матуша — очень херовый повар. Короче, я начал готовить ужин. Старик посмеивается над этой «кроличьей диетой», но мне кажется, он втайне наслаждается моими чилли, карри и запеканками. Старушка немного обижена тем, что я вторгся на кухню, которую она считает своей территорией, и талдычит о том, что на столе обязательно должно быть мясо, но, по-моему, ей очень нравятся мои бутеброды с маслом.

На смену боли пришёл страшный, глубокий, смурной депрессняк. Я ещё никогда не испытывал такого чувства полной, абсолютной безысходности, перемежаемой приступами панического страха. Этот страх парализовывал меня до такой степени, что я сидел в кресле, смотрел ненавистную телепрограмму и не мог переключить канал, боясь, что произойдёт что-то ужасное. Иногда мне невыносимо хотелось ссать, но я боялся подняться в туалет, потому что мне казалось, будто на лестнице кто-то спрятался. Дохлый предупреждал меня об этом, и в прошлом у меня уже такое бывало, но любые предостережения и прошлый опыт бледнеют перед реальностью. По сравнению с *этим* самое тяжёлое алкогольное похмелье кажется сладким эротическим сном.

Ты разбила мне сердце, э-ге-гей. Щелчок переключателя. Слава богу, что есть дистанционка. Одним нажатием кнопки можно перенестись в совершенно иной мир. Когда я вижу, как она держит в руках Замену для изношенного спортивного снаряжения, этот парень рассказывает что-то о вопиющей нехватке исчерпывающих, детальных входящих и выходящих мер, которые можно объединить, для того чтобы обеспечить оценку и подтверждение преимуществ на областном уровне, с точки зрения их эффективности и продуктивности, и налогоплательщик, который, в первую очередь, будет за это платить

— Кофе, Марк? Хочешь кофе? — спрашивает мама.

Я не в силах ответить. Да, пожалуйста. Нет, спасибо. И то, и другое. Не говорю ничего. Пусть мама сама решает, хочу я кофе или нет. Передадим ей эти полномочия или право принимать решения. Переданные полномочия — это полномочия сохранённые.

— Я купила хорошенькое платьице для Анджелиной малышки, — говорит мама, показывая мне предмет, который иначе, как хорошеньким платьицем, и не назовёшь. Похоже, мама даже не догадывается, что я не знаю, кто такая Анджела, не говоря уже о ребёнке, которому суждено стать получателем этого хорошенького платьица. Я только киваю и улыбаюсь. Мамина жизнь и моя давным-давно разошлись по разным касательным. Точка их соединения, хоть и смутная, но осталась. Я могу, например, сказать ей: «Я купил хорошенький дознячок „чёрного“ у одного барыги, кореша Сикера, забыл, как его зовут». Другими словами, мама покупает одежду для людей, которых я не знаю, а я покупаю «чёрный» у людей, которых не знает она.

Папик отращивает усы. Со своей короткой стрижкой он будет похож на обритого гомосексуалиста, на клона. Фредди Меркьюри. Он не врубается в эту культуру. Я пытаюсь объяснить ему, но он обрывает меня.

Однако на следующий день усы исчезают. Теперь папик говорит, что не хочет «возиться» с ними. По радио «Четыре» Клэр Гроган поёт «Не говори мне о любви», а мама варит на кухне чечевичную похлёбку. Я целый день пою в уме песню «Джой Дивижн» «Она потеряла контроль». Иэн Кёртис. Метти. Они перемешались у меня в голове; хотя единственное, что их сближает, это жажда смерти.

Вот и всё, что можно рассказать о прошедшем дне.

На выходные стало немного веселее. Сай подогнал шмали, но это оказался обычный эдинбургский план, короче говоря, полное дерьмо. Я забил пяточку и пыхнул. К вечеру меня даже немного пропёрло. Мне до сих пор не хотелось никуда выходить, тем более идти вместе с папиками в этот ебучий «Клуб докеров», но я решил сделать им одолжение, чтобы они хоть чуть-чуть отдохнули. Мама с папой редко

пропускали субботний вечер в клубе.

Я смущённо бреду по Грейт-Джанкшн-стрит, а старик не спускает с меня глаз, боясь, как бы я не включил ноги. На Лейт-уок я случайно встречаю Мэлли, и мы перебрасываемся парой слов. Тут вмешивается старик и отводит меня в сторону, окидывая Мэлли таким взглядом, словно собрался переломать этому злобному пушеру ноги. Бедняга Мэлли, он даже травки не курит. Ллойд Битти, который когда-то был моим хорошим другом, пока все не узнали, что он трахает родную сестру, робко кивает мне.

В клубе люди встречают широкими улыбками моих стариков и натянутыми — меня. Пока мы садимся за столик, я замечаю шёпот и кивки, вслед за которыми воцаряется молчание. Папик хлопает меня по спине и подмигивает, а мама улыбается мне душераздирающе-нежной и удушающе-любящей улыбкой. Нет, они, конечно, неплохие старички. По правде сказать, я до опизденения люблю этих ублюдков.

Я думаю о том, каково им было, когда я стал тем, кем я есть. Стыдно, блядь. Но всё равно, я тут, с ними. А вот бедняжка Лесли никогда не увидит малютку Доун взрослой. Лес с Дохлым просто перепихнулись, и вот теперь, говорят, Лесли лежит в Южной общей, в Глазго, на искусственном поддержании жизни. Парацетамол, все дела. Она убежала в Глазго от мурхаусских торчков, но, в конце концов, стусовалась с Поссилом, Скрилом и Гарбо. От себя не убежишь. Наилучший выход для Лес — харакири.

Свонни был, как всегда, проницателен:

— В наши дни самый лучший продукт достаётся ёбаным «уиджи». Они сидят на чистой фармацевтике, а нам остаётся хавать всякий мусор, который попадается под руки. Эти суки переводят классный продукт, большинство из них даже не колется. Курить или нюхать дрянь — это же ёбаный перевод продукта, — шипел он презрительно. — А эта ёбаная Лесли. Она должна была наводить Белого лебедя на товар. Она хоть пальцем о палец ударила? Нет. Сидела и жалела себя из-за бэбика. И не стыдно ей. Пойми меня правильно. Всё дело в возможностях. Освобождение от обязанностей матери-одиночки. Мне кажется, она воспользовалась этим, чтобы расправить крылышки.

Освобождение от обязанностей. Классно звучит. Как бы мне хотелось освободиться от обязанности сидеть в этом ебучем клубе.

К нам подсаживается Джокки Линтон. Джоккин фейс имеет форму яйца, положенного набок. У него густые, чёрные с проседью волосы. Он одет в голубую рубашку с короткими рукавами. На одной руке наколка «Джокки и Элейн — любовь до гроба», а на другой — «Шотландия» и Вздыбленный лев. Увы, любовь прошла, завяли помидоры: Элейн давным-давно его бросила. Джокки живёт сейчас с Маргарет, которая терпеть не может эту наколку, но всякий раз, когда Джокки идёт перекрывать её новой, он нажирается под предлогом того, что боится, мол, заразиться ВИЧем через иглу. Всё это, конечно, брехня и отговорки, просто он до сих пор сохнет по Элейн. Я хорошо помню, как Джокки пел на вечеринах. Обычно он затягивал «Милого Боже» Джорджа Харрисона, это был его коронный номер. Джокки так и не выучил слова песни. Он знал только название и «я хочу узреть Тебя, Боже», а дальше — только та-та-та-та-та-та-та.

— Дэй-ви. Кэй-ти. Чу-дес-но-вы-гля-дишь-ку-кол-ка. Сле-ди-во-ба-Рен-тон-а-не-то-я-сбе-гу-сней! Ста-рый-ты-пьян-чуж-ка! — выстреливает Джокки по слогам, как автомат Калашникова.

Старушка строит из себя скромницу, меня тошнит от этого. Я прячусь за кружкой «лагера» и впервые в жизни наслаждаюсь абсолютной тишиной, которой требует игра в клубе бинго. Привычное раздражение тем, что за каждым твоим словом следят какие-то придурки, уступает место ощущению полнейшего блаженства.

У меня получился «дом», но я не хочу говорить об этом, не хочу привлекать к себе внимания. Но, видимо, сама судьба (в лице Джокки) решила пренебречь моим стремлением к анонимности. Этот мудак

засёк мою карточку.

— ДОМ! У-те-бяж-дом-Марк. У-не-го-дом. ВОТ! Че-гож-ты-не-кри-чишь? Да-вай-сы-нок. Не-спи-блядь.

Я ласково улыбаюсь Джокки, в душе желая этой любопытной скотине немедленной насильственной смерти.

Мой «лагер» похож на содержимое забившегося толчка, пропущенное через СО2. После первого же глотка у меня хватает желудок. Папик хлопает меня по спине. Я не могу допить своё пиво, а Джокки со стариком опрокидывают кружку за кружкой. Заходит Маргарет, и вскоре они со старушкой здорово накачиваются водкой с тоником и «карлсберг-спешл». Начинает играть оркестр, и я радуюсь тому, что можно отдохнуть от разговоров.

Мама с папиком встают и танцуют под «Султанов свинга».

— Мне нравится «Дайр Стрейтс», — отмечает Маргарет. — Они поют для молодёжи, но это музыка для всех возрастов.

Меня так и подмывает решительно опровергнуть это идиотское утверждение. Но, в конце концов, я довольствуюсь беседой о футболе с Джокки.

— Рокс-бургу по-ра на-пен-си-ю. Это-са-ма-я-пло-ха-я-шот-ланд-ска-я-ко-ман-да-ко-то-ру-ю-я-зна-ю, — заявляет Джокки, выпячивая подбородок.

— Он не виноват. Какой у тебя член — так ты и ссышь. Кто там ещё, кроме него?

— Так-то-о-но-так… но-вот-ес-либ-он-по-ста-вил-вна-па-де-ни-и-сын-ка-Джо-на-Ро-бер-та. Он-э-то-за-слу-жил. Са-мый-класс-ный-фор-вард-фШот-лан-ди-и.

Мы продолжаем наш ритуальный спор, во время которого я пытаюсь проявить хоть какое-то подобие интереса, чтобы вдохнуть в него жизнь, но мне это катастрофически не удаётся.

Я замечаю, что Джокки с Маргарет поручили следить за тем, чтобы я никуда не улизнул. Они танцуют посменно и никогда — все вчетвером. Джокки с моей мамой — под «Странника», Маргарет с папиком — под «Джолин», потом мама опять с папиком — под «Вниз по реке» и Маргарет с Джокки — под «Последний танец за мной».

Когда жирный певец затягивает «Печальную песню», старушка тащит меня на танцплощадку, как тряпичную куклу. Мама важно танцует, а я смущённо дёргаюсь, обливаясь потом. Я чувствую себя ещё более униженным, когда до меня доходит, что эти мудаки лабают попурри из Нила Даймонда. Я вынужден плясать под «Голубые джинсы навсегда», «Любовь на скалах» и «Прекрасный звук». Когда звучит «Дорогая Каролина», я еле держусь на ногах. А старушка заставляет меня подражать остальным ублюдкам, которые машут руками в воздухе и поют:

— РУУУКИ… КАСАЮТСЯ РУУКИ… ТЯНУТСЯ РУУКИ… КАСАЯСЬ ТЕБЯЯЯ… КАСАЯСЬ МЕНЯЯЯ…

Я оглядываюсь на наш столик: Джокки чувствует себя, как рыба в воде, этакий лейтский Эл Джонсон.

За этой пыткой следует другая. Старушка суёт мне десятку и говорит, чтобы я взял ещё по одной. Видимо, сегодня на повестке дня развитие навыков общения и воспитание уверенности в себе. Я беру поднос и становлюсь в очередь у стойки. Перевожу взгляд на дверь, нащупывая хрустящую банкноту. Хватило бы на пару крупиц. Я мог бы за полчаса смотаться к Сикеру или Джонни Свону — Матери-Настоятельнице, чтобы выбраться из этого кошмара. Потом я замечаю, что у выхода стоит старик и смотрит на меня, как вышибала — на потенциального хулигана. Только он обязан не вышвыривать меня, а не выпускать.

Бред какой-то.

Я возвращаюсь в очередь и вижу эту девицу, Трисию Маккинли, с которой я вместе учился в школе. Мне не хочется ни с кем разговаривать, но деваться некуда — она узнала меня и улыбнулась.

— Привет, Трисия.

— О, привет, Марк. Давно не виделись. Как ты?

— Нормально. А ты?

— Сам видишь. Это Джерри. Джерри, это Марк, мы с ним учились в одном классе. Как давно это было, да?

Она знакомит меня с угрюмым, потным урелом, который что-то ворчит в мою сторону. Я киваю.

— Да, давно.

— Ты видишься с Саймоном? — Все тётки спрашивают про Саймона. Меня мутит от этого.

— Да. Недавно забегал ко мне. Скоро уезжает в Париж. Потом на Корсику.

Трисия улыбается, а урел неодобрительно следит за мной. У чувака такое лицо, будто он не одобряет весь мир в целом и готов сию же минуту сцепиться с ним. Уверен, что он один из «сазерлендцев». Трисия могла бы найти себе парня и получше. В школе она нравилась многим пацанам. Я увивался вокруг неё, надеясь, что остальные подумают, будто я с ней встречаюсь, надеясь, что я действительно начну с ней встречаться, как бы «по инерции». Я даже сам поверил в эту свою сказку и получил увесистую оплеуху, когда попробовал залезть к ней под блузку на заброшенных железнодорожных путях. Но Дохлый всё-таки её трахнул, сука.

— Наш Саймон нигде не пропадёт, — говорит она с мечтательной улыбкой.

Папаша Саймон.

— Конечно, не пропадёт. Половой гигант, сутенёр, наркоделец, вымогатель. Вот кто такой наш Саймон, — я удивился собственной злобе. Дохлый был моим лучшим другом, Дохлый и Картошка… ну, может, ещё Томми. Зачем я выставляю его в таком невыгодном свете? Неужели только из-за того, что он пренебрёг своими родительскими обязанностями или, вернее, не признал себя отцом? Скорее всего, я просто завидую этому чуваку. А ему на это плевать. Невозможно обидеть того, кому на всё наплевать. Никогда.

Не знаю, почему, но это очень расстроило Трисию:

— Э… ладно, хорошо, э, пока, Марк.

Они быстро ушли: Трисия с подносом в руках, а сазерлендский урел (как я его мысленно окрестил) — оглядываясь на меня и чуть ли не сдирая костяшками лак с танцпола.

Зря я, конечно, прогнал на Дохлого. Просто меня достало, что этот чувак вечно выходит сухим из воды, а меня рисуют самым последним негодяем. Возможно, мне просто так кажется. У Дохлого тоже есть свои напряги, он тоже чувствует боль. И врагов у него, наверно, ещё больше, чем у меня. Хотя, в принципе, один хуй.

Я подношу выпивку к столику.

— Всё нормально, сынок? — спрашивает мама.

— Супер, ма, супер, — говорю я, пытаясь подражать голосу Джимми Кэгни, но у меня это абсолютно не выходит; у меня ничего не выходит. Но что такое неудача или успех? Кого они ебут? Все мы живём и в течение короткого промежутка времени умираем. Вот и всё: пиздец.

В последний путь

Чудный денёк. Это означает:

Сосредоточься. На предстоящем деле. Мои первые похороны. Кто-то говорит:

— Давай, Марк, — тихий голос. Я выхожу вперёд и хватаюсь за верёвку.

Я помогаю папику и двум своим дядьям, Чарли и Дуги, предать останки своего брата земле. Армия выделила башки на похороны. «Предоставьте это нам», — сказал маме сладкоголосый армейский офицер. Предоставьте это нам.

Да, это первые похороны в моей жизни. В наше время покойников обычно кремируют. Интересно, что там в гробу. Наверняка, от Билли почти ничего не осталось. Я перевожу взгляд на маму и Шерон, Биллину чувиху, которых утешает полный ассортимент тётушек. Тут же стоят Ленни, Писбо и Нац, Биллины кореша, вместе с несколькими армейскими дружками.

Малыш Билли, Малыш Билли. На кого ты нас. Что мы без тебя

У меня в голове крутится та старая песенка «Уокер Бразерс»: «Ни сожалений, ни слёз, прощай, не возвращайся обратно» и т. д. и т. п.

Я не чувствую угрызений совести, а только злобу и презрение. Меня вывел из себя ёбаный британский флаг на крышке гроба и вкрадчивый, никчёмный офицеришка, который из кожи вон лез, пытаясь умаслить мою матушку. А тут ещё понаехало это мудачьё из Глазго, со стороны старика. Начали пороть всякую чушь о том, что он погиб во имя своей страны, и прочую подобострастную «гуннскую» пургу. Билли был просто-напросто дураком. Не героем, не мучеником, а обыкновенным дебилом.

Меня одолевает хохот. Я еле сдерживаю себя. Когда я начинаю истерически хихикать, брат папика Чарли хватает меня за руку. Он смотрит на меня враждебно, впрочем, он всегда так на меня смотрит. Эффи, его жена, отталкивает этого мудака в сторону, говоря:

— Мальчик расстроен. Просто у него такая манера, Птенчик. Мальчик расстроен.

Подмойте себе жопу, ёбаные мыловары!

Малыш Билли. Так эти суки называли его в детстве. «Как дела, Малыш Билли?» А на меня, прятавшегося за кушеткой, недовольно ворчали: «А, это ты».

Малыш Билли, Малыш Билли. Помню, как ты уселся на меня сверху. Придавив меня к полу. Горло шириной с соломинку. Кислород покидал мои лёгкие и мозг, а я молил бога, чтобы мама поскорее вернулась из «Престос», пока ты не выдавил жизнь из моего тщедушного тельца. Запах мочи от твоих гениталий, влажное пятно на шортах. Это действительно так возбуждало тебя, Малыш Билли? Надо полагать. Я больше не сержусь на тебя за это. У тебя всегда были проблемы в этой сфере: неожиданные выделения кала и мочи, доводившие мать до безумия. «Кто самая лучшая команда?» — спрашивал ты меня, ещё сильнее надавливая, пиная или выкручивая. И мучил меня до тех пор, пока я не отвечал тебе: «Сердца». Даже когда на Новый год в Тайнкасле вы продули нам 7:0, ты всё равно заставлял меня говорить: «Сердца». Наверно, мне можно было гордиться тем, что одно моё слово имело больший вес, чем результат самой игры.

Мой любимый братец служил Её Величеству и нёс патрульную службу близ ихней базы в Кроссмэглене, там, в Ирландии, на британской территории. Они вышли из машины, чтобы осмотреть дорогу, как вдруг ТРАХ! БАХ! ТАРАРАХ!, и их нету. Ему оставалось три недели до дембеля.

Когда говорят, что он погиб, как герой, я вспоминаю ту песенку: «Билли, не будь героем». На самом деле, он погиб, как чёртов хрен в форме, шагавший по деревенской дороге с винтовкой в руке. Он пал невежественной жертвой империализма, прекрасно зная о тысячах обстоятельств, приведших к его смерти. Это было самое тяжкое преступление — он прекрасно знал обо всём. Его подтолкнули к этой колоссальной ирландской авантюре, закончившейся его же смертью, несколько неясно сформулированных клановых представлений. Чувак умер, как жил: в полном опизденении.

Его смерть пошла мне на пользу. Его показали в «Вечерних новостях». Перефразируя Уорхола, у чувака было пятнадцать минут посмертной славы. Люди соболезновали мне, и хотя они обращались не по адресу, всё равно это было приятно. Нельзя разочаровывать людей.

Какой— то мудак из верхов, помощник министра или что-то типа того, сказал своим оксбриджским голоском, что Билли был храбрым молодым человеком. Но если бы он оставался на гражданке, а не служил Её Величеству, они бы первыми заклеймили его как подлого головореза. Эта ёбаная жертва аборта пообещала, что его убийцы будут безжалостно наказаны. Не мешало бы. Наказать бы хоть этих ублюдков из обеих палат парламента.

Наслаждаться маленькими победами над этой белой швалью, служащей орудием богачей о нет нет нет

Над Билли измывались «Сазерлендские братья» и их тусовка: он трясся, на хер, от злости, когда они плясали вокруг него и пели: «ТВОЙ БРАТ — КАЛИЧ». Это был один из самых крутых лейтских уличных хитов 70-х, который исполнялся обычно после того, как уставшие ноги больше не могли играть в футбол двадцать два на двадцать два. Они имели в виду Дэви или, может, меня? Какая разница. Они не видели, как я смотрю на них с моста. Билли, Билли, ты стоял, свесив голову. Бессилие. Каково тебе сейчас, Малыш Билли? Неважно. Я знаю, почему

На кладбище стрёмно. Где-то поблизости Картошка, он не колется, недавно выпустили из Сафтона. Томми, и все дела. Шизня какая-то, у Картошки здоровый вид, а Томми — как с креста снятый. Полностью поменялись ролями. Пришёл Дэви Митчелл, большой друг Томми, когда-то давно мы были учениками мастера. Дэви заразился ВИЧем от своей подружки. Смелый чувак. Вот это настоящая смелость, бля. Бегби укатил в отпуск в Бенидорм как раз в тот момент, когда я мог бы воспользоваться его зловредностью и способностью устраивать беспредел. А ведь я мог бы заручиться его аморальной поддержкой в борьбе со своими зажравшимися родственничками. Дохлый до сих пор во Франции, претворяет в жизнь свои фантазии.

Малыш Билли. Помню, как мы жили в одной комнате. Как я мог столько лет, блядь

У солнца есть власть. Можно понять, почему люди ему поклоняются. Оно вон там, мы знаем, что это солнце, мы видим его и нуждаемся в нём.

Ты получал эту комнату по первому требованию, Билли. Ведь ты был старше меня на пятнадцать месяцев. Право сильного. Ты приводил каких-то тощих чувих с похотливыми глазками и жвачкой во рту и ебал их или просто зажимался с ними. Они смотрели на меня с презрением роботов, когда ты выгонял меня, кто бы ко мне ни пришёл, с моим «Саббатео» в коридор. Я хорошо помню, как ты ни за что ни про что раздавил ногами одного ливерпульского и двух шеффилдских игроков. В этом не было необходимости, но абсолютная власть нуждается в символах, не так ли, Билли?

Моя кузина Нина кажется совсем задёрганной. У неё длинные тёмные волосы, и она носит чёрное пальто до пят. Косит под «готов». Заметив нескольких армейских дружков Билли и своих дядьёв, я ловлю себя на том, что насвистываю «Туманную росу». Один салага с большими, выступающими вперёд зубами смотрит на меня сначала с удивлением, а потом со злобой, и я посылаю ему воздушный поцелуй. Он

пялится на меня какое-то время, а потом отворачивается. Классно. Сезон охоты на кволиков.

Малыш Билли, я был твоим вторым братом-каличем, который «ни разу не трахался», как ты говорил своему корифану Ленни. А Ленни хохотал и хохотал, пока у него не начинался приступ астмы. Ты ни в чём не виноват, Билли, о нет, ёбаный межеумок

Я непристойно подмигиваю Нине, и она смущённо улыбается. Папик замечает это и подскакивает ко мне:

— Ещё один раз увижу, и ты у меня схлопочешь, понял?

У него уставшие глаза, глубоко сидящие в глазницах. Я ещё никогда не видел его таким грустным, беспокойным и ранимым. Я хотел так много сказать ему, но разозлился из-за того, что он устроил весь этот цирк.

— Поговорим дома, отец. Я пошёл к маме.

Хер знает когда подслушанный разговор на кухне. Папик:

— С мальчиком что-то не так, Кейти. Всё время сидит дома. Это неестественно. Я хочу сказать, взгляни на Билли.

Мама отвечает:

— Просто он не такой, Дэви, вот и всё.

Не такой, как Билли. Как Малыш Билли. Я узнаю его не по его голосу, а по его молчанию. Когда он придёт за тобой, он не будет кричать о своих намерениях, но он придёт. Привет, привет. До свидания.

Я подвожу Томми, Картошку и Митча. В дом их не приглашают. И они быстро уходят. Я вижу, как сестра Айрин и невестка Алиса помогают моей обезумевшей от горя старушке выйти из такси. Глазгоские тётушки кудахчут у меня за спиной, я слышу их ужасный акцент: довольно мерзкий в мужских устах и просто отвратный — в женских. Эти старые калоши с кувшинными рылами чувствуют себя неловко. Наверно, им больше по душе похороны пожилых родственников, на которых раздают конфеты.

Матушка хватает за руку Шерон, Биллину чувиху, у которой живот свисает до колен. Какого хуя люди хватают друг друга за руки на похоронах?

— За ним ты была бы, как за каменной стеной, голубушка. Ему как раз такая и нужна была, — она пыталась убедить в этом не столько Шерон, сколько саму себя. Бедная мама. Два года назад у неё было три сына, а сейчас один, да и тот нарик. Так нечестно.

— Вам не кажется, что армия должна выплатить мне компенсацию? — я слышу, как Шерон спрашивает у моей тётки Эффи, когда мы входим в дом. — Я ношу его ребёнка… это ребёнок Билли… — умоляет она.

— А вам не кажется, что луна сделана из зелёного сыра? — спрашиваю я.

К счастью, все настолько погружены в себя, что не обращают внимания на мои слова.

Как Билли. Он перестал меня замечать, когда я превратился в невидимку.

Билли, моё презрение к тебе росло с годами. Оно вытеснило даже страх, выдавило его, как гной из прыща. Но, конечно, есть одно лезвие. Великий уравнитель, сводящий на нет физические преимущества; на втором курсе Эк Уилсон испытал его на собственной шкуре. Когда прошёл шок, ты полюбил меня за это. Впервые полюбил и зауважал, как брата. Но я стал презирать тебя ещё больше.

Ты знал, что твоя сила стала излишней, с тех пор как я нашёл для себя лезвие. Ты знал об этом, вонючий говнюк. Лезвие и бомбу. Это всё равно, что сказать: «Нет». Нет, ёбаная бомба. Нет

Моё смущение и неловкость растут. Гости наполняют бокалы и говорят, каким классным чуваком был Билли. Я не могу сказать о нём ничего хорошего и поэтому помалкиваю. Тут, как назло, ко мне подсаживается один его армейский дружок — тот поц с зубами, как у кролика, которому я послал воздушный поцелуй.

— Ты был его братом, — говорит он, свесив свои клыки для просушки.

Я должен был догадаться. Ещё один оранжевый глазгоский расист. Не мудрено, что он спелся с родственниками со стороны папика. Он сдал меня с потрохами. Все гости уставились на меня. Какой пвативный кволик.

— Какой ты догадливый, — подшучиваю я. Я чувствую, как во мне поднимается злость на самого себя. Я должен подыгрывать толпе.

Мне известен единственный способ задеть их за живое, не слишком уступая тошнотворному лицемерию, ошибочно принимаемому за приличия, которое царит в этой комнате, — нужно следовать штампам. В такие минуты они нравятся людям, потому что становятся реальными и действительно приобретают какой-то смысл.

— У нас с Билли было не так уж много общего…

— И да здравствуют различия!… — провозгласил Кенни, мой дядя со стороны матери, старающийся всем угодить.

— …но нас объединяла одна вещь: мы оба любили классную выпивку и веселье. Если бы он сейчас увидел, что мы тут сидим тихонько, как мышки, то расхохотался бы нам в лицо. Он сказал бы нам: веселитесь же, ей-богу! Вот мои друзья и моя семья. Мы не виделись сто лет.

Обмен открытками:

Билли!

Счастливого Рождества и с Новым годом

(кроме 1— го января между 3.00 до 4.40),

Марк.

Марк!

Счастливого Рождества и с Новым годом,

Билли

ХМФК ОК

Билли!

С днём рождения,

Марк.

Потом от Билли и Шерон:

Марк!

С днём рождения,

Билли и Шерон.

Почерком Шерон, который похож

Глазгоская белая шваль, то есть семья моего папика, приезжала каждый год в июле на марш оранжевых и от случая к случаю — на матчи «Рейнджерсов» в «Истер-роуде» или «Тайнкасле». Лучше бы эти суки оставались в Драмчэпеле. Впрочем, все они довольно благосклонно восприняли мою маленькую трогательную речь в память о Билли и торжественно закивали. Все, за исключением Чарли, который понял моё подлинное настроение.

— Тебя это напрягает, племяш?

— По правде говоря, да.

— Я тебе сочувствую, — он покачал головой.

— Не стоит, — сказал я ему. Он ушёл, продолжая качать головой.

Полилось «макэванс-экспорт» и виски. Тётушка Эффи запела: гнусавое деревенское вытьё. Я пересел к Нине.

— А ты расцвела, зайка, знаешь об этом? — спьяну я сделал ей комплимент. Она посмотрела на меня так, будто уже не раз об этом слышала. Я решил предложить ей слинять в «Фоксис» или ко мне на флэт на Монтгомери-стрит. Закон запрещает трахать своих кузин? Вполне возможно. Мало ли чего он там ещё запрещает.

— Жалко Билли, — говорит Нина. Ручаюсь, она считает меня круглым идиотом. И она совершенно права. Я тоже считал всех чуваков, достигший двадцати, полными дебилами, о которых даже не стоит говорить, пока мне самому не исполнилось двадцать. Но я всё больше убеждаюсь в том, что тогда я был прав. После двадцати жизнь постепенно превращается в безобразный компромисс, в трусливую капитуляцию — и так до самой смерти.

К несчастью, Чарли, или Птенчик-чики-чики-чик-чик, уловил сомнительный смысл нашего разговора и поспешил на защиту Нининой добродетели. Хотя она и не нуждается в помощи этого жирного мыловара.

Ублюдок жестом приглашает меня отойти в сторонку. Когда я не обращаю на это внимания, он берёт меня за руку. Он уже здорово набрался. Он громко шепчет, дыша на меня перегаром:

— Слышь, племяш, если ты не перестанешь, блядь, паясничать, то я заеду тебе в рыло. Если б тут не было твоего отца, я бы давным-давно это сделал. Ты не нравишься мне, племяш. И никогда не нравился. Твой брат был в десять раз лучше тебя, ёбаный ты нарик. Если б ты только знал, сколько горя ты причинил своим родителям…

— Вот как ты заговорил, — обрываю я его. Моё сердце бешено стучит от злости, но я сдерживаю себя, с радостью сознавая, что вывел этого мудака из себя. Соблюдай хладнокровие. Это единственный способ объебать лицемерного ублюдка.

— Я с тобой ещё не говорил, хитрожопый мистер Университет. Да я тебя по стенке, на хуй, размажу. — Его огромный, изукрашенный татуировками кулак проносится в нескольких дюймах от моего лица. Я крепко сжимаю в руках свой бокал для виски. Пускай только этот поц дотронется до меня своими вонючими маслами. Пусть только пошевельнётся, и я звездану его этим бокалом.

Я оттолкнул его поднятую руку.

— Ударь меня — сделай одолжение. Потом я растрезвоню об этом всему свету. Мы, оторванные хитрожопые университетские нарики, — очень стрёмные чуваки. Ты получишь по заслугам, ебучая шваль. И ещё немножко в придачу. Если хочешь выйти на улицу, только скажи, блядь.

Я показал на дверь. Мне показалось, что комната уменьшилась до размеров Биллиного гроба и в ней остались только я и Птенчик. Но были и другие люди. Они оборачивались на нас.

Он легко толкнул меня в грудь.

— У нас сегодня похороны, нам не надо вторых.

Подошёл дядя Кенни и отвёл меня в сторону.

— Не обращай внимания на этих оранжевых убдюдков, Марк. Подумай о матери. Если ты встрянешь в драку на похоронах Билли, это её доконает. Не забывай, где ты находишься, мать твою.

Кенни был прав, хотя, честно говоря, он был порядочной скотиной, но лучше уж всем поддакивать, чем быть мыловаром. В конце концов, мне приходилось выбирать между двумя партиями: поддакивающими папистскими ублюдками со стороны матери и оранжевыми мыловарами со стороны отца.

Я глотнул виски, наслаждаясь его мерзким вкусом, обжигающим глотку и грудь, и поморщился от тошноты, когда оно дошло до желудка. Я направился в туалет.

Оттуда вышла Шерон, Биллина чувиха. Я преградил ей дорогу. Мы с Шерон обменялись, может быть, парой-тройкой фраз за всю жизнь. Она была пьяная и слабо соображала, её лицо покраснело и распухло от алкоголя и беременности.

— Стой, Шерон. Нам надо кой о чём поговорить, это самое. Тут нас никто не услышит, — я завёл её в туалет и закрыл за собой дверь.

Я начал её лапать и одновременно пиздеть о том, что сейчас нам надо держаться друг за друга. Я ощупывал её живот и продолжал грузить об огромной ответственности, которую я испытываю по отношению к своей нерождённой племяннице или племяннику. Мы стали лизаться, я опустил руку и сквозь хлопчатобумажное платье для беременных нащупал её трусы. Вскоре я уже гладил ей пизду, а она вытащила мой хуй из штанов. Я тележил о том, что всегда восхищался ею как человеком и как женщиной, о чём можно было и не говорить, потому что она и так уже встала на колени, но мне всё равно было приятно об этом сказать. Она взяла в рот мой поршень, и он быстро напрягся. Отсасывает она классно, спору нет. Я представил, как она делала это моему брату, и мне стало интересно, что осталось от его хуя после взрыва.

«Если б только Билли мог нас сейчас видеть», — подумал я с удивительным почтением к покойному. Я надеялся, что он нас видит. Это была моя первая добрая мысль о брате. Я почувствовал, что вот-вот кончу и вытащил, а потом поставил Шерон раком. Я задрал ей подол и снял с неё трусы. Её тяжёлое пузо повисло над полом. Сначала я попробовал засунуть ей в сраку, но она оказалась слишком тугой и головке было больно.

— Не туда, не туда, — сказала она, и я перестал возиться и кончил, а потом залез пальцами к ней в пизду. От неё сильно пахло плющом. А мой хуй ужасно вонял, и на головке виднелись пятна смегмы. Я никогда особо не увлекался личной гигиеной; вернее, не я, а мыловар, или торчок, сидящий во мне.

Я пошёл навстречу пожеланиям Шерон и начал ебать её в пизду. Как говорится, хуй болтался, будто сосиска в колодце, но я приноровился, а она сжалась. Я думал о том, что она на сносях, а я глубоко проникаю в неё, и представлял себе, что попадаю прямо в рот зародышу. Такой вот прикол: ебля и минет одновременно. Мне стало не по себе. Говорят, что ебля полезна для нерождённого младенца, улучшает кровообращение, и всё такое. Но сейчас меня меньше всего волновало здоровье бэбика.

Стук в дверь, за ним гнусавый голос Эффи:

— Чем вы там занимаетесь?

— Всё нормально, Шерон стало плохо. Она немного перебрала, — простонал я.

— Ты за ней поухаживаешь, племяш?

— Угу… поухаживаю… — ответил я, задыхаясь. Стоны Шерон становились всё громче.

— Ну, хорошо.

Я обвафлился и вытащил. Нежно перевернул её навзничь и вытащил из-под платья её огромные, налитые молоком дойки. Я зарылся в них, как младенец. Она начала гладить меня по голове. Мне было так хорошо, так спокойно на душе.

— Пиздато было, — вздохнул я удовлетворённо.

— Мы будем теперь встречаться? — спросила она. — А? — В её голосе звучали отчаяние и мольба. Ох, и сучка.

Я сел и поцеловал её в щёку; её лицо было похоже на раздувшийся, перезрелый плод. Я боялся, что вырублюсь. По правде, Шерон вызывала у меня сейчас отвращение. Эта сучка думала, что стоит ей один разок перепихнуться, и она обменяет одного брата на другого. Всё дело в том, что она была не так уж далека от истины.

— Нам надо встать, Шерон, помыться, и всё такое. Если они нас застукают, то они ничего не поймут. Они же ни фига не знают. Я знаю, что ты классная девица, Шерон, но они же ни хуя не понимают.

— Я знаю, что ты хороший парень, — поддержала она меня, хотя довольно неубедительно. Конечно, она была слишком хороша для Билли, но Майра Хиндли или Маргарет Тэтчер тоже были слишком хороши для Билли. Она попала в этот говённый расклад «мужик-бэбик-дом», который с детства вдалбливают девицам в головы, и у неё не было ни малейшей возможности вырваться из этой тупорылой схемы.

В дверь опять постучали.

— Если вы щас не откроете, я выломаю дверь, — это был Кэмми, сынок Чарли. Ёбаный молодой полицейский, похожий на Кубок Шотландии: большие уши в форме ручек кувшина, срезанный подбородок, тощая шея. Этот мудак, наверно, решил, что я двигаюсь. И я действительно двигался, но в не в том смысле, в котором он думал.

— У меня всё нормально… мы сейчас выйдем, — Шерон вытерлась, натянула трусы и привела всё в порядок. Я был поражён скоростью, с которой двигалась эта тяжёлая беременная баба. Даже не верилось, что я её только что выебал. Утром мне будет стыдно вспоминать об этом, но, как говорил Дохлый, пусть утро само позаботится о себе. И в мире нет такого чувства стыда, которое нельзя было бы загладить парой слов и парой рюмок.

Я открыл дверь:

— Спокуха, Диксон из Док-Грина. Ты чё, никогда не видел леди с брюхом? — Его застывшее лицо и отвисшая челюсть вызывают у меня мгновенное презрение.

Меня не приколола эта энергетика, и я забрал Шерон к себе на флэт. Мы просто болтали. Она рассказала мне кучу вещей, которые я хотел услышать и о которых мои папики знать не знали, да и знать не хотели. Каким гадом был Билли. Как он бил её, унижал и вообще обращался с ней, как с вонючим куском дерьма.

— Почему же ты не ушла от него?

— Он был моим парнем. Всегда надеешься, что он изменит своё отношение.

Я понимал её. Но она ошибалась. Он мог поменять своё отношение только к «прово», но они были такими же гадами, как и он сам. Я не питаю никаких иллюзий по поводу этих «борцов за свободу». Эти сволочи превратили моего брата в груду кошачьей еды. Но они просто нажали на выключатель. В его смерти виноваты эти оранжевые суки, которые приезжают в июле со своими лентами и флейтами. Это они набили тупую головёнку Билли всей этой ерундой насчёт короны и страны и прочим дерьмом. Они вернутся домой на взводе. Они расскажут всем своим друганам, как погиб один из членов их братства, защищавший Ольстер и убитый ИРА. Это разожжёт их бесмысленный гнев, они выпьют за него в кабаке, и новые доверчивые поцы вступят в их дебильные ряды.

«Я не позволю, чтобы всякие суки доёбывались к моему брату». Это были слова Малыша Билли, которые он сказал Попсу Грэхэму и Дуги Худу, когда они зашли в бар, чтобы отметелить меня и забрать деньги за наркоту. Биллины слова. О, да. Произнесённые ясно и уверенно: больше, чем угроза. Мои обидчики переглянулись и по-тихоньку слиняли из бара. Я захихикал. Картошка тоже. Мы были под кайфом, и нам было на всё насрать. Малыш Билли с ухмылкой сказал мне что-то типа: «Ёбаный говнюк» и вернулся к своим корешам, которых расстроило то, что Попс и Дуги съебали, лишив их повода для пизделки. Я продолжал хихикать. Спасибо, чуваки, это было

Малыш Билли сказал мне, что я перевожу свою жизнь на это говно. Он говорил мне это миллионы раз. Это было настоящее

Блядь. Блядь. Блядь. О чём это я. Ах, Билли. Ёбать-копать. Я не

Шерон была права. Людей трудно переделать.

Но каждой идее нужны свои мученики. И теперь я хочу, чтобы она поскорее съебалась, а я смог добраться до своей нычки, сварить себе дозняк и вмазаться во имя забвения.

Торчковая дилемма № 67

Лишения — вещь относительная. Каждую секунду дети мрут от голода, как мухи. И то обстоятельство, что это происходит где-то в другом месте, вовсе не опровергает эту фундаментальную истину. За то время, пока я измельчу колёса, сварю их и впрысну в себя, в других странах умрут тысячи детей (и может, ещё несколько в моей собственной). За то время, пока я это сделаю, тысячи богатых ублюдков станут богаче на тысячи фунтов стерлингов, по мере созревания их инвестиций.

Измельчать колёса — какой идиотизм! Нужно было перепоручить эту работу желудку. Мозги и вены — слишком деликатные органы, они не хавают эту фигню в сыром виде.

Как Деннис Росс.

Деннис поймал ураганный приход от виски, которое он впрыснул себе в вену. Потом у него глаза вылезли из орбит, носом пошла кровь, и Денни капец. Когда у тебя из носа таким напором хлещет кровянка… можно сушить сухари. Торчковый мачизм… не-а. Торчковая нужда.

Мне очень страшно, я наложил себе в штаны, но тот я, который наложил себе в штаны, отличается от того меня, который измельчает колёса. Тот я, который измельчает колёса, говорит, что смерть ничем не хуже, чем эта неспособность остановить последовательную деградацию. Этот я всегда побеждает в споре.

Не существует никаких торчковых дилемм. Они появляются, когда тебя отпускает.

На чужбине

Лондонские скитания

Попал. Куда они, на хер, делись? Сам виноват, козёл. Надо было позвонить и сказать, что приезжаю. Хотел сделать сюрприз. Самому себе. Ни одного мудака. У чёрной двери такой холодный, суровый и мертвенный вид, словно бы они уехали давным-давно и вернутся очень нескоро, если вообще когда-нибудь вернутся. Заглянул в щель почтового ящика, но не смог рассмотреть, есть ли на дне какие-нибудь письма.

От досады стукнул ногой в дверь. Соседка по площадке, помню эту брюзгливую стерву, открыла дверь и высунула голову. Смотрит на меня вопросительно. Я не обращаю внимания.

— Их нет дома. Не было пару дней, — говорит она, с подозрением рассматривая мою спортивную сумку, как будто там спрятана взрывчатка.

— Замечательно, — угрюмо бормочу я, в раздражении запрокидывая голову к потолку и надеясь, что это показное отчаяние вынудит её сказать что-нибудь типа: «А я вас знаю. Вы здесь останавливались. Наверное, измучились в дороге, ехали, поди, из самой Шотландии. Заходите, выпьете крепкого чайку и подождёте своих друзей».

Но она говорит только:

— Не-ет… их не было видно дня два, а то и больше.

Сука. Блядство. Ублюдок. Дерьмо.

Они могут быть где угодно. Их вообще может нигде не быть. Они могут вернуться с минуты на минуту. Они могут не вернуться никогда.

Я иду по Хаммерсмит-Бродвей. Несмотря на моё всего лишь трёхмесячное отсутствие, Лондон кажется таким же чужим и незнакомым, какими становятся даже знакомые места, когда из них надолго уезжаешь. Всё кажется копией того, что ты знавал раньше, очень похожей, но в то же время лишённой своих привычных свойств, почти как во сне. Говорят, для того чтобы узнать город, нужно в нём пожить, но чтобы его по-настоящему увидеть, нужно приехать в него впервые. Помню, как мы с Картошкой брели по Принсис-стрит; мы оба терпеть не можем этой гнусной улицы, умерщвляемой туристами и покупателями — двумя бичами современного капитализма. Я смотрел на замок и думал, что для нас это всего-навсего здание в ряду прочих. Он засел у нас в головах точно так же, как «Бритиш Хоум Сторз» или «Вёрджин Рекордс». Мы захаживаем в эти места, когда выставляем магазины. Но когда возвращаешься на вокзал Уэйверли после небольшой отлучки, то всегда думаешь: «Ух, ты, классно!»

Сегодня вся улица кажется немного не в фокусе. Наверно, из-за недосыпания или недотарчивания.

Вывеска у кабака новая, но смысл её старый. Британия. Правь, Британия. Я никогда не чувствовал себя британцем, потому что я им не являюсь. Это уродливая, искусственная нация. Но при этом я никогда по-настоящему не чувствовал себя шотландцем. Храбрая Шотландия, жопа моя, Шотландия-засранка. Мы готовы перегрызть друг дружке горло, только бы завладеть деньжатами какого-нибудь английского аристократа. Я никогда не испытывал никаких ёбаных чувств к другим странам, кроме полного отвращения. Большинство из них нужно упразднить. Замочить всех ебучих паразитов-политиков, которые взбираются на трибуну и торжественно лгут или изрекают фашистские пошлости в костюме и с вкрадчивой улыбочкой.

В афише сказано, что сегодня в закрытом баре состоится вечерина голубых скинхедов. В таком

городе, как этот, различные культы и субкультуры дробятся и взаимно оплодотворяются. Здесь свободнее дышится, но не потому, что это Лондон, а потому, что это не Лейт. В отпуске все мы становимся кобелями и шлюхами.

В кабаке я начинаю высматривать хоть одно знакомое лицо. Интерьер и оформление этого места полностью изменились, причём к худшему. Классная паршивая забегаловка, где раньше можно было окатить пивом своих корешков и получить отсос хоть в женском, хоть в мужском туалете, теперь превратилась в пугающую, ассенизированную дыру. Несколько завсегдатаев со строгими, озадаченными лицами и в дешёвой одежонке цепляются за угол стойки, как жертвы кораблекрушения — за плавучие обломки. Яппи оглушительно гогочут. Они чувствуют себя на работе, в офисе, только с бухлом вместе телефонов. Это место предназначалось теперь для сотрудников офисов, которые постепенно захватывали Саутуарк и могли здесь пожрать в любое время дня. Дэйво и Сьюзи никогда бы не стали отвисать в таком бездушном заведении.

Но одного из барменов я, кажется, узнал.

— Сюда заходит Пол Дэвис? — спрашиваю его.

— Ты имеиш в виду Джока, таво цвитнова шызика, што играит за «Арсинал»? — смеётся он.

— Нет, такой высокий ливерпулец. Тёмные вьющиеся волосы, нос как склон для слалома. Его нельзя не заметить.

— А… да, я знаю этва шызика. Дэйва. Хадил с той чувихой, малой такой, чёрныи кароткии волсы. Не, я их уже сто лет не видал. Даж ни знаю, живут ани тут или съехли.

Я выпил пинту пенистой мочи и побазлал с чуваком о его новых клиентах.

— Большая часть этих шызикаф — даж ни нстаящии яппи, — презрительно тычет он в группу костюмов в углу. — В аснавном ёбныи клерки с блистящми задницми или кмиссанеры, каторыи плучают горстку ебучих грашей в нидзелю. Эта фсё адна видимсть, бля. Эти сучата па самыи яйцы в далгах. Расхажывыют па горду, бляць, в драгих кастюмчиках, дзелая вит, што плучают пидзисят кускоф в гот. А у бльшынства из них нет даж пицизначнва жалвнья.

Чувак был, конечно, озлоблён, но кое в чём прав. Конечно, здесь тусовалось гораздо больше всяких мажоров, чем на улице, но эти чуваки втемяшили себе в головы, что нужно делать вид, будто у тебя всё классно, и тогда у тебя на самом деле всё будет классно. И сами себя наебали. В Эдинбурге я знал сидевших на системе торчков, у которых дебет с кредитом сходился гораздо лучше, чем у некоторых здешних супружеских пар, получающих по два жалованья и перезакладывающих своё имущество. Когда-нибудь они допрыгаются. На почте скапливаются целые груды ордеров на изъятие вещей за неплатёж.

Я вернулся на флэт. Никаких следов.

Снова вышла тётка из квартиры напротив:

— Вы их не дождётесь, — голос самодовольный и здорадный. Эта старая манда — сучара самого высшего разряда. Чёрная кошка выскакивает у неё из-под ног на площадку.

— Чота, Чота! Иди сюда, маленькая негодница… — Она хватает кошку и прижимает её к груди, как ребёнка, злобно пялясь на меня, словно я могу причинить какой-либо вред этому мешочку с говном.

Терпеть не могу котов, почти так же, как собак. Я требую запретить заведение домашних животных и истребить всех собак, за исключением нескольких штук, которые можно будет выставлять в зоопарке. Это один из немногих вопросов, в котором мы с Дохлым всегда сходимся.

Суки. Где же они есть, бля?

Я спускаюсь в бар и выпиваю ещё пару кружек. Что эти ублюдки сделали с нашим заведением! Прямо душа кровью обливается. Сколько вечеров мы здесь провели. Мне кажется, вместе со старой мебелью отсюда вынесли наше прошлое.

Я рассеянно выхожу из бара и возвращаюсь обратно — на Вокзал королевы Виктории. Останавливаюсь у таксофона, вынимаю какую-то мелочь и потрёпанный лингушник. Придётся искать другую вписку. Это не так-то просто. Со Стиви и Стеллой я посрался, так что вряд ли они будут рады меня видеть. Андреас вернулся в Грецию, Кэролайн в отпуске в Испании, Тони, этот ебанутый дебил Тони стусовался с Дохлым, который вернулся из Франции в ёбаный Эдинбург. Я забыл взять у него ключи, а этот ублюдок забыл мне о них напомнить.

Чарлин Хилл. Брикстон. Высший класс. Можно будет даже потрахаться, если пойду с нужной карты. Главное — попасть в масть, вмастить… в этом вся загвоздка…

— Алло? — незнакомый женский голос.

— Привет. Могу я поговорить с Чарлин?

— Чарлин… она здесь больше не живёт. Не знаю, где она сейчас, думаю, в Стокуэлле… у меня нет адреса… постойте… МИК! МИК! У ТЕБЯ ЕСТЬ АДРЕС ЧАРЛИН?… ЧАРЛИИИН… Нет. Извините, нету.

Не мой день, блядь. Остаётся Никси.

— Нета. Нета. Брайан Никсон нета. Уехать. Уехать, — азиатский голос.

— А адресок для друга не оставил?

— Нета. Уехать. Уехать. Брайан Никсон нета.

— А где он типа вписывается?

— Шьто? Шьто? Не понимай…

— Где-о-ста-но-вил-ся-мой-друг-Брай-ан-Ник-сон?

— Брайан Никсон нета. Наркотики нета. Уходить. Уходить, — мудила швырнул в меня телефонной трубкой.

Вечереет, а этот город всё не принимает меня. Какой-то алкаш с глазгоским акцентом стреляет у меня двадцать пенсов.

— Ты классный пацан, я те говорю… — вздыхает он.

— Ты тож млаток, Джок, — говорю я ему на чистейшем кокни. Остальные шотландцы в Лондоне — сущий геморрой. Особенно, «уиджи», которые всё время достают тебя своей нахальной болтовнёй, которую они выдают за дружеское отношение. Я бы меньше всего хотел, чтобы ко мне на хвост сел сейчас какой-нибудь ёбаный мыловар.

Я подумываю о том, не сесть ли на 38-й или 55-й до Хэкни и не позвонить ли Мелу в Дэлстон. Если Мела там нет или он не захочет подходить к телефону, то мне можно с чистой совестью сушить лапти.

Вместо этого я покупаю билет в ночную киношку на Вокзале Виктории. Там всю ночь, до пяти утра, крутят порнуху. Это временная вписка для самых последних отщепенцев. По ночам сюда сползаются всякие «синяки», торчки, извращенцы, шизоиды. Я поклялся себе, что больше никогда не буду здесь найтовать. Это был последний раз.

Несколько лет назад, когда мы ночевали здесь с Никси, пырнули ножом какого-то пацана. Приехала полиция и начала вязать всех подряд, нас в том числе. У нас был при себе корабль травы, и нам пришлось почти весь его схавать. Когда нас вызвали на допрос, мы уже лыка не вязали. Они продержали нас в

обезьяннике всю ночь. На следующий день нас всех повезли в полицейский суд на Бау-стрит, как раз рядом с мусарней, и всех, кто был не в состоянии давать показания, оштрафовали за нарушение общественного порядка. Никси и меня штрафанули на тридцать фунтов каждого; если только это были тридцать фунтов.

И вот я опять здесь. Со времени моего последнего визита это заведение слегка захирело. Все фильмы были порнографическими, за исключением одной мучительно жестокой документалки, где разные животные раздирали друг друга на части в экзотической обстановке. По красочности это кино в миллионы раз превосходило работы Дэвида Аттенборо.

— Ах вы, сволочи черномазые! Ёбаные ниггеры! — заревел шотландский голос, когда несколько туземцев засадили копья в бок какой-то бизоноподобной твари.

Шотландский расист и любитель животных. Даю сто пудов, что он «гунн».

— Грязныи ебучии абизяны, — добавил подхалимский кокнийский голосок.

Что за блядское местечко. Я попытался погрузиться в фильмы, чтобы отвлечься от окружавших меня воплей и тяжёлого дыхания.

Самым лучшим был немецкий фильмец с переводом на американский английский. Сюжет был самый заурядный. Молодую девицу в баварском костюме ебали разными способами и в разных местах почти все мужики и несколько баб, живших на ферме. Но съёмки были довольно живописными, и я увлёкся картиной. Для большинства посетителей этого притона эти экранные образы были единственным, что они знали о сексе, но, судя по доносившимся до меня звукам, некоторые мужики ебались с бабами или с мужиками. Я заметил, что у меня встал, и мне даже захотелось подрочить, но следующий фильм охладил мой пыл.

Он был, конечно же, британским. Действие происходило в лондонском офисе в разгар вечеринок, и фильм носил образное название «Вечеринка в офисе». В нём снимался Майк Болдуин, или актёр Джонни Бриггс, который играл того чувака в «Улице коронации». Это был дурацкий фильм из разряда «давай-давай»: мало юмора и много секса. Майка, в конце концов, выебали, хотя он этого и не заслужил — почти весь фильм играл противного слизняка.

Я погрузился в полубредовый сон и внезапно проснулся, резко откинув голову назад, словно пытаясь сбросить её с плеч.

Краем глаза я заметил чувака, который придвинул стул, чтобы сесть рядом со мной. Она положил руку мне на ляжку. Я сбросил её.

— Пошёл на хуй! Тебе чё, не хуй делать, блядь?

— Извините, извините, — сказал он с европейским акцентом. Пожилой чувак. Голос такой жалобный, а лицо маленькое и сморщенное. Мне стало его жалко.

— Я не педик, приятель, — сказал я ему. Он смутился. — Не гомосексуалист, — я показал на себя, и мне стало смешно. Какую чушь я горожу.

— Извините, извините.

Это заставило меня типа как задуматься. Откуда я знаю, что я не гомосексуалист, если я никогда не был с другим чуваком? В смысле, как я могу быть уверенным? Мне всегда хотелось попробовать с другим чуваком, чтобы понять, что это такое. В смысле, надо перепробовать всё, хотя бы раз. Но я вижу себя только в активной роли. Я не могу представить себе, что какой-то мудак засунет свой елдак *мне* в жопу. Однажды я снял того роскошного молодого педрилу в Лондонском ремесленном. Я повёл его на старую квартиру в Поплэре. Тут вернулись Тони с Кэролайн и застали меня за тем, как я делал пацану минет. Это

повергло их в шок. Отсасывать у чувака через гондон. Это было всё равно, что сосать искусственный член. Я устал до смерти, но парень отсосал у меня первым, и я должен был его отблагодарить. Он сделал мне классный, мастерский минет. Но стоило мне скосить взгляд на его лицо, и у меня сразу же обмякал, и я начинал хохотать. Он был немного похож на ту девицу, которая мне нравилась много лет назад, и с помощью воображения и концентрации мне удалось, к своему же удивлению, разгрузиться в резинку.

Тони вставил мне хороших тырлей, но Кэролайн сказала, что это было круто, и призналась, что приревновала меня к этому парню. Он был таким милашкой.

Короче говоря, я ничего не имею против того, чтобы тусоваться с парнями. В качестве эксперимента. Но беда в том, что по-настоящему мне нравятся только девицы. Чуваки меня не возбуждают. Тут дело не в морали, а в эстетике.

Этот старикан, конечно, не похож на человека, занимающего верхние места в списке кандидатов, которым можно отдать свою гомосексуальную невинность. Но он сказал мне, что у него есть хата в Стоук-Ньюингтоне, и спросил, не желаю ли я у него перенайтовать. Так-с, Стоуки — это недалеко от кабачка Мела в Дэлстоне, и я подумал: «Хуй с ним».

Старикан был итальянцем, и звали его Джи. Сокращённо от Джованни, решил я. Он рассказал мне, что работает в ресторане, и что дома в Италии у него остались жена и дети. Эта показалось мне не совсем правдоподобным. Одним из огромных преимуществ торчка является то, что ему приходится сталкиваться со множеством лжецов. Ты становишься настоящим экспертом с этой области, и у тебя развивается нюх на пиздёж.

Мы сели в ночной автобус, направлявшийся в Стоуки. В автобусе была целая куча молодых пацанов: обкуренных, бухих, ехавших на вечерины или уже возвращавшихся оттуда. Мне охуенно хотелось быть среди них, а не с этим стариканом. Как ни крути.

Джи обитал в полуподвале где-то в стороне от Чёрч-стрит. Начиная с этой улицы, я перестал ориентироваться, но знал, что мы находимся не дальше Ньюингтон-грин. Флэт был невероятно загажен. Старый буфет, комод и большая медная кровать, стоявшая в центре этой затхлой комнаты с кухней и туалетом.

Несмотря на моё первое нелестное впечатление от этого чувака, я с удивлением обнаружил повсюду фотографии какой-то женщины и детей.

— Твоя семья?

— Да, это моя семья. Скоро они приедут ко мне.

Это тоже звучало неубедительно. Наверно, я настолько привык ко лжи, что правда кажется мне до неприличия фальшивой. Но тем не менее.

— Скучаешь по ним?

— Да. О, да, — отвечает он, а потом говорит: — Ложись на эту кровать, мой друг. Можешь спать. Ты мне нравишься. Можешь остаться на время.

Я сурово посмотрел на чувачка. Он не представлял физической угрозы, и я подумал: «Хуй с ним, я до смерти устал», и залез в кровать. У меня промелькнуло сомнение, когда я вспомнил Денниса Нильсена. Я ручаюсь, что некоторые чуваки тоже считали, будто он не представляет физической угрозы; а потом он душил их, отрубал им головы и варил их в огромной кастрюле. Нильсен работал в том же Центре занятости в Криклвуде, что и парень из Гринока, с которым я когда-то познакомился. Гринокский чувак рассказал мне, как однажды на рождество Нильсен угостил сотрудников Центра тушёным мясом с карри, которое сам приготовил. Может, он и спиздел, но кто его знает. Так или иначе, я был настолько задрочен, что сразу

же закрыл глаза, поддавшись своей усталости. Я слегка напрягся, когда почувствовал, что он лёг на кровать рядом со мной, но вскоре расслабился, потому что он даже не пытался прикоснуться ко мне и мы оба были полностью одеты. Я ощутил, как проваливаюсь в болезненный, беспамятный сон.

Я проснулся, не в силах сообразить, сколько времени я проспал; во рту пересохло, а на лице было странное ощущение влаги. Я дотронулся до щеки. На руке остались белёсые сгустки плотного, липкого вещества. Я повернулся и увидел рядом с собой старика: он был голый, и с его маленького толстого члена стекала сперма.

— Ах, ты старый извращенец!… обкончал меня, пока я спал, сука… ах, ты ёбаный старый похотливый ублюдок! — я чувствовал себя грязным носовым платком, которым попользовались и выбросили. Меня охватила ярость, и я шлёпнул его по морде и столкнул с кровати. Он был похож на отвратного жирного гномика с толстым животом и круглой головой. Он съёжился на полу, а я несколько минут гасил его ногами, пока не понял, что он плачет.

— Ёб твою мать. Чёртов извращенец. Сука… — я шагал взад и вперёд по комнате. Его рыдания действовали мне на нервы. Я стянул халат с медного крючка на краю кровати и прикрыл его уродливую наготу.

— Мария. Антонио, — всхлипывал он. Я поймал себя на том, что обнимаю этого ублюдка и успокаиваю его.

— Всё нормально, чувак. Всё нормально. Извини. Я не хотел сделать тебе больно, просто, это самое, на меня ещё никогда никто не дрочил.

И это была сущая правда.

— Ты добрый… что мне делать? Мария. Моя Мария… — вопил он. Его рот закрывал почти всё его лицо — огромная чёрная дыра в сумерках. От него воняло перегаром, потом и спермой.

— Слы, пошли спустимся в кафе. Поболтаем. Я возьму тебе чё-нибудь пожрать. За мой счёт. На Ридли-роуд есть неплохое местечко, возле рынка, знаешь? Его скоро откроют.

Моё предложение было продиктовано не столько альтруизмом, сколько эгоизмом. Оттуда было ближе до Дэлстона и Мела, а ещё мне хотелось поскорее выбраться из этого депрессивного полуподвала.

Он оделся, и мы вышли. По Стоуки-Хай-стрит и Кингсленд-роуд мы дошли пешкодралом до рынка. В кафе было на удивление людно, но мы нашли себе столик. Я взял себе сыра и помидор в тесте, а старик — это ужасное варёное чёрное мясо, которое, по-моему, обожают стэмфорд-хиллские евреи.

Чувак начал грузить за Италию. Он женился на этой своей Марии много лет назад. Но в семье прознали, что они ебутся с Антонио, младшим братом Марии. Точнее, я не так сказал, они были любовниками. Я думаю, он любил этого парня, но он также любил Марию, и всё такое. Я признаю, что наркотики — это нехорошо, но кошмар, в который превращает жизнь любовь… О нём даже подумать страшно.

Короче, у неё было ещё два брата — мачо и католики, связанные, если верить Джи, с неаполитанской каморрой. Мудаки не могли этого стерпеть. Они схватили Джи возле семейного ресторанчика. И выбили из бедняги десять видов говна. С Антонио они обошлись точно так же.

После этого Антонио покончил с собой. «В нашей стране это считается большим позором», — сказал мне Джи. Я думаю, это считается позором в любой ёбаной стране. Джи рассказал мне, что Антонио бросился под поезд. Я решил, что в ихней стране это считается всё-таки бульшим позором. Джи убежал в Англию, где работал в разных итальянских ресторанах, жил на дрянных флэтах, много пил и снимал молодых парней и старых тёток. Такое вот убогое житьё-бытьё.

У меня поднялось настроение, когда мы добрались до заведения Мела и я услышал звуки рэггей, вырывавшиеся на улицу, и увидел зажжённые огни. Мы пришли под самый конец большой вечерины.

Приятно было видеть знакомые лица. Здесь были все, вся толпа: Дэйво, Сьюзи, Никси (удолбанный на всю голову) и Чарлин. Помещение ломилось от тел. Две девицы танцевали вдвоём, а Чар — с каким-то чуваком. Пол и Никси курили: только не гаш, а опиум. Большинство английских торчков не колят, а курят «чёрный». Иглы — это чисто шотландская, точнее, эдинбургская заморочка. Тем не менее я с ними пыхнул.

— Ахуенна рат опяць цибя видзиць, стырина! — Никси похлопал меня по спине. Заметив Джи, он прошептал: — Пиришол на стыричкоф, да? — Я вывел малого ублюдка вперёд. У меня не хватало смелости бросить этого чувака после всего, что я от него услышал.

— Здоруво, брат. Рад тебя видеть. Это Джи. Мой хороший друг. Живёт в Стоуки, — я похлопал Джи по спине. У бедного мудачка было такое же выражение лица, как у кролика в клетке, который просит листочек салата.

Я пошёл прошвырнуться, оставив Джи с Полом и Никси разговаривать о «Наполи», «Ливерпуле» и прочей фигне — на международном мужском языке футбола. Иногда меня прикалывают эти разговоры, но бывает, их бессмысленная нудотность меня заёбывает.

На кухне два чувака спорят о подушном налоге. Один парень просто прикалывается, а второй — ебучий бесхребетный дебильный тори-лейбористский холоп.

— Ты двойной ёбаный мудак. Во-первых, потому что ты думаешь, будто у лейбористов есть хоть какие-то шансы снова придти к власти в этом столетии, и во-вторых, потому что ты думаешь, что если они даже придут к власти, то от этого хоть что-нибудь, на хуй, изменится, — я бесцеременно вмешиваюсь в их разговор и осаживаю чувака. Он стоит с отвисшей челюстью, а второй парень смеётся.

— Иминна эта я и хацел рсталкаваць этаму ублютку, — говорит он с бирмингемским акцентом.

Я откалываюсь от них, оставляя холопа в недоумении. Захожу в спальню, где какой-то чувак лижет какую-то девицу, а в трёх футах от них ширяются какие-то «чернушники». Я смотрю на торчков. Ёбаный в рот, они ширяются баянами, и всё такое. А я тут теории строю.

— Хочешь заснять, чувак? — спрашивает меня тощий «гот», который варит дрянь.

— Хочешь получить по ебалу, сука? — отвечаю я вопросом на вопрос. Он отворачивается и продолжает варить. Какое-то время я смотрю на его макушку. Видя, что он пересрал, я попускаюсь. Стоит мне приехать на юг, и у меня всегда появляется эта заморочка. Через пару дней она проходит. Мне кажется, я знаю, откуда она берётся, но это слишком долго объяснять и слишком жалко звучит. Выходя из комнаты, я слышу, как девица стонет на кровати, а чувак говорит ей:

— Какая у цибя сладзинькая пиздзёнка…

Шатаясь, выхожу в дверь; в ушах снова звучит этот нежный, медленный голос: «Какая у цибя сладзинькая пиздзёнка…» и мне сразу становится ясно, что мне нужно.

Выбор у меня невелик. Что касается потрахаться, здесь особо не разгуляешься. В этот утренний час самые лакомые тёлки либо уже выебаны, либо уже съебались. Чарлин сняли, та тётка, которую Дохлый трахнул на её 21-й день рождения, тоже. Забита даже девица с глазами, как у Марти Фельдман, и волосами, как на лобке.

И так всю жизнь, бля. Приходишь раньше всех, ужираешься или удалбливаешься со скуки и забиваешь на всё или являешься к шапочному разбору.

Малыш Джи стоит у камина и потягивает из банки «лагер». Он кажется испуганным и захмелевшим. Я

говорю себе, что всё это может закончиться тем, что я отдрючу этого чувачка в его толстый пердильник.

От этой мысли мне становится хуёво. Впрочем, в отпуске все мы кобеля и шлюхи.

Дурная кровь

Я познакомился с Аланом Вентерсом в группе самопомощи «ВИЧ — положительно», хотя он недолго был членом этой группы. Вентерс никогда не заботился о своём здоровье и вскоре заразился одной из многих оппортунистических инфекций, которым мы подвержены. Меня всегда забавлял этот термин — «оппортунистическая инфекция». Он вызывает у меня самые приятные ассоциации. Я тут же вспоминаю об «оппортунизме» предпринимателя, который нарушает рыночный баланс, или «оппортунизме» нападающего на скамье штрафников. Ох, и хитрые сучата, эти оппортунистические инфекции.

Члены группы находились примерно в одинаковом состоянии здоровья. Мы все были ВИЧ-инфицированные, но в основном асимптоматические. На наших собраниях витал дух паранойи: каждый пытался украдкой проверить, не распухли ли у другого лимфатические узлы. Знаете, как неприятно, когда во время разговора собеседник скользит взглядом по твоей шее?

Такой тип поведения только усиливал ощущение нереальности, которое не покидало меня в то время. Я не мог понять, что со мной произошло. Результаты анализов казались поначалу невероятными и совершенно не соответствовали моему самочувствию и здоровому виду. Несмотря на два повторных анализа, в глубине души я был уверен, что произошла какая-то ошибка. Моё самообольщение было поколеблено, когда Донна перестала со мной встречаться, но оно всегда оставалось где-то под спудом вместе с непреклонной решимостью. Мы всегда верим только тому, чему хотим верить.

Я перестал ходить на заседания группы, после того как Алана Вентерса положили в приют. Это меня расстроило, и вообще, мне хотелось его проведать. Том, мой шеф и один из консультантов группы, не одобрил моего решения.

— Послушай, Дэви, я понимаю, что было бы очень хорошо навестить Алана в приюте, хорошо для него. Но в данный момент меня больше беспокоишь ты. У тебя прекрасное самочувствие, и цель группы — заставить нас жить полноценной жизнью. Мы не должны отказываться от радостей жизни только потому, что мы ВИЧ-инфицированные…

Бедняга Том. Этот был его первый ляпсус.

— Что значит «мы», Том? Ты что, член королевской семьи? А если ты ВИЧ-инфицированный, то нельзя ли поподробнее?

Здоровые розовые щёки Тома покраснели. Здесь он был бессилен. За многие годы интенсивного межличностного общения он научился сдерживать себя на визуальном и вербальном уровнях. Его смущение не выдавали ни бегающий взгляд, ни дрогнувший голос. Но, к сожалению, старина Том ничего не мог поделать с пылающими красными пятнами, которые выступали у него на щеках в таких случаях.

— Прости меня, — самоуверенно извинился Том. Он имел право на ошибку. Он всегда говорил, что у людей есть это право. Попробуй рассказать об этом моей нарушенной иммунной системе.

— Просто меня беспокоит то, что ты решил проводить время с Аланом. Наблюдение за тем, как он угасает, не принесёт тебе пользы, и кроме того, Алан был не самым положительным членом группы.

— Зато он был самым ВИЧ-положительным.

Том решил не обращать внимания на мою остроту. Он имел право не реагировать на негативное поведение окружающих. «У всех нас есть такое право», — говорил он нам. Мне нравился Том: он одиноко взрыхлял свою борозду, всегда стараясь быть положительным. Я подумал о том, что моя работа, состоявшая в наблюдении за тем, как жестокий скальпель Хауисона вскрывал дремлющие тела, была

гнетущей и отчуждающей. Но это было сплошное удовольствие по сравнению с наблюдением за тем, как души расстаются с телом. Как раз этим-то и занимался Том на заседаниях группы.

Большинство членов группы «ВИЧ — положительно» были внутривенными наркоманами. Они подхватили ВИЧ в наркоманских притонах, которые расплодились у нас в городе в середине восьмидесятых, после того как закрыли магазин хирургических принадлежностей на Бред-стрит. Это остановило приток новых игл и шприцев. С тех пор наркоманы стали пользоваться большими общими шприцами, и с этого всё началось. У меня есть друг по имени Томми, которого присадили на иглу эти парни из Лейта. Одного из них я знаю, его зовут Марк Рентон, я работал вместе с ним, когда ещё был пацаном. По иронии судьбы, Марк колется уже много лет, но, насколько мне известно, он до сих пор не ВИЧ-инфицированный, а я никогда в жизни не притрагивался к этой штуке. Впрочем, в нашей группе довольно много героинистов, и наверное, он скорее исключение, чем правило.

На заседаниях группы обычно царила напряжённая атмосфера. Наркоманы ненавидели двух гомосексуалистов. Они считали, что ВИЧ изначально попал в городскую наркоманскую среду через одного педика-домовладельца, который трахал своих постояльцев-торчков в счёт квартплаты. Я и две женщины, одна из которых не кололась, хотя её сексуальный партнёр был героинистом, ненавидели всех, потому что мы не были ни гомосексуалистами, ни наркоманами. Вначале я, как и все остальные, считал себя «безвинно» заражённым. В те времена ещё можно было винить во всём «чернушников» и голубых. Однако я видел плакаты и читал брошюры. Помню, как в эпоху панка «Секс Пистолз» пели о том, что «невиноватых нет». Это сущая правда. Нужно только прибавить к этому, что некоторые виноваты больше других. Это снова напомнило мне о Вентерсе.

Я давал ему шанс — шанс раскаяться. Хотя этот ублюдок его и не заслужил. На заседании группы я сказал первую ложь, первую в цепи других, с помощью которых я собирался завладеть душой Алана Вентерса.

Я сказал группе, что занимался открытым небезопасным сексом со здоровыми людьми, прекрасно зная о том, что я ВИЧ-инфицированный, и что я в этом раскаиваюсь. В комнате повисла мёртвая тишина.

Присутствующие нервно заёрзали на стульях. Потом женщина по имени Линда расплакалась, качая головой. Том спросил у неё, не желает ли она покинуть заседание. Она отказалась, ей хотелось подождать и услышать, что скажут другие, и она злобно глянула в мою сторону. Но я практически не обращал на неё внимания и не сводил глаз с Вентерса. У него было характерное, вечно скучающее выражение лица. Я мог бы поклясться, что по его губам пробежала неуловимая усмешка.

— Нужно набраться смелости, чтобы сказать такое, Дэви. Я уверен, что это стоило тебе большого мужества, — торжественно произнёс Том.

Ничегошеньки не стоило, хрен ты тупой, я соврал. Я пожал плечами.

— Я уверен, что с твоих плеч упал колоссальный груз вины, — продолжал Том, подняв брови и приглашая меня к разговору. На сей раз я воспользовался этой возможностью.

— Да, Том. Если б я только мог разделить свои чувства со всеми вами. Это ужасно… Я не думаю, что люди простят…

Другая женщина в группе, Марджори, отпустила какое-то оскорбительное замечание в мой адрес, но я этого даже не заметил, а Линда продолжала рыдать. От говнюка же, сидевшего напротив меня, не последовало никакой реакции. Меня раздражали его эгоизм и аморальность. Мне хотелось разорвать его голыми руками, прямо здесь и сейчас. Но я старался управлять своими эмоциями, упиваясь роскошным планом его уничтожения. Болезнь может завладеть его телом: это была её победа, какой бы злобной силой она ни была. Моя победа будет более глобальной, более сокрушительной. Я хотел сломить его дух.

Я собирался нанести смертельные раны его якобы бессмертной душе. Аминь.

Том окинул взглядом всю группу:

— Кто-нибудь сопереживает Дэви? Как вы относитесь к этому?

После паузы, во время которой я пожирал глазами бесстрастное лицо Вентерса, малой Гогси, наркоман из нашей группы, истерически загоготал. Потом он разразился кошмарной речью, которую я ждал услышать от Вентерса.

— Хорошо, что Дэви это сказал… я сделал то же самое… я сделал, блядь, то же самое… ни в чём не повинная девица, которая ни хера никому не сделала… я возненавидел весь мир… в смысле… просто я подумал, почему это должно меня ебать? Что у меня есть в жизни… мне двадцать три года, а у меня ничего нет, даже ёбаной работы… почему это должно меня волновать… когда я сказал девице, она страшно расстроилась… разревелась, как малое дитя, — после этого он посмотрел на меня и улыбнулся сквозь слёзы самой прекрасной улыбкой, которую я видел в своей жизни. -…но всё было в порядке. Она сдала анализы. Три раза в течение шести месяцев. И ничего. Она не заразилась…

Марджори, которая *заразилась* в аналогичных обстоятельствах, зашипела на нас. И тогда это произошло. Сука Вентерс завращал глазами и улыбнулся мне. Сработало. Наступил решающий момент. Злость ещё не прошла, но она смешалась с огромным спокойствием, могучей ясностью. Я улыбнулся ему в ответ, ощущая себя спрятавшимся в воде крокодилом, который выследил нежного пушистого зверька, пришедшего к реке на водопой.

— Не… — жалобно проскулил Гогси в сторону Марджори, — всё было не так… ждать её результаты анализов было ещё хуже, чем ждать свои… вы не понимаете… и я не понимаю… вернее, не понимал… всё не так…

Том пришёл на помощь дрожащей, косноязычной массе, в которую он превратился.

— Не будем забывать об ужасной злости, обиде и горечи, которую все вы испытали, узнав о том, что вы заразились ВИЧем.

Это было приглашение к очередной из наших привычных, нескончаемых дискуссий. Том называл это «преодолением нашего гнева» посредством «примирения с реальностью». Эта процедура преследовала терапевтическую цель, и именно такой она представлялась многим участникам группы, но я находил её утомительной и тоскливой. Возможно, потому, что у меня самого была другая повестка дня.

В эту полемику о личной ответственности Вентерс вносил, как обычно, свою полезную и содержательную лепту:

— Чушь, — восклицал он, когда кто-нибудь страстно доказывал свою точку зрения. Том, как всегда, спрашивал его, почему он так считает.

— Просто так, — отвечал Вентерс, пожимая плечами. Том просил его объяснить.

— Просто один человек думает так, а другой — иначе.

В ответ на это Том спрашивал Алана, какова его точка зрения. Алан говорил: «Мне по барабану» или «Мне насрать». Точно не припомню.

Тогда Том спрашивал его, зачем он сюда пришёл. Вентерс говорил:

— Я могу уйти.

Он уходил, и обстановка мгновенно разряжалась. Было такое ощущение, будто кто-то испустил зловоннейший бздёх, а потом каким-то невероятным образом всосал его обратно в задницу.

Впрочем, он всегда возвращался обратно, с насмешливым, злорадным выражением лица. Казалось, Вентерс был единственным из нас, который считал себя бессмертным. Он с наслаждением наблюдал за тем, как другие старались быть положительными, а потом унижал их. Он никогда не наглел настолько, чтобы его выгнали из группы, но значительно снижал её моральный дух. Болезнь, терзавшая его тело, была цветочками по сравнению с гораздо более мрачным недугом, которым был поражён его больной разум.

Как это ни странно, Вентерс считал меня родственной душой и даже не подозревал о том, что я посещаю эти заседания лишь затем, чтобы как можно лучше его изучить. Я никогда не выступал в группе и напускал на себя циничный вид всякий раз, когда выступал кто-нибудь другой. Такое поведение позволило мне сблизиться с Аланом Вентерсом.

Подружиться с этим парнем было несложно. Больше никто не хотел с ним общаться: я стал его другом просто за неимением лучшего. Мы начали вместе пить: он — безрассудно, я -осторожно. Я принялся знакомиться с его жизнью, упорно, тщательно и методично накапливая сведения. Я закончил химический факультет Стратклайдского университета, но никогда не подходил к изучению научных дисциплин с такой скрупулёзностью и таким воодушевлением, с какими я подошёл к изучению Вентерса.

Как большинство ВИЧ-инфицированных в Эдинбурге, Вентерс заразился через чужую иглу, принимая героин. По нелепой случайности, ему поставили положительный диагноз на ВИЧ уже после того, как он спрыгнул с иглы, но теперь он стал горьким пьяницей. Судя по тому, что он пил всё без разбора, нередко во время затяжного запоя набивая себе желудок несвежими булочками и тостами, его ослабленный организм мог стать лёгкой добычей для всевозможных инфекций-убийц. В период общения с ним я уверенно предрекал, что его дни сочтены.

Так оно и вышло: вскоре в его крови гуляли сотни вирусов. Но ему было всё равно. Вентерс вёл прежнюю жизнь. Он начал посещать приют, или «отделение», как они его называют: вначале, как амбулаторный больной, а потом ему выделили личную койку.

Когда я ездил к нему в приют, почему-то всегда шёл дождь: мокрый, ледяной, обложной дождь с ветром, пронизывающим все твои одёжки, как рентгеновский луч. Простыть значило заболеть, а заболеть значило умереть, но в то время это не имело для меня значения. Теперь я, конечно, забочусь о своём здоровье, но тогда я был полностью поглощён одной задачей: её нужно было выполнить во что бы то ни стало.

Здание приюта нельзя было назвать мрачным. Серые блоки облицевали приятной жёлтой кирпичной кладкой. Но подъездной дороги, вымощенной жёлтым кирпичом, всё же не предвиделось.

С каждым посещением Алана Вентерса приближался час моей последней, окончательной мести. Вскоре наступил момент, когда уже не приходилось рассчитывать на искренние извинения с его стороны. Одно время мне даже казалось, что я хочу не столько отомстить за себя, сколько услышать от Вентерса слова раскаяния. Если бы я их добился, то умер бы с верой в исконную доброту человеческой души.

Бренный сосуд из кожи и костей, вмещавший в себе жизненные силы Вентерса, не мог служить жилищем ни для какой души и менее всего для той, на которую можно было бы возложить надежды человечества. Но в ослабленном, увядающем теле душа подбирается ближе к поверхности и становится более различимой для нас, смертных. Об этом рассказывала мне Джиллиан из больницы, где я работал. Джиллиан была очень религиозна, и ей было удобно в это верить. Мы всегда видим только то, что хотим видеть.

Чего же я в действительности хотел? Наверное, всё-таки мести, а не раскаяния. Вентерс мог бы молить меня о прощении, как заплаканное дитя. Но его слёзы не способны были удержать меня от того, что я наметил сделать.

Эти внутренние монологи — побочный продукт всех тех консультаций, которые я получил у Тома. Он подчёркивал главную истину: вы ещё не умираете, вы должны жить до тех пор, пока вы живы. В её основе лежала вера в то, что о жестокой реальности неминуемой смерти можно забыть, если говорить о непосредственной реальности жизни. Тогда я не верил в это, а сейчас верю. Это так просто: нужно жить до тех пор, пока не умрёшь. В случае, если смерти нет (о чём я очень сильно подозреваю), то необходимо сделать свою жизнь как можно более полным и приятным переживанием.

Больничная медсестра была немного похожа на Гэйл -женщину, с которой я когда-то встречался. На свою же беду, как теперь выяснилось. У неё было такое же холодное выражение лица. Для медсестры оно было вполне объяснимым, и я принимал его за выражение профессиональной заботы. Но в случае с Гэйл такая отрешённость, на мой взгляд, была неуместной. Медсестра посмотрела на меня напряжённым, серьёзным и покровительственным взглядом:

— Алан очень слаб. Пожалуйста, недолго.

— Я понимаю, — улыбнулся я кротко и мрачно. Если она играет заботливого профессионала, что ж, тогда я буду играть обеспокоенного друга. По-моему, у меня это довольно хорошо получалось.

— Ему очень повезло с другом, — сказала она, очевидно, поражённая тем, что у такого ублюдочного создания вообще могут быть какие-то друзья. Я пробормотал что-то невразумительное и вошёл в маленькую палату. Алан выглядел ужасно. Я не на шутку разволновался: мне показалось, что он не дотянет до конца недели и избежит той страшной участи, которую я ему уготовил. Нужно было точно рассчитать время.

С самого начала мне было очень радостно видеть огромные физические страдания Вентерса. Когда я заболею, то ни в коем случае не позволю довести себя до такого состояния: ну его к такой-то матери! Я оставлю свою машину работать в запертом гараже. А у этого говнюка Вентерса даже не хватило мужества добровольно уйти из жизни. Он будет держаться до самого конца, только бы причинить окружащим максимум неудобств.

— Как дела, Ал? — спросил я. Какой дурацкий вопрос. Условности всегда навязывают нам свой идиотизм в самый неподходящий момент.

— Нормально… — прохрипел он.

Ты в этом уверен, Алан, дружище? Всё в порядке? Ты немного осунулся. Наверно, из-за того крохотного микроба, который гуляет у тебя в крови. Постельный режим плюс пара аспиринок, и завтра ты будешь, как огурчик.

— Болит? — спрашиваю с надеждой.

— Не-а… они меня колят… только вот дыхание… — Я беру его за руку и ощущаю прилив радости, когда его жалкие, костлявые пальцы крепко сжимают мою ладонь. Когда он закрыл усталые глаза, я чуть было не рассмеялся в его измождённое лицо.

Увы, бедняга Алан, знаю я этого Медбрата. Он дебил, сущее мучение. Я смотрю, подавляя ухмылку, как он хватает ртом воздух.

— Всё нормально, приятель. Я здесь, — говорю я.

— Ты хороший парень, Дэви… — лопочет он. -…жалко, что мы не знали друг друга раньше… — Он открывает глаза и снова их закрывает.

— Какая жалость, бля, дрянной ты мудачок… — шиплю я в его закрытые глаза.

— Что?… что это было… — он бредит от усталости и лекарств.

Ах, ты лежебока. Сколько можно валяться. Надо бы встать и немного размяться. Быстрая пробежка по парку. Пятьдесят отжиманий. Двадцать приседаний.

— Я сказал: «Жалко, что мы познакомились при таких обстоятельствах».

Он удовлетворённо вздохнул и уснул. Я вынул его костлявые пальцы из своей ладони.

Пусть тебе приснится кошмар, сука.

Вошла медсестра, чтобы посмотреть на моего чувачка.

— Какой невоспитанный! Разве так встречают гостей, — улыбаюсь я, глядя на дремлющий полутруп, который был когда-то Вентерсом. Она выдавливает нервную улыбку, видимо, решив, что это чёрный юмор гомосексуалиста, наркомана, гемофилика или кем там ещё она меня считает. Мне глубоко начхать на то, что она обо мне думает. Лично я считаю себя ангелом мести.

Убить этот мешок с дерьмом означало бы сделать ему громадное одолжение. В этом была проблема, но мне удалось её разрешить. Как причинить боль человеку, который скоро умрёт, знает об этом и которому на это наплевать? Беседуя с Вентерсом, точнее, слушая его, я нашёл способ, как это сделать. *Умирающим можно причинить боль только с помощью живых, с помощью людей, которые им неравнодушны.*

В известной песне поётся о том, что «каждый когда-то кого-то любил», но Вентерс, похоже, опровергал это общее правило. Люди совершенно не нравились этому человеку, и они воздавали ему сторицей. К окружающим он относился враждебно. О своих старых знакомых говорил с горечью: «обворованный коммерсант» или с издёвкой: «хренов размазня». Каждое конкретное определение выражало, кто и кем злоупотреблял, пользовался или манипулировал.

Женщины делились на две смутно очерченные категории. У одних была «манда, как тушёная рыба», у других — «как разорванный диван». Очевидно, Вентерс не видел в женщинах ничего, кроме «мохнатой дырки», как он её называл. Даже пренебрежительные замечания об их грудях и задницах представлялись значительным расширением его кругозора. Я пал духом. Как этот ублюдок мог когда-нибудь кого-нибудь полюбить? Но я решил подождать, и моё терпение было вознаграждено.

Этот жалкий засранец всё-таки любил одного человека. Я не мог не заметить, как менялся его тон, когда он произносил слово «малец». Я начал осторожно выуживать у него информацию о пятилетнем сынишке, которого родила от него та женщина из Уэстер-Хэйлз, «корова», не пускавшая его к ребёнку, которого звали Кэвин. Я заочно влюбился в эту женщину.

Ребёнок был слабым местом Вентерса. По контрасту с его обычной манерой, его речь становилась бессвязной от боли и избытка чувств, когда он говорил о том, что никогда не увидит *своего* сына взрослым, о том, как он любит «этого мальца». Вот почему Вентерс не боялся смерти. На самом деле, он верил в то, что его жизнь каким-то мистическим образом продлится в его сыне.

Мне было несложно втереться в доверие к Фрэнсис, бывшей подружке Вентерса. Она ненавидела Вентерса с такой силой, что сумела внушить мне любовь, хотя и не привлекала меня ни в каком другом отношении.

Выследив её, я как бы случайно встречался с ней на дрянных дискотеках, где играл роль очаровательного и предупредительного поклонника. И разумеется, сорил деньгами. Она быстро вошла во вкус: вероятно, она ещё не встречала ни одного порядочного мужчины и не была приучена к деньгам, живя подачками и в одиночку воспитывая ребёнка.

Самый трудный момент наступил, когда дело дошло до секса. Я, конечно, настаивал на том, чтобы надеть презерватив. Опередив меня, на рассказала мне о Вентерсе. Я благородно заявил, что полностью

доверяю ей и готов заняться любовью без презерватива, но мне хотелось рассеять её сомнения, и я честно признался, что у меня были связи с несколькими людьми. Учитывая её опыт общения с Вентерсом, такие сомнения у неё обязательно были. Когда она расплакалась, я подумал, что всё испортил. Однако её слёзы были вызваны благодарностью.

— Ты действительно хороший человек, Дэви, ты знаешь об этом? — сказала она. Если б она только знала, что я собирался сделать, то не была бы столь высокого мнения обо мне. Мне стало муторно, но как только я вспомнил о Вентерсе, это тяжёлое чувство улетучилось. Я понял, что смогу с ним справиться.

Я рассчитал время так, чтобы мои ухаживания за Фрэнсис совпали с серьёзной болезнью Вентерса и его последующим пребыванием в приюте. Вентерса могла доконать любая из целого ряда болезней, но лидировала среди них пневмония. Вентерсу, подобно многим ВИЧ-инфицированным, прошедшим через героин, удалось избежать жутчайшего рака кожи, который более распространён среди голубых. Основным конкурентом его пневмонии был обширный стоматит, поразивший его горло и желудок. Сам по себе стоматит, возможно, и не задушил этого ублюдка до смерти, но вполне мог бы помочь додушить его, если бы я не поторопился. Его состояние стремительно ухудшалось, на мой взгляд, даже чересчур стремительно. Я побаивался, что этот мудак отбросит коньки, прежде чем я успею осуществить свой план.

Возможность предоставилась как раз вовремя: в конце концов, это был наполовину расчёт, а наполовину везение. Вентерс, эта сморщенная кучка из кожи и костей, продолжал бороться. Доктор сказал: «Теперь со дня на день».

Я предложил Фрэнсис посидеть с ребёнком. Я убедил её пойти погулять с подружками. Она планировала выбраться в гости в субботу вечером, а меня оставить дома вместе с сыном. Я не мог не воспользоваться такой прекрасной возможностью. В среду, накануне того знаменательного дня, я решил навестить своих родителей. Я собирался рассказать им о своём здоровье и знал, что это будет, вероятно, мой последний визит к ним.

У родителей была квартира в Оксгэнгсе. В детстве этот район казался мне таким современным. А теперь он стал странным, барачным пережитком прошедшей эпохи. Дверь открыла старушка. На секунду она замерла в нерешительности. Наконец, она поняла, что это я, а не мой младший брат, и поэтому её кубышке ничего не угрожает. Она радушно приняла меня, хотя её восторг был вызван всего лишь облегчением.

— Здра-авствуй, дружок, — пропела она, торопливо впуская меня.

Я понял причину спешки — показывали «Улицу коронации». Видимо, Майк Болдуин уже столкнулся со своей сожительницей и любовницей Элмой Сэджуик, и ему пришлось рассказать ей о том, что он без памяти влюбился в богатую вдову Джэкки Ингрэм. Майку больше ничего не оставалось. Он был пленником любви — внешней силы, которая заставляла его поступать так, а не иначе. Как сказал бы Том, я мог ему «сопереживать». Я был пленником ненависти — силы, которая была столь же требовательной начальницей. Я сел на кушетку.

— Здравствуй, дружок, — эхом повторил старик, закрывшись от меня номером «Ивнинг ньюс». — С чем явился? — спросил он устало.

— Да так.

Ничего особенного, папаша. Кстати, я не говорил тебе, что я ВИЧ-инфицированный? Видишь ли, это сейчас очень модно. В наше время иммунная система просто обязана быть нарушенной.

— Два миллиона китаёз. Два миллиона этих пидорасов. Вот, что мы получим, после того как Гонконг отойдёт к Китаю, — он сделал глубокий выдох. — Два миллиона узкоглазых китайчат, — сказал он

задумчиво.

Я ничего не ответил, не желая попадаться на эту удочку. С тех пор, как я поступил в университет и забросил «доброе ремесло», как его по привычке называли мои родители, старик стал играть роль махрового реакционера, а я — революционного студента. Поначалу это было смешно, но с течением лет я вырос из своей роли, а он ещё теснее с ней сжился.

— Ты фашист. Всё это из-за неудовлетворительного размера пениса, — весело сказал я ему. «Улица коронации» внезапно ослабила тиски, в которых держала душу моей мамы, и она повернулась к нам с хитрой ухмылкой.

— Не городи чепухи. Уж я-то доказал свою мужскую силу, — воинственно возразил он, намекая на тот факт, что я умудрился дожить до двадцати пяти лет, не обзаведясь при этом ни женой, ни детьми. На какой-то миг мне даже показалось, что он сейчас вытащит свой член и наглядно докажет, что я не прав. Но он не придал значения моему замечанию и вернулся к своей излюбленной теме: — Как вам понравятся два миллиона чурок на вашей улице? — Я подумал о слове «чурка» и представил себе груду металлолома, лежащего на улице. Эту сцену я наблюдал каждое утро в воскресенье.

— Порой мне кажется, что я это уже где-то видел, — высказал я вслух свои мысли.

— Ну вот, — сказал он таким тоном, будто я принял его точку зрения. — А тут ещё два миллиона на подходе. Как тебе это понравится?

— Ну, так все два миллиона и свалят на Каледониан-плейс! В дэлрийском гетто и без того яблоку негде упасть.

— Смейся, смейся. А с работой что? Уже два миллиона безработных. А жильё? Все эти несчастные пидоры, что живут в картонном городке. — Господи, как он меня достал. Спасибо маме, могучей хранительнице ящика для мыла, за то, что вмешалась.

— Эй вы, замолчите! Я телевизор смотрю!

Извини, мамаша. Я знаю, что немножко эгоистично с моей стороны, со стороны твоего ВИЧ-инфицированного отпрыска, требовать у тебя внимания, когда Майк Болдуин делает важный выбор, который определит его будущую судьбу. Интересно, с каким бы старым, странноватым чувачком захотелось перепихнуться этой сморщенной постклимактерической шлюшке? Не переключай канала.

Я решил не говорить им о ВИЧе. Мои родители придерживаются не очень-то прогрессивных взглядов на эти вещи. А может, и не придерживаются. Кто их знает? Во всяком случае, я не чувствую себя готовым к этому. Том всегда призывал нас пребывать в гармонии со своими чувствами. А я чувствовал, что мои родители поженились в восемнадцать лет и произвели на свет четырёх орущих сосунков, когда были в моём возрасте. Они и так уже думают, что я «голубой». Упоминание о СПИДе только укрепит их подозрения.

Вместо этого я выпиваю банку «экспорта» и спокойно говорю со стариком о футболе. Он не ходил на стадион с 1970 года. Ноги ему заменил цветной телевизор. Двадцать лет спустя появилось спутниковое телевидение, которое окончательно расправилось с его ногами. Тем не менее он считал себя экспертом в этой области. Мнения других его не интересовали. Во всяком случае, попытка их высказать была пустой тратой времени. Здесь, как и в политике, он, в конце концов, приходил к точке зрения, прямо противоположной той, которую отстаивал вначале, и выражал её всё таким же скрипучим голосом. Нужно было всего-навсего не перечить ему, и тогда он постепенно договаривался до того, что высказывал ваши собственные мысли.

Я посидел немного, прилежно кивая. Затем воспользовался какой-то банальной отговоркой и ушёл.

Я вернулся домой и проверил свой ящик с инструментами. Набор различных острых орудий бывшего пэтэушника. В субботу я отнёс их на квартиру Фрэнсис в Уэстер-Хейлз. Я сказал ей, что мне нужно будет выполнить несколько «халтур». Об одной из них она даже не догадывалась.

Фрэн вся была в предвкушении ужина с подружками. Готовясь к нему, она болтала без умолку. Я пытался что-то отвечать ей, но получался только длинный ряд тихих вздохов, звучавших как «да» или «ага», поскольку я не мог думать ни о чём другом, кроме того, что мне предстояло сделать. Пока она «надевала лицо», я сидел на кровати, сгорбившись и напрягшись, и часто вскакивал, чтобы выглянуть в окно.

Спустя целую вечность я услышал звук мотора, огласивший пустынную, заброшенную стоянку. Я подбежал к окну и радостно объявил:

— Такси приехало!

Фрэнсис оставила на моё попечение своего спящего ребёнка.

Вся операция прошла довольно гладко. Потом меня стали мучить угрызения совести. Чем я был лучше Вентерса? Малыш Кэвин. У нас было много приятных минут. Я водил его на фестивальные спектакли, в Киркэлди на Кубок классов А и Б, в Музей детства. Это, конечно, не бог весть что, но старик не сделал даже этого для своего пацана. Фрэнсис сама говорила мне.

Однако эти угрызения были лишь прелюдией к тому ужасу, который охватил меня, когда я проявил снимки. Как только проступило изображение, я задрожал от страха и раскаяния. Я положил их на сушилку и сделал себе кофе, которым я обычно запивал две таблетки валиума. Потом взял отпечатки и поехал в приют к Вентерсу.

В физическом плане от него практически ничего не осталось. Опасаясь наихудшего, я заглянул в его остекленевшие глаза. У некоторых больных СПИДом развивается пресенильное слабоумие. Возможно, эта болезнь уже завладела его телом. Если она завладела также и его разумом, то я не смог бы ему отомстить.

К счастью, Вентерс вскоре заметил моё присутствие, а его первоначальная отрешённость, вероятно, была вызвана размышлениями, в которые он был погружён. Его взгляд сосредоточился на мне, приняв то подленькое, вороватое выражение, которое у меня с ним ассоциировалось. Я ощущал, как сквозь его болезненную улыбку сочилось презрение ко мне. Он думал, что нашёл дурачка, который будет развлекать его до самого конца. Я сидел, держа его за руку. Мне ужасно хотелось отломать его костлявые пальцы и засунуть их во все дыры его тела. Я считал его виноватым в том, что мне пришлось сделать с Кэвином, да и во всём остальном.

— Ты хороший парень, Дэви. Жаль, что мы познакомились в таких обстоятельствах, — прохрипел он, повторив ту избитую фразу, которой всегда встречал меня. Я с силой сжал его руку. Он посмотрел на меня непонимающим взглядом. Хорошо. Значит, этот ублюдок всё ещё чувствует физическую боль. Я не собирался причинять ему такого рода страдания, но они были приятным дополнением. Я говорил внятно, ровным тоном:

— Я сказал тебе, что заразился через шприц, Ал. Я соврал тебе. Я тебе много чего наврал.

— Ты это о чём, Дэви?

— Послушай, что я тебе расскажу, Ал. Я заразился от девушки, с которой встречался. Она не знала, что у неё ВИЧ. Она заразилась от одного говнюка, с которым познакомилась в баре. Она была немного пьяная и немного наивная, эта девчонка. Понимаешь? Этот козёл сказал ей, что у него дома осталось немного шмали. И она пошла с этим козлом. К нему домой. Ублюдок изнасиловал её. Ты не знаешь, что он с ней сделал, Ал?

— Дэви… что ты…

— Тогда я тебе расскажу, сука. Он пригрозил ей ножом. Связал её. Выебал её в пизду, выебал её в жопу и заставил её отсосать у себя. Девочка была запугана. Унижена. Ну что, припоминаешь, сука?

— Я не… я не знаю, о чём ты, Дэви…

— Не-на-до-ля-ля! Ты помнишь Донну. Помнишь «Южный бар».

— Я был бухой… — вспомни, что ты говорил…

— Я врал. Это была выдумка. У *меня* никогда бы не встал, если б я знал, что в *моей* сперме есть это дерьмо. Я бы не стал выставлять себя на помешище.

— А малой Гогси… помнишь?

— Заткни свой грязный рот. Малой Гогси просто воспользовался удобным предлогом. А ты сидел себе там, словно это было рождественское представление, — проскрипел я, видя, как капли моей слюны растворялись в тонком слое пота, покрывавшем его сморщенное лицо. Я взял себя в руки и продолжил:

— Для девицы настали тяжёлые времена. Но у неё была огромная сила воли. Другую бы женщину это сломило, но Донна постаралась обо всём забыть. Зачем портить себе жизнь из-за какого-то брызжущего спермой козла? Легче сказать, чем сделать, но она это сделала. Тогда она ещё не знала о том, что этот подонок был ВИЧ-инфицированным. Потом она познакомилась с другим парнем. Они переспали. Она ему нравилась, но он знал, что у неё проблемы с мужчинами и сексом. Оно и не мудрено, правда? — Мне хотелось задушить ту порочную силу, которая всю жизнь исходила из тела этой мрази. «Только не сейчас, — сказал я самому себе. — Только не сейчас, дурик». Я тяжело вздохнул и продолжил свой рассказ, заново переживая весь его ужас:

— Они с этим справились, эта девица и другой парень. Какое-то время всё у них было классно. Но потом она узнала, что тот блядский насильник был заражён ВИЧем. Потом она узнала, что она тоже заражена. Но подлинным ударом для этого человека — *настоящего* , *высоконравственного* человека, явилось то, что её новый парень тоже был заражён. И всё это из-за *тебя* , чёртов насильник. Этим новым парнем был *я* . *Я* . Круглый идиот, который сидит перед тобой, — я показал на себя.

— Дэви… извини, браток… — что я могу сказать? Ты был хорошим другом… это всё болезнь… страшная ёбаная болезнь, Дэви. Она губит безвинных, Дэви… губит безвинных.

— Ты опоздал. У тебя был шанс. Как у малого Гогси.

Он рассмеялся мне в лицо. Глухой, хриплый хохот.

— И что же ты… что же ты собираешься сделать?… Убить меня? Тогда вперёд… сделай мне одолжение… мне на это насрать, — Иссохшая смертельная маска словно бы оживилась, наполнившись непривычной, мерзкой энергией. Это был не человек. Очевидно, мне было удобнее так думать и легче было сделать то, что я должен был сделать, но даже теперь, при холодном свете дня, я всё равно в это верю. Пора было открыть карты. Я спокойно вытащил из бокового кармана фотографии.

— Не столько собираюсь, сколько уже сделал, — сказал я с улыбкой, упиваясь выражением смятения и страха, проступившим на его лице.

— Что это… что ты имеешь в виду? — Я ликовал. По его телу пробежала волна испуга, его череп затрясся, а разум охватили жесточайшие страхи. Он в ужасе смотрел на фотографии, не в силах разобрать, что на них изображено, и страстно желая узнать, какие жуткие тайны они в себе хранят.

— Представь себе самую худшую вещь, которую я мог бы сделать, для того чтобы тебя достать, Ал. Затем умножь её на тысячу… и всё равно это будет лишь жалким подобием, — я мрачно покачал головой.

Я показал ему фотографию, запечатлевшую меня и Фрэнсис. Мы уверенно позировали перед

камерой, простодушно демонстрируя самонадеянность влюблённых, у которых всё только началось.

— Блядство, — пролопотал он, трогательно пытаясь поднять своё высохшее тело в кровати. Я толкнул его кулаком в грудь и без труда уложил обратно. Я совершил это бесподобное движение медленно, упиваясь своей силой и его беспомощностью.

— Расслабься, Ал. Успокойся ты. Попустись. Не волнуйся. Помни о том, что говорили врачи и медсёстры. Тебе нужно отдыхать, — я отшвырнул первый снимок и показал ему следующий. — Это Кэвин снимал. Недурно для маленького пацанёнка, правда? О вот и сам *малец* . — На следующей фотографии Кэвин, одетый в костюм шотландского футболиста, сидел у меня на плечах.

— Что ты сделал, сука… — Это был не голос, а какой-то шум. Казалось, будто он исходил не изо рта, а из какой-то неопределённой части его умирающего тела. Меня потрясла его замогильность, но я старался говорить беззаботным тоном:

— Собственно, вот что, — я вытащил третье фото. На нём Кэвин был привязан к кухонному стулу. Его голова тяжело свесилась набок, а глаза были закрыты. Если бы Вентерс присмотрелся повнимательнее, то заметил бы, что веки и губы его сына были синюшного оттенка, а лицо — почти такой же белизны, как у клоуна. Но я убеждён, что Вентерс заметил только тёмные пятна на его голове, груди и коленях и кровь, сочившуюся из них и покрывавшую всё его тело, так что поначалу даже трудно было понять, что мальчик голый.

Кровь была повсюду. На линолеуме под стулом Кэвина виднелась тёмная лужа. Тонкие струйки забрызгали кухонный пол. Набор рабочих инструментов, включая электродрель «Бош» и шлифовальный станок «Блэк-энд-Деккер», вдобавок к различным заострённым ножам и отвёрткам, был разложен у ног выпрямленного тела.

— Нет… нет… Кэвин… ради бога, нет… он ничего не сделал… никакого вреда… нет… — стонал он. Отвратительный, ноющий звук, безнадёжный и нечеловеческий. Я грубо схватил его за тонкие волосы и оторвал его голову от подушки. С извращённым наслаждением я заметил, что его костлявый череп как бы опустился на дно его обвисшей кожи. Я ткнул снимок ему в лицо:

— Я подумал, что юный Кэв должен стать таким же, как папа. Поэтому, когда мне надоело трахать твою бывшую подружку, я решил кинуть малышу Кэву одну палочку через его… э… «чёрный» ход. Я подумал, если у папули ВИЧ, то у его отродья он тоже должен быть.

— Кэвин… Кэвин… — простонал он.

— К сожалению, его жопка оказалась слишком узкой для меня, и мне пришлось слегка её расширить с помощью строительной дрели. Увы, я немного увлёкся и начал сверлить дырки по всему телу. Это сразу напомнило мне тебя, Ал. Мне бы очень хотелось сказать, что всё прошло безболезненно, но я не стану лгать. По крайней мере, всё относительно быстро закончилось. Во всяком случае, быстрее, чем подыхать в кровати. Он умер через двадцать минут. Двадцать вопящих, жалобных минут. Бедняжка Кэв. Как ты сказал, Ал, эта болезнь губит безвинных.

По его щекам катились слёзы. Он без конца твердил «нет» сквозь глухие, сдавленные рыдания. Его голова дёргалась у меня в руках. Опасаясь, как бы в палату не вошла сестра, я вынул из-под него одну из подушек.

— Последнее слово малыша Кэвина было: «папа». Это было последнее слово твоего ребёнка, Ал. «Извини, приятель. Папа далеко», — вот, что я ему ответил. «Папа далеко», — я посмотрел ему прямо в глаза — сплошные зрачки, чёрная пустота страха и полного поражения.

Я опустил его голову вниз и накрыл её сверху подушкой, чтобы заглушить мерзкие стоны. Я крепко

надавил на неё и прижал к ней голову: тяжело дыша, я напевал старенькую песенку «Бони Эм», переиначивая слова: «Папа, папа Класс, папа, папа Класс… какой ты пидорас, пока, папа Класс…»

Я весело пел, пока ослабевший Вентерс не перестал сопротивляться.

Прижимая подушку к его лицу, я вытащил из его шкафчика номер «Пентхауса». Ублюдок был настолько слаб, что не мог бы даже перевернуть страницу, не то что подрочить. Но его гомофобия была настолько сильна, что он, вероятно, держал этот журнал на видном месте, для того чтобы внушить окружающим нелепое представление о своей сексуальности. Даже сгнивая заживо, он прежде всего заботился о том, чтобы никто не подумал, будто он «голубой». Я положил журнал на подушку и неторопливо пролистал его, а потом потрогал пульс Вентерса. Глухо. Чувак отбросил копыта. Но что гораздо важнее — он умер в ужасных душевных муках.

Убрав подушку с трупа, я приподнял его мерзкую хлипкую голову, а потом выпустил её из рук. Я рассматривал её несколько минут. Глаза были открыты, рот тоже. Вид дурацкий — мрачная карикатура на человека. Наверно, все трупы такие. Но заметьте, Вентерс был таким всегда.

Моё жгучее презрение вскоре сменилось приступом тоски. Я не мог понять, откуда она взялась. Я отвернулся от тела. Посидев ещё пару минут, я вышел сказать сестре, что Вентерс сыграл в ящик.

На похороны Вентерса в сифилдском крематории я пришёл вместе с Фрэнсис. Она была очень взволнована, и я чувствовал себя обязанным поддержать её. Это событие могло бы побить рекорд по малочисленности присутствующих. Пришли только его мать да сестра, а также Том и несколько человек из «ВИЧ — положительно».

Священник не сумел сказать о Вентерсе ничего хорошего и, надо отдать ему должное, не стал лгать. Это было очень короткое и прелестное представление. «Алан совершил много ошибок в своей жизни», — сказал он. Никто ему не возражал. «Алан будет, как и все мы, судим Господом, который дарует ему спасение». Интересное мнение, но мне почему-то кажется, что если этот ублюдок пропишется в раю, то небесному дедуле будет с ним слишком много мороки. Если же его всё-таки туда пустят, что ж, я попытаю счастья и на том свете, премного благодарен.

На улице я остановился посмотреть на венки. У Вентерса был только один: «Алану — мама и Сильвия, с любовью». Насколько мне известно, они ни разу не проведали его в приюте. Очень мудро с их стороны. Некоторых людей легче любить, когда их нет с вами рядом. Я потряс руки Тому и остальным, а потом повёл Фрэн и Кэва есть дорогое мороженое в «Лукасе» в Масселбурге.

Разумеется, я обманул Вентерса насчёт того, что я сделал с Кэвином. В отличие от него, я не зверь. Но я вовсе не горжусь тем, что я *действительно* сделал. Я подвергал большому риску здоровье ребёнка. Я работал в операционной и знаю по опыту, какую важную роль играет анестезиолог. Я имею в виду парней, которые поддерживают в вас жизнь, а не садюг типа Хауисона. После того, как вам уколят обезболивающее и вы теряете сознание, вас подключают к системе жизнеобеспечения. Все показатели жизнедеятельности вашего организма тщательно контролируются. Они о вас заботятся.

Хлороформ — гораздо более грубое средство, к тому же весьма опасное. Я до сих пор содрогаюсь при одной мысли о том, какой опасности я подвергал малыша. К счастью, Кэвин проснулся. Правда, с головной болью и кошмарными воспоминаниями, оставшимися после «путешествия» на кухню.

Муляжи ран я приобрёл в магазине розыгрышей и подмалевал их гамброльскими эмалевыми красками. С помощью косметики Фрэн и талька я создал чудесную посмертную маску Кэва. Но моей самой большой удачей были три пластиковых пинтовых мешочка с кровью, которые я взял из холодильника в больничной лаборатории. Меня охватила паранойя, когда в коридоре я поравнялся с этим мудаком Хауисоном, и он злобно посмотрел на меня. Впрочем, он всегда на меня так смотрел. Наверное, потому,

что я однажды назвал его «доктором», а не «мистером». Он забавный чудак. Как и большинство хирургов. Поневоле станешь таким на этой работе. Как и на работе Тома.

Отключить Кэвина оказалось довольно просто. Труднее всего было смонтировать всю мизансцену, а потом разобрать её в течение получаса. Скольких трудов мне стоило отмыть его, прежде чем уложить обратно в постель! Я обливал его водой и натирал скипидаром. Остаток ночи ушёл на уборку кухни перед приходом Фрэнсис. Но мои усилия были оправданы. Снимки получились правдоподобными. Достаточно правдоподобными, чтобы обдурить Вентерса.

После того, как я помог Алу отправиться на великий сейшн на небесах, моя жизнь стала просто замечательной. Наши с Фрэнсис дорожки разошлись. Мы никогда не подходили друг другу. Для неё я был просто нянькой и денежным мешком. Для меня же, после смерти Вентерса, эти отношения стали явно излишними. Я больше скучал по Кэву. Мне даже захотелось завести ребёнка. Теперь, когда это было невозможно. Однажды Фрэнсис сказала мне, что я возродил её веру в мужчин, разрушенную Вентерсом. Как это ни странно, я, по-моему, нашёл своё место в жизни — расчищать эмоциальный мусор, оставленный этим хреном.

Самочувствие у меня (постучать по дереву) хорошее. Я до сих пор асимптоматический больной. Боюсь простудиться и порой страдаю навязчивыми страхами, но продолжаю заботиться о своём здоровье. Я не пью, максимум — пропущу баночку пива. Не ем всё без разбора и ежедневно делаю лёгкую зарядку. Я регулярно сдаю кровь на анализы и слежу за количеством Т4. До роковой отметки 800 пока ещё очень далеко; на самом деле, оно вообще не снижается.

Теперь я снова с Донной, которая стала невольным проводником ВИЧа между мной и Вентерсом. Мы обрели нечто такое, чего бы, вероятно, никогда не получили друг от друга в иных обстоятельствах. А может, и получили бы. Во всяком случае, мы не думаем об этом: на это у нас нет времени. Однако я обязан отдать должное Тому из нашей группы. Он говорил, что мне нужно преодолеть свой гнев, и был прав. Всё же я выбрал самый короткий путь предания Вентерса забвению. У меня осталось лишь небольшое чувство вины, но я с ним справлюсь.

В конце концов, я рассказал родителям о том, что я ВИЧ-инфицированный. Мама расплакалась и вцепилась мне в грудь. Старик не сказал ничего. Краска сошла у него с лица, пока он сидел и молча смотрел «Новости спорта». Когда плачущая жена стала умолять его сказать хоть что-нибудь, он произнёс только:

— Тут нечего сказать.

И всё твердил эту фразу. Даже не посмотрел мне в глаза.

Вечером того же дня, когда я вернулся домой, раздался звонок в дверь. Решив, что это Донна, я открыл двери на лестницу и на улицу. На пороге стоял мой старик со слезами на глазах. Он впервые был у меня дома. Он подошёл ко мне и сжал меня в крепких объятиях, рыдая и повторяя:

— Сыночек.

Это было в сотни раз лучше, чем «тут нечего сказать».

Я плакал громко и без стеснения. С родителями получилось так же, как с Донной. Мы обрели душевную близость, которой в противном случае могли бы не обрести. Жаль, что пришлось так долго ждать, чтобы стать человеком. Но лучше поздно, чем никогда, могу вас заверить.

За спиной играют какие-то ребятишки, полоска травы отсвечивает электрической зеленью в сверкающих солнечных лучах. Небо удивительно ясное и голубое. Жизнь прекрасна. Я буду наслаждаться ею и проживу долго. Медики называют это длительной выживаемостью. Просто я *знаю* , что так будет.

Есть свет, что никогда не гаснет

Они выходят из парадной двери в темноту пустынной улицы. Одни из них двигаются рывками, как маньяки: они возбуждены и шумливы. Другие бредут молча, как привидения, чувствуя боль внутри и боясь предстоящих им ещё большей боли и неприятностей.

Они держат путь в пивную, которая как бы подпирает осыпающийся жилой дом на боковой улочке между Истер-роуд и Лейт-уок. В отличие от своих соседок, эта улочка не удостоилась чистки фасадов, и здание такое же закопчённое, как лёгкие человека, выкуривающего две пачки в день. В кромешной тьме трудно различить даже контуры дома, проступающие на фоне неба. Их подчёркивают только одинокий огонёк, горящий в окне верхнего этажа, да яркий уличный фонарь, выглядывающий сбоку.

Фасад бара выкрашен густой, блестящей синей краской, а его вывеска с рядом пивных кружек выполнена в духе начала 70-х, когда считалось, что все бары должны иметь стандартный вид, а индивидуальные различия недооценивались. Подобно окружающим домам, этот бар уже на протяжении двадцати лет довольствовался только самым поверхностным ремонтом.

Сейчас 5.06 утра, и жёлтые огни трактира уже зажглись — тихая гавань среди тёмных, мокрых, безжизненных улиц. Картошка подумал о том, что он уже несколько дней не видел дневного света. Они, как вампиры, вели преимущественно ночной образ жизни, в полную противоположность большинству обитателей близлежащих домов, существование которых делилось на работу и сон. Хорошо было отличаться от других.

Несмотря на то, что бар открылся всего несколько минут назад, в нём было многолюдно. Внутри располагалась длинная стойка с пластмассовым верхом и несколькими насосами и кранами. На грязном линолеуме стояли шаткие, раздолбанные столы в том же пластмассовом стиле. За стойкой высился деревянный резной буфет, до нелепого помпезный. Тусклый жёлтый свет открытых лампочек резко преломляли стены, потемневшие от никотина.

В баре сидели *настоящие* сменные рабочие пивоваренного завода и служащие больницы, которым по праву разрешалось выпивать здесь в столь ранний час. Но была здесь и небольшая группка отчаянных посетителей, которых приведа сюда нужда.

Компанию, вошедшую в бар, тоже гнала нужда. Нужда в алкоголе, который мог продлить их опьянение или снова принести его и оттянуть наступление мрачного, депрессивного похмелья. Ими руководила также другая, более настоятельная потребность — потребность друг в друге и в той силе, которая связывала их в течение последних нескольких дней кутежа.

Их появление привлекло внимание пожилого пьяницы неопределённого возраста, прислонившегося к стойке. Лицо этого человека было изуродовано употреблением дешёвых спиртных напитков и ледяным ветром, безжалостно дующим с Северного моря. Казалось, у него на лице лопнул каждый подкожный кровеносный сосудик, сделав его похожим на недоваренную угловатую сосиску, какие подают в местных забегаловках. Его глаза были контрастного холодно-голубого оттенка, хотя их белки были примерно такого же цвета, как стены пивной. Когда шумная компания подошла к стойке, он растянулся в улыбке, видимо, кого-то узнав. Один из этих молодых людей («А может, и не один», — язвительно подумал он) был его сыном. В своё время, когда женщины определённого типа находили его привлекательным, он довольно много произвёл их на свет. Это было ещё до того, как алкоголь изуродовал его внешность и превратил его жестокую, колкую речь в неразборчивое ворчание. Он вопросительно посмотрел на молодого человека и собрался было что-то сказать, но потом понял, что сказать ему нечего. Ему всегда нечего было сказать ему.

Молодой человек даже не заметил его, сосредоточив всё своё внимание на выпивке. Старый пьяница видел, что молодой человек доволен своей компанией и выпивкой. Он вспомнил то время, когда сам находился в таком же положении. Удовольствие и компания исчезли, а выпивка осталась. На самом деле, она целиком заполнила собой брешь, образовавшуюся после исчезновения двух первых.

Картошке абсолютно не хотелось пить пиво. Перед тем как выйти из квартиры Доузи, он внимательно рассмотрел своё лицо в зеркале ванной. Оно было бледным, усыпанным угрями, с тяжёлыми, нависающими веками, которые словно пытались оградить его от реальности. Лицо увенчивали стоящие торчком пучки рыжеватых волос. Он подумал о том, что неплохо было бы выпить сначала томатного сока, чтобы перестал болеть живот, или свежего оранжада или лимонада, которого требовал его обезвоженный организм, а уж потом снова приняться за алкоголь.

Он убедился в том, что ситуация безвыходна, когда кротко взял кружку «лагера», протянутую ему Фрэнком Бегби, который стоял ближе всех к стойке.

— Твоё здоровье, Франко.

— Мне «гиннесс», Франко, — попросил Рентон. Он только что вернулся из Лондона. Он так же радуется тому, что вернулся, как радовался тому, что уезжал.

— «Гиннесс» тут дерьмовый, — говорит ему Гев Темперли.

— Всё равно.

Доузи поднимает брови и поёт барменше:

— Да, да, да, ты прекрасна, любовь моя.

Они провели конкурс на самую дурацкую песенку, и теперь Доузи без умолку поёт свой хит, ставший победителем.

— Заткнись, Доузи, — Элисон подталкивает его локтем в рёбра. — Хочешь, чтобы нас отсюда вышвырнули?

Впрочем, барменша на обращает на него внимания. Тогда он разворачивается и поёт Рентону. Рентон только устало улыбается. По его мнению, беда Доузи в том, что если ему потакать, то он готов себе жопу надорвать. Это было относительно забавно пару дней назад, но, во всяком случае, не так смешно, как его собственная версия «Бегства» («Пина Колада») Руперта Холмса.

— *Я помню вечер нашей встречи в Рио…* это «гиннесс» такой говённый. Дурак, что взял его, Марк.

— Я уже говорил ему, — торжествующе говорит Гев.

— Какая разница, — отвечает Рентон, ленивая ухмылка не сходит у него с лица. Он чувствует, что напился. Он чувствует, как рука Келли залезла к нему под рубашку и щипает его за сосок. Она делала это всю ночь и говорила, что ей ужасно нравится плоская, безволосая грудь. Как приятно, когда тебя щипают за соски. У Келли это здорово получается.

— Водку с тоником, — говорит она Бегби, который машет ей у стойки. — И джин с лимонадом для Эли. Он пошла в туалет.

Картошка с Гевом продолжают разговаривать у стойки, а остальные занимают места в углу.

— Как Джун? — спрашивает Келли у Франко Бегби, имея в виду его подружку, которая, по слухам, недавно родила и опять залетела.

— Кто? — Франко агрессивно поднимает плечи. Разговор окончен.

Рентон смотрит утреннюю программу по телевизору.

— Энн Даймонд.

— Чё? — Келли смотрит на него.

— Я б её, на хуй, трахнул, — говорит Бегби.

Элисон и Келли поднимают брови и пялятся на потолок.

— Не, но, её ж бэбик задохнулся в кроватке. Так же, как Леслин. Малютка Доун.

— Какой ужас, — говорит Келли.

— А на самом деле, класс. Если б девка не задохнулась в кроватке, то подохла бы от ёбаного СПИДа. Ей же самой лучше, блядь, — заявил Бегби.

— У Лесли не было ВИЧа! Доун была совершенно здоровым ребёнком! — шипит на него Элисон, вне себя от злости. Хотя Рентон и сам расстроен, он всё же не может не отметить, что, когда Элисон сердится, она всегда начинает говорить на изысканном английском. Он испытывает смутное чувство вины за свою пошлость. Бегби ухмыляется.

— А кто его знает, — клевещет Доузи. Рентон бросает на него суровый, вызывающий взгляд, которым он никогда бы не рискнул посмотреть на Бегби. Агрессия, направленная туда, где на неё не ответят взаимностью.

— Просто я говорю, что никто, на самом деле, не знает, — Доузи робко пожимает плечами.

У стойки Картошка и Гев праздно беседуют.

— Думаешь, Рентс трахнет Келли? — спрашивает Гев.

— Не знаю. Она разошлась с этим Десом, это самое, а Рентс больше не встречается с Хэйзел. Вольные птахи, и всё такое, да.

— Эта сука Дес. Ненавижу этого дебила.

— …не знаю этого кошака, это самое… да.

— Всё ты знаешь, сука! Он твой ёбаный двоюродный брат, Картоха. Дес! Дес Фини!

— …а-а… *тот* Дес. Всё равно я его почти не знаю. Просто, это самое, сталкивался пару раз с этим чувачком, когда мы ещё были пацанами, врубаешься? Тяжко, Хэйзел на вечерине с другим парнем, это самое, а Рентс — с Келли, да… тяжко.

— Всё равно эта Хэйзел — надутая корова. Я ещё ни разу не видел, чтоб она улыбалась. Не удивительно, что она сошлась с Рентсом. Какой кайф лазить с чуваком, который постоянно ходит уторчанный?

— Ага, это самое… тяжко… — Картошка на мгновение задумывается над тем, не намекает ли Гев на него самого, говоря о людях, которые постоянно ходят уторчанные, но потом приходит к выводу, что это было безобидное замечание. Гев был совершенно прав.

Помрачённый рассудок Картошки обращается к теме секса. Все уже, похоже, успели перетрахаться, все, за исключением его. А он очень любит тутуриться. Но его проблема в том, что трезвый он очень робеет, а пьяный или вмазанный не может связать двух слов, чтобы произвести впечатление на женщину. В данный момент ему нравится Никола Хэнлон, которая, по его словам, чем-то похожа на Кайли Миноуг.

Несколько месяцев назад Никола заговорила с ним, когда они шли с вечеринки в Сайтхилле на вечеринку в Уэстер-Хейлз. Отделившись от остальных, они наболтались вдоволь. Никола оказалась очень общительной, а Картошка, закинутый «спидом», трещал без остановки. Ему казалось, что она ловит каждое

его слово. Картошке хотелось идти и идти бесконечно, идти и разговаривать. Когда они спустились в подземный переход, он решил попробовать обнять Николу. И тогда у него в голове всплыли слова песни «Смитс», которую он всегда любил, под названием «Есть свет, что никогда не гаснет»:

и в тёмном переходе я подумал
о боже, наконец пришёл мой шанс
но вдруг меня сковал нелепый страх
слова застыли на губах

Моррисcэй своим печальным голосом выразил его собственные чувства. Он не обнял Николу и поставил крест на всех своих попытках замолодить её. Вместо этого он заперся с Рентсом и Метти в спальне, наслаждаясь блаженной свободой от необходимости думать, снимет он её или нет.

Картошка добивался секса, обычно, только тогда, когда становился намного напористее. Но даже в этих редких случаях его повсюду подстерегала беда. Однажды вечером Лора Макэван, девица с кошмарной сексуальной репутацией, заграбастала его в баре «Грассмаркет» и потащила к себе домой.

— Я хочу, чтоб ты лишил девственности мою задницу, — сказала она ему.

— Э? — Картошка не верил своим ушам.

— Выеби меня в жопу. Я ещё никогда этого не делала.

— Э, ага, это было бы… классно, э, это самое, э, хорошо…

Картошка ощутил себя избранным. Он знал, что Дохлый, Рентон и Метти были с Лорой, которая прифакивалась к каждому парню из их компании, а затем переходила к следующему. Вся суть была в том, что они никогда не делали с ней того, что должен был сделать он.

Однако для начала Лора проделала над Картошкой некоторые манипуляции. Она связала изолентой его кисти и лодыжки.

— Просто я не хочу, чтобы ты сделал мне больно. Понимаешь? Мы будем делать это боком. Как только мне станет больно, всё, пиздец. Согласен? Потому что никто не может сделать мне больно. Ни один пидор не может сделать мне больно. Ты меня понял? — сказала она с горечью в голосе.

— Ага… понял, это самое, понял… — сказал Картошка. Он не хотел никому причинять боль и был шокирован этим наездом.

Лора отступила назад и полюбовалась своей работой.

— Выеби меня, это так классно, — сказала она, поглаживая промежность. Голый Картошка лежал на кровати, связанный по рукам и ногам. Он чувствовал себя беззащитным и почему-то стеснялся. Его ещё никогда не связывали, и ему никогда не говорили, что он классный. Тем временем Лора взяла в рот его длинный и тонкий член и начала его сосать.

Она чувствовала интуитивно и знала по опыту, когда нужно остановиться. До предела возбуждённый Картошка вот-вот должен был кончить. В этот момент она встала и вышла из комнаты. Связанного Картошку охватила паранойя. Все говорили, что Лора чокнутая. Она трахала всех и каждого, с тех пор как упекла своего постоянного партнёра, парня по имени Рой, в психушку, сытая по горло его импотенцией, запоями и депрессией. Но, в первую очередь, конечно, импотенцией.

— Он уже сто лет не ебал меня как следует, — говорила Лора Картошке, словно оправдываясь за то, что сдала его в дурдом. Впрочем, рассуждал Картошка, её жестокость и безжалостность были частью её привлекательности. Например, Дохлый называл её «богиней секса».

Она вернулась в спальню и посмотрела на него, связанного и находящегося в полной её власти.

— Теперь я хочу, чтоб ты отдрючил меня в жопу. Но сначала я хорошенько намажу твой хуй вазелином, чтоб он не сделал мне больно, когда ты будешь его вставлять. Мои мышцы сожмутся, потому что это для меня впервые, но я попытаюсь расслабиться, — она взяла косяк и сделала глубокую затяжку.

Лора была не очень-то аккуратной девушкой. Вазелина в ванной не оказалось. Но она отыскала какое-то другое вещество, которое можно было использовать вместо смазки. Оно было липким и клейким. Лора обильно намазала им Картошкин член. Это был резиновый клей.

Он въелся ему в кожу, и Картошка заорал благим матом от нестерпимой боли. Он судорожно извивался на кровати, ощущая, как отваливается головка его пениса.

— Блядство. Извини, Картошка, — сказала Лора, разинув рот от неожиданности.

Она помогла ему встать с постели и добраться до туалета. Он поскакал к умывальнику; слёзы боли застилали ему глаза. Лора набрала в раковину воды и ушла искать нож, чтобы разрезать изоленту на его кистях и лодыжках.

С трудом удерживая равновесие, Картошка окунул свой член в воду. Жжение внезапно усилилось, и он отскочил в шоке назад. Падая на спину, он задел головой унитаз и разбил себе бровь. Когда вернулась Лора, Картошка лежал без сознания, а густая, тёмная кровь стекала на линолеум.

Лора вызвала «скорую». Картошка очнулся в больнице с шестью швами на брови и тяжёлым сотрясением мозга.

Он так и не трахнул её в задницу. По слухам, расстроенная Лора сразу же позвонила Дохлому, который приехал и заменил своего друга.

Вскоре после этого случая Картошка увлёкся Николой Хэнлон.

— Э, странно, что малютка Никки не пришла на вечерину, это самое… знаешь малютку Никки, это самое? — спросил он Гева.

— Угу. Грязная шлюшка. Ебётся во все дыры, — как бы невзначай обронил Гев.

— Правда?

Заметив с трудом скрываемые тревогу и беспокойство на лице Картошки и упиваясь ими, Гев продолжил холодным, отрывистым, деловым тоном, внутренне ликуя:

— Угу. Я оттопырил её пару раз. Кстати, она неплохо ебётся. Дохлый с ней был. Рентс, и всё такое. Томми, наверно, тоже. Одно время он за ней увивался…

— Да?… э, ясно… — Картошка поник и в то же время обрадовался. Он решил впредь реже ширяться, чтобы не пропускать того, что творится у него под носом.

За столиком Бегби объявляет о том, что ему нужно основательно подкрепиться:

— Ёбаный я Ли Марвин! Давайте захаваем по бутерброду и забуримся в какой-нибудь пиздатый кабак. — Подобно заносчивому аристократу, попавшему в стеснённые обстоятельства, он окидывает злобным взглядом этот похожий на пещеру, почерневший от никотина бар. Он только сейчас заметил старого пьяницу у стойки.

Было ещё темно, когда они вышли из пивной и отправились в кафе на Портленд-стрит.

— Всем по полному завтраку, — Бегби с восторгом смотрит на остальных.

Все одобрительно кивают, за исключением Рентона.

— Не-а, я мяса не хочу, — говорит он.

— Тогда я заточу твой ёбаный бекон, сосиску и ёбаную кровянку впридачу, — предложил Бегби.

— Ради бога, — саркастично замечает Рентон.

— Тогда махнёмся, на хуй, на мою ёбаную яичницу с бобами и томатом!

— Ладно, — начинает Рентон, а потом поворачивается к официантке: — Вы жарите на растительном или на животном жире?

— На животном, — отвечает официантка, глядя на него, как на дебила.

— Не заёбывай, Рентс. Какая тебе разница, — встревает Гев.

— Марк сам вправе решать, что ему есть, — поддерживает его Келли. Элисон тоже кивает. Рентон чувствует себя крутым сутенёром.

— Ты хочешь всё пересрать, Рентс? — рычит Бегби.

— Что значит пересрать? Булочку с сыром, — заказывает он, повернувшись к официантке.

— Все согласны, блядь. Всем по полному ебучему завтраку, — подводит итог Бегби.

Рентон не верит своим ушам. Ему хочется послать Бегби на хуй. Но он перебарывает этот порыв и только медленно качает головой:

— Я не ем мяса, Франко.

— Ёбаное вегетарианство. Ёбаный пиздёж. Ты должен есть мясо. Ёбаный торчок заботится, на хуй, о том, что он вводит в свой в организм! Я угораю, бля!

— Просто я не люблю мяса, — отвечает Рентон, чувствуя себя полным дураком, и все начинают хихикать.

— Только не пизди мне о том, что тебе жалко ёбаных животных. Вспомни тех ёбаных собак и кошек, в которых мы с тобой, на хуй, стреляли из духовых ружбаек! А ещё ёбаных голубей, которых мы жгли живьём. Этот чувак делал ебучие шутихи — типа как фейерверки — из белых мышей.

— Мне не жалко животных. Просто я не могу их есть, — Рентон пожимает плечами, смущённый тем, что Келли узнала о его подростковых зверствах.

— Бессердечные ублюдки. Не представляю, как можно выстрелить в собаку, — ехидничает Элисон, качая головой.

— А я не представляю себе, как можно убить и съесть свинью, — Рентон показывает на бекон и сосиску у неё на тарелке.

— Это разные вещи.

Картошка озирается вокруг:

— Это, э, это самое… Рентс поступает правильно, но только типа как неправильно объясняет. Мы никогда, это самое, не научимся любить друг друга, если не будем заботиться о тех, кто слабее нас, это самое, животных там, и всё такое… но хорошо, что Рентс — вегетарианец… это самое, если ты можешь воздерживаться… это самое…

Бегби неуклюже трясётся всем телом и жестом заставляет Картошку замолчать. Остальные смеются. Рентон, благодарный Картошке за попытку поддержать его, вмешивается, чтобы перевести огонь на себя.

— Дело не в воздержании. Просто я терпеть не могу мяса. Меня от него тошнит. Вот и всё.

— И всё равно я говорю, блядь, что ты хочешь всё, на хуй, пересрать.

— Почему?

— Потому что я так сказал, блядь, вот почему, на хуй! — шипит Бегби, показывая на себя.

Рентон опять пожимает плечами. Спорить дальше нет смысла.

Они уписывают за обе щеки, все, за исключением Келли, которая балуется своей едой, не обращая внимания на хищные взгляды окружающих. В конце концов, она швыряет несколько кусочков на пустые тарелки Франко и Гева.

Когда в ресторан заходит нервный и стеснительный парень в футболке с надписью «Сердца», чтобы купить чего-то на вынос, они начинают скандировать: «Хибсам позор, позор, позор!» После этого их просят уйти. Тогда они разражаются попурри из футбольных и попсовых песенок. Женщина за прилавком грозится позвонить в полицию, и они любезно освобождают помещение.

Они заходят в другой бар. Рентон и Келли выпивают по одной, а потом вместе линяют. Гев, Доузи, Бегби, Картошка и Элисон продолжают бухать. Доузи, который уже давно шатался, теперь в полном отрубе. Бегби сажает к себе на хвост парочку знакомых психов, которых встречает у стойки. Гев обнимает Элисон жестом собственника.

Картошка слышит первые аккорды «Фарфора в твоей руке» и сразу же догадывается, что Бегби добрался до музыкального автомата. Он всегда ставит эту песню, или «Удиви меня» группы «Берлин», или «Разве ты не хочешь меня» группы «Хьюмен Лиг» или какую-нибудь песню Рода Стюарта.

Когда Гев, шатаясь, уходит в туалет, Элисон поворачивается к Картошке:

— Кар… Денни. Пошли отсюда. Я хочу домой.

— Э… ага… это самое.

— Но я не хочу идти домой одна, Денни. Пошли со мной.

— Э, да… домой, хорошо… э… ладно.

Они выползают из задымлённого бара настолько незаметно, насколько позволяют их убитые тела.

— Пошли ко мне, и побудь со мной немного, Денни. Только никакой наркоты. Просто мне сейчас не хочется оставаться одной, Денни. Понимаешь, о чём я? — Элисон смотрит на него напряжённым, полным слёз взглядом, пока они плетутся по улице.

Картошка кивает. Ему кажется, что он понимает, о чём она говорит, потому что ему тоже не хочется оставаться одному. Хотя никогда нельзя быть уверенным, никогда в жизни нельзя ни в чём быть уверенным.

Ощущение свободы

Элисон становится прямо-таки несносной. Я сижу с ней в этой кафешке, пытаясь разобраться в той пурге, которую она несёт. Она гонит на Марка, что, в принципе, справедливо, но это начинает действовать мне на нервы. Я знаю, что она желает мне добра, но как насчёт Саймона, который приходит и использует её, когда ему больше некого трахнуть? На её месте я бы помалкивала.

— Пойми меня правильно, Келли. Мне нравится Марк. Но у него масса проблем. Он не тот человек, которой тебе сейчас нужен.

Эли считает себя вправе поучать меня, потому что я залетела от Деса и мне пришлось сделать аборт, и всё такое. Но какая же она доставучая. Послушала бы себя со стороны. Сама никак не спрыгнет с героина, а лезет поучать других.

— Хорошо, значит, Саймон — это тот, кто тебе нужен?

— Я этого не говорила, Келли. Это к делу не относится. По крайней мере, Саймон пытается слезть с «чёрного», а Марку всё по барабану.

— Марк не торчок, он просто иногда колется.

— Ну, конечно. Ты чё, Келли, с луны свалилась? Его даже Хэйзел из-за этого бросила. Он сам никогда не спрыгнет. Ты уже говоришь, как наркоманка. Продолжай в том же духе, и скоро ты тоже начнёшь торчать.

Я не собиралась с ней спорить. К тому же, ей пора было на встречу в жилищный комитет.

Её вызывали туда в связи с задолженностью по квартплате. Она была не в себе и крайне напряжена, но парень за столом попался нормальный. Эли объяснила, что она слезла с иглы и прошла несколько собеседований по трудоустройству. Всё прошло отлично. Ей выделили определённую сумму для еженедельной выплаты.

Я поняла, что Эли до сих пор нервничает, увидев её реакцию на тех парней-работяг, которые свистнули нам возле почтамта.

— Привет, цыпка! — крикнул один из них.

Эта сумасшедшая корова повернулась к нему и сказала:

— У тебя есть девушка? Сомневаюсь, потому что ты — жирный, уродливый козёл. Так что лучше возьми порнуху, закройся в туалете и займись сексом с единственным человеком, у которого хватит шизы, чтобы до тебя дотронуться — с самим собой!

Парень посмотрел на неё с настоящей ненавистью, впрочем, он смотрел так на всех женщин. Но теперь у него появилась конкретная причина её ненавидеть.

Друзья этого парня закричали: «Тпру-у-у! Тпру-у-у!», подзуживая его, а он застыл на месте, трясясь от злости. Один из этих работяг кривлялся, как мартышка. Вот на кого они похожи — на низших приматов. Какие придурки!

— Вали на хуй, жаба! — огрызнулся он.

Но Эли не собиралась уступать. Было неловко и типа как смешно — несколько человек остановились посмотреть на разборку. Ещё две женщины с рюкзачками, похожие на студенток, стали рядом с нами. Мне было так классно. Шизня!

Эли (господи, она сумасшедшая) говорит:

— Минуту назад, когда вы к нам пристали, я была цыпкой. А теперь, когда я послала тебя на хуй, я стала жабой. Но ты-то так и остался жирным, уродливым козлом, сынок, и останешься им навсегда.

— Мы тоже так считаем, — сказала с австралийским акцентом одна из женщин с рюкзаком.

— Ёбаные лесбиянки! — крикнул второй парень. Наверно, он намекал на мои сиськи и назвал меня лесбиянкой только потому, что я не хотела ругаться с тупыми, отвратными дебилами.

— Если бы все парни были такими же мерзкими, как ты, я бы с гордостью стала лесбиянкой, сынок! — ответила я. Неужели я так сказала? Вот дура!

— Видимо, у вас проблемы, ребята. Почему бы вам не пойти и не трахнуть друг дружку? — предложила другая австралийка.

Вокруг нас собралась целая толпа, и две пожилые тётушки поделились впечатлениями.

— Какой ужас! Девушки так разговаривают с ребятами, — сказала одна из них.

— Никакой не ужас. Это чёртовы паразиты. Приятно видеть, что девушки могут постоять за себя. Не то что в дни моей молодости.

— Но выражения, Хильда, выражения, — первая тётушка поджала губы и передёрнулась.

— Вы лучше послушайте, какие у *них* выражения! — возразила я ей.

Парни высадились на измену — толпа зажала их со всех сторон. Она росла на глазах. Шизня! Потом подошёл этот мастер, строивший из себя ёбаного Рэмбо.

— Почему вы не следите за этими животными? — спросила одна из австралиек. — Им что, нечем заняться, кроме как приставать к людям на улице?

— Всем в помещение! — гаркнул он парням. Мы типа как вскрикнули от радости. Вот это клёво. Шизня!

Мы с Эли перешли через дорогу в кафе «Рио». За нами увязались австралийки и те две тётушки. «Австралийки», на самом деле, оказались новозеландками, которые действительно были лесбиянками, но нам было глубоко на это насрать. Они путешествовали вдвоём по всему свету. С ума можно сойти! Вот бы и мне так. Мне и Эли: это была б шизня. Но как подумаешь, что в ноябре снова возвращаться в Шотландию… Вот где настоящая шизня! Мы болтали и болтали о чём попало, и даже Эли вроде как перестала нервничать.

Потом мы решили вернуться ко мне на флэт, покурить травки и чего-то заточить. Мы пытались уломать тётенек пойти вместе с нами, но им надо было возвращаться домой, чтобы кормить своих мужей, хотя мы говорили им, что эти ублюдки и так перебьются.

Одну из них мы почти уговорили:

— Если бы мне было столько же лет, как вам, всё было бы по-другому, уверяю вас.

Мне было так клёво, я чувствовала себя совершенно свободной. Мы все чувствовали себя свободными. Фантастика! Эли, Вероника и Джейн (новозеландки) и я удолбились до потери пульса. Мы гнали на мужиков, называя их тупыми, неполноценными и примитивными тварями. Я ещё никогда не ощущала такой близости с другими женщинами и очень жалела, что я не лесбиянка. Иногда мне кажется, что мужики годятся только на то, чтобы перепихнуться от случая к случаю. А во всём остальном это сплошной геморрой. Может, я сумасшедшая, но если задуматься, то так оно и есть. Наша беда в том, что мы редко об этом задумывается и хаваем всё то дерьмо, которое подсовывают нам эти козлы.

Открывается дверь, и входит Марк. Я не могла удержаться и рассмеялась ему в лицо. Он выпал на измену, потому что мы все расхохотались над ним, удолбанные на всю голову. Может, это просто травка так подействовала, но он казался таким странным: мужики вообще выглядят очень странно — эти смешные, плоские тела и стрёмные головы. Как сказала Джейн, это уродливые существа, которые носят свои органы размножения снаружи. Бедненькие!

— Привет, цыпка! — кричит Эли, передразнивая того работягу.

— Да ну их в жопу! — смеётся Вероника.

— Я выебала его, бля. Неплохо поеблись, на хуй, я вам скажу. Типа как бочком, на хуй, сука! — говорю я, показывая на него и подражая голосу Бегби. Мы с Эли вдоволь настебались над Фрэнком Бегби, мечтой каждой женщины (в кавычках, конечно).

Бедняга Марк не обиделся, надо отдать ему должное. Только покачал головой и замеялся:

— Наверно, я не вовремя. Я звякну тебе завтра утром, — говорит он мне.

— Ой… Марк, бедненький… это всё бабская трепотня… понимаешь… — говорит Эли с виноватым видом. Я громко хохочу над тем, что она сказала.

— Чего-чего, бабская мотня? — спрашиваю. Мы снова угораем со смеху. Мне с Эли надо было родиться мужиками — нам везде секс мерещится. Особенно, когда накуримся.

— Ну ладно, пока, — он разворачивается и уходит, подмигнув мне на прощанье.

— Некоторые из них ещё ничего, — говорит Джейн, когда мы успокаиваемся.

— Ага, когда они в меньшинстве, блин, то ещё ничего, — говорю я, удивляясь, откуда у меня в голосе появилось раздражение, а потом решаю ничему не удивляться.

Неуловимый мистер Хант

Келли работает за стойкой пивной в Саут-сайде. Она очень занята — это популярное заведение. В эту субботу, когда Рентон, Картошка и Гев пришли сюда побухать, особенно много народу.

Стоя у телефона другой пивной, через дорогу, в бар звонит Дохлый.

— Я сейчас, Марк, — говорит Келли Рентону, подошедшему к стойке, чтобы заказать выпивку. Она снимает трубку: — Бар «Рузерфорд», — произносит она нараспев.

— Привет, — говорит Дохлый, изменяя свой голос на манер коммерческого училища Малькольма Рифкинда. — Марк Хант в баре?

— Здесь есть Марк Рентон, — отвечает Келли. Дохлому на секунду показалось, что его раскусили. Но он продолжает:

— Нет, я ищу Марка Ханта, — подчёркивает сочный голос.

— МАРК ХАНТ! — кричит Келли на весь бар. Посетители, почти сплошь мужчины, оборачиваются на неё: их лица расплываются в улыбках. — КТО-НИБУДЬ ВИДЕЛ МАРКА ХАНТА? — Несколько парней у стойки начинают громко гоготать.

— Не-а, а хотелось бы! — говорит один из них.

Келли не врубается. Смущённая их реакцией, она говорит:

— Этот парень в телефоне спрашивает Марка Ханта… — её голос падает, глаза расширяются, и она закрывает рот рукой: наконец-то до неё дошло.

— И не он один, — улыбается Рентон, когда Дохлый заходит в бар.

Им приходится буквально поддерживать друг друга, чтобы не повалиться на пол со смеху.

Келли выливает на них содержимое полупустого графина с водой, но они этого даже не замечают. Им лишь бы смеяться, а она чувствует себя оскорблённой. Она обижается на себя за то, что обиделась, что не поняла шутки.

Потом она осознаёт, что её беспокоит не шутка, а реакция на неё мужчин в баре. За стойкой она чувствует себя зверьком в клетке зоопарка, который сделал что-то забавное. Она смотрит на их лица, слившиеся в одну красную, глазеющую, злорадствующую массу. «Ещё одна шутка над женщиной, — думает она, — над этой дурёхой за стойкой».

Рентон смотрит на неё и видит её боль и злость. Это огорчает его. Смущает. У Келли прекрасное чувство юмора. Что с ней случилось? Но когда он окидывает взглядом бар и вслушивается в интонации смеющихся, у него в голове, подобно коленному рефлексу, вспыхивает мысль: «Не к месту». Это не весёлый смех.

Это смех линчующей толпы.

«Откуда я знал? — думает он. — Откуда я, блин, знал?»

Дома

«Лёгкие» деньги для профессионалов

Это был классный куш, очень классный куш, но, это самое, Бегби такой мерзкий тип, бля; я говорю, это самое.

— Запомни, никому ни слова, блядь. Ни одному ёбаному мудаку, — сказал он мне.

— Э, это самое, ну я ж понимаю, это самое, я всё прекрасно понимаю. Спокуха, Франко, чувак, спокуха. Мы ж провернули дельце, это самое, да.

— Угу, только никому не слова, блядь. Даже Рентсу, на хуй. Запомни.

С некоторыми кошаками лучше не спорить. Им говоришь одно, а они мяучат другое. Врубаешься?

— И никакой ёбаной наркоты. А капусту пока заныкай, блядь, — добавляет он. Этот кошак будет ещё рассказывать, куда мне тратить свои бабки, это самое.

Паршиво, это самое. После того, как мы расплатимся с тем пареньком, у нас ещё останется по паре тонн на рыло, это самое, а у этого кошака до сих пор шерсть дыбом. Попрошайка — это такой котофей, который не свернётся клубочком в уютной тёплой корзинке и не будет довольно мурррррлыкать…

Мы раздавили ещё по одной и вызвали тачку. Эти спортивные сумки, которые мы несём, на них надо было написать не АДИДАС и ХЕД, а БАБЛО, это самое. Две тонны, ёб твою мать, типа. Вау! *Не пуга-а-а-йся меня-а-а, это лишь символ моей экстремальности…* как сказал бы другой Франко, некий мистер Заппа.

Такси подвозит нас к Бегби. Джун дома, у неё на руках Бегбин пацанёнок.

— Бэбик проснулся, — говорит она Франко, как бы оправдываясь. Франко смотрит на неё с таким видом, будто готов убить их обоих.

— Ёбаный в рот. Давай, Картоха, в спальню, блядь. Не дают покоя, бля, в своём собственном ёбаном доме! — Он показывает на дверь, типа.

— Что происходит? — спрашивает Джун.

— Не задавай, блядь, вопросов. Лучше смотри за своим ёбаным дитём, сука! — рявкает Франко. Он говорит так, это самое, будто это не его бэбик, и всё такое, да? С одной стороны, он, конечно, прав, это самое: Франко нельзя типа как назвать идеальным отцом, да… э, а кем типа можно назвать Франко?

Но всё равно классно, это самое. Ни тебе насилия, ни разборок, да. Набор отмычек, и мы, это самое, уже внутри. За прилавком, под кассой, снималась половица, и там был тот здоровенный брезентовый мешок с кучей сладенькой капустки. Улёт! Все эти красивенькие бумажки и монетки. Мой пропуск в рай, чувак, да, мой пропуск в рай.

Позвонили в дверь. Мы с Франко малехо перетрухали, а вдруг это менты, но оказалось, что это тот чувачок пришёл за своей долей. Как раз вовремя, это самое, потому что мы с Франко разложили монетки и купюры по всей кровати и начали их делить, это самое, да?

— Вы взяли их? — говорит этот чувырла и не верит своим глазам, видя такое богатство на кровати.

— Сядь, блядь! И не дай тебе бог кому-нибудь распиздеть, понял? — грозится Франко. Чувачок сразу пересрал, это самое.

Я хотел сказать Франко, чтоб он был полегче с этим пацанчиком, да? Это ж типа как этот котёнок

навёл нас на поживу. Паренёк всё рассказал нам и даже дал ключи, чтоб мы сделали копию, это самое. И хотя я ничего не сказал, Бегби всё прочитал у меня на лице.

— Этот фраерок вернётся в свою ёбаную школу и начнёт швыряться своей ёбаной капустой направо и налево, чтобы произвести впечатление на своих ебучих корешков и девчат.

— Не-а, я не буду, — говорит паренёк.

— Заткни, на хуй, пасть! — усмехается Бегби. Парень опять насрал в штаны. Бегби поворачивается ко мне. — Я уверен, блядь, что на его месте я б так и сделал.

Он встаёт и мечет одну за другой три стрелки в ту мишень на стене, изо всей силы. Пареньку явно не по себе.

— Хуже ёбаного стукача может быть только одна вещь, — говорит он, выдёргивая стрелки из мишени и меча их обратно с такой же страшной силой. — Это выёбистый чувак, блядь. Если чувак распускает свой ёбаный язык, то он всегда получает ещё большей пизды, чем стукач. Эти чуваки сдают нас ёбаным стукачам. Стукачи сдают нас ёбаной полиции. И тогда всем нам наступает пиздец.

Он метнул стрелку прямо в лицо пареньку. Я подскочил, малец завопил и начал истерически реветь, трясясь, как припадочный, это самое.

Я понимаю, что Бегби метнул только пластмассовую лопасть, незаметно отвинтив стержень с металлическим наконечником. Но паренёк всё равно ревёт, это самое, от испуга, и всё такое.

— Ёбаная лопасть, придурок ты малой! Кусочек ёбаной пластмассы! — Франко презрительно смеётся и отсчитывает чувачку деньжата, в основном, монеты. — Если застопит полиция, ты выиграл их на шоу в Порту или на ёбаных игровых автоматах. А пизданёшь хоть слово кому-нибудь, лучше тебе самому сдаться в ёбаную полицию, чтобы она тебя упекла в ёбаный Полмонт, пока я до тебя не добрался, блядь, ты всё понял?

— Угу… — мальчонка до сих пор дрожит, это самое.

— А теперь пошёл на хуй, возвращайся на свою ёбаную субботнюю работу в кружке «Умелые руки». И помни, если я, блядь, услышу, что ты светишь своей ёбаной капустой, я урою тебя, на хуй, ещё раньше, чем ты проссышь, чё в натуре произошло.

Паренёк забрал свои бабки и ушёл. Бедняга почти ни фига не получил — так, пару сотен фунтов из почти пяти тонн, это самое. Хотя для кошака его возраста это была куча денег, если вы врубаетесь, о чём я. Но я всё равно сказал Франко, что он был грубоват с этим мальчуганом.

— Слы, браток, этот пацан сделал нам по паре тонн на рыло… э, просто я хочу типа сказать, Франко, это самое, может, ты был немного грубоват с парнем, это самое, да?

— Я не хочу, блядь, чтоб этот шкет выхвалялся и светил ёбаным баблом. Когда работаешь с такими шкетами, это опаснее всего, блядь. У них ничего, на хуй, не держится, сечёшь? Поэтому я люблю выставлять ёбаные магазины и квартиры вместе с тобой, Картоха. Ты настоящий профессионал, вроде меня, и ты никогда не расколешься. Я уважаю твой ебучий профессионализм, Картоха. Когда идёшь на дело с настоящими профессионалами, то не будет никаких ёбаных проблем, чувак.

— Ага… верно, брат, это самое, — говорю я. А что бы *вы* сказали на моём месте, это самое, а? Настоящие профессионалы. Классно звучит. Уматно.

Подарок

Я решил, что больше не могу оставаться у своей старушки: слишком много мозгоёбства. К тому же, Гев согласился вписать меня на время похорон Метти. Путешествие на поезде прошло без эксцессов, как я и хотел. Плейер, несколько кассет, четыре банки «лагера» и книжка Г. Ф. Лавкрафта. Он нацик, конечно, старина Г. Ф., но умеет классно закрутить сюжет. Моё лицо принимало выражение «Не-трогай-меня-сука-не-то» всякий раз, когда какой-нибудь козёл, лыбясь и извиняясь, протискивался на место напротив меня. Это было приятное путешествие и потому короткое.

Новый флэт Гева находился на Макдональд-роуд: я решил пройтись пешком. Когда я добрался до него, Гев был не в духе. Я сперва выпал на измену, думал, может, это из-за меня, но потом он объяснил причину своих напрягов.

— Слушай, Рентс, ты не видел этого мудака, Второго Призёра? — сказал он, горько качая головой и показывая на пустую гостиную. — Я дал ему денег, чтоб он навёл тут марафет: поштукатурил, покрасил. Сегодня утром он сказал, что пошёл в «BQ». Больше я его не видел.

Меня так и подмывало сказать Геву, что, во-первых, только шизофреник может поручить Второму Призёру такую работу и, во-вторых, только полнейший отморозок может дать ему башки вперёд. Но я догадывался, что он не это хотел от меня услышать, к тому же я был его гостем. Поэтому я сбросил свой бэг в комнате для гостей и повёл его в бар.

Я попросил его рассказать о Метти: что с ним случилось. Я был, конечно, шокирован этим известием, но, по правде сказать, не очень-то удивлён.

— Метти не знал, что у него ВИЧ, — сказал Гев. — Наверно, он заразился уже давно.

— Пневмония или рак? — спросил я.

— Нет, э, токсоплазмоз. Типа инсульта, знаешь?

— Э? Я в этом не шарю.

— Страшная хуйня. Такое только с Метти могло произойти, — Гев покачал головой. — Он хотел повидаться со своей дочуркой, малюткой Лизой, Ширлиным ребёнком, знаешь? А Ширли его даже к дому не подпускала. Не удивительно, он был тогда в таком состоянии. Короче говоря, знаешь малышку Николу Хэнлон?

— Ну да, малышка Никки, конечно.

— Её кошка навела котят, и Метти взял одного. Он решил отвезти его Ширли, чтоб она передала его девочке, понимаешь? И он привёз его в Уэстер-Хейлз, чтоб передать его малютке Лизе, в подарок, понимаешь?

Я не видел никакой связи между котёнком и инсультом, но всё это было очень похоже на Метти. Я покачал головой:

— И в этом весь Метти: демонстративно взять котёнка, а потом повесить его кому-нибудь на шею. Готов поспорить, что Ширли дала ему прикурить.

— Вот именно, дубина, — кивнул Гев, мрачно улыбнувшись. — Она сказала: «Я не хочу ухаживать за котёнком, забирай его и вали на хер». Короче, котёнок остался у Метти. Можешь себе представить, что было дальше. Он за ним не ухаживал, поднос с бумагой доверху залит мочой, дерьмо по всей квартире. А Метти валяется под «чёрным» или транками, уторчанный весь пиздец, или депрессует, ты же знаешь, как у

него бывало. Я уже говорил, он не знал, что у него ВИЧ. И ещё он не знал, что от кошачьего дерьма можно заразиться токсоплазмозом.

— Я тоже не знал, — говорю я. — И чё это за хуйня?

— О, это полный пиздец, чувак. Типа как абсцесс головного мозга, понимаешь?

Я вздрогнул и почувствовал, как мне на грудь навалился огромный груз, когда я подумал о бедняге Метти. У меня однажды был абсцесс на елдаке. Вы только представьте себе, что у вас в мозгах ёбаный абсцесс, вся ваша ёбаная голова истекает гноем. Ох, ёб же ж твою мать. Метти. Какой пиздец:

— Так что же произошло?

— Когда у него начала болеть голова, он просто увеличивал дозу, чтоб заглушить боль, понимаешь? Потом с ним случился типа как инсульт. Парню двадцать пять, а у него хуев инсульт, просто не верится. После этого его трудно было узнать. Я встретил его на улице, там, на Лейт-уок, знаешь? Он был похож на дряхлого старика. Весь выгнулся вбок, хромает, как калека, всё лицо искривлено. Таким он ходил недели три, а потом у него был второй инсульт, и он умер. Он умер у себя дома. Бедный ублюдок лежал там, пока соседи не стали жаловаться на мяуканье и вонь, шедшую из квартиры. Полиция взломала дверь. Метти лежал мёртвый, уткнувшись лицом в высохшую блевотину. Котёнок был живой.

Я вспомнил тот бомжатник в Шепердс-Буш, где мы жили вдвоём с Метти: тогда он был по-настоящему счастлив. Ему нравилась вся эта панковская жизнь. Все его там любили. Он перефакал всех герлов в том бомжатнике, даже ту девицу из Манчестера, которую я пробовал снять за наркоту, зараза такая. У этого ублюдка всё пошло наперекосяк, когда мы вернулись сюда. И потом становилось всё хуже и хуже. Бедняга Метти.

— Ёб твою мать, — проворчал Гев. — Джеймс-Одеколон. Только его здесь не хватало.

Я поднял глаза и увидел открытое, улыбающееся лицо Джеймса-Одеколона, которое приближалось к нам. При нём был дипломат, и всё такое.

— Как дела, Джеймс?

— Неплохо, мальчики, неплохо. Где ты пропадал, Марк?

— В Лондоне, — отвечаю. Джеймс-Одеколон — это настоящий геморрой: вечно пытается всучить тебе одеколон.

— У тебя роман, Марк?

— Нет, — проинформировал я его с превеликим удовольствием.

Джеймс— Одеколон нахмурился и поджал губы:

— Гев, а как твоя юная леди?

— Нормально, — пробурчал Гев.

— Если я не ошибаюсь, последний раз я видел тебя здесь с твоей юной леди, она была в блузке от Нины Риччи, не правда ли?

— Мне не нужен одеколон, — заявляет Гев с холодной категоричностью.

Джеймс— Одеколон склоняет голову набок и вытягивает руки:

— Ну и зря. Должен сказать вам, что нет лучшего способа произвести впечатление на девушку, чем хороший одеколон. Цветы слишком недолговечны, а о шоколаде в наши озабоченные фигурой времена лучше забыть. Не подумайте, что я вас уговариваю, — Джеймс-Одеколон улыбается, открывая всё-таки

дипломат, как будто сам вид этих пузырьков с мочой способен повлиять на наше решение. — У меня сегодня удачный день, грех жаловаться. Вот, например, ваш дружок, Второй Призёр. Примерно час назад встретил его в «Шрабе». Пьяный в драбадан. Говорит: «Дай мне какой-нибудь одеколон, я иду к Кэрол. Я с ней херово обращался, но пора её немного побаловать. У неё такая пиздатая фигура!» Так и сказал.

У Гева отвисла челюсть. Он сжал кулаки и покачал головой в гневном смирении. Джеймс-Одеколон перескочил к другому креслу в поисках очередной жертвы.

Я залпом допил своё пиво:

— Пошли поищем Второго Призёра, пока этот мудак не пробухал все твои деньги. И много ты ему дал?

— Двести фунтов, — ответил Гев.

— Дебил, — сказал я, хихикнув. Я не мог сдержаться, это было нервное.

— Знала голова, что делала, бля, — согласился Гев, но не мог выдавить улыбку. Наверно, когда всё сказано и сделано, то уже не до смеха.

Поминки по Метти

1

— Привет, Нелли! Не виделись хуй знает сколько лет, мудила ты этакий, — Франко улыбается Нелли, который нелепо выглядит в костюме: на шее у него татуировка змеи, свернувшейся клубком, а на лбу выколот необитаемый остров с пальмами, омываемый океаном.

— Жаль, что свиделись при таких обстоятельствах, — сдержанно отвечает Нелли. Рентон, разговаривающий с Картошкой, Элисон и Стиви, позволяет себе улыбнуться, услышав первый похоронный штамп этого дня.

Поняв намёк, Картошка говорит:

— Бедняга Метти. Херовая новость, это самое, да.

— Вот именно. Я пока чистая, — сказала Элисон, вздрогнув и обхватив себя руками.

— Мы все подохнем, если не будем действовать сообща. Это как два пальца обоссать, — признался Рентон. — Ты сдал анализ, Картошка? — спросил он.

— Гм… слы, чувак, сейчас не время об этом… на похоронах Метти, это самое.

— А когда время? — спросил Рентон.

— Ты обязательно должен сдать анализ, Денни, — взмолилась Элисон.

— Может, оно лучше и не знать. В смысле, это самое, что за жизнь была б у Метти, если б он знал, что у него ВИЧ?

— Это же Метти. Что за жизнь у него была *до того* , как он узнал, что у него ВИЧ? — сказала Элисон. Картошка и Рентон неохотно кивнули.

В маленькой часовенке, примыкающей к крематорию, священник сказал короткую телегу про Метти. В то утро у него было много сожжений, и пиздеть времени не было. Несколько беглых комментариев, парочка гимнов, одна-две молитвы и щелчок переключателя, отправивший труп в печь. Ещё несколько трупов, и его смена окончена.

— В жизни тех из нас, кто собрался сегодня здесь, Метью Коннелл выступал в разных ролях. Метью был сыном, братом, отцом и другом. Последние дни его юной жизни были омрачены страданиями. Но мы должны помнить о подлинном Метью, отзывчивом молодом человеке, горевшем огромной жаждой жизни. Метью увлекался музыкой и любил играть для друзей на гитаре…

Рентон не мог посмотреть в глаза Картошке, который стоял рядом с ним у скамьи, и его начал душить истерический смех. Метти был самым говённым гитаристом из всех, кого он знал, и более-менее сносно умел играть только дорзовский «Роудхаус-блюз» и несколько песен «Клэш» и «Статус Кво». Как он ни пытался освоить проигрыш из «Рокеров Клэш-Сити», у него так ничего и не вышло. Но Метти всё равно любил Фендера Страта. Он продал его в самом конце, после того как загнал усилитель, для чтобы того наполнять дерьмом свои вены. «Бедняга Метти», — подумал Рентон. Насколько хорошо мы его знали? И вообще, насколько хорошо один человек может знать другого?

Стиви хотелось перенестись за четыреста миль отсюда, на его холлоуэйскую квартиру, к Стелле. Они расстались впервые, с тех пор как стали жить вместе. Ему было не по себе. Как он ни старался, ему никак не удавалось сосредоточить внимание на образе Метти. Метти постоянно оборачивался Стеллой.

Картошка думал о том, как паршиво, должно быть, жить в Австралии. Жара, мошки и все эти унылые пригороды, которые показывают в «Соседях» и «Дома и в гостях». Наверно, в Австралии нет ни одного приличного пивняка, и она похожа на тёплый вариант Бэйбертон-Мэйнз, Бакстоуна или Ист-Крейгз. Такая скукотища, полнейшее говно. Интересно, нет ли в старых районах Мельбурна и Сиднея или где-нибудь ещё таких же жилых домов, как в Эдинбурге, или Глазго или даже Нью-Йорке, а если есть, то почему их никогда не показывают по телеку? И ещё интересно, почему он вспомнил про Австралию на похоронах Метти? Наверно, потому, что каждый раз, когда они с ним стусовывались, Картошка валялся вмазанный на матрасе и смотрел австралийскую мыльную оперу.

Элисон вспомнила, как занималась с Метти сексом. Это было сто лет назад, она тогда ещё не торчала. Ей было восемнадцать. Она попыталась вспомнить член Метти и его размеры, но у неё ничего вышло. Зато в памяти всплыло тело Метти. Худое и крепкое, хоть и не особо мускулистое. Он был худощавым, но симпатичным: пристальный, пронзительный взгляд, выдававший его беспокойный характер. Она хорошо запомнила слова Метти, сказанные им перед тем, как они легли в кровать. Он сказал ей:

— Я трахну тебя так, как тебя ещё никогда в жизни не трахали.

Он оказался прав. Так плохо её никогда не трахали: ни до, ни после. Через пару секунд Метти кончил прямо в неё и скатился набок, хватая ртом воздух.

Она даже не пыталась скрыть своего недовольства.

— Полный пиздец, — сказала она ему, встав с постели. Она возбудилась, но не получила удовлетворения, и ей хотелось выть от разочарования. Элисон оделась. Он ничего не сказал и даже не шелохнулся, но она могла поклясться, что, уходя, видела у него в глазах слёзы. Это воспоминание преследовало её, пока она смотрела на деревянный гроб, и она жалела, что обошлась с ним так жестоко.

Франко Бегби был рассержен и смущён. Любой вред, причинённый его друзьям, он воспринимал как личное оскорбление. Он гордился тем, что заботится о своих дружках. Смерть одного их них доказала его собственное бессилие. Франко решил эту проблему, обратив свой гнев на самого Метти. Он вспомнил, как Метти подосрал Цыгана и Майки Форрестера на Лотиэн-роуд, и они оба заявились к нему на флэт. На этот счёт у него не было никаких напрягов. Но ему важен был сам принцип. Нельзя подставлять своих корешей. Метти заплатил ему за свою трусость: физически — побоями и морально — кучей оскорбительных наездов. Но теперь Бегби понял, что этот чувак ещё мало ему заплатил.

Миссис Коннелл вспоминала детство Метти. Все мальчики были грязными, но Метти — грязнее всех. Как только он научился ходить, одежда на нём горела. Поэтому она не удивилась, когда подросток Метти стал панком. Просто его жизнь заставила. Метти всегда был панком. Она вспомнила один эпизод. Когда он был маленьким, она пошла вставлять зубы и взяла его с собой. По дороге домой ей стало стыдно. Метти решил рассказать всем пассажирам автобуса, что его мама вставила зубы. Он был очень отзывчивым ребёнком. «Мы теряем их», — подумала она. После семи лет они вам больше не принадлежат. Потом, когда вы приспосабливаетесь к ним, что-то происходит в четырнадцать лет. А когда начинается героин, то они уже не принадлежат самим себе. Чем больше героина, тем меньше Метти.

Она тихо и прерывисто всхлипывала. Валиум делил её скорбь на маленькие противные порывы ветра, пытаясь рассеять неистовый ураган острой тревоги и горя внутри неё, который он одновременно старался удержать под спудом.

Энтони, младший брат Метти, думал о мести. О мести всем этим подонкам, которые угробили его брата. Он знал их, у некоторых из них хватило наглости придти сегодня сюда. Мёрфи, Рентон и Уильямсон. Эти жалкие поцы, которые делают вид, будто срут мороженым, будто знают что-то такое, чего никто больше не знает, тогда как они просто вонючие торчки. Он знал и ещё более зловещие фигуры, стоявшие у

них за спиной. Зря его брат, его слабовольный, бестолковый братец, связался с этой швалью.

Энтони мысленно вернулся к тому случаю, когда Дерек Сазерленд сильно поколотил его в заброшенном сортировочном депо. Метти узнал об этом и пошёл искать Дика Сазерленда, который был такого же возраста, как Энтони, и на два года младше его самого. Энтони вспомнил, с каким нетерпением он ждал полного унижения Дика Сазерленда от рук своего брата. Но униженным снова оказался Энтони, на сей раз косвенно. Удар был почти таким же сильным, как первый: он увидел, как его старинный враг играючи повалил брата и буквально смешал его с говном. Метти тогда его предал. Он всех потом предал.

Малютке Лизе Коннелл было грустно оттого, что папа лежал в гробу, ведь у него должны вырасти крылья, как у ангела, и он должен улететь на небко. Мама расплакалась, когда Лиза рассказала ей об этом. Казалось, будто он спит в гробу. Мама сказала, что гроб заберут — на небко. И Лиза подумала, что у ангелов вырастут крылья, и они полетят на небко. Её мало волновало то, что гроб заколочен и он не сможет взлететь. Взрослым виднее. На небке хорошо. Когда-нибудь она попадёт туда и встретится с папой. Когда он приходил к ней в Уэстер-Хейлз, он обычно плохо себя чувствовал, и ей не разрешали с ним разговаривать. На небке будет хорошо: они будут играть с ним, как они играли, когда она была совсем маленькой. На небке он снова поправится. На небке будет не так, как в Уэстер-Хейлз.

Ширли крепко сжимала руку дочери и ерошила ей кудри. Лиза была, пожалуй, единственным доказательством того, что Метти прожил не зря. Но, глядя на этого ребёнка, вряд ли кто-нибудь стал бы утверждать, что это доказательство было незначительным. Впрочем, Метти был не отец, а одно название. Ширли вывело из себя, когда священник назвал его отцом. Она сама была и отцом, и матерью. Метти предоставил ей свою сперму, а потом пару раз заходил и играл с Лизой, пока героин не завладел им без остатка. Вот и весь его вклад.

Он всегда был безвольным человеком, неспособным взять на себя ответственность и справиться с наплывом собственных эмоций. Большинство наркоманов, которых она встречала, были «кабинетными» романтиками. Метти тоже. Ширли любила это в нём, любила, когда он бывал открытым, нежным, отзывчивым и жизнерадостным. Но это длилось недолго. Ещё до «чёрного» он иногда бывал груб и озлоблён. Он писал ей любовные стихи. Они были прекрасными, но не в литературном смысле: просто они передавали удивительную чистоту чудесных эмоций. Однажды он прочитал, а затем сжёг одно из самых красивых стихотворений, посвящённых ей. Она спросила его сквозь слёзы, зачем он это сделал. Это показалось ей дурной приметой. Ширли ещё никогда в жизни не было так больно.

Он обернулся и окинул взглядом их убогое жилище:

— Посмотри вокруг. Ты об этом мечтала? Не обманывай себя: ты не живёшь, а мучишься.

Его глаза были чёрными и непроницаемыми. Его заразительный цинизм и отчаяние отняли у Ширли последнюю надежду на лучшую жизнь. Они чуть было не свели её в могилу, и тогда она мужественно сказала: «Хватит».

2

— Тише, господа, прошу вас, — умолял обеспокоенный бармен ватагу горьких пьяниц, в которую плавно превратилась группа скорбящих. Долгие часы стоического пьянства и тоскливой ностальгии, наконец-то, сменились песнопениями. Им ужасно захотелось петь. Напряжение спало. На бармена никто не обращал внимания.

Позор тебе, Шеймус О'Брайен,
Все девушки Дублина плачут,
Тебя проклинают и плачут,

— ПРОШУ ВАС! Успокойтесь! — кричал он. В этом маленьком отеле в фешенебельном районе Лейт-Линкса не привыкли к таким манерам, особенно в будни.

— Какого хуя пиздит там этот мудозвон? Мы должны проводить, на хуй, нашего ёбаного корифана! — Бегби мечет хищный взгляд на бармена.

— Слышь, Франко, — почуяв опасность, Рентон хватает Бегби за плечо, стремясь поскорее привести его в менее агрессивное расположение духа, — а помнишь, как ты, я и Метти поехали на открытие чемпионата страны?

— А как же! Помню, блядь! Я ещё сказал, на хуй, тому мудаку из ёбаного телека, чтоб он выебал себя в жопу. Как его звали, блядь?

— Кейт Чегуин. Чеггерс.

— Точно. Чеггерс.

— Чувак из телека? Из «Чеггерс Плейз Поп»? Чё, правда? — спросил Гев.

— Во-во, — сказал Рентон, а Франко самодовольно ухмыльнулся, подбивая его рассказать эту историю. — Короче, поехали мы на открытие чемпионата. А этот мудак Чеггерс брал там интервью для городского радио Ливерпуля, ну, просто пиздел с чуваками из толпы, да? Значит, подходит он это к нам, а нам в падло говорить с этим мудилой, но вы же знаете Метти, он вообразил себя ёбаной звездой экрана и начал грузить о том, типа, как классно тут в Ливерпуле, Кейт, и мы уматно провели время, и прочую херню. Потом этот дебил, этот мудак Чеггерс, или как там его зовут, тычет микрофон Франко, — Рентон показал на Бегби. — А он и говорит: «Пойди выеби себя в жопу, пидор!» Чеггерс покраснел, как помидор. У них был типа как «прямой эфир», и они потратили целых три секунды на то, чтобы вырезать эту фигню.

Пока они хохотали, Бегби решил оправдать свои действия:

— Мы приехали туда, блядь, на ёбаные гонки, а не пиздеть со всякими там пиздаболами с ёбаного радио, — у него было выражение лица делового человека, которого достали репортёры, пытающиеся взять у него интервью.

Франко мог завестить из-за любой ерунды.

— Ёбаный Дохлый не приехал. А Метти был его корешем, бля, — заявил он.

— Э, но он же во Франции… в той чувихой, это самое. Наверно, не может её бросить, врубаешься… в смысле… Франция, это самое, — заметил пьяный Картошка.

— А меня это не ебёт! Рентс и Стиви приехали из Лондона. Если Рентс со Стиви смогли приехать из ёбаного Лондона, то Дохлый мог бы приехать из ёбаной Франции.

Чувства Картошки чрезвычайно притупил алкоголь. По глупости он продолжал спорить:

— Да, но, э… Франция дальше… мы говорим тут про юг Франции, это самое. Врубаешься?

Бегби недоверчиво посмотрел на Картошку. Видимо, до него просто не дошло. Он сказал медленнее, громче и злее; его ужасный рот странно искривился, глаза засверкали:

— ЕСЛИ РЕНТС СО СТИВИ СМОГЛИ ПРИЕХАТЬ ИЗ ЁБАНОГО ЛОНДОНА, ТО ДОХЛЫЙ МОГ БЫ ПРИЕХАТЬ ИЗ ЁБАНОЙ ФРАНЦИИ!

— Ага… конечно. Мог бы хоть попытаться. Всё-таки похороны друга, это самое, да, — Картошка подумал, что Консервативная партия Шотландии прекрасно обошлась бы несколькими Бегби. Ведь дело не

в сообщении, а в его передаче. Бегби умеет идеально излагать мысли.

Стиви чувствовал себя здесь неловко. Он отвык от всего этого. Франко огрел его по спине одной рукой, а Рентона — другой.

— Я охуенно рад опять вас видеть, чуваки. Обоих, блядь. Стиви, я хочу, чтоб ты присмотрел, на хуй, за этим чуваком, там, в Лондоне, — он повернулся к Рентону. — Если ты пойдёшь тем же ёбаным путём, что и Метти, я тебя так отпизжу, сука! Попомни мои слова, блядь.

— Если я пойду тем же путём, что и Метти, то нечего будет пиздить.

— И не надейся, блядь. Я выкопаю твоё ебучее тело из-под земли и буду пинать его ногами по всей ёбаной Лейт-уок. Ты меня понял?

— Какой ты у нас заботливый, Фрэнк.

— В натуре, заботливый, блядь. Ты подставляешь своих корешей. Правильно, блядь, Нелли?

— Чего? — пьяный Нелли медленно оборачивается.

— Я щас говорю, бля, этому чуваку, что он подставляет своих ёбаных корешей.

— И правильно говоришь, блядь.

Картошка разговаривает с Элисон. Рентон улизнул от Франко и подсел к ним. Франко схватил Стиви, показывая его Нелли, как трофей, и рассказывая ему, какой он классный чувак.

Картошка поворачивается к Рентону:

— Просто я говорю Эли, тяжко всё это, чувак, это самое. Я уже похоронил столько чуваков моего возраста, это самое. Интересно, кто следующий?

Рентон пожимает плечами:

— По крайней мере, какая бы хуйня ни случилась, теперь мы будем к ней готовы. Если бы давали учёные степени по утратам близких, то я был бы уже доктором наук.

Когда бар стали закрывать, они вышли гуськом в холодную ночь и направились со шмотками на флэт Бегби. Они уже двенадцать часов бухали и и разглагольствовали о жизни Метти и его смерти. В действительности, наиболее проницательные из них понимали, что все их домыслы, суммированные и переваренные, ни на йоту не прояснили этой жестокой загадки.

Они не стали ничуть мудрее, чем были вначале.

Дилемма трезвенника № 1

— Ну давай, пыхни немного, тебе будет классно, — говорит она, протягивая мне косяк. Как я сюда, блядь, попал? Я должен был пойти домой и переодеться, а потом смотреть телек или спуститься в «Принцессу Диану». Это всё из-за Мика, из-за него и его «рюмашки-после-работы».

И вот я здесь, в пиджаке и галстуке, сижу на этом уютном флэту среди чуваков в «денимах» и футболках, которые считают себя гораздо большими раздолбаями, чем они есть на самом деле. Воскресные приколисты — такие зануды.

— Оставь его в покое, Пола, — говорит тёлка, с которой я познакомился в баре. Она упорно норовит залезть мне в штаны с тем неистовым и нарочитым безрассудством, которым отличаются подобные лондонские расклады. Возможно, она добьётся своего, несмотря на то, что, заходя в ванную и пытаясь представить себе, как она выглядит, я не могу вызвать в памяти даже приблизительного образа. Эти тёлки — напряжные пизды, пластиковые сучки. Их можно только выебать, вынуть и уйти. Они даже делают вид, что разочарованы, если ты поступаешь иначе. Я говорю сейчас, как Дохлый, но его точка зрения бывает оправданной, особенно здесь и сейчас.

— Ну, давай, мистэр Пиджак с Галстукам. Факт, што ты не пробвал ниччё падобнва в сваей жызни!

Я попиваю водку и изучаю эту девицу. У неё красивый загар, ухоженные волосы, но всё это не скрадывает, а скорее подчёркивает её слегка подгулявший, нездоровый вид. Я подсматриваю за ней краем глаза: ещё одна идиотка, ищущая приключений. На кладбищах таких полно.

Я беру косой, пыхаю и возвращаю его обратно:

— Травка и немножко опиума, да? — спрашиваю. Действительно, пахнет классной дрянью.

— Ага… — говорит она, чуток отъехав.

Я снова смотрю на косяк, горящий у неё в руке. Я пытаюсь что-нибудь почувствовать. Ни фига. На самом деле, я ищу внутри себя того демона, того порочного ублюдка, того ушкварка, который перекрывает мне мозги и придвигает руку к косяку, а косяк — к губам, и сосёт, сосёт, как чёртов пылесос. Он не выходит наружу. Может, он здесь больше не живёт. Остался только говнюк, сидящий на работе с девяти до пяти.

— Извините, но мне придётся отказаться от вашего любезного предложения. Называйте меня конченым, если вам так угодно, но я всегда с опаской относился к наркотикам. Я знаю много людей, которые увлекались ими и попали в беду.

Она пристально смотрит на меня, похоже, догоняя, что я чего-то недоговариваю. Она немного выпадает на измену, встаёт и уходит.

— Ну, ты и шизовый! — громко хохочёт тёлка, с которой я познакомился в баре, хер знает, как её зовут. Я скучаю по Келли, оставшейся в Шотландии. Келли так классно смеялась.

Всё дело в том, что наркотики кажутся мне теперь ужасным занудством; хотя, на самом деле, мне сейчас гораздо скучнее, чем раньше, когда я торчал. Но эта скука для меня нова, и поэтому она не такая нудная, как кажется. Просто я чуть-чуть побалуюсь ею. Ну, совсем чуть-чуть.

Хавайте на здоровье!

Боже мой, впереди ещё один из этих мерзких вечеров. Лучше б тут было полно народу. Когда такое затишье, время тянется ужасно медленно. И даже намёка на чаевые. Блядство!

В баре почти никого нет. Энди сидит со скучающим видом и читает «Ивнинг ньюс». Грэхэм на кухне, готовит еду, которую, как он надеется, кто-нибудь съест. Я прислонилась к стойке -я страшно устала. Утром мне нужно сдать сочинение по философии. О морали: относительна она или абсолютна, в каких обстоятельствах и т. д. и т. п. Как подумаю об этом, так сразу харит. Закончу смену, сяду и буду писать всю ночь. Полная шизня.

По Лондону я не скучаю, а по Марку — да… немножко. Может, даже немножко больше, чем немножко, но не так сильно, как я думала. Он сказал, если я хочу поступить в университет, то можно сделать это в Лондоне с таким же успехом, как и дома. Но когда я сказала ему, что жить на стипендию тяжело везде, а в Лондоне невозможно, просто физически невозможно, он сказал, что хорошо зарабатывает и что мы как-нибудь протянем. Когда я сказала ему, что не хочу, чтоб он содержал меня, как крутой сутенёр — дешёвую шлюху, он сказал мне, что всё будет по-другому. Но я всё равно вернулась, а он остался, и никто из нас особо об этом не жалеет. Марк может быть ласковым, но он не очень-то нуждается в людях. Я прожила с ним полгода и, по-моему, так до сих пор и не знаю его толком. Иногда мне кажется, что я хочу слишком многого, но с ним, похоже, всё ясно.

В ресторан заходят четверо парней, конкретно кирных. Шиза. Одного я, кажется, знаю. Наверно, встречались в универе.

— Чем могу служить? — спрашивает их Энди.

— Пару бутылок самого лучшего вина… и столик на четверых… — невнятно произносит он. Судя по их акценту, прикиду и манерам, это англичане среднего или выше среднего класса. В городе полно этих «белых колонистов». И это говорю я, только что вернувшаяся из Лондона! Студенты универа когда-то делились на эдинбургцев, глазгосцев, бирмингемцев и кокни, а сейчас он превратился в отстойник для оксбриджских неудачников из соседних с Лондоном графств и пары-тройки эдинбургских пэтэушников, представляющих Шотландию.

Я улыбаюсь им. Нужно отбросить все эти предвзятые мнения и научиться относиться к людям по-человечески. Это влияние Марка, его предубеждения заразны, хрен шизанутый. Они садятся.

Один говорит:

— Какую девушку называют в Шотландии интересной?

Второй рявкает:

— Туристку!

Они говорят очень громко. Нахалы.

Один произносит, показывая в мою сторону:

— Впрочем, не знаю. *Эту* я бы не вышвырнул из кровати.

Ах, ты хуйло. Ёбаное дебильное хуйло.

Я вся закипаю внутри, но делаю вид, что не услышала этого замечания. Мне нельзя потерять эту работу. Мне нужны деньги. Не будет бабла — не будет ни универа, ни диплома. А мне нужен диплом. Мне он нужен больше всего на свете.

Пока они изучают меню, один из парней, темноволосый тощий мудак с длинной чёлкой, похотливо улыбается мне.

— Каг дзила, драгуша? — говорит он, подражая произношению кокни. У мажоров это нынче модно. Боже, как мне хочется послать этого придурка на хуй. На хрен мне это сдалось… но ничего не поделаешь.

— Улыбнись нам, дзифчушка! — говорит тот, что пожирнее, низким, развязным голосом. Голос высокомерного, тупого мажора, не отягощённого чуткостью или интеллектом. Я пытаюсь снисходительно улыбнуться, но мышцы лица остаются неподвижными. И на этом спасибо.

Принять заказ — сущий кошмар. Они поглощены беседой о карьере, с наибольшим уважением отзываясь о профессиях брокера, рекламного агента и менеджера, и как бы между делом пытаются меня унизить. Тощий придурок спрашивает, когда я кончаю работу. Я не обращаю на него внимания, а все остальные начинают гикать и стучать кулаками по столу. Я записываю заказ, чувствуя себя раздавленной и опозоренной, и ухожу на кухню.

Я вся дрожу от злости. Интересно, надолго ли меня хватит? Если б я хоть могла отвести душу с какой-нибудь чувихой — Луизой или Маризой.

— Ты что, не можешь выгнать на хуй этих поцев? — отрываюсь я на Грэхэме.

— Это работа. Клиент всегда прав. Даже если он ведёт себя, как хуева залупа.

Я помню, Марк рассказывал, как несколько лет назад он работал на шоу «Лошадь года» в Уэмбли — разносил продукты вместе с Дохлым. Он всегда говорил, что официанты обладают властью: никогда не трогай официанта. Он был, конечно, прав. Настало время воспользоваться этой властью.

У меня самый разгар месячных, и я чувствую себя, как выжатый лимон. Я иду в туалет и меняю тампоны, заворачивая использованный (он насквозь пропитан выделениями) в туалетную бумагу.

Двое из этих чёртовых мажоров-империалистов заказали суп: наш фирменный — с томатами и апельсинами. Пока Грэхэм занимается приготовлением основных блюд, я беру окровавленный тампон и опускаю его, как мешочек с чаем, в первую миску с супом. Потом выдавливаю вилкой его мерзкое содержимое. В супе плавает пара чёрных кусочков внутреннего покрова матки. Я хорошо их размешиваю, и они растворяются.

Я подношу к столику два паштета и два супа, ставя свой «коктейль» перед тем тощим, намазанным гелем уёбком. Один из их компании, парень с коричневой бородой и на удивление уродливыми, выступающими вперёд зубами, рассказывает сидящим за столом, снова-таки очень громко, о том, как ужасны Гавайи.

— Чёртова жара! Нет, я ничего не имею против жары, но она совершенно не похожа на роскошный, палящий зной Южной Калифорнии. Там такая высокая влажность, что всё время потеешь, как поросёнок. К тому же, тебе постоянно досаждают эти подлые крестьяне, которые пытаются продать свои смехотворные побрякушки.

— Ещё вина! — недовольно гудит жирный, белобрысый хрен.

Я возвращаюсь в уборную и набираю в кастрюлю своей мочи. Меня мучает цистит, особенно во время месячных. Моя моча имеет тот мутный, застоявшийся вид, который говорит об инфекции мочеполового тракта.

Я разбавляю вино своими ссаками: оно немного помутнело, но эти гады такие бухие, что ничего не заметят. Я выливаю четвёртую часть графина в раковину и доливаю его собственной мочой.

Я поливаю своими ссаками рыбу. Они такого же цвета и такой же консистенции, как маринад. Шизня!

Эти хрены едят и пьют всё подряд, ничего не замечая.

Трудно срать на клочок газеты: параша маленькая, и как следует не присядешь. А тут ещё Грэхэм что-то кричит. Всё же я выдавливаю из себя маленькую мягкую какашечку, которую затем перемешиваю со сливками в соковыжималке и, погружая получившееся месиво в шоколад, нагреваю его на сковородке. Я поливаю им профитроли. Довольно аппетитный вид. Вот это крейза!

Я чувствую, что наделена огромной властью, и наслаждаюсь тем, что оскорбляю их. Теперь-то улыбаться куда проще. Жирному ублюдку не повезло: в его мороженое я подсыпала немного перемолотых крупинок крысиного яда. Надеюсь, Грэхэму за это не влетит. Надеюсь, ресторан не закроют.

В своём сочинении мне пришлось бы признаться, что в определённых случаях мораль бывает относительной. Это, если говорить начистоту. Но доктор Лэймонт придерживается другой точки зрения, и поэтому я должна буду отстаивать абсолют, чтобы подлизаться к нему и получить высокий балл.

Полнейшая шиза!

Глазея на поезда на Центральном вокзале Лейта

Когда я схожу с поезда в Уэйверли, город кажется мне зловещим и чужим. Два чувака орут друг на друга под аркой на Кэлтон-роуд, возле почтового склада. А может, они орут на меня? Чудесное место и время, для того чтобы слезать с иглы. Но можно ли найти идеальные место и время? Я ускоряю шаг (что не так-то просто с этим тяжеленным бэгом) и выхожу на Лейт-стрит. Что за хуйня, в конце-то концов? Уроды. Я, бля…

Я, бля, продолжаю идти. Быстрым шагом. Когда я дохожу до Театра, крики этих двух долбоёбов сменяются высокопарной болтовнёй буржуйских толп, поваливших с оперы: «Кармен». Некоторые из них направляются в рестораны в верхнем конце Лейт-уок, где забронированы столики. Я шагаю дальше. Всё время под гору.

Я прохожу мимо своего старого флэта на Монтгомери-стрит, потом мимо бывшего торчкового притона на Альберт-стрит, который сейчас разогнали и подмарафетили. Вниз по улице проносится полицейская машина, врубая бешеную сирену. Три чувака выползают из бара и накидываются на китаёзу. Один из них хочет поймать мой взгляд. Если эти уроды найдут малейший повод отметелить какого-нибудь мудака, они ухватятся за него руками и ногами. Я снова благоразумно ускоряю шаг.

С точки зрения теории вероятности, чем дальше спускаешься по Лейт-уок, тем больше шансов, что тебе начистят рыло. Но, как это ни странно, чем дальше я спускаюсь, тем безопаснее себя чувствую. Это Лейт. Наверно, это значает «дом».

Я слышу, как кто-то рыгает, и заглядываю в переулок, ведущий к строительному складу. Я вижу, как Второй Призёр блюёт жёлчью. Я благоразумно дожидаюсь, пока он закончит, и только после этого обращаюсь к нему:

— Реб, ты в порядке, чувак?

Он, шатаясь, разворачивается и пытается сфокусировать на мне свой взгляд, но его отяжелевшие веки так и норовят с грохотом захлопнуться, подобно стальным жалюзи ночного азиатского магазина через дорогу.

Второй Призёр лепечет что-то типа:

— Эй, Рентс, я здоров, как бык… сукин ты сын… — Потом выражение его лица вроде как меняется и он говорит: -…ёбаный сукин сын… я тебе дам, сука… — Он наклоняется вперёд и замахивается на меня. Даже несмотря на свой бэг, я успеваю отступить назад, и этот шизлонг врезается в стену, потом отшатывается назад и падает на жопу.

Я помогаю ему встать, а он грузит какую-то пургу, которой я не просекаю, но, по крайней мере, он стал теперь менее агрессивным.

Как только я обхватываю его рукой, чтобы помочь ему идти по дороге, этот поц обрушивается на землю, словно колода карт, с профессиональной беспомощностью хануриков, которые целиком отдались в вашу власть. Мне пришлось бросить свою дорожную сумку и поддержать этого мудака, чтобы он перестал падать и поднимать с тротуара другого второго призёра. Но это бесполезно.

По улице едет такси, я останавливаю его и запихиваю Второго Призёра на заднее сиденье. Водила явно недоволен, но я даю ему пятёрку и говорю:

— Отвези его в Баутау, шеф. Готорнвейл. Дальше он найдёт дорогу. — В конце концов, сейчас святки. А чуваки вроде Второго Призёра идеально вписываются в эту пору года.

Вначале мне хотелось сесть в такси вместе с Сэксом и поехать к матушке, но «Томми Младший» показался очень уж заманчивым. Вошёл Бегби с компанией уродов, одного из которых я, похоже, знаю.

— Рентс! Как дела, сукин ты сын? Ты чё, только из Лондона?

— Ага, — я потряс ему руку, а он притянул меня к себе и изо всей силы огрел по спине. — Только что запихал Второго Призёра в тачку, — сказал я.

— А, этот мудила. Я сказал ему, чтоб валил на хуй. Второй ёбаный наезд за сегодняшний вечер. Он же ж ёбаный алкаш. Это хуже, чем ёбаный торчок, бля. Если б не рождество и всё такое, я б сам его отпиздил. Между нами всё, на хуй, кончено. Всё, пиздец.

Бегби знакомит меня с чуваками из своей компании. Из-за чего эта толпа попёрла Второго Призёра, мне абсолютно по барабану. Среди них — Доннелли, или Парень из Сафтона, тот поц, которому Майки Форрестер когда-то лизал задницу. В один прекрасный день Форрестер его достал, и он надавал ему порядочных тырлей. Чувачка даже госпитализировали. Так ему и надо.

Бегби отводит меня в сторону и понижает голос:

— Ты слыхал, что Томми заболел, на хуй?

— Ага, слышал.

— Тогда пойди, блядь, и проведай его, раз приехал.

— Ага, я и сам собирался.

— И правильно, бля. Ты должен сходить к нему, как никто другой, бля. Я не виню тебя, Рентс, я говорил это Второму Призёру, блядь: «Я не виню, на хуй, Рентса за Томми». У каждого чувака есть своя ёбаная голова на плечах. Я так и сказал Второму Призёру, блядь.

Бегби начинает рассказывать мне, какой я классный сукин сын, надеясь, что я отвечу ему тем же, что я послушно и выполняю.

Некоторое время я выступаю в роли опоры для привычной Бегбиной саморекламы, прикидываясь трезвенником и тележа всей толпе несколько классических историй о Бегби, изображающих его крутым чуваком и супержеребцом. Они всегда звучат более правдоподобно, когда их рассказывает кто-нибудь другой. Потом мы вдвоём выходим из пивняка и идём вниз по улице. Мне хочется поехать к матери и завалиться на боковую, но Попрошайка настаивает на том, чтобы я пошёл к нему бухать.

Важно шагая по Лейт-уок вместе с Бегби, я чувствую себя уже не жертвой, а хищником, и начинаю рыскать взглядом по сторонам, но вдруг осознаю, какой же я жалкий говнюк.

Мы заходим поссать на старый Центральный вокзал в конце Лейт-уок — пустой заброшенный ангар, который скоро снесут и построят на его месте супермаркет и плавательный центр. Нам становится немного грустно, хотя, когда здесь ходили поезда, я был ещё очень маленьким и ничего не помню.

— Тут был крутой вокзал. Говорят, одно время отсюда можно было уехать куда угодно, — говорю я, наблюдая, как моя дымящаяся моча плещется о холодный камень.

— Если б тут ходили ёбаные поезда, я б щас сел на любой и съебался б из этой дыры, — говорит Бегби. Для него несвойственно говорить о Лейте в таком тоне. Обычно он идеализирует это место.

Старый алкаш, на которого пялится Бегби, подходит, пошатываясь, к нам с пузырём вайна в руке. Здесь бухает и вписывается куча всяких «синяков».

— Чем занимаемся, ребятки? Глазеем на поезда, да? — говорит он, от души смеясь над собственной шуткой.

— Ага. Это точно, — говорит Бегби. И добавляет вполголоса: — Ёбаный старпёр.

— Ну ладно, не буду вам мешать. Не отвлекайтесь, глазейте себе на поезда! — Он ковыляет прочь, его скрипучий пьяный гогот эхом отдаётся в заброшенном сарае. Я заметил, что у Бегби почему-то испортилось настроение и ему стало не по себе. Он отвернулся от меня.

И только тогда я понял, что старый ханурик был его отцом.

По дороге к Бегби мы молчали, пока не повстречали какого-то чувака на Дюк-стрит. Бегби ударил его по лицу, и он упал. Пацан мельком глянул вверх, а потом свернулся в позе зародыша. Бегби только сказал «урод» и пару раз пнул ногой лежачего. Лицо парня, когда он посмотрел снизу на Бегби, выражало не страх, а смирение. Чувак всё понимал.

Мне абсолютно не хотелось вмешиваться, даже ради приличия. В конце концов, Бегби повернулся ко мне и кивнул в ту сторону, куда мы шли. Мы оставили чувака валяться на тротуаре, а сами молча поплелись дальше, так ни разу и не оглянувшись.

Безвыходное положение

Я видел Джонни впервые, с тех пор как ему ампутировали ногу. Я не знал, в каком настроении его застану. Когда я в последний раз его видел, он был весь покрыт фуфляками, но продолжал нести какую-то чушь насчёт Бангкока.

К моему удивлению, этот чувак, недавно потерявший ногу, ничуть не унывал:

— Рентс! Братан! Как делишки?

— Нормально, Джонни. Я тебе сочувствую, чувак.

Он рассмеялся над моими соболезнованиями:

— Подававший надежды футболист? Но даже это не остановило Гэри Маккея, правда?

Я только усмехнулся.

— Белый Лебедь не застоится в доке. Как только научусь ходить на этих ёбаных костылях, сразу же вернусь на улицу. Они не могут обрезать птичке крылышки. Они отняли у меня ноги, но никогда не отнимут крыльев, — он похлопал себя рукой по плечу, чтобы показать, откуда у него должны расти крылья. По-моему, чувак верит, что они у него действительно есть. — *Ты ничево-о не сможишь измини-и-и-ить…* — пропел он. Интересно, под чем он сейчас.

Будто прочитав мои мысли, он говорит:

— Тебе надо попробовать этот циклозин. Сам по себе он говно, но если смешать с метадоном — полный улёт, чувак! У меня никогда в жизни не было такого охуенного прихода. Даже от той колумбийской дряни, которой мы трескались в восемьдесят четвёртом. Я знаю, ты щас не торчишь, но если вдруг надумаешь, то попробуй этот коктейль.

— Чё, правда?

— Это полный атас, бля! Ты же знаешь Мать-Настоятельницу, Рентс. Я верю в свободный рынок наркоты. Но надо отдать должное нашему здравоохранению. После того, как мне отрезали это копыто, и я прошёл оздоровительное лечение, я поверил в то, что государство может конкурировать с частными предпринимателями в этой отрасли и поставлять потребителям удовлетворительный продукт по низкой цене. Метадон в сочетании с циклозином, я тебе говорю, чувак, ебать мои лысые яйца! Я прихожу в клинику, получаю свои колёса, а потом нахожу какого-нибудь парня, которому прописали циклозин. Его прописывают беднягам с раком, СПИДом и прочей херотой. Мах на мах, и оба чувачка довольны, как ёбаные слоны.

У Джонни кончились вены, и он начал ширяться в артерии. Через пару заширов у него началась гангрена. Потом пришлось отрезать ногу. Он заметил, как я покосился на его забинтованную культю: я просто не мог удержаться.

— Я знаю, о чём ты думаешь, сукин ты кот. Ну нет, они никогда не отрежут среднюю ногу Белого Лебедя!

— Я даже не думал об этом, — возразил я, но он вытащил свой член из своих боксёрских шорт.

— Хотя мне от него никакого толку, — засмеялся он.

Я обратил внимание, что его елда покрыта сухими струпьями, значит, заживает:

— Похоже, подсыхают, Джонни, гнойники, типа.

— Ага. Я решил больше не колоться и пересесть на метадон с циклозином. Когда я увидел эту культю, то подумал, что у меня появился ещё один шанс, новое место доступа, но этот коновал сказал мне: «Забудь. Только вставишь туда иглу, и тебе пиздец». А оздоровительное лечение — это классно. Белый Лебедь разработал план: встать на ноги, спрыгнуть с наркоты и стать настоящим барыгой — не колоться, а только торговать, — он оттянул пояс и забросил свой покрытый паршой прибор обратно в шорты.

— Лучше бы тебе подвязать с этим, — советую я ему. Но он пропускает мои слова мимо ушей.

— Нее-а, мне нужна хуева груда капусты, а потом можно и в Бангкок.

У чувака уже и ноги нет, а он всё не может расстаться со своей мечтой о Таиланде.

— Запомни, — сказал он, — я не хочу ждать, пока приеду в Таиланд, чтобы там поебаться. Главное — постепенно сокращать дозняк. Тут на днях, когда сестра пришла на перевязку, мой зашевелился. Старая калоша и всё такое, а я сидел, как пацан, зажав залупу в кулаке.

— Тебе б только встать на ноги, Джонни, — подбадриваю я его.

— Хуя тебе! Кто захочет ебаться с одноногим? Мне придётся им платить — полный крах Белого Лебедя! Но всё равно, чувихам лучше платить. Строить ёбаные отношения на чисто деловой основе, — в его голосе звучала горечь. — Дрючишь Келли?

— Не, она щас тут, — мне не понравилось, как он спросил, и не понравилось, как я ответил.

— Тут на днях заходила эта сука Элисон, — сказал он, раскрывая причину своей злобы. Эли и Келли были лучшими подругами.

— Правда?

— Посмареть шоу уродцев, бля, — он кивает на свой забинтованный обрубок.

— Перестань, Джонни, Эли не такая.

Он снова смеётся, доставая диетическую колу без кофеина, отрывает кольцо и делает глоток.

— В холодильнике есть ещё одна, — предлагает он, показывая на кухню. Я отрицательно качаю головой.

— Ага, заходила тут на днях. Несколько недель назад. Ну, я и говорю: «А как насчёт минета, цыпка?» В память о прошлом. В смысле, это самое меньшее, что она могла б сделать для Матери-Настоятельницы, для Белого Лебедя, который столько раз её выручал, бля. Эта бессердечная стерва обломала меня, — он с отвращением покачал головой. — Я ни разу не завалил эту шлюшку, сечёшь? Ни разу в жизни. Даже когда она была на кумарах. Одно время она готова была отдаться за дозняк.

— Я понимаю, — поддержал я его. Может, он говорил правду, а может, и врал. Между мной и Эли всегда существовала какая-то молчаливая неприязнь. Даже не знаю, почему. Но, какова бы ни была причина, мне нетрудно поверить в любую гадость, сказанную про неё.

— Белый Лебедь никогда не воспользуется тем, что дама в беде, — улыбается он.

— Разумеется, — говорю я без тени убеждения в голосе.

— Никогда не воспользуюсь, — резко обрывает он меня. — И никогда не пользовался, понял? — Пока не попробуёшь пуддинга, не узнаешь, какой он на вкус.

— Ну да, потому что у тебя всегда были полные яйца ширки.

— Ха-ха-ха, — смеётся он, прижимая к груди банку с колой. — Белый Лебедь не подсирает своих людей. Это золотое правило номер один. Ни за «чёрный», ни за что угодно. Не сомневайся в честности

Белого Лебедя на этот счёт, Рентс. Я не всегда был уторчанным по самые яйца. Если б я захотел, я мог бы подставить эту сучку. И даже когда я был уторчанным, я мог бы её продать. Живое мясо, сука. Я мог бы выгнать эту блядь на Истер-роуд в миниюбке и без трусов, вмазал бы её, чтоб она прикусила язык, и бросил бы её на полу пивняка за гаражом. Устроил бы у себя дома ёбаный бордель, а сам стоял бы на улице и брал по пятёрке с рыла. Я имел бы с этого астрохуические барыши. А через недельку, когда ребята вдоволь наебутся, сходил бы в Тайни и позвал бы всех этих прокажённых «джамбо».

Трудно поверить, но Джонни до сих пор не был ВИЧ-инфицированным, хотя он и содержал ещё больше торчковых притонов, чем мистер Кадона. Он выдвинул шизовую теорию, согласно которой ВИЧем заражаются только «джамбо», а у «хибсов» против него иммунитет:

— Я бы всё устроил. И ушёл бы на покой. Пару неделек, и я бы жил в Таиланде, и кучи азиатских задниц мостились бы ко мне на фейс. Но я этого не сделал, потому что нельзя подсирать своих людей.

— Трудно быть человеком принципа, Джонни, — улыбаюсь я. Мне хочется уйти. Я не выдержу ещё одного пересказа его воображаемых азиатских приключений.

— Вот именно, бля. Моя беда в том, что я забываю обиды. В бизнесе не может быть никаких симпатий. Перед лицом драконова закона мы все знакомые. Так нет же, добренький ублюдок Белый Лебедь питал дружеские чувства. И чем же эта корыстная стерва ему отплатила? Я попросил её о маленьком отсосе, только и всего. Она могла бы сделать его хотя бы из сочувствия к моей ноге, понимаешь. Я б даже разрешил ей погуще намазаться помадой, это самое, для большей безопасности, сечёшь? Короче, я высадил её. Она только глянула на сочащиеся ранки и тут же выпала на измену. Я сказал ей: «Не переживай, слюна — естественный антисептик».

— Да, так говорят, — согласился я. Мне пора.

— Угу. И вот, что я тебе скажу, Рентс. Тогда, в семьдесят седьмом, мы были правы. Вся эта фелляция. Утопить весь ёбаный мир в слюне.

— Жаль только, что все мы высохли, — говорю я и поднимаюсь, чтобы идти.

— Ага, точно, — говорит Джонни Свон, уже спокойнее.

Самое время валить.

Зима в Уэст-Грэнтоне

Томми классно выглядит. Это ужасно. Он умрёт. Может, через несколько недель, а может, лет через пятнадцать Томми не станет. Есть вероятность, что со мной произойдёт то же самое. Но разница в том, что Томми обречён.

— Привет, Томми, — говорю я. Он так классно выглядит.

— Угу, — отвечает он. Томми сидит в продавленном кресле. В воздухе пахнет сыростью и мусором, который давным-давно пора было выбросить.

— Как самочувствие?

— Ничего.

— Хочешь поговорить об этом? — спрашиваю нехотя.

— Не особо, — отвечает он неуверенно, будто бы хочет.

Я неуклюже сажусь в точно такое же кресло. Оно жёсткое, из него торчат пружины. Много лет назад это было кресло какого-то богача. Но не меньше двух десятилетий оно провело в домах бедняков. И вот попало к Томми.

Теперь я вижу, что Томми выглядит не так уж хорошо. Чего-то не хватает, какой-то его части, как в незаконченном «пазле». Это не просто шок или депрессия. Кажется, будто какая-то частица Томми уже умерла, и я её оплакиваю. Теперь я понимаю, что смерть — это не событие, а процесс. Обычно люди умирают постепенно, по нарастающей. Они медленно чахнут в домах и больницах или в местах вроде этого.

Томми не выбирается из Уэст-Грэнтона. Он порвал с матерью. Это квартира с «варикозными венами»: её называют так из-за потрескавшейся штукатурки на стенах. Томми получил её вне очереди. В списке ожидающих значилось пятнадцать тысяч человек, но никто не захотел брать эту квартиру. Это тюрьма. Но мэрия не виновата: правительство заставляет её продавать хорошее жильё, а ништяки отдавать таким, как Томми. С политической точки зрения, это вполне оправдано. Они не голосуют за правительство, так зачем же заморачиваться и делать что-то для людей, которые вас не поддерживают? Что касается морали, это другое дело. Но какое отношение имеет мораль к политике? Там всё крутится вокруг бабок.

— Как в Лондоне? — спрашивает он.

— Нормально, Томми. Почти так же, как здесь.

— Ну да, расскажи, — говорит он язвительно.

На тяжёлой фанерной двери большими чёрными буквами было написано: ЧУМНОЙ. А ниже: ЗАРАЗА и НАРИК. Малые гопники достанут любого. Правда, никто ещё не говорил этого Томми в лицо. Томми — парень не промах, он верит в то, что Бегби называет «дисциплиной бейсбольной биты». Кроме того, у него есть крутые кореша, например, Порошайка, и не столь крутые кореша, например, я. Но, несмотря на это, Томми становится всё более ранимым. Количество его друзей уменьшается по мере того, как его потребность в них растёт. Такова обратная, точнее, превратная, арифметика жизни.

— Ты сдал анализ? — спрашивает он.

— Да.

— Чисто?

— Угу.

Томми смотрит на меня. Он злится и умоляет одновременно.

— Ты кололся больше, чем я. И одной машиной. С Дохлым, с Кизбо, с Рэйми, с Картошкой, со Свонни… с Метти, ёб твою мать. Только скажи мне, что ты никогда не ширялся Меттиным баяном!

— Я никогда ни с кем не ширялся одним баяном, Томми. Все это говорят, но я никогда не ширялся одним баяном, по крайней мере, в «тирах», — сказал я ему. Странно, что я забыл про Кизбо. Он сидит на системе уже года два. Когда-то я собирался даже сходить к нему и раскрутить его на ширку. Однако я знаю, что никогда бы до этого не дошёл.

— Не пизди, сука! Ты ширялся! — Томми наклоняется вперёд. Он начинает реветь. Помню, я думал, если он начнёт реветь, то я тоже могу распустить сопли. Но сейчас я чувствовал только мерзкую, удушающую злость.

— Никогда в жизни, — качаю я головой.

Он садится на место и улыбается самому себе. Даже не глядя на меня, задумчиво говорит, уже безо всякой горечи:

— Странно как-то всё получается, да? Ты вместе с Картошкой, Дохлым, Свонни и всей толпой присадили меня на «эйч». Я сидел себе и бухал со Вторым Призёром и Франко и стебался над вами, называл вам самыми последними дебилами на свете. Потом я поссорился с Лиззи, помнишь? Пришёл к тебе на флэт. Попросил, чтоб ты меня вмазал. Я думал, что должен всё хоть раз в жизни попробовать. Вот и допробовался.

Я помню. Господи, это было всего несколько месяцев назад. Некоторые бедняги сильно предрасположены к определённым наркотикам. Как, например, Второй Призёр — к «синьке». Томми очень плотно присел на ширку. Никто не может его контролировать, но я знавал некоторых чуваков, которые смогли к нему приспособиться. Я спрыгивал несколько раз. Спрыгнуть и снова подсесть — это всё равно, что вернуться в тюрьму. Каждый раз, когда садишься в тюрягу, вероятность того, что ты сможешь изменить свою жизнь, уменьшается. То же самое, когда снова присаживаешься на «чёрный». Уменьшается вероятность того, что когда-нибудь ты сможешь обходиться без него. Неужели я виноват в том, что у меня была при себе гера, когда Томми попросил сделать ему первый укол? Возможно. Вполне вероятно. Насколько я виноват в этом? Достаточно.

— Мне очень жаль, Томми.

— Я не знаю, что мне, на хер, делать, Марк. Что мне делать?

Я сидел, понурив голову. Мне хотелось сказать Томми: «Просто живи. Вот и всё. Следи за своим здоровьем. Может, и не заболеешь. Посмотри на Дэви Митчелла. (Дэви — один из лучших друзей Томми.) У него ВИЧ, а он никогда в жизни не ширялся. Дэйви прекрасно себя чувствует. Ведёт нормальную жизнь, ничем не хуже остальных.»

Но я знал, что Томми не поведётся на этот порожняк. Он не Дэви Митчелл, тем более не Дерек Джармен. Он не сможет закрыться в своей скорлупе, жить в тепле, есть доброкачественную свежую пищу и выдавать новые идеи. Он не проживёт ни пять, ни десять, ни пятнадцать лет, чтоб потом загнуться от пневмонии или рака.

Томми не переживёт даже этой зимы в Уэст-Грэнтоне.

— Мне жаль, чувак. Очень жаль, — твержу я.

— «Чёрный» есть? — спрашивает он, поднимая голову и пристально глядя на меня.

— Я спрыгнул, Томми. — Когда я сказал ему это, он даже не улыбнулся.

— Тогда одолжи денег. Скоро пришлют чек за квартиру.

Я роюсь в карманах и вытаскиваю две скомканных пятёрки. Я вспоминаю похороны Метти. Сто пудов, что Томми будет следующим, и ни хуя тут никто не сделает. В особенности, я.

Он берёт деньги. Наши взгляды встретились, и между нами что-то промелькнуло. Я не могу точно сказать, что это было, но уверен, что-то очень хорошее. Оно длилось какой-то миг, а потом исчезло.

Шотландский солдат

Джонни Свон рассматривает в зеркале ванной свою обритую наголо голову. Длинные грязные волосы он состриг несколько недель назад. Теперь нужно избавиться от этой растительности на подбородке. Бритьё — такая мука, когда у тебя одна нога, а Джонни до сих пор не научился сохранять равновесия. Однако, с грехом пополам, ему удаётся довольно сносно побриться. Он решил, что никогда больше не сядет в инвалидную коляску, это уж точно.

— Снова на паперть, — говорит он самому себе, изучая своё лицо в зеркале. Оно чистое. Ощущение не из приятных, да и сам процесс доставил ему массу хлопот, но у людей сложился определённый стереотип старого вояки. Он начинает насвистывать мелодию «Шотландский солдат»; прикалываясь, неловко, по-полковому отдаёт честь своему отражению.

Повязка на обрубке вызывает у Джонни некоторое беспокойство. Она испачкалась. Медсестра миссис Харви, которая придёт сегодня её сменить, наверняка скажет ему пару ласковых по поводу личной гигиены.

Он рассматривает оставшуюся ногу. Она никогда не была лучшей из двух. Колено искривилось: последствия футбольной травмы столетней давности. Когда она станет единственной носительницей его веса, колено искривится ещё больше. Джонни думает о том, что надо было колоться в артерии этой ноги: лучше бы гангрена возникла в этой сучонке и хирург отрезал бы её. «Проклятие правшей», — размышляет он.

Покачиваясь и пошатываясь, он бредёт по холодным улицам к вокзалу Уэйверли. Каждый шаг — пытка. Кажется, боль исходит не из конца обрубка, а охватывает всё тело. Однако два колеса метадона и барбитураты, которыми он закинулся, немного её смягчают. Джонни забил себе место на выходе с Маркет-стрит. На большом куске картона чёрными буквами написано:

«Я ВЕТЕРАН ФОЛКЛЕНДОВ — ПОТЕРЯЛ НОГУ ЗА СВОЮ СТРАНУ. ПОМОГИТЕ ЧЕМ МОЖЕТЕ».

Торчок по кличке Сильвер, Джонни не помнит его настояшего имени, подходит к нему, передвигаясь, как трансформер.

— Ширка есть, Свонни? — спрашивает он.

— Какое там, чувак. Я слышал, Рэйми привезёт вроде как в субботу.

— Это поздно, — пыхтит Сильвер. — Ёбаная обезьяна сидит у меня на спине и просит жрать.

— Белый Лебедь — бизнесмен, Сильвер, — Джонни показывает на себя пальцем. — Если б у него был товар, он бы его впарил.

Сильвер подавлен. Грязное чёрное пальтецо свободно видит на его сером, измождённом теле.

— Тёрка на метадон кончилась, — говорит он, не взывая к состраданию и не надеясь на него. Потом в его мёртвых глазах вспыхивает слабый огонёк. — Слы, Свонни, тебе с этого чё-то выгорает?

— Когда закрывается одна дверь, открывается другая, — улыбается Джонни своим гниющим ртом. — Тут я зашибаю больше капусты, чем на наркоте. А сейчас, извини, конечно, Сильвер, но мне надо зарабатывать себе на ёбаную жизнь. Вдруг кто-то увидит, как честный солдат базлает с торчком. Пока.

Сильвер просто принимает это к сведению, спокойно проглатывая оскорбление:

— Тогда попрусь в клинику. Может, кто продаст колёсико.

— Оревуар, — кричит Джонни ему вдогонку.

У него стабильный бизнес. Одни люди украдкой опускают монетки в его шляпу. Другие, возмущённые вторжением нищеты в их жизнь, отворачиваются и решительно смотрят вперёд. Женщины дают больше, чем мужчины; молодёжь — больше, чем старики; люди самого скромного достатка щедрее тех, кто процветает.

В шляпу ложится пятёрка.

— Господи вас благослови, сэр, — благодарит Джонни.

— Нет, это мы должны благодарить вас, ребята, — говорит мужчина средних лет. — Как страшно потерять ногу в таком молодом возрасте!

— Я ни о чём не жалею. Конечно, можно обозлиться на весь свет. Но у меня другая философия. Я люблю свою страну и мог бы всё повторить сначала. И потом, я считаю, что мне повезло — ведь я вернулся назад. А сколько друзей я потерял в той драчке на Гусиной лужайке! — Джонни смотрит перед собой тусклым, отсутствующим взглядом. Он уже готов сам себе поверить. Потом поворачивается к мужчине. — Но когда встречаешь таких людей, как вы, тех, кто помнит, кому не всё равно, то понимаешь, что всё это было не зря.

— Удачи вам, — тихо говорит мужчина, разворачивается и поднимается вверх по лестнице на Маркет-стрит.

— Поц ебучий, — бормочет про себя Джонни, тряся склонённой головой в приступе беззвучного смеха.

За пару часов он сделал 26 фунтов 78 пенсов. Дела идут неплохо, и работа не пыльная. Джонни умеет ждать: даже Британская железная дорога в самый нефартовый день не сможет пересрать его торчковую карму. Однако абстиненция заранее предупреждает о своих жестоких намерениях лёгкими кумарами — пульс подскакивает, а поры выделяют обильный ядовитый пот. Он решает, что пора закругляться и скипать, но тут подходит худенькая, хрупкая женщина.

— Ты служил в королевской армии, сынок? Мой Брайан тоже служил в королевской армии, Брайан Лэдлоу.

— Э, во флоте, миссис, — Джонни пожимает плечами.

— Брайан не вернулся, царство ему небесное. Ему был двадцать один год. Сыночек мой. Такой хороший парень, — глаза женщины наполнились слезами. Её голос понизился до глухого свиста и стал ещё более жалостным из-за своей беспомощности. — Знаешь, сынок, я буду ненавидеть эту Тэтчер до самой смерти. Не проходит и дня, чтоб я не проклинала её.

Она вынимает кошелёк, достаёт двадцатифунтовую банкноту и всовывает её в руку Джонни:

— Вот, сынок. Это всё, что у меня есть, но я хочу отдать их тебе, — она начинает рыдать и уходит прочь, еле держась на ногах; кажется, будто её пырнули ножом.

— Господи вас благослови, — кричит Джонни Свон ей вслед. — Господи благослови шотландских солдат. — Потом он громко хлопает в ладоши, предвкушая, как смешает циклозин с метадоном, который у него уже есть. Психометадоновый коктейль: его билет в рай, маленький частный раёк, над которым смеются непосвящённые — им никогда не постичь этого блаженства. У Элбо целая куча циклозина, который ему прописали против рака. Сегодня вечером Джонни навестит своего больного друга. Элбо нужны Джоннины колёса, а Джонни — его психотропные таблетки. Взаимное совпадение интересов. Да уж, господи благослови шотландских солдат, и господи благослови британское здравоохранение.

Выход

С вокзала на вокзал

Ветреная, дождливая ночь. Над головой нависают грязные тучи, готовые обрушить свой тёмный груз на граждан, суетящихся внизу, в сотый раз за сегодняшний день. Толпа на автобусной остановке похожа на контору собеса, вывернутую наизнанку и облитую нефтью. Десятки молодых людей, лелеющих радужные мечты и живущих на ничтожные средства, угрюмо стоят в очереди на лондонский рейс. Дешевле добраться только стопом.

Автобус едет из Абердина с остановкой в Данди. Бегби стоически проверяет купленные предварительно билеты, а потом злобно пялится на людей, уже севших в автобус. Оборачиваясь, он оглядывается на «адидасовскую» сумку, стоящую у его ног.

Рентон, уверенный в том, что Бегби его не слышит, поворачивается к Картошке и кивает на их задиристого дружка:

— Надеется, что какой-то мудак сел на наши места. Повод, чтоб закатить разборку.

Картошка улыбается и удивлённо поднимает брови. Глядя на него, Рентон размышляет: «Никогда нельзя точно сказать, насколько высока ставка». Эта ставка большая, тут никаких сомнений. Ему нужен был этот укол, чтобы успокоить нервы. Первый укол за последние несколько месяцев.

Бегби разворачивается, его нервы на пределе, и бросает на них злобный взгляд, словно бы почувствовав спиной их неуважение:

— Где Дохлый, блядь?

— Э, я без понятия, это самое, — пожимает плечами Картошка.

— Он придёт, — говорит Рентон, кивая на «адидасовский» бэг. — У тебя двадцать процентов его дряни.

Это вызывает у Бегби приступ паранойи:

— Говори тише, ёбаный ты поц, блядь! — шипит он на Рентона. Он озирается, косясь на пассажиров и отчаянно пытаясь поймать хотя бы один-единственный взгляд, чтобы выместить на нём ярость, бушующую в нём и грозящую его раздавить, а там будь что будет.

Нет. Он должен контролировать себя. Слишком много поставлено на карту. На карту поставлено всё.

Тем не менее никто не смотрит на Бегби. Те, кто его всё же замечает, чувствуют исходящие от него флюиды. Они применяют тот особенный талант, которым обладают некоторые люди: притворяться, будто психи невидимы. Даже его приятели стараются не встречаться с ним взглядами. Рентон натянул на глаза свою зелёную бейсбольную кепку. Картошка, одетый в футболку сборной Ирландии, пасёт блондинку с рюкзаком, которая как раз сняла его и выставила перед ним свою задницу, туго обтянутую джинсами. Второй Призёр, стоящий в сторонке от остальных, без конца пьёт, охраняя внушительных размеров багаж, состоящий из двух белых пластиковых сумок.

По ту сторону толпы, за небольшим домиком, именующимся баром, Дохлый беседует с девушкой по имени Молли. Она проститутка и ВИЧ-инфицированная. По ночам она иногда околачивается на автовокзале и снимает парней. Молли влюбилась в Дохлого, после того как он позажимался с ней в дрянном лейтском диско-баре несколько недель назад. Дохлый по пьяни начал доказывать, что ВИЧ не

передаётся через поцелуй и в подтверждение этого почти весь вечер целовался с ней взасос. Потом он, правда, впал в истерику и раз пять чистил зубы, прежде чем лечь в постель. Он провёл бессонную, тревожную ночь.

Дохлый поглядывает на своих друзей из-за бара. Он заставляет этих ублюдков ждать. Но ему хочется убедиться, что легавые не устроили на них облаву. В противном случае эти чуваки могут ехать сами.

— Ссуди меня червончиком, цыпка, — просит он Молли, хорошо помня, что в «адидасовской» сумке лежит его доля — три с половиной куска. Но это же наличка. А она всегда течёт, как вода.

— Вот, на, — Дохлого трогает то, как беспрекословно Молли выполняет его просьбу. Затем он с некоторой горечью оценивает содержимое её кошелька и мысленно клянет себя за то, что не попросил двадцатки.

— Клёво, крошка… ну ладно, оставляю тебя на твоих подружек. — Дымок машет рукой. Он треплет её курчавые волосы и целует её, на этот раз — едва касаясь губами щеки.

— Позвони мне, когда вернёшься, Саймон, — кричит она ему вдогонку, видя, как его худое, но крепкое тело вприпрыжку убегает от неё. Он оборачивается.

— Ты просто хочешь задержать меня, крошка. Береги себя, — он подмигивает ей и одаривает открытой, радостной улыбкой, а потом отворачивается.

— Ебанутая блядюга, — ворчит он еле слышно, а на его лице застывает презрительная гримаса. Молли была дилетанткой, и ей не хватало цинизма, для того чтобы играть в эту игру. «Абсолютная жертва», — подумал он со странной смесью жалости и презрения. Он повернул за угол и побежал к остальным, вращая головой из стороны в сторону и пытаясь учуять присутствие полиции.

Его не особо обрадовало то, что он увидел, когда они собрались садиться в автобус. Бегби материл его за то, что он опоздал. С этим козлом надо было всегда быть на стрёме, но когда ставка была так высока, как сейчас, это означало, что он начнёт выделываться ещё больше обычного. Он вспомнил о придурковатых планах насилия, которые Бегби вынашивал на импровизированной вечеринке вчера вечером. Из-за его характера все они могли загреметь за решётку на всю оставшуюся жизнь. Второй Призёр был в прогрессирующей стадии опьянения: то ли ещё будет. А вдруг у этого «синяка» развяжется язык ещё до того, как они прибудут на место? Если он не помнит, где находится, то какого хера он должен помнить, что он говорит? «Ёбаный халявщик», — думает Дохлый, и по его телу пробегает нервная дрожь.

Но больше всего Дохлого беспокоит состояние Картошки и Рентона. Они явно удолбаны по самые яйца. Эти ублюдки вполне могут всё пересрать. Рентон, который перестал колоться задолго до того, как нашёл себе работу в Лондоне, и теперь вернулся обратно, не смог устоять перед колумбийским чистяком, который им подогнал Сикер. «Вот это вещь, — убалтывал он, — у эдинбургского торчка, привыкшего к дешёвому пакистанскому героину, такой приход бывает только раз в жизни». Картошка вмазался, как всегда, за компанию.

Ох, уж этот Картошка. Дохлого всегда поражало его умение без особых усилий превратить самое невинное времяпрепровождение в махровый криминал. Даже в утробе своей матери Картошка был не зародышем, а полным набором скрытых наркотических и личностных проблем. Он мог бы привлечь внимание полиции, выбив солонку из рук шеф-повара. «Какой там Бегби, — подумал он, — если кто и спалит хату, так это Картошка».

Дохлый сурово посмотрел на Второго Призёра. Эту погремуху ему дали за то, что он всегда по пьяни лез драться, хотя это для него плачевно заканчивалось. Любимым видом спорта Второго Призёра был не бокс, а футбол. В школе он был международной звездой Шотландии с поразительными способностями и в

шестнадцать лет ездил на юг играть за «Манчестер Юнайтед». Хотя уже тогда у него были задатки алкоголика. Второй Призёр умудрился заключить с этим клубом контракт на два года, а потом его вытурили обратно в Шотландию. Это было одно из невоспетых чудес футбола. Принято считать, что Второй Призёр растратил свой огромный талант. Но Дохлый понимал более суровую истину. Второй Призёр был конченым человеком: если рассматривать его жизнь в целом, то не алкоголизм стал его роковым проклятием, а скорее футбольный талант был лишь незначительным исключением из правила.

Они по очереди садятся в автобус. Рентон и Картошка двигаются, как трансформеры. Они сбиты с толку всеми этими событиями не меньше, чем ширкой. Они везли большую партию товара и собирались отвиснуть в Париже. Им оставалось только перевести всю дрянь в твёрдую валюту — об этом позаботится Андреас в Лондоне. Однако Дохлый поздоровался с ними, как с кухонной раковиной, наполненной грязной посудой. Он явно был не в духе, но считал, что житейские неприятности надо переживать вместе.

Когда Дохлый садился в автобус, его кто-то позвал по имени:

— Саймон.

— Только не эта блядь, — выругался он шёпотом, а потом заметил молоденькую девушку. Он крикнул: — Франко, займи мне место, я щас вернусь.

Занимая ему место, Бегби испытывает ненависть, смешанную с мучительной ревностью, видя, как молодая девушка в синей куртке с капюшоном держит Дохлого за руки.

— Этот мудак со своими ёбаными пиздами попалит, на хуй, нас всех! — ворчит он на Рентона, который кажется отрешённым.

Бегби пытается рассмотреть фигуру девушки сквозь куртку. Раньше он от неё тащился. Он фантазирует, что бы он с ней сделал. Он отмечает, что без макияжа её личико даже красивее. Ему трудно сосредоточить внимание на Дохлом, но Бегби видит, что уголки его рта опущены, а глаза широко открыты в притворном простодушии. Беспокойство Бегби растёт, и он готов уже встать и силком затащить Дохлого в автобус. Но как только Бегби вскакивает с сиденья, он видит, как Дохлый возвращается в салон, и мрачно вперяет взгляд в окно.

Они садятся в конце салона, рядом с туалетом, откуда уже воняет свежей мочой. Второй Призёр забил заднее сиденье для себя и своего багажа. Картошка и Рентон сели перед ним, дальше — Бегби и Дохлый.

— Это была дочурка Тэма Макгрегора, Дохлый, да? — Рентон идиотски скалится, просовывая лицо между двумя подголовниками.

— Ага.

— Он до сих пор доёбывается к тебе? — спрашивает Бегби.

— Чувак взъелся на меня за то, что я трахнул его потаскушку-дочь. А сам строит из себя жеребца перед каждой пиздёнкой, бухающей в его говённом баре. Ёбаный лицемер.

— Я слыхал, он навалял тебе в ёбаных «Фиддлерсах». Говорят, ты насрал полные штаны, блядь, — издевается Бегби.

— Хуй тебе в рот! Кто тебе такое сказал? Этот мудак говорит мне: «Если ты хоть пальцем её тронешь…» А я говорю: «Пальцем? Да я продаю её направо и налево уже несколько месяцев, сукин ты сын!»

Рентон спокойно ухмыляется, а Второй Призёр, который, на самом деле, ничего не слышал, ржёт во всю глотку. Рентон ещё не настолько ужрался, чтобы полностью отказаться от роскоши человеческого

общения. Картошка не говорит ничего и только корчится, когда его хрупкие косточки всё сильнее сдавливают тиски ломок.

Бегби не верится, что у Дохлого хватило смелости нахамить Макгрегору.

— Пиздёж. Ты б никогда не стал разбираться с этим чуваком, блядь.

— Пошёл ты к ёбаной матери! Со мной был Джимми Басби. Этот мудак Макгрегор засрал перед Бомбомётом. Он дрищет перед всеми Кэши. И ему меньше всего хотелось, чтобы эта семейка устроила пизделку в его баре.

— Джимми Басби… так он же не крутой чувак, блядь. Он ёбаный засранец. Я чмарил этого поца ещё в училище. Помнишь те времена, Рентс, а? Рентс! Помнишь те времена, когда я лупцевал того мудака Басби? — Бегби оборачивается назад за поддержкой, но Рентон начинает испытывать те же ощущения, что и Картошка. Его пробирает озноб, и к горлу подступает мерзкая тошнота. Он только неубедительно кивает, не в силах пересказать подробности, которых требует Бегби.

— Так это ж когда было! Щас бы ты к нему не полез, — гнёт своё Дохлый.

— Это я б не полез, сука? Да? Ты думаешь, я б не полез, блядь? Ёбаный же ты поц! — наезжает на него Бегби.

— Хотя всё это такая хуйня, — кротко возражает ему Дохлый, используя свою классическую тактику: если не можешь выиграть спор, переведи его в шутку.

— Этот мудак не умеет разбираться, блядь, — тихо огрызается Бегби. Дохлый не отвечает, зная, что это было предупреждение, адресованное ему за отсутствием Басби. Он понимает, что играет с огнём.

Мёрфи— Картошка прислонился лицом к стеклу. Он сидит и молчаливо страдает, обливаясь потом и чувствуя, как его косточки со скрипом трутся одна о другую. Дохлый поворачивается к Бегби и, пользуясь случаем, пробует найти в нём единомышленника.

— Эти мудаки, Франко, — он кивает назад, — говорили, что не будут ширяться. Лживые ублюдки. Они всех нас подставили. — Он говорит со смесью отвращения и жалобы в голосе, словно бы смирившись со своей горькой участью: все его планы срывают слабовольные дураки, которых он имеет несчастье называть своими друзьями.

Однако Дохлому не удаётся найти сочувствие у Бегби, которому его отношение не нравится ещё больше, чем поведение Рентона и Картошки.

— Кончай ныть, блядь. Можно подумать, ты сам никогда этим не занимался, сука.

— Всему своё время. А эти раздолбаи никогда не повзрослеют.

— Так, значит, ты не хочешь ёбучего «спида»? — дразнит его Бегби, нащупывая солоноватые гранулы в серебряной фольге.

Дохлый действительно не отказался бы от «Молодца Билли», чтобы скрасить эту ужасную поездку. Но он никогда в жизни не станет упрашивать Бегби. Он смотрит перед собой, спокойно качая головой и что-то бормоча себе под нос. Охваченный щемящей тоской, он перебирает одну неотмщённую обиду за другой. Потом вскакивает с места и идёт за банкой «макэванс-экспорта», припасённого Вторым Призёром.

— Я ж говорил тебе, чтоб взял с собой бухло! — Второй Призёр похож на противную птицу, у которой собирается отнять яйца подкравшийся хищник.

— Всего одну банку, жлобяра! Ёб же твою мать! — Дохлый в раздражении шлёпает себя ладонью по лбу. Второй Призёр неохотно протягивает ему банку пива, которое Дохлый всё равно не может пить. Он

давно не ел, и жидкость, попадая в его тощие кишки, вызывает чувство тяжести и тошноту.

Позади него Рентон продолжает стремительно погружаться в бездну отходняка. Он понимает, что должен действовать. Это означает — надо надинамить Картошку. В бизнесе нет места для симпатий, тем более — в *таком* бизнесе. Поворачиваясь к своему партнёру, он говорит:

— Чувак, у меня в жопе застряла хуева каменюка. Мне надо отлучиться в парашу.

Картошка на миг возвращается к жизни:

— Чё, так припекло?

— Заткнись, — Рентон уверенно обрывает его. Картошка отворачивается и снова влипает в окно.

Рентон заходит в туалет и закрывает дверь на защёлку. Он вытирает мочу с ободка алюминиевого унитаза. Его не волнует гигиена, просто от влаги у него мурашки бегают по коже.

Он раскладывает на крошечной раковине ложку для варки, шприц, иглу и ватные шарики. Вытащив из кармана небольшой пакет коричневато-белого порошка, он аккуратно вываливает его содержимое в трофейный столовый прибор. Втягивая в шприц 5 мл воды и медленно впрыскивая их в ложку, Рентон старается не смыть ненароком героин. Его дрожащая рука приобретает ту выверенность движений, которую способно вызвать только приготовление ширева. Подводя пламя пластмассовой «бенидормовской» зажигалки под ложку, он размешивает неподатливый осадок кончиком иглы до тех пор, пока не получает раствор, который можно вводить в вену.

Автобус резко кренится набок, но Рентон наклоняется вместе с ним: вестибулярный аппарат торчка улавливает, подобно радару, любые ухабы и повороты на трассе А1. Не пролив ни единой драгоценной капельки, он опускает в ложку ватный шарик.

Вонзив иглу в шарик, он втягивает рыжеватую жидкость в цилиндр. Расстегивает ремень и матерится, когда кнопки цепляются за петельки джинсов. Он резко выдёргивает его, ему кажется, что его внутренности свернулись в комок. Затягивая ремень на руке как раз под худосочным бицепсом, он сжимает кожаный конец желтоватыми зубами, чтобы тот не развязался. Жила у него на шее вздувается, и он терпеливо нащупывает упрямую здоровую вену.

Где— то в глубине его души вспыхивает минутное колебание, которое безжалостно заглушает мучительный спазм, сотрясающий его больной организм. Он прицеливается и видит, как острая сталь пронзает нежную плоть. Опускает поршень до половины и через долю секунды втягивает в цилиндр кровь. Потом он ослабляет ремень и впрыскивает всё содержимое в вену. Он поднимает голову и ловит приход. Просидев так несколько минут, а может, часов, он поднимается и смотрит на себя в зеркало.

— Ты просто охуителен! — произносит он, целуя своё отражение и ощущая горячими губами холод стекла. Он поворачивает голову и прислоняется к зеркалу щекой, а потом лижет его языком. После этого он отходит назад и примеряет на себя страдальческую маску. Картошка моментально посмотрит на него, как только он откроет дверь. Ему нужно притвориться больным, хотя это будет непросто.

Второй Призёр заглушил бухлом свой бодун и теперь у него открылось как бы «второе дыхание», хотя это выражение не совсем уместно, поскольку он постоянно находится либо в состоянии опьянения, либо в состоянии похмелья. Бегби, видя, что они уже проехали большую часть пути, а их не остановили ни лотианские, ни пограничные легавые, немного расслабился. Час победы был близок. Картошка погрузился в беспокойный наркотический сон. Рентон слегка оживился. Даже Дохлый почувствовал, что всё идёт нормально, и угомонился.

Хрупкое единство было разрушено, когда Дохлый и Рентон поспорили о достоинствах Лу Рида до и после «Вельвет Андеграунда». Под натиском Рентона Дохлый утратил дар речи, что было для него

несвойственно.

— Не, не… — он слабо покачал головой и отвернулся, не ощущая ни малейшего желания опровергать аргументы Рентона. Рентон украл у него личину негодования, которую Дохлый любил надевать в таких случаях.

Наслаждаясь капитуляцией своего противника, Рентон резко и самодовольно откинул назад голову и сложил руки на груди с торжествующей воинственностью — жест, подсмотренный им у Муссолини в одной старой кинохронике.

Дохлый довольствовался рассматриванием пассажиров. Перед ним сидели две старых тётки, которые то и дело оборачивались с осуждающим выражением лица и что-то кудахтали по поводу «выражений». Он заметил, что от них, как от всех старых тёток, несло мочой и потом, но эту вонь частично перебивал затхлый запах талька.

Напротив него сидела упитанная парочка в «косухах». «Ублюдки в болониях — особая порода двуногих», — подумал он язвительно. Их нужно всех, на хуй, истребить. Дохлый удивился, что в гарберобе Попрошайки до сих пор нет «косухи». Как только они наварят капусты, он обязательно уговорит этого ублюдка купить себе «косуху», чисто ради прикола. Кроме того, он решил подарить Бегби щенка американского питбуля. Если даже Бегби обломается за ним ухаживать, в доме, где есть маленький ребёнок, пёсик никогда не останется голодным.

Но среди всех этих шипов была и одна роза. Взгляд Дохлого закончил критическое изучение попутчиков и остановился на крашеной блондинке с рюкзаком. Она сидела совершенно одна перед парочкой в «косухах».

Рентону захотелось сделать какое-нибудь западло, он вытащил «бенидормовскую» зажигалку и поджёг косичку Дохлого. Волосы затрещали, и к неприятным запахам в конце салона прибавился ещё один. Дохлый, осознав, что происходит, резко обернулся на сиденье:

— Ёб твою мать! — прорычал он, ударив по поднятым запястьям Рентона. — Детский сад! — прошипел он, когда издевательский смех Бегби, Второго Призёра и Рентона разнёсся по всему автобусу.

Однако вмешательство Рентона дало Дохлому повод (в котором он вряд ли нуждался) оставить их и пересесть к блондинке с рюкзаком. Он снял футболку с надписью «У итальянцев это получается лучше», обнажив жилистый, загорелый торс. Мать Дохлого была итальянкой, но он носил эту футболку не для того, чтобы хвастать своим происхождением, а чтобы выводить из себя окружающих своими претензиями. Он достал с полки свою сумку и порылся в ней. Там нашлась футболка с надписью «День Манделы», которая была политически безупречной, но слишком попсовой и крикливой. Самое главное — она устарела. Дохлый понимал, что Мандела превратился в очередного занудного старпёра, как только все свыклись с тем, что его выпустили из тюрьмы. Бросив лишь беглый взгляд на «Ирландский Ф. К. — участник Чемпионата Европы», он отложил её в сторону. Сандинисты тоже были не в струе. Он остановился на майке с надписью «Осень», которая была, по крайней мере, белой и хорошо подчёркивала его корсиканский загар. Надев её на себя, он прошёл по салону и незаметно уселся на сиденье рядом с девушкой.

— Извините. Боюсь, мне придётся присоединиться к вам. Видите ли, я нахожу поведение своих попутчиков немного ребячливым.

Со смесью восхищения и отвращения Рентон наблюдает за тем, как Дохлый превращается из конченого раздолбая в мечту этой женщины. Его интонации и выговор незаметно меняются. На лице появляется заинтересованное, серьёзное выражение, когда он засыпает свою новую попутчицу обольстительно-нескромными вопросами. Рентон морщится, услышав, как Дохлый говорит:

— Да, я бы назвал себя джазовым пуристом.

— Дохлый снимает тёлку, — сообщает он, повернувшись к Бегби.

— Я охуенно рад за него, — с горечью говорит Бегби. — Классно, что этот говнюк от меня съебал. От этого поца никакой, на хуй, пользы, он только ныть, бля, может… сука.

— Мы сейчас все напряжены, Франко. Большой риск. Вчера мы захавали весь этот «спид». У нас у всех щас малехо паранойя.

— Не отмазывай этого мудака, блядь. Этого ёбаного урода надо научить понятиям. Он скоро получит нехуёвый урок. Понятия надо уважать.

Рентон, понимая, что спорить дальше нет смысла, усаживается поудобнее и наслаждается тем, как «чёрный» массажирует его, развязывая узлы и разглаживая складки. Всё-таки это был качественный продукт.

Бегбина злоба на Дохлого вызвана не столько ревностью, сколько обидой на то, что он ушёл: Бегби нуждается в обществе. У него как раз начался ураганный «спидовый» приход. Откровения посещают его одно за другим, и он считает себя обязанным ими поделиться. Ему нужно с кем-нибудь поговорить. Рентон замечает этот сигнал опасности. За его спиной громко храпит Второй Призёр. Бегби от него ничего не добьётся.

Рентон надвигает бейсбольную кепку на глаза и одновременно подталкивает локтем Картошку, будя его.

— Спишь, Рентс? — спрашивает Бегби.

— Ммммм… — бормочет Рентон.

— Картоха?

— Чего? — раздражённо спрашивает Картошка.

В этом была его ошибка. Бегби разворачивается на сиденье; стоя на коленях, он свешивается над Картошкой и начинает пересказывать сотни раз слышанную историю:

— …короче, я залез на неё, сечёшь, ебу её, это самое, просто хуею, а она, блядь, вопит, это самое, а я думаю, ёбаный в рот, этой вонючей тёлке нравится, сука, это самое, но она отталкивает меня, сечёшь, а из пизды у неё как хлынет кровянка, сечёшь, типа как менстра, а я хотел сказать, мне по барабану, особенно, когда у меня стоит, блядь, как сейчас, я тебе говорю, на хуй. Короче, оказалось, у этой суки был тогда ёбаный выкидыш.

— Да.

— Угу, та я тебе ещё могу рассказать, блядь; я тебе рассказывал, как мы с Шоном словили тех двух ёбаных собак в «Обломове»?

— Да… — слабо стонет Картошка. Его лицо похоже на замедленную съёмку взрыва электронно-лучевой трубки.

Автобус останавливается на станции техобслуживания. Картошка получает долгожданную передышку, но Второй Призёр недоволен. Не успел он уснуть, как в салоне включили яркий свет, безжалостно вырвавший его из уютного забытья. Он просыпается в алкогольном ступоре и не может понять, где находится: хмельные глаза не способны сфокусироваться, звенящие уши оглушает какофония неразличимых голосов, нижняя челюсть пересохшего рта отвисла. Он инстинктивно тянется за фиолетовой банкой «теннентс-супер-лагера»: это тошнотворное пойло заменяет ему слюну.

Они слоняются по мосту через автостраду, страдая от холода, усталости и наркотиков, бродящих в крови. Исключение составляет Дохлый, самоуверенно чешущий впереди вместе с блондинкой.

В раздраконенном кафе «Траст-Хаус-Форте» Бегби хватает Дохлого за руку и выводит его из очереди:

— Не вздумай кинуть эту чувиху, блядь. Я не хочу, чтобы ёбаная полиция повязала нас из-за нескольких соток, которые дали какой-то ёбаной студентке на каникулы. У нас одной дряни на восемнадцать ёбаных тонн.

— Ты чё, меня за идиота держишь, бля? — возмущённо огрызается Дохлый, в то же время признаваясь самому себе, что Бегби вовремя ему напомнил. Пока он зажимался с этой тёлкой, его выпученные глаза хамелеона лихорадочно пытались определить, где она ныкает деньги. Посещение кафе давало ему шанс. Однако Бегби был прав, сейчас не время для таких шалостей. «Не всегда следует доверять своим инстинктам», — размышляет Дохлый.

Он отходит от Бегби с надутым видом и возвращается в очередь к своей новой подружке.

После этого Дохлый начинает терять интерес к тёлке. Ему трудно сконцентрировать внимание на её взволнованных баснях о том, как она поедет на восемь месяцев в Испанию, а потом поступит на юридический факультет Саутхэмптонского университета. Он взял адрес отеля, в котором он останавливается в Лондоне, и с неудовольствием отметил, что это дешёвенькая гостиница на Кингс-Кросс, а не какое-нибудь жирное местечко в Уэст-Энде, где бы он с удовольствием отвис денёк-другой. Он был уверен на все сто, что трахнет эту тёлку, как только они уладят дела с Андреасом.

В конце концов, автобус въезжает в кирпичные пригороды северного Лондона. Они катятся мимо «Шотландского коттеджа», и Дохлый ностальгически смотрит в окно, думая о том, работает ли за стойкой та женщина, которую он когда-то знал. «Наверняка, нет,» — рассуждает он. Шесть месяцев за стойкой лондонской пивной — это слишком большой срок. Даже в такую рань автобусу приходится сбавить ход, когда они добираются до центра Лондона и мучительно долго петляют по дороге к автовокзалу королевы Виктории.

Они выгружаются, будто осколки разбитой фарфоровой чашки, которые высыпают из бумажного ящика. Завязывается спор о том, пойти ли им на железнодорожный вокзал, сесть на метро и проехать по ветке Виктории до парка Финсбери или же поймать мотор. Они решают, что лучше потратиться на такси, чем тащиться по всему Лондону с целой грудой порошка.

Они втискиваются в хэкнийскую тачку и рассказывают словоохотливому водиле, что приехали на сейшн «Погсов», который состоится в шатре в парке Финсбери. Концерт служит идеальным прикрытием, поскольку они все собирались туда пойти, чтобы совместить приятное с полезным, а уж потом отправиться в Париж. Такси возвращается практически той же дорогой, по которой ехал автобус и, наконец, останавливается возле отеля Андреаса, возвышающегося над парком.

Андреас, происходивший из семьи лондонских греков, унаследовал отель после смерти отца. При старике здесь в основном селились семьи, случайно оставшиеся без крова. Местные городские власти были обязаны подыскивать временное пристанище для таких людей, а поскольку парк Финсбери был разделён между тремя лондонскими районами — Хэкни, Хэрринджи и Ислингтоном, то этот бизнес процветал. Приняв на себя управление отелем, Андреас решил, что он будет приносить ещё больший доход, если превратить его в бордель для лондонских бизнесменов. И хотя Андреас так и не стал во главе этого рынка, к чему, однако, стремился, в его отеле нашли для себя тихую гавань несколько проституток. Городские шлюшки среднего пошиба восхищались его осторожностью, а также чистотой и безопасностью его заведения.

Дохлый познакомился с Андреасом благодаря одной женщине, которую они оба гипнотизировали.

Они мигом спелись и вместе провернули несколько делишек — в основном, мелкие мошенничества со страховкой и кредитными карточками. Завладев отелем, Андреас начал отдаляться от Дохлого, решив, что теперь он перешёл в высшую лигу. Однако Дохлый подкатил к нему с партией качественного героина, который ему удалось где-то раздобыть. Андреас пал жертвой опасной и вечной как мир иллюзии: он намеревался выехать за счёт негодяев, не заплатив за это ни гроша. Андреасу заплатил тем, что свёл Пита Гилберта с эдинбургским консорциумом.

Гилберт был профессионалом и уже давно занимался торговлей наркотиками. Он покупал и продавал всё подряд. Для него это был просто бизнес, и он отказывался отграничивать данный вид предпринимательской деятельности от других. Вмешательство государства в форме полиции и судов представляло собой всего лишь одну из опасностей бизнеса. Однако, учитывая колоссальные прибыли, этот риск был оправдан. Будучи классическим посредником, Гилберт, благодаря своим связям и нажитому капиталу, мог доставать наркотики, хранить их, разбодяживать и продавать менее крупным дистрибьюторам.

Гилберт сразу же распознал в этих шотландских парнях мелких жуликов, которые случайно напали на крупную жилу. Но его поразило качество их товара. Он предложил им 15.000 фунтов, готовясь поднять до 17.000. Они хотели 20.000, готовясь опустить до 18.000. Сошлись на 16.000. Гилберт наварит минимум 60.000, как только товар будет разбодяжен и распределён.

Его утомляло вести переговоры с кучкой распиздяев с обратной стороны границы. Он хотел бы иметь дело с тем человеком, который продал им товар. Если у их поставщика хватило ума впарить классный героин этой бригаде долбоёбов, значит, он ничего не смыслит в бизнесе. Гилберт мог бы показать ему настоящие деньги.

Это было не только утомительно, но и опасно. Вопреки их заверениям в обратном, он сделал для себя вывод, что эта компания конченых «джоков» *в принципе* не может вести себя осторожно. Вполне возможно, что к ним на хвост подсел какой-нибудь сыщик. По этой причине он поставил на улице машину с двумя опытными людьми, смотревшими в оба. Несмотря на все эти оговорки, он всё же решил поддержать своих новых партнёров по бизнесу. Если у кого-то хватило ума загнать им этот товар, то у него может хватить глупости сделать это ещё раз.

После заключения сделки Картошка со Вторым Призёром отправились обмывать её в Сохо. Они были типичными провинциалами, впервые приехавшими в столицу: их тянуло в этот знаменитый район, как детей тянет в магазин игрушек. Дохлый и Бегби зашли в «Сэр Джордж Роуби» сыграть партию в бильярд с двумя ирландскими парнями, которыми кишело это заведение. Старые лондонские гастролёры, они презрительно посмеивались над своим друзьям, очарованными Сохо.

— Они найдут там только каски пластмассовых полицейских, британские флаги, вывески Карнаби-стрит и дорогущее пиво, — издевательски замечает Дохлый.

— Они б могли дешевле поебаться, блядь, в отеле твоего кореша, как его, на хуй, зовут, грека этого?

— Андреас. Это им как раз меньше всего нужно, — говорит Дохлый, расставляя шары, — и этому мудаку Рентсу. Сколько раз он уже пытался слезть. Этот дебил проебал классную работу, клёвый флэт и всё такое. Думаю, теперь наши дорожки разойдутся.

— Классно, что он остался там, блядь. Кому-то ж надо сторожить ёбаную капусту. Я б не доверил этого Второму Призёру или Картошке.

— Угу, — отвечает Дохлый, думая о том, как бы отделаться от Бегби и пойти поискать женскую компанию. Он прикидывает, кому бы позвонить. А может, лучше наведаться к той блондинке с рюкзаком? Как бы то ни было, он скоро отсюда свалит.

Рентон сидит в отеле Андреаса. У него ломки, но не такие сильные, как он им внушил. Он выглядывает во внутренний садик и видит, как Андреас резвится со своей подружкой Сарой.

Он снова смотрит на «адидасовскую» сумку, доверху набитую наличными, Бегби впервые оставил её без присмотра. Он вытряхивает её содержимое на кровать. Рентон ещё никогда не видел столько денег. С трудом осознавая, что делает, он высыпает содержимое Бегбиной сумки с надписью «Хед» и запихивает его в пустой «адидасовский» бэг. Потом набивает деньгами «Хед», а сверху кладёт свою одежду.

Он мельком выглядывает из окна. Андреас запускает руку под Сарины фиолетовые трусики-бикини, а она смеётся и визжит:

— Ни нада, Андреас… ни нада…

Крепко схватив руками «хедовскую» сумку, Рентон разворачивается и крадучись удирает из номера, спускается по ступенькам и минует прихожую. Он быстро оглядывается и шагает в дверь. Если он сейчас столкнётся с Бегби, ему конец. Когда эта мысль доходит до его сознания, от страха он чуть было не падает в обморок. К счастью, на улице никого нет. Он переходит дорогу.

Он слышит поющие голоса, и у него холодеет сердце. Навстречу ему, шатаясь, идёт ватага молодых парней в футболках с надписью «Селтик», ужратых на всю голову и, очевидно, приехавших на вечерний концерт «Погс». Он в напряжении проходит мимо, хотя они не обращают на него внимания. Рентон с облегчением видит, как подходит 253-й автобус. Он запрыгивает на него, и прощай, парк Финсбери.

Рентон на автопилоте сходит в Хэкни и садится на автобус до Ливерпуль-стрит. Но набитая деньгами сумка вызывает у него паранойю и чувство неловкости. Все люди кажутся ему потенциальными громилами, готовыми выхватить у него бэг. Стоит ему увидеть чёрную кожаную куртку, похожую на Бегбину, и кровь стынет у него в жилах. Когда он едет на автобусе на Ливерпуль-стрит, он даже подумывает о том, не вернуться ли, но засовывает руку в сумку и нащупывает пачки банкнот. Прибыв на место, он заходит в отделение «Эбби Нэшнл» и кладёт на свой счёт, где уже лежит 27 фунтов 32 пенса, ещё 9.000 наличными. Кассир и глазом не моргнул. Это ж Сити, ёксель-моксель.

Когда у Рентона остаётся только 7.000, он сразу успокаивается. Он идёт на вокзал на Ливерпуль-стрит и покупает билет в Амстердам и обратно, не собираясь, однако, возвращаться. Пока поезд громыхает в Харидж, он видит, как бетон и кирпич графства Эссекс постепенно сменяются пышной зеленью. На набережной Паркстон ему приходится около часа ждать судна, которое отправляется в Голландию. Но это не беда. Торчки умеют ждать. Несколько лет назад он работал на этом пароме стюардом. Он надеется, что его никто не узнает.

На судне паранойя утихает, но она уступает место первому реальному чувству вины. Рентон думает о Дохлом и о том, через что они вместе прошли. У них бывали радости и горести, но они делили их между собой. Дохлый возместит свои убытки: он ведь прирождённый эксплуататор. Но это было предательство. Он уже представлял себе выражение лица Дохлого — скорее обиженное, чем злое. Тем не менее, они разошлись уже много лет назад. Их обоюдная вражда, которая была когда-то шуткой, игрой на публику, став своего рода ритуалом, постепенно переросла в суровую действительность. «Но это даже к лучшему,» — думает Рентон. Дохлый в известном смысле поймёт его поступок, который даже вызовет у него сдержанный восторг. Он будет злиться прежде всего на самого себя за то, что у него не хватило смелости сделать это первым.

Рентону не стоило особого труда убедить себя в том, что он оказал Второму Призёру большую услугу. Он испытал угрызения совести, когда подумал о том, что Второй Призёр тоже вложил свою долю, добытую преступными путями. Но Второй Призёр занимался саморазрушением и вряд ли заметил бы, если бы кто-то протянул ему руку помощи. Отдать ему три тонны денег — всё равно, что дать ему выпить бутылку

метилового спирта. Только это была бы более быстрая и гораздо менее болезненная смерть. Кое-кто, возможно, станет утверждать, что Второй Призёр сам сделал для себя этот выбор, но, по мнению Рентона, сама природа его болезни лишила его способности делать разумный выбор. Он усмехнулся над самим собой — наркоманом, который кинул своих лучших друзей, а теперь разглагольствует таким вот образом. Но был ли он наркоманом? Да, он опять начал колоться, но промежутки между уколами становились всё больше. Сейчас, однако, он не мог точно ответить на этот вопрос. Только время могло на него ответить.

Подлинное чувство вины Рентон испытывал только по отношению к Картошке. Он любил Картошку. Картошка никогда никого не обижал, за исключением, пожалуй, лёгких душевных страданий, которые причиняла людям его склонность освобождать содержимое их карманов, кошельков и жилищ. Но люди придают слишком много значения вещам. Они облекают предметы лишними эмоциями. Картошку нельзя винить в том, что общество проповедует материализм и потребительский фетишизм. Картошке ни в чём не везло. Мир насрал на него, а теперь и его лучший друг сделал то же самое. Если бы Рентон и возместил кому-то убытки, то разве что Картошке.

Оставался Бегби. К этому мудаку он не испытывал ни малейшего сочувствия. Псих, который брал с собой заточенные вязальные спицы, когда шёл на разборку с каким-нибудь беднягой. «Больше шансов проткнуть грудную клетку, чем ножом», — хвастал он. Рентон припомнил, как однажды в «Вайне» Бегби ни за что ни про что ударил пивной кружкой Роя Снеддона. Просто у Бегби был бодун, и ему не понравился голос этого парня. Это было мерзко, отвратительно и бессмысленно. Но ещё отвратительнее самого этого поступка был сговор, в который вступили все они, включая Рентона, и вымышленные рассказы, которые они придумывали, для того чтобы его оправдать. Это был один из способов укрепить статус Бегби как чувака, которого лучше не трогать, и опосредованно, благодаря их дружбе с ним — укрепить свой собственный статус. Он понял, что это было крайней нравственной низостью. После такого кинуть Бегби было не преступлением, а почти что благодеянием.

По странной иронии судьбы, причиной всему послужил сам Бегби. По его понятиям, кинуть своих корешей было тягчайшим преступлением, за которое он потребовал бы самого сурового наказания. Рентон использовал Бегби, с его помощью он сжёг свои корабли полностью и без остатка. Именно из-за Бегби он никогда бы не смог вернуться. Он совершил то, что давно хотел совершить. Теперь он никогда не смог бы возвратиться в Лейт, в Эдинбург, вообще в Шотландию, никогда в жизни. Там он никогда не смог бы стать кем-нибудь другим. Теперь, когда он навсегда освободился от них всех, он мог стать тем, кем хотел стать. В одиночку он выстоит либо погибнет. Эта мысль пугала и одновременно радовала его, когда он думал о жизни в Амстердаме.

Примечания

1. Лейт — порт Эдинбурга, «злачный» район.

2. От англ. *swan* , «лебедь».

3. Пьеса (1948) Бертольта Брехта (1898-1956).

4. Кинофильмы этой категории рекомендуются для семейного просмотра.

5. Район Лондона.

6. Прозвище шотландского солдата.

7. Прозвище уроженцев Глазго.